

Николай Васильевич Гоголь

Письма 1846-1847 годов

Содержание

- А. П. ТОЛСТОМУ Рим. 2 генваря <н. ст.> 1846 0022
Ю. Ф. САМАРИНУ Рим. 3 генваря <н. ст.> 1846 . . . .
0027
- С. М. СОЛЛОГУБ Генваря 3 <н. ст.> 1846. Рим .0031
В. А. СОЛЛОГУБУ <3 января н. ст. 1846. Рим.> 0033
А. П. ТОЛСТОМУ Рим. Генваря 8 <н. ст. 1846> 0035
Н. М. ЯЗЫКОВУ Генвар<я> 8 <н. ст. 1846>. Рим . . . .
0038
- А. О. СМИРНОВОЙ <27 января н. ст. 1846. Рим.> . . .
0042
- В. А. ЖУКОВСКОМУ 1846. Февраль 6 <н. ст.>. Рим . .
0054
- П. А. ПЛЕТНЕВУ Рим. 20/8 февр<аля> 1846 . . . 0058
И. М. ЯЗЫКОВУ Рим. Февраля 26 <н. ст. 1846> . . . . .
0063
- А. О. СМИРНОВОЙ Рим. Марта 4/Февраля 20 1846
. 0066
- В. А. ЖУКОВСКОМУ Рим 16 марта <н. ст.> 1846 . . . .
0071
- П. А. ПЛЕТНЕВУ 20 марта <н. ст. 1846>. Рим . 0075
С. Т. АКСАКОВУ 1846. Рим. 23 март<а н. ст.> . 0078
Н. М. ЯЗЫКОВУ Март 24 <н. ст. 1846>. Рим . . 0081
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ <Около 24 марта н. ст. 1846.
Рим.> 0084
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ <5 апреля н. ст. 1846. Рим.> . .

0086

А. П. ТОЛСТОМУ <18 апреля н. ст. 1846. Рим.> . . . . .

0087

Л. К. и А. М. ВЬЕЛЬГОРСКИМ и С. М. СОЛЛОГУБ
<7/19 апреля 1846. Рим.> 0089

Н. М. ЯЗЫКОВУ Апрель <я> 22 <21 н. ст. 1846. Рим>
. 0093

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ <21 или 22 апреля н. ст.
1846. Рим.> 0097

М. И. ГОГОЛЬ Апрель 23/11 <1846. Рим.> 0100

М. И., А. В., Е. В. и О. В. ГОГОЛЬ <1 мая н. ст. 1846.
Рим.> 0104

Н. М. ЯЗЫКОВУ Мая 5 <н. ст. 1846. Рим> 0115

С. Т. АКСАКОВУ Мая 5 <н. ст. 1846. Рим> 0119

П. А. ПЛЕТНЕВУ <5 мая н. ст. 1846. Рим.> 0121

А. А. ТЕПЛОВУ <Зима 1845/46 г. — начало мая н.
ст. 1846 г. Рим.> 0123

В. А. ЖУКОВСКОМУ Мая 10 <н. ст. 1846>
Флоренция 0124

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ Генуя. Мая 14 <н. ст. 1846> . . .
0127

А. О. СМИРНОВОЙ Прага. Июня 6 <н. ст. 1846> . . . . .
0131

А. П. ТОЛСТОМУ Фрейвалдау. Июнь — не помню
числа <18 июня н. ст. 1846> 0160

В. А. ЖУКОВСКОМУ 27 июня <н. ст. 1846>.
Freiwaldau 0164

А. О. СМИРНОВОЙ Карлсбад. Июля 4 <н. ст. 1846>

.....	0166
П. А. ПЛЕТНЕВУ Карлсбад. Июля 4 <н. ст.>. 1846 . . .	
0169	
А. О. РОССЕТУ Карлсб<ад>. 6 июля <н. ст. 1846>	
0172	
Ю. Ф. САМАРИНУ <Начало июля н. ст. 1846.>	0174
П. А. ПЛЕТНЕВУ Июля 20 <н. ст. 1846>. Швальбах	
.....	0177
Н. М. ЯЗЫКОВУ Швальбах. Июль 22 <21 н. ст.	
1846>	0182
С. П. ШЕВЫРЕВУ Июля 26 <н. ст. 1846>. Швальбах	
.....	0185
П. А. ПЛЕТНЕВУ Июля 30 <н. ст. 1846>. Швальбах	
.....	0188
А. В. НИКИТЕНКО Эмс. Август 1/Июль 21<20>	
<1846>	0191
А. П. ТОЛСТОМУ Остенде, август 6 <н ст. 1846>	
0193	
М. И. ГОГОЛЬ Ostend<e>. Августа 10 <н. ст. 1846> . .	
0195	
В. А. ЖУКОВСКОМУ Остенде. Августа 10 <н. ст.	
1846>	0198
В. А. ЖУКОВСКОМУ Ост<енде>. Августа 25 <н. ст.	
1846>	0201
П. А. ПЛЕТНЕВУ Остенде. 25 августа <н. ст. 1846> . .	
0203	
Ю. Ф. САМАРИНУ <20-ые числа августа н. ст. 1846.	
Остенде.>	0206

М. П. ПОГОДИНУ Сентября 10 <н. ст. 1846>. Остенде	0209
М. П. ПОГОДИНУ <10 сентября н. ст. 1846. Остенде.>	0213
В. А. ЖУКОВСКОМУ Остенде. Сентября 12 <н. ст. 1846>	0214
П. А. ПЛЕТНЕВУ Сентября 12 нов. ст. <1846>. Остенде	0215
П. А. ПЛЕТНЕВУ Остенде. Сентябр<я> 26 <н. ст. 1846>	0216
С. П. ШЕВЫРЕВУ Остенде. 26 сентября <н. ст. 1846>	0217
П. А. ПЛЕТНЕВУ Франкфурт. 3 октябр<я> нового стиля <1846>	0219
С. П. ШЕВЫРЕВУ Франкфурт, 5 октября <н. ст. 1846>	0222
Н. М. ЯЗЫКОВУ Франкфурт. Октябр<я> 5 <н. ст. 1846>	0225
А. О. СМИРНОВОЙ Франкфурт. Октября 8 <н. ст. 1846>	0229
А. О. СМИРНОВОЙ <Франкфурт. 15 октября н. ст. 1846.>	0231
П. А. ПЛЕТНЕВУ Окт<ября> 16 <н. ст. 1846>. Франк<фурт>	0233
В. А. ЖУКОВСКОМУ <Франкфурт. 8/20 октября 1846.>	0237
П. А. ПЛЕТНЕВУ Франкфурт. 20 октя<бря н. ст. 1846>	0238

Л. К. и А. М. ВЪЕЛЬГОРСКИМ и С. М. СОЛЛОГУБ Франкфурт. [Баден] 1846. Октябр<я> 22 <н. ст.>	
0246	
С. П. ШЕВЫРЕВУ Стразбург, окт<ября> 24 <н. ст.1846>	0248
М. С. ЩЕПКИНУ <24 октября н. ст. 1846. Страсбург.>	0250
А. М. ВЪЕЛЬГОРСКОЙ Ноябрь 2 <н. ст. 1846. Ницца>	0258
П. А ПЛЕТНЕВУ Ницца. Ноябрь 2 <н. ст.> 1846	0264
М. С. ЩЕПКИНУ <2 ноября н. ст. 1846. Ницца.>	0272
И. И. СОСНИЦКОМУ 2 ноябрь <н. ст.> 1846. <Ницца>	0274
С. П. ШЕВЫРЕВУ Ницца. 2 ноябр<я> <н. ст. 1846> . . .	0280
А. А. ИВАНОВУ Флоренция. 7 ноября <н. ст. 1846>	0285
Н. М. ЯЗЫКОВУ Ноябрь<я> 8 <н. ст. 1846>. Флоренция	0288
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ Ноября 8 <н. ст. 1846. Флоренция>	0290
А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ 8 ноябр<я н. ст. 1846>. Флоренция	0294
А. О. РОССЕТУ 1846, ноября 9 <н. ст.>. Флоренция	0296
А. О. СМИРНОВОЙ Ноября 9 <н. ст.>. Флоренция <1846>.	0299

М. И. ГОГОЛЬ Рим. Ноября 14 <н. ст. 1846> . . .	0301
С. Т. АКСАКОВУ <Середина ноября н. ст. 1846. Рим.>	0307
М. И. ГОГОЛЬ Неаполь. Ноября 19 <н. ст.> 1846 . . .	0309
В. А. ЖУКОВСКОМУ Неаполь. Ноября 24 <н. ст. 1846>	0314
А. О. СМИРНОВОЙ Неаполь. Ноября 24 <н. ст. 1846>	0319
А. П. ТОЛСТОМУ Неаполь. Ноября 24 <н. ст. 1846>	0323
М. П. ПОГОДИНУ <Осень 1846 г.>	0327
С. П. ШЕВЫРЕВУ Неаполь. Декабря 1 <н. ст. 1846>	0329
П. А. ПЛЕТНЕВУ Неаполь. Декабря 4 <н. ст. 1846>	0331
А. М. ВЪЕЛЬГОРСКОЙ Неаполь. Декабрь 8 <н. ст. 1846>	0333
П. А. ПЛЕТНЕВУ Неаполь. Декабрь 8 <н. ст. 1846>	0336
С. П. ШЕВЫРЕВУ Декабря 8 <н. ст. 1846>. Неаполь	0339
А. О. РОССЕТУ Неаполь. Декабрь 10 <н. ст. 1846>	0343
А. А. ИВАНОВУ Неаполь. Дек<абря> 12 <н. ст. 1846>	0346
П. А. ПЛЕТНЕВУ Неаполь. 1846. Декабр<я> 12 <н. ст.>	0350

М. С. ЩЕПКИНУ Декабря 16 <н ст. 1846>.	Неаполь	0357
Н. М. ЯЗЫКОВУ Декабрь 16 <н. ст. 1846>.	Неаполь	0361
А. А. ИВАНОВУ <19 декабря н. ст. 1846. Неаполь.>		0364
П. А. ПЛЕТНЕВУ Неаполь. 1847 г., генв<аря> 5, нов.	ст.	0366
А. А. ИВАНОВУ Неаполь. Канун Нового	рус<ского> года <31 декабря 1846>	0385
П. А. ПЛЕТНЕВУ 1847. Неаполь. 15 генв<аря> н. с.		0386
А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ <16 января н. ст. 1843.	Неаполь>	0390
Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ Неаполь. 1847. Генварь 16	<н. ст.>	0393
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ <Середина января н. ст. 1847.	Неаполь.>	0398
О. В. ГОГОЛЬ Неаполь. Генваря 20 <н. ст. 1847>		0402
С. Т. АКСАКОВУ Неаполь. 1847. Генвар<я> 20	нов<ого> стиля	0414
С. П. ШЕВЫРЕВУ Неаполь. 1847. Генв<аря> 20 <н.	ст.>	0419
Н. М. ЯЗЫКОВУ Неаполь. Генваря 20 <н. ст. 1847>		0426
Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ 1847. Неаполь. Генварь 25	<н. ст.>	0428

М. И. ГОГОЛЬ 1847 г., генваря 25 <н. ст.>. Неаполь	0431
М. И. ГОГОЛЬ Неаполь. Января 25 <н. ст. 1847> . . .	0434
В. А. ЖУКОВСКОМУ Неаполь. 25 генваря <н. ст. 1847>	0443
А. О. СМИРНОВОЙ Неаполь. Января 30 <н. ст. 1847>	0444
А. А. ИВАНОВУ Неаполь. Февраля 4 <н ст. 1847> . . .	0446
А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ Февраль 6 <н. ст. 1847>. Неаполь	0453
П. А. ПЛЕТНЕВУ Неаполь. Февра<ля> 6 <н. ст. 1847>	0457
А. П. ТОЛСТОМУ 1847. Неаполь. Февраль 6 <н. ст.>	0463
В. А. ЖУКОВСКОМУ Неаполь. Февр<аля> 10 <н. ст. 1847>	0467
А. О. РОССЕТУ Неаполь Февраль 11 <н. ст. 1847> . . .	0470
П. А. ПЛЕТНЕВУ Неаполь. Февраль 11 <н. ст. 1847>	0477
С. П. ШЕВЫРЕВУ Неаполь. Февраль 11 <н. ст. 1847>	0480
М. П. ПОГОДИНУ <Около 11 февраля н. ст. 1847. Неаполь.>	0489
М. И. ГОГОЛЬ Неаполь. Февраль 16 <н. ст.> 1847 . . .	0491

А. О. СМИРНОВОЙ Февраля 22 <н. ст. 1847>. Неаполь	0500
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ Февраля 28 <н. ст. 1847. Неаполь>	0510
А. О. РОССЕТУ Февраля 28 <н ст. 1847>. Неаполь . . 0515	
М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ <Январь-февраль н. ст. 1847 г. Неаполь.>	0520
В. А. ЖУКОВСКОМУ <Неаполь. 4 марта н. ст. 1847.>	0522
М. П. ПОГОДИНУ Марта 4 <н. ст. 1847>. Неаполь . . . 0527	
С. П. ШЕВЫРЕВУ Марта 4 <н. ст. 1847>. Неаполь . . . 0533	
О. В. ГОГОЛЬ <Около 4 марта н. ст. 1847. Неаполь.>	0539
С. Т. АКСАКОВУ 6 марта <н. ст. 1847>. Неаполь 0542	
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ <6 марта н. ст. 1847. Неаполь.>	0547
В. А. ЖУКОВСКОМУ Неаполь. 6 марта <н. ст. 1847>	0549
П. А. ПЛЕТНЕВУ <6 марта н. ст. 1847. Неаполь.> 0553	
П. Я. УБРИ <8 марта н. ст. 1847. Неаполь.> . . .	0563
С. П. ШЕВЫРЕВУ Март<а> 10 <н. ст. 1847>. Неаполь	0565
Д. К. МАЛИНОВСКОМУ <Около 10 марта н. ст.	

1847. Неаполь.>	0573
В. А. ЖУКОВСКОМУ 12 марта <н. ст. 1847>.	
Неаполь	0575
А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ 16 март <н. ст. 1847>.	
Неаполь	0579
В. Ф. ОДОЕВСКОМУ 16 март <н. ст. 1847>. Неаполь	
. . . . .	0585
С. М. СОЛЛОГУБ 16 марта <н. ст. 1847. Неаполь>	
0588	
В. А. СОЛЛОГУБУ <16 марта н. ст. 1847. Неаполь.>	
. . . . .	0590
А. С. и У. Г. ДАНИЛЕВСКИМ Неаполь. Марта 18 <н. ст.>, 1847	0592
В. В. ЛЬВОВУ Неаполь 1847. Марта 20 <н. ст.>	
0598	
А. А. ИВАНОВУ <25 марта н. ст. 1847. Неаполь.>	
0603	
Ф. В. ЧИЖОВУ Неаполь. 25 марта <н. ст. 1847>	
0606	
М. Ю. ВЬЕЛЬГОРСКОМУ Марта 27 <н. ст. 1847>.	
Неаполь	0608
П. А ПЛЕТНЕВУ Марта 27 <н. ст. 1847>. Неаполь	
0611	
С. Н. МОЛЧАНОВОЙ <Февраль-март н. ст. 1847 г. Неаполь.>	
. . . . .	0616
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ <20 марта/1 апреля 1847. Неаполь.>	
. . . . .	0617
М. И. ГОГОЛЬ <6 апреля н. ст. 1847. Неаполь.>	

0623

Е. В. ГОГОЛЬ <6 апреля н. ст. 1847. Неаполь.> 0626

А. О. РОССЕТУ Неаполь. Апреля 15 <н. ст. 1847> . . .

0633

В. А. ЖУКОВСКОМУ Неаполь. 17 апреля <н. ст. 1847> 0642

Г. РЕЙТЕРНУ <17 апреля н. ст. 1847. Неаполь.> . . . . .

0644

П. А. ПЛЕТНЕВУ Апреля 17 <н. ст. 1847. Неаполь> 0646

А. О. СМИРНОВОЙ Апреля 20 <н. ст. 1847>.

Неаполь 0650

А. А. ИВАНОВУ Неаполь. Апреля 22 <н. ст. 1847> . . . . .

0656

А. А. ИВАНОВУ 22 апреля <н. ст. 1847. Неаполь> . . . . .

0658

А. О. РОССЕТУ Апреля 24 <н. ст. 1847. Неаполь> . . . . .

0660

С. П. ШЕВЫРЕВУ Апреля 27 <н. ст. 1847>. Неаполь 0662

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Неаполь. Апрель<я> 28 <н. ст. 1847> 0670

Ф. А. МОЛЛЕРУ <?> 29 апреля <н. ст. 1847.

Неаполь> 0673

М. П. ПОГОДИНУ Апреля 30 <н. ст. 1847>.

Неап<оль> 0676

А. М. ПОГОДИНОЙ <30 апреля н. ст. 1847.

Неаполь.> 0678

- А. А. ИВАНОВУ <Конец апреля н. ст. 1847.
Неаполь.> 0679
- М. И. ГОГОЛЬ Неаполь. Мая 3 нов. стиля <1847> . . .
0680
- А. А. ИВАНОВУ <6 мая н. ст. 1847. Неаполь.> . 0685
- М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ Неаполь. 9 мая <н.
ст. 1847> 0686
- П. А. ПЛЕТНЕВУ Неаполь. Мая 9 <н. ст. 1847> 0698
- Ф. Ф. ВИГЕЛЮ <Около 9 мая н. ст. 1847. Неаполь.>
. 0703
- А. О. СМИРНОВОЙ Май 10 <н. ст. 1847>. Неаполь . .
0706
- А. П. ТОЛСТОМУ <Около 10 мая н. ст. 1847.
Неаполь.> 0709
- С. А. СОБОЛЕВСКОМУ <Май, до 13-го н. ст. 1847.
Неаполь.> 0711
- А. С. и У. Г. ДАНИЛЕВСКИМ Флоренция. Маия 18
<н. ст. 1847> 0712
- А. О. СМИРНОВОЙ Генуя 20 мая <н. ст. 1847> 0714
- С. П. ШЕВЫРЕВУ Марсель. 25 мая <н. ст. 1847> . . . .
0720
- М. П. ПОГОДИНУ <1 июня н. ст. 1847. Париж.> . . . .
0726
- П. А. ПЛЕТНЕВУ 10 июня <н. ст. 1847>.
Франкф<урт> 0732
- П. А. ВЯЗЕМСКОМУ Франкфурт. Июня 11 <н. ст.
1847> 0737
- Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ Франкфурт. Июня 20 <н. ст.

1847>	0742
В. Г. БЕЛИНСКОМУ <Около 20 июня н. ст. 1847. Франкфурт.>	0749
А. О. СМИРНОВОЙ Франкфурт. Июня 20 <н. ст. 1847>	0754
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ Июнь 20 <н. ст. 1847>. Франкфурт	0761
А. П. ТОЛСТОМУ Франкфурт. Июнь 22 <н. ст. 1847>	0764
М. И. ГОГОЛЬ Франк<фурт>. Июль 7 <н. ст. 1847> . 0766	
С. П. ШЕВЫРЕВУ Франкфурт. 7 июля <н. ст. 1847>	0769
А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ Франк<фурт>. Июль 8 <н. ст. 1847>	0771
М. П. ПОГОДИНУ Франкфурт. 8 июля <н. ст. 1847>	0774
АРХИЕПИСКОПУ ИННОКЕНТИЮ <Около 8 июля н. ст. 1847. Франкфурт.>	0789
А. О. СМИРНОВОЙ Июль 8 <н. ст. 1847>. Франкфурт	0794
П. А. ПЛЕТНЕВУ Франкфурт. Июль 10 <н. ст. 1347>	0796
С. Т. АКСАКОВУ Франкфурт. Июнь <июль> 10 <н. ст. 1847>	0798
М. С. ЩЕПКИНУ <Около 10 июля н. ст. 1847. Франкфурт.>	0802
А. А. ИВАНОВУ Остенде. Июль 24 <н. ст. 1847>	

0805

С. М. СОЛЛОГУБ Остенде. 26 июля <н. ст. 1847> . . .

0808

А. П. ТОЛСТОМУ Июль 28 <27 н. ст. 1847. Остенде>

. 0811

С. П. ШЕВЫРЕВУ <Июль н. ст. 1847. Франкфурт
или Остенде.> 0814

Д. К. МАЛИНОВСКОМУ <Июль н. ст. 1847.
Франкфурт или Остенде.> 0816

А. П. ТОЛСТОМУ Остенде. Август 2 <н. ст. 1847> . . .

0818

А. П. ТОЛСТОМУ <6 августа н. ст. 1847. Остенде.> . .

0823

Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ Остенде. 8 августа <н. ст.
1847> 0825

А. П. ТОЛСТОМУ 8 августа <н. ст. 1847. Остенде> . . .

0828

В. Г. БЕЛИНСКОМУ Остенде. 10 августа <н. ст.
1847> 0832

П. В. АННЕНКОВУ Остенде. Августа 12 <н. ст.
1847> 0836

Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ Остенде. 1847. Августа 14 <н.
ст.> 0843

А. П. ТОЛСТОМУ Остенде <е>. Август 14 <н. ст. 1847>
. 0846

А. П. ТОЛСТОМУ <Около 14 августа н. ст. 1847.
Остенде.> 0848

А. П. ТОЛСТОМУ Остенде. Август 21 <н. ст. 1847> . . .

0853

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ <24 августа н. ст. 1847.

Остенде.> 0855

П. А. ПЛЕТНЕВУ Остенде. Августа 24 <н. ст. 1847>

. 0857

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ <Середина августа ст. ст.

1847. Остенде.> 0862

С. П. ШЕВЫРЕВУ Остенде. 28 августа <н. ст. 1847>

. 0863

С. Т. АКСАКОВУ Остенде. Август 28 <н. ст. 1847> . . .

0865

П. В. АННЕНКОВУ Остенде. Августа <31 н. ст.

1847> 0874

М. П. ПОГОДИНУ Остенде. Август <31 н. ст. 1847>

. 0879

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ <Август н. ст. 1847>. Остенде

. 0883

П. В. АННЕНКОВУ Остенде. Сентябрь 7- <н. ст.

1847> 0886

С. П. ШЕВЫРЕВУ Остенде. Сентября 8 <н. ст. 1847>

. 0894

А. П. ТОЛСТОМУ Остенде. 10 сентября <н. ст. 1847>

. 0897

П. В. АННЕНКОВУ Остенде. 20 сентября <н. ст.

1847> 0899

М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ Остенде. 24

сентября <н. ст. 1847> 0905

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ Ноября 20 <н. ст. 1847>.

Неаполь	0912
А. О. РОССЕТУ Неаполь. Ноябрь 20 <н. ст. 1847>	0916
А. О. СМИРНОВОЙ Ноябрь 20 <н ст. 1847>.	
Неаполь	0919
С. П. ШЕВЫРЕВУ Неаполь. Декабря 2 <н. ст. 1847>	0923
А. А. ИВАНОВУ Декабрь 5 <н. ст. 1847>. Неаполь	0930
М. П. ПОГОДИНУ Декабря 7 <н. ст. 1847>. Неаполь	0932
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ <Конец ноября—начало декабря н. ст. 1847>. Неаполь	0936
М. И. ГОГОЛЬ Неаполь. Декабрь [фев<раль>] 12 <н. ст. 1847>	0939
А. В. ГОГОЛЬ <Около 12 декабря н. ст. 1847. Неаполь.>	0941
М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ Неаполь. Декабря 12 <н. ст. 1847>	0944
П. А. ПЛЕТНЕВУ Неаполь. Декабря 12 <н. ст. 1847>	0946
А. А. ИВАНОВУ Неаполь. Декабр<я> 14 <н. ст. 1847>	0949
А. В. ГОГОЛЬ <Между 12 и 18 декабря н. ст. 1847. Неаполь.>	0952
С. П. ШЕВЫРЕВУ Декабря 18 <н. ст. 1847>. Неаполь	0958
С. Т. АКСАКОВУ <18 декабря н. ст. 1847. Неаполь.>	

.....	0967
О. В. ГОГОЛЬ <18 декабря н. ст. 1847. Неаполь.> ...	
0971	
А. А. ИВАНОВУ Неаполь. Декабр<я> 28 <н. ст. 1847>	0973
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ <Конец декабря н. ст. 1847. Неаполь.>	0978
Т. Ф. СЕРЕДИНСКОМУ <Зима 1846–1847 или 1847–1848 гг. Неаполь.>	0980
П. В. АННЕНКОВУ Остенде. Августа 12 <н. ст. 1847>	0981
Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ Остенде. 1847. Августа 14 <н. ст.>	0988
А. П. ТОЛСТОМУ Остенд<е>. Август 14 <н. ст. 1847>	0991
А. П. ТОЛСТОМУ <Около 14 августа н. ст. 1847. Остенде.>	0993
А. П. ТОЛСТОМУ Остенде. Август 21 <н ст. 1847> ...	0998
А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ <24 августа н. ст. 1847. Остенде.>	1000
П. А. ПЛЕТНЕВУ Остенде. Августа 24 <н. ст. 1847>	1002
Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ <Середина августа ст. ст. 1847. Остенде.>	1007
С. П. ШЕВЫРЕВУ Остенде. 28 августа <н. ст. 1847>	1008
С. Т. АКСаКОВУ Остенде. Август 28 <н. ст. 1847> ...	

- П. В. АННЕНКОВУ Остенде. Августа <31 н. ст. 1847> 1019
- М. П. ПОГОДИНУ Остенде. Август <31 н. ст. 1847> 1024
- Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ <Август н. ст. 1847>. Остенде 1028
- П. В. АННЕНКОВУ Остенде. Сентябрь 7- <н. ст. 1847> 1031
- С. П. ШЕВЫРЕВУ Остенде. Сентября 8 <н. ст. 1847> 1039
- А. П. ТОЛСТОМУ Остенде. 10 сентября <н. ст. 1847> 1042
- П. В. АННЕНКОВУ Остенде. 20 сентября <н. ст. 1847> 1044
- М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ Остенде. 24 сентября <н. ст. 1847> 1050
- А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ Ноября 20 <н. ст. 1847>. Неаполь 1057
- А. О. РОССЕТУ Неаполь. Ноябрь 20 <н. ст. 1847> . . . 1061
- А. О. СМИРНОВОЙ Ноября 20 <н ст. 1847>. Неаполь 1064
- С. П. ШЕВЫРЕВУ Неаполь. Декабря 2 <н. ст. 1847> 1068
- А. А. ИВАНОВУ Декабрь 5 <н. ст. 1847>. Неаполь . . . 1075
- М. П. ПОГОДИНУ Декабря 7 <н. ст. 1847>. Неаполь

.....	1077
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ <Конец ноября—начало декабря н. ст. 1847>. Неаполь.....	1081
М. И. ГОГОЛЬ Неаполь. Декабрь [фев<раль>] 12 <н. ст. 1847>.....	1084
А. В. ГОГОЛЬ <Около 12 декабря н. ст. 1847. Неаполь.>.....	1086
М. А. КОНСТАНТИНОВСКОМУ Неаполь. Декабря 12 <н. ст. 1847>.....	1089
П. А. ПЛЕТНЕВУ Неаполь. Декабря 12 <н. ст. 1847>.....	1091
А. А. ИВАНОВУ Неаполь. Декабр<я> 14 <н. ст. 1847>.....	1094
А. В. ГОГОЛЬ <Между 12 и 18 декабря н. ст. 1847. Неаполь.>.....	1097
С. П. ШЕВЫРЕВУ Декабря 18 <н. ст. 1847>. Неаполь.....	1103
С. Т. АКСАКОВУ <18 декабря н. ст. 1847. Неаполь.>.....	1112
О. В. ГОГОЛЬ <18 декабря н. ст. 1847. Неаполь.> . . .	1116
А. А. ИВАНОВУ Неаполь. Декабр<я> 28 <н. ст. 1847>.....	1118
Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ <Конец декабря н. ст. 1847. Неаполь.>.....	1123
Т. Ф. СЕРЕДИНСКОМУ <Зима 1846–1847 или 1847–1848 гг. Неаполь.>.....	1125

Николай Васильевич Гоголь

ПИСЬМА 1846–1847 ГОДОВ

А. П. ТОЛСТОМУ

Рим. 2 генваря <н. ст.> 1846

Меня также тронуло много ваше письмо: в нем столько участия и доброты! Что сказать вам о моем здоровье? Велик бог, посылающий нам всё! — это должны мы говорить ежеминутно. Вот вам мое нынешнее состояние: я забну теперь до такой степени, что ни огонь, ни движение, ни ходьба меня не согревают. Мне нужно много бегать, чтобы сколько-нибудь согреть кровь, но этого теперь нельзя, потому что совсем ослабели и ноги, и силы, жилы болят и пухнут. При этом начались запоры и прекращение всяких отравлений. Но благодарю милосердного бога, что, несмотря на невыносимо-болезненное чувство, [невыносимое чувство] которое слышит всё мое тело, находящееся вечно в лихорадочном [в этом лихорадочном] состоянии, ни хандра, ни скорбь еще не находили на меня. Я худею, вяну и слабею и с тем вместе слышу, что есть что-то во мне, которое по одному мановению высшей воли выбросит из меня

недуги все вдруг, хотя бы и смерть летала надо мной. Да будет же во всем святая воля над нами создавшего нас, да обратится в нас всё на вечную хвалу ему: и болезни, и недуги, и всё существованье наше да обратится в неумолкаемую песнь ему! Благодарю вас много и много, добрейший мой Александр Петрович, за ваши молитвы обо мне, поблагодарите также и графиню. Ваши молитвы, именно [особенно] ваши, мне нужны. Сердце мое говорит мне, что вы так обо мне помолитесь, как никогда еще ни о ком не молились, и низведут ваши молитвы благодать [утешение] и милость бога обоюдно и на меня, и в вашу собственную душу. Бог весь милость и чуден в милостях своих. О государе вам мало скажу. Я его видел раза два-три мельком. Его наружность была прекрасна, и ею он произвел впечатление большое в римлянах. Его повсюду в народе называли просто Imperatore, без прибавления: di Russia, так что иностранец мог подумать, что это был законный государь здешней земли. О чем был разговор с папой, это, разумеется, [без сомнения] неизвестно, хотя, впрочем, следствия, вероятно, будут те,

каких и ждали, то есть умягчение мер относительно к католикам. Донесения гонимой унитатки оказались ложью, и она созналась, что была уже подучена потом вне России польской партией. К художествам и к искусствам государь был благосклонен. [милостив] Показал вкус в выборах и в заказах и даже в том, что заказал немного. Помощь, оказанная бедным, тоже сделана с рассмотрением. Бог да спасет его и да внушит ему всё, что ему нужно, что нужно истинно для доставления счастья его подданным! [В подлиннике: потданным; далее не отмечается.] Если он молится и если молится так сильно и искренно, как он действительно молится, то, верно, бог внушит ему весь ход и надлежащий закон действий. «Сердце царя в руке божией», — говорит нам божий же глагол. И если медлит когда исходить [И если все медлит исходить] от царя всем очевидное благо, то, верно, так нужно; верно, мы стоим того за грехи наши, верно, далеко недостойны еще. Помолимся же вновь, добрый друг мой Александр Петрович, о том, да преклонится бог на милость ко всем нам, да снимет законный и праведный

гнев свой на всё поколение наше и всё простит нам, показав, что нет на свете грехов, которые в силах бы были пересилить его милосердие. Обнимаю вас, а также и графиню. Прощайте. Напишите о себе и о здоровье. Не смущайтесь никакими препираньями о церквях и тем, что совершается в мире. Время теперь молиться, а не препираться. Одной молитвы от всего сокрушенного сердца нашего требует бог, слез и воздыханья от самой глубины души нашей.

Весь ваш Г.

О гр<афах> Вьельгорских могу вам сообщить только то, что они, слава богу, все и здоровы, и довольны, в хорошем состоянии душевном. Лорнетку для вашего брата мне обещал Мих<аил> Мих<айлович> отправить в Варшаву, но исполнил ли или позабыл — не знаю. Советую вам написать к нему, тем более, что вы должны спросить о цене и что ему должны за нее.

Поздравляю вас с наступившим здешним

НОВЫМ ГОДОМ и преддверием наступающего
нашего нового года. Да обратит его бог нам
всем в великое благо.

На обороте: Paris. Son excellence monsieur
le comte Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, № 9. (Hôtel
Westminster).

Ю. Ф. САМАРИНУ

Рим. 3 генваря <н. ст.> 1846

Я всё ожидал от вас письма, которое вы, по словам Ал<ександры> Осиповны, собирались писать ко мне, но, видя, что этого письма от вас мне не дожидаться, пишу сам. Пишу наугад (темы для письма вы мне не дали). Во-первых, я рад, что сошлись с Алек<сандрой> Осиповной. Вы — человек молодой, это первая женщина, которая заговорила с вами языком души, и потому весьма естественно, что вы почувствовали к ней, может быть, даже расположение сильнее, чем дружественное. [сильней обыкновенных] Так и должно быть (говорю всё это наугад). Но чувство это обратится для вас в святое, сохранит и сбережет вас на всю жизнь. Вы были ненадежны, и странно, что это говорил всяк, в первый раз вас видевший. Почти всяк был уверен, что все прекрасные чувства, вас одушевлявшие, [В подлиннике: отдушевлявшие; далее не отмечается.] будут в вас недолговременны и что вы непременно изменитесь в свете; почти то

же думал и я. Но теперь я за вас не боюсь, вы спасены; спасла вас сестра и любовь во Христе, которую вы отныне будете к ней питать и которую будете питать потом ко всем. Вы в свете. Вы можете много сделать для света. Свет, среди которого вы теперь, не развратен в своем корне и существе, но развратен от тоски и скуки, болезненно-вял и от нечего делать пуст и глуп. Будьте везде и повсюду. Будьте веселы, живы, умны, занимательны для всех и простодушно-добры ко всем. Больше всего обратите вниманье на женскую половину: там скорей, живей и лучше сеются и принимаются семена. Старайтесь, чтобы после всякого разговора с вами каждая становилась добрей [умней] душой и, хотя на сколько-нибудь, лучше, чем была до вашего разговора. Им еще много можно сказать тех вещей, над которыми мужская половина уже смеется. Будьте или, по крайней мере, старайтесь быть постоянно интересны и занимательны для мужчин. Не говорите им о тех вещах, над которыми они уже смеются. Не старайтесь блеснуть перед ними чистотой каких-нибудь нравственных начал и прекрасных, глубоких

истин души; напротив, скрывайте даже их в себе при них. Но старайтесь, вместо всего, более узнать природу каждого из них, старайтесь заметить и открыть во всяком именно ту способность, которая в нем создана быть главною и находится в дремлющем состоянии; укажите ему на нее. Возвысьте перед ним его же достоинство и попрекните его, зачем он пренебрег и оплевал его; [зачем он не достоин себя] старайтесь его навести только на деятельность и труд, именно тот, для которого [к которому] у него таятся сокровенные силы, и он будет спасен и будет признателен вам, как брат, и будет доступен потом ко всему прекрасному, какое [что] вы захотели бы потом внушить ему и к какому он не доступен еще теперь. Вот всё, что я могу вам теперь сказать в моем [при моем] болезненном и бессильном состоянии и притом наугад, еще не зная ваших душевных обстоятельств. Дайте мне ответ на это письмо и напишите мне всё, что бы хотела сказать душа ваша родному брату в смысле душевном. Тогда, может быть, бог поможет мне точно быть чем-нибудь вам полезным.

Любящий вас искренно и всею душою

Гоголь.

Напишите мне ваш адрес: ваше имя я знаю, но отчества не знаю, присовокупите также и его. Мой же адрес: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

На обороте: Самарину от Гоголя.

С. М. СОЛЛОГУБ
Генваря 3 <н. ст.> 1846. Рим

Благодарю вас за ваше письмецо, по обыкновению всегда для меня очень милое и очень приятное, и за все известия, которые также все до единого мне были тоже очень приятны и порадовали меня в моем хвором состоянии. Мысль ваша писать самой книжки для беби весь-ма умна; кто же, кроме самой матери, может написать что-нибудь лучше для дочери? Я рад, что в Влад<имире> Александр<овиче> пробудилась деятельность писателя. Не позабудьте мне прислать всё, что ни выйдет из-под пера его. Теперь же это так легко: курьеры ездят всякую неделю из Петербурга. Поручите Матвею Юрьевичу, он это сумеет сделать. Можете также адресовать на имя здешнего секретаря Устинова. «Тарантас» в печати мне еще больше понравился, чем прежде в рукописи, хотя я успел прочесть его довольно бегло и, к сожалению, не имею у себя под рукой экземпляра. О себе, то есть о здоровье моем, скажу вам только то, что я

зьябну до такой степени, что не нахожу уже никаких средств согреться. Сначала было мне немного лучше. Но да будет во всем воля божия! Что ни делается с нами, то делается не без нее, а она стремится всё, и недуги и страдания, обратить нам во благо. Да будет же во всем эта святая и чудная воля! Передайте эти письма или, лучше, записочки, при сем прилагаемые, по принадлежности. Молитесь обо мне и не забывайте меня, милый друг мой! Обнимите вместо меня всех ваших, которые также суть в то же время и мои, начиная с граф<ини> Луиз<ы> Карл<овны>, Михаила Юрьев<ича>, Матв<ея> Юрьев<ича> и до Веневитинова, включая туда же и всех прекрасных малюток.

Весь ваш.

Адрес мой не забывайте: Via de 1a Croce, № 81, 3 piano.

Поздравьте от меня себя и всех вас с наступающим новым годом.

В. А. СОЛЛОГУБУ

<3 января н. ст. 1846. Рим.>

Благодарю вас, Владимир Александрович, за вашу милую приписочку в письме к Александре Осиповне, за память обо мне и за дружеское посвящение мне вашей Воспитанницы, которая, вероятно, и умна и хороша. Я прочел ваш «Тарантас» еще с бóльшим удовольствием в печати, чем прежде в рукописи. У вас всё зреет вместе: и ум, и слог, и наблюдательность, и мысли. Вам нужно только не останавливаться и писать. Всё будет у вас обдумываться, соображаться и устраиваться во время самого писания. Христа ради, не давайте заснуть вашей деятельности на этом поприще. Вы тут более и более будете находить утешения и жизни настоящей. Всё вас обманет, и жизнь, и свет, и все привлекательности, привлекающие других людей; но на этом поприще вас ничто не обманет, потому что это ваше законное поприще, и тут выполнять вы будете именно то, что определено свыше выполнять вам. Не пренебрегите ни этими

словами вашего хворого и хилого ныне собрата, который, несмотря на свою собственную хилость, от всей души желал бы, чтобы совет его дышал здоровьем, силою на всех его братьев.

Искренно желающий вам всякого добра и любящий вас Г.

Я просил уже Софью Михайловну и вновь прошу также вас о присылке мне всех выходящих ваших сочинений.

А. П. ТОЛСТОМУ

Рим. Генваря 8 <н. ст. 1846>

Податель сего письма есть архитектор наш Иванов, которого вы, может быть, уже знаете и ради которого я беспокою вас убедительною просьбою дать ему (если у вас случатся) денег на проезд в Рим. Проезд этот, разумея в художественном смысле, с осмотрением всех архитектурных памятников, стоит издержек. Из Академии им до сих пор еще не выслали следуемых денег, а он бы не хотел из<-за> этого потерять даром драгоценное время. Если вы можете его ссудить от 500 до 1000, то сим крайне обяжете как его, так и брата его, знаменитого нашего и решительно первого живописца, поборника и защитника иконной живописи, который крайне заботится и беспокоится с примерной братской любовью о своем брате [о нем] и просит меня обо всем этом убедительно. С ним вы можете переслать мне книги и всё, о чем просил вас. Здоровье мое, как и всех нас, в руках божиих. Хотел бы обнять вас лично, крепко и сильно

благодарить за всё и поговорить с вами, добрейший и близкий моему сердцу Александр Петрович. Много бы дал, чтобы увидеть вас здесь, в Риме, где всё уже совершенно успокоилось, стало привольно, уединенно и тихо, так что можно сказать, что здесь теперь одни болящие и недужные, в числе которых находится и ваш грешный богомолец, нуждающийся попрежнему в ваших молитвах.

Н. Г.

Графине мой душевный и дружеский поклон. Благодарю обоих много и много за то, что вынимаете частицы обо мне, молитесь обо мне и просите других обо мне молиться. Попросите доброго священника нашего от меня (передавши ему мой искренний поклон) отслужить обо мне молебен о ниспослании сил мне душевных и телесных на совершение того труда, который нужней и нужней, чем дале, становится в нынешнее время [сегодня] и который хотел бы совершить быстрее и умней и во имя божие.

Поздравляю вас обоих с наступающим на-
ШИМ НОВЫМ ГОДОМ.

На обороте: Son excellence monsieur le c-te

Alexandre Tolstoy.

Rue de la Paix, 9. Paris.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

Генвар<я> 8 <н. ст. 1846>. Рим

Два письма твои в Рим (одно без числа, другое от ноября 21) я получил; благодарю за них, за участие и за некоторые известия, хотя их и немного. Я порадовался тому, что Шевырев готовится к печати свои лекции, которых я жду с нетерпением, и что у Аксакова Ивана есть талант. Я писал к отцу, чтобы прислал мне его стихов; напомни и ты или, лучше, пришли сам: я думаю, работа будет небольшая приказать уписать мелким шрифтом [В подлиннике: штрифтом] на листе почтовой бумаги всё. Известие о переводе «М<ертвых> д<уш>» на немецк<ий> язык мне было неприятно. Кроме того, что мне вообще не хотелось бы, чтобы обо мне что-нибудь знали до времени европейцы, этому сочинению неприлично являться в переводе ни в каком случае до времени его окончания, и я бы не хотел, чтобы иностранцы впали в такую глупую ошибку, в какую впала большая часть моих соотечествен<ников>, принявшая

«Мертвые души» за портрет России. Если тебе попадется в руки этот перевод, напиши, каков он и что такое выходит по-немецки. Я думаю, просто ни то, ни сё. Если случится также читать какую-нибудь рецензию в немецких журналах или просто отзыв обо мне, напиши мне также. Я уже читал кое-что на французском о повестях в «Revue de Deux Mondes» и в «Des Débats». Это еще ничего. Оно канет в Лету вместе с объявлениями газетными о пилюлях и о новоизобретенной помаде красить волоса, и больше не будет о том и речи. Но в Германии распространяемые литературные толки долговечней, и потому я бы хотел следовать за всем, что обо мне там ни говорится. О римских новостях не знаю, что тебе написать; меня, по крайней мере, они не интересуют. Самое важное из происшествий был проезд нашего царя. Я любовался им только издали и помолился в душе за него. Да поможет ему бог устроить всё к лучшему на Руси нашей! Здоровье мое вначале было поправилось значительно, теперь расклеивается вновь; я зябну до такой степени, что не нахожу средств согреться. Сначала было я

прибегал к беготне, которая мне помогала; но теперь ноги начинают болеть и отказываться. Но да будет во всем божья воля! Жду от него одного только помощи, его одного только средства действительно и могут излечить меня. Ему же поручаю и тебя. Да устроит он всё в нас ими же вестъ судьбами и обратит все недуги наши в добро, для которого, верно, и вызваны они в нас! А ты напиши мне подробно и обстоятельно все твои нынешние припадки, мне это нужно. Затем обнимаю, прощай.

Твой Г.

Адрес мой: Via de la Croce, 81, 3 piano, а ты напиши мне свой.

Поздравляю тебя с наступающим нашим новым годом. Да будет он нам благодетельней и чудотворней всех годов и да восчувствуем в нем всю благодать и милость бога!

Если что найдется прислать, пошли к Вяземскому или к гра<фине> Вьельгорской (на

Михайловс<кой> площади, в собственном доме) с тем, чтобы они отправили с курьером, которые теперь ездят всякую неделю в Палермо и в Рим.

Спроси у Шевырева, получил ли он письмо мое от двадцатых чисел декабря.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. На Кузнецком мосту, в доме Хомякова.

А. О. СМИРНОВОЙ

<27 января н. ст. 1846. Рим.>

Наконец от вас письмо из Калуги (от 12 декабря)! Как долго я ждал его! как соскучил без ваших писем! как мне теперь нужны ваши письма! как нужно теперь для вас самих писать ко мне чаще, чем когда-либо прежде, ради вас самих! Я вам говорю это не напрасно. После вы узнаете, как я прав. Христа ради, не забывайте этого и пишите. Я глотал жадно ваши известия калужские, хотя в них только [только еще] один легкий очерк вашей жизни. Но на первый раз быть так: вам было много хлопот и не до того. Друг мой Алек<сандра> Осиповна, будьте же отныне обстоятел<ьны> и дайте себе слово отвечать на всякий запрос моего письма. Вы уже сделали визиты, как рассказываете сами, всем служащим, некоторым помещикам и почетным купеческим женам. Напишите же мне, что такое служащие ваши, что такое помещики и что такое купеческие жены. Сначала их дух вообще, как целого состояния, а потом, какие есть между ними ис-

ключения. Узнавайте их понемногу, не спешите еще выводить о них заключения, но сообщайте всё по мере того, как узнаете, мне. Не бросайте многих людей и характеров, как уже узанных и вам известных, но продолжайте присматривать за ними и наблюдать: в душе и в сердце человеческом столько есть неуловимых оттенков и излучин, что всякий день могут случиться открытия и открытия. У вас есть порок, свойственный почти всем женщинам: вы поспешны и быстры и хотели бы иное вдруг сделать. Этот порок, однако же, лучше мужского порока, известного под именем байбачничества. От этого порока вы избавитесь уже тем, если дадите себе слово — всякое дело, какое [котор^{ое}] ни захотите сделать, изложить прежде мне в письме, а потом его сделать. Чувствуя, что излагаете его мне, вы уже невольно увидите его обстоятельнее и лучше и, не имея от меня ответа, уже узнаете сами мой ответ. Друг мой Александра Осиповна, не пренебрегайте всеми этими просьбами: просит об этом вас больной и подчас сильно страждущий друг. Вы никогда не любите смотреть в письма мои перед

тем, как пишете, и почти никогда не отвечаете на нужные, иногда слишком нужные и слишком душевные запросы. Друг мой, не поступайте со мной так! Держите хотя одно это письмо перед собой в то время, когда пишете. Но возвращаюсь вновь к моим просьбам и продолжаю их: определите мне характеры всех находящихся в Калуге; не пропускайте мелочей и подробностей, вы знаете, что я до них охотник и что по ним мне удавалось узнать многое, многое в человеке, вовсе не мелочное, которое иногда он не только не открывает другим, но и сам не знает. Уведомляйте меня также о всех толках, какие ни занимают город, о всех распоряжениях, какие ни делаются в губерниях, и о всех злоупотреблениях, какие ни открываются. Не пропускайте также упоминать о всех мерах, какие предпринимаются противу голода, как раздаются хлеба, то есть какими порядками, образами и средства<ми>. Не пропускайте также извещать меня от времени до времени о крестьянах, находящихся в вашей губернии, как помещичьих, так и казенных, обо всех у них и с ними переменах и вообще обо всем, что ни

касается их участи. Не пропускайте также уведомлять меня обо всех важнейших делах, [обо всех де<лах>] какие предстоят в Калуге Николаю Михайловичу (которому при сем передайте мой радушный и дружеский поклон), обо всем, что удалось ему уже сделать, равно как и о множестве всякого рода затруднений, какие [котор<ые>] предстоят повсюду. За всё это я отблагодарю вас потом не словом, но делом. Я буду вам потом в великой пригоде. Друг мой, дайте мне силы сделать что-нибудь [сколько-нибудь] похожее на доброе дело. У меня так мало истинно добрых дел, [у меня их так мало] а жизнь наша так быстро летит, я же к тому и недомогаю, чем далее, тем более. [более и более] Вы знаете, что я люблю Россию, что всё, что ни есть в ней, мне дорого, что любовь моя растёт, несмотря на бранные мои физические силы. Друг мой, исполните мою просьбу! Что вам сказать о самом себе? Я зябну и зябну, и зябкость увеличивается, чем далее, более, а что хуже, вместе с нею [что вместе с нею прекращаются] необыкновенная лень всяких желудочных и вообще телесных отправлений. Существование мое как-то

странно. Я должен бегать и не сидеть на месте, чтобы согреться. Едва успею согреться, как уже вновь остываю, а между тем бегать становится трудней и труднее, потому что начинают пухнуть ноги или, лучше, жилы в ногах. От этого едва выбирается из всего дни один час, который бы можно было отдать занятиям. Но при всем том бог милостив: я не унываю. Думаю о многом том, о чем мне следует думать, и мысли мои, несмотря на телесный недуг, нечувствительно зреют. Да будет же во всем его святая воля! Всё, что ни посылается нам, исполнено смысла, и не наберется потом душа наша благодарений за все трудные и тяжкие минуты жизни. Продолжайте обо мне молиться. Вы пишете известить о пребывании царя в Риме. Он пробыл четыре дни. Я его видел и любовался им издали, когда он прогуливался по Monte Pincio. Лицо его было прекрасно. Исполнен<ная> благоволен<ия> наружность его, несмотря на некрасивое и к нему вовсе не идущее наше штатское платье, не могла не поразить всех. Я не представлялся к нему потому, что стало [потому, что, во-первых, было] стыдно и со-

вестно, не сделавши почти ничего еще доброго и достойного благоволения, [его благоволения] напоминать о своем существовании. [о себе] К тому ж в четыре дни столько нужно было ему видеть вещей замечательных, что это было бы с моей стороны одним пустым притязаньем. Государь должен увидеть меня тогда, когда я на своем скромном поприще сослужу ему такую службу, какую совершают другие на государственных поприщах. Впрочем, он был особенно благосклонен к художника<м>, приказывал им быть во время своей прогулки по Ватикану, а архитекторам — во время осмотра древностей и римск<их> памятников. Иванова очень похвалил за его картину. Тут бы можно было обделать прекрасно его дело. Но на беду здешний их директор Киль, севший на место Кривцова, еще хуже в этом деле покойника: все до единого из художников им недовольны. Человек ни то, ни се и, кроме то<го>, страшно предубежден противу русских, неблагоприятно, [и неблагоприятно] неосмотрительно стал хлопотать и выставлять [заботиться] худож<ников> иностранных... Словом, никто его по-

нять не может. В Иванове, впрочем, принимает участие Григорий Волкон<ский> и обещался о нем особенно хлопотать. Римом вообще государь остался бы больше доволен, если бы прожил подолее, если бы погода была лучше и если бы квартира не попала ему такая дурная, каков сырой и мрачный palazzo Giustiniani, занимаемый Бутеневым. О пребывании государыни в Palermo вы, верно, знаете. Климат Палерма пришелся ей по душе и по здоровью, и нужно только желать, чтоб она осталась там подолее. Конст<антина> Никол<аевича> ждут сюда к карнавалу; государыня же не раньше намеревается, как на пасхе. Вот вам всё, что я знаю о царской фами<лии>. Русских наехала сюда куча, но таких, с которыми я выдаюсь, немного. Чаще бываю у гр<афов> Чернышевых-Кругликовых, потому что они мои старые знакомые, потому что больные и потому что, сверх того, очень добры и просты. Часто [Также часто] бываю у Апраксиной, Соф<ьи> Пет<ровны>, потому что она также очень добра и притом сестра моего любезного Александра Петровича (гр<афа> Толст<ого>), который сидит теперь в

Париже. Дурнову я видел несколько раз. Она неразговорчива, но в лице ее много доброты. Нельзя не заметить вдруг апатии и душевной недеятельности. [Это бросилось мне с первого раза, хотя я не мог не заметить в то же время даже в лице присутствия апатии и душевной недеятельности.] Графиня Нессельрод мне понравилась с первого раза именно лицом, в котором много душевного прекрасного выражения. Вы знаете, что я знаток, и если проступила уже хоть сколько-нибудь душа внаружу, она не скроется от меня, я вижу ее на лице [и уже вижу ее на самом лице] прежде, чем откроются уста говорить. С ней мы говорили, разумеется, о вас. Графиня Растопчина тоже здесь. Она, при доброте и уме, [и при всем том] пустовата. Это вовсе не книга, написанная о каком-нибудь одном и притом дельном предмете, а сшитые лоскутки всего: tutti frutti. Она, разумеется, всякий день по балам то у Торлони, то у Дория, то у посланников, словом — повсюду, где скука. С этими тремя дама<ми> я вижу реже только единственно потому, что не вижу, каким образом и чем именно могу быть им в текущую минуту по-

лезен. Мне трудно даже найти настоящий дельный и обоюдно-интересный разговор с теми людьми, которые еще не избрали поприще и находятся покаместь на дороге и на станции, а не дома. Для них, равно как и для многих других люд<ей>, готовятся «Мертвые души», если только милость божья благословит меня окончить этот труд так, как бы я желал и как бы мне следовало. Тогда только уяснятся глаза у многих, которым другим путем нельзя сказать иных истин. И только по прочтении 2 тома «М<ертвых> д<уш>» могу я заговорить со многими людьми сурьезно. Стало быть, никак не думайте, прекрасный [добрый мой] друг, что я отталкиваю от себя каких бы то ни было людей. Я просто действую только расчетливо и не хочу тратить пороха даром. Вы писали мне в прежн<ем> письме вашем, чтобы я не дичился с Самариным, если он будет писать ко мне. На это скажу вам, что еще не дичился в таком смысле [не отталкивал] ни одного человека и не оставлял без ответа ни одного письма, если только было подвигнуто душевным побуждением, [Далее начато: чем ни] если оно [это] было что-нибудь похо-

жее на душевную исповедь или даже [просто] на потребность душевную. А доказательство всему этому то, что я, не получивши от Самарина ни строки, написал ему на днях сам вызов. Скажите мне также кстати, что это за таинственное письмо, о котором вы мне уже раза три писали. Сначала во Франкфурт, что я получу через месяц какое-то длинное письмо; полгода спустя, вы сказали вновь, что мне будет переслано длинное письмо (не упомянув тоже от кого), но я его не получал вовсе. Наконец написали мне уже в Рим, что в посольстве лежит для меня предлинное письмо. Я справлял<ся> и никакого, ниже короткого, не нашел. Скажите мне, наконец, хотя теперь, от кого это письмо и почему вы не захотели ни разу писавшего назвать [упомянуть] по имени? и зачем была эта таинственность? Адресуйте мне прямо на квартиру мою (Via de la Croce, № 81, 3 piano) — это вернее. И не забывайте, повторяю вновь еще раз, не забывайте писать ко мне [ко мне, друг мой] именно о том, о чем просил вас в начале письма этого. Держите письмо мое перед глазами, когда пишете ко мне, оно вам всё напомнит. Грех вам

будет, если вы не исполните просьб вашего недугующего и вас во Христе любящего брата и друга. Никакого оправдания вы не можете привести. Никакие недосуги не могут помешать. Час всегда можно выбрать, если вы решитесь твердо отдать один час навсегда. Напротив, от этого еще сами дела ваши потекут размеренней, порядочней и лучше. Час, отданный мне, только разграничит день и время на законные половины и установит лучший порядок. Зачем вы не хотите также исполнить то, о чем я уже четыре раза просил, именно [то есть] уведомлять всякий раз, что такое-то именно письмо мое, писанное от такого-то [от такого-то дня] месяца и числа, вами получено. Мне это нужно. Друг мой, во многих вещах нужна аккуратность, да и где она не нужна? Увы, есть много таких вещей, которые в глазах всего света мелки, а для меня не мелки.

Прощайте, обнимаю вас сильно и сильно. Не забывайте же адреса: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

На обороте: Russie. Kalouga.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой

В Калуге.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

1846. Февраль 6 <н. ст.>. Рим

Виноват и я также! Не отвечал вам вдруг на Ваше милое письмо. Хворал, болел, как и вы, и доселе нахожусь не в лучшем состоянии. Но воля божья! Да будет она во всем над нами! Покорность и вера тому, от которого истекло всё! У него всё исполнено смысла, великого и глубокого смысла; всё, что ни дается им нам в удел, нужно и необходимо. А потому, может быть, возблагодарим потом много и много за наши недуги, и благодарить за это будет высшим наслаждением нашей души. Вы не упомянули, однако ж, ни слова о том, получили <ли> мое довольно длинное и обстоятельное письмо с приложением перевода И. А. Крыловым [Крылова] начала первой песни «Одиссеи». О государе могу вам сказать немного. Он пробыл в Риме мало, всего четыре дни. Был несколько недоволен темною и мрачною своею квартирой, котор<ую> ему припас Бутенев в своем дворце Юстиниани, довольно грязном и почти худшем из всех, ка-

кие есть в Риме, и вследствие этого, может быть, поспешил скорее выехать. О переговорах его с папой, разумеется, ничего неизвестно. В четыре дни он, разумеет<ся>, объездил всё и побывал везде. Был очень ласков с художниками. Весьма похвалил Иванова, которого картина ему очень понравилась. Велел художникам сопровождать себя: скульпторам и живописцам по галлерейам Ватикана, архитекторам по развалинам и древностям. Заказал сделать слепки с тех антиков, которых у нас недостает в Академии. Заказал несколько копий с картин. Для художников русских можно бы, пользуясь этим обстоятельством, сделать много [кое<-что>] хорошего. Но здешнее директорство их тупо и ничтожно, Кил<ь> бестолковой еще Кривцова, к тому ж, говорят, оно будет вовсе уничтожено, потому что и секретарь, племянник покойного Кривцова, прокутив казенные деньги, убежал в Америку. Я государя видел только на Monte Pincio, куда он ездил прогуливаться в коляске, и любовался его прекрасной наружностью. Она была величественно-благосклонна и не могла не поразить всех как римлян, так и

иностранцев. В лице я нашел более душевно-го выражения, чем когда-либо прежде. Бывши в куполе Петра, он достигнул самого яблока и написал в нем: «Здесь был император Николай и молился о благоденствии матушки России». Взглянувши случайно на другие надписи, он заметил тут же, что написал прямо над наследником. Вот вам все, что знаю о государе. Государыню ждут сюда не раньше, как к пасхе. Конст<антин> Ник<олаевич > хотел было быть к карнавалу, но получил вместо этого назначение от государя осмотреть все порты и гавани италийские, а потому тоже будет к пасхе.

Прощайте. Обнимаю вас. Уведомьте хотя двумя строчками, что вы получили мое письмо.

Душевный, искренний и нежный поклон всему вашему семейству.

Весь ваш Гоголь.

Адрес не забывайте: Рим. Via de la Croce,

№ 81, 3 piano.

Ha обопоте: Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten
vor dem Schaumeinthor.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Рим. 20/8 февр<аля> 1846

Я не отвечал тебе вдруг на твое милое письмо (от 2/14 ноября 1845 го<да>, С.-Петербург [В подлиннике: Спбрг]), потому что, во-первых, тяжкое болезненное состоя<ние> овладело было мною с новою силою и привело меня в такое странное состояние, что тяжело было руку поднять и тяжело было какое-нибудь сказать о себе слово; во-вторых, я ожидал, не дождусь ли ответа на мое письмо, отправленное к тебе еще в прошлом году вместе с свидетельством о моем существовании, которое я взял из здешней миссии. Уведоми меня теперь об этом поскорее и пришли все деньги, какие мне следуют. Чем их больше, тем лучше. С Смирновой уравниемся после. Мне нужно теперь сделать езды и путешествия как можно больше. Изо всех средств, какие я ни предпринимал для моей странной болезни, доньше это одно мне помогало. Тяжки, тяжки [Тяжки и тяжки] мне были последние времена, и весь минувший год так был тяжел, что я

дивлюсь теперь, как вынес его. Болезненные состояния до такой степени (в конце прошлого года и даже в начале нынешнего) были невыносимы, что повеситься или утопиться казалось как бы похожим на какое-то лекарство и облегчение. А между тем бог так был милостив ко мне в это время, как никогда до толе. Как ни страдало мое тело, как ни тяжка была моя болезнь телесная, душа моя была здорова; даже хандра, которая приходила прежде в минуты более сносные, не посмела ко мне приближаться. И те душевные страдания, которых доселе я испытал [которых было во мне мно<го>] много и много, [много и много в последние годы] замолкнули вовсе, и среди страданий телесных выработалось в уме моем <...> Так что во время дороги и предстоящего путешествия я примусь, с божьим благословеньем, писать, потому что дух мой становится в такое время свежей и расположе<нней> к делу. О, как премудр в своих делах управляющий нами! Когда я расскажу тебе потом всю чудную судьбу мою и внутреннюю жизнь мою (когда мы встретимся у родного очага) и всю открою тебе душу, — всё

поймешь ты тогда, до единого во мне движе-
нья, и не будешь изумляться ничему тому,
что теперь так тебя останавливает и изумля-
ет во мне. Друг мой, повторяю вновь тебе, лю-
би меня, люби на веру. Вот тебе мое честное
слово, что ты был во многом заблуждении на-
счет многого во мне и многое принято тобою
в превратном смысле и вовсе в другом значе-
нии, и горько мне, горько было оттого в одно
время, так горько, как ты даже и представить
себе не можешь. Скажу также тебе, что не де-
ло литературы и не слава меня занимала в то
время, как ты думал, что они [что то и другое]
только и составляют жизнь мою. [Далее нача-
то: Душ<a>] Ты принял платье за то тело, ко-
торое должно было облекать платье. Душа и
дело душевное меня занимали, и трудную за-
дачу нужно было решить, пред пользою кото-
рой ничтожны были те пользы, которые ты
мне поставлял на вид. Богу угодно было по-
слать мне страдания душевные и телесные,
всякие и горькие и трудные минуты, всякие
недоразумения тех людей, которых любила
душа моя, и всё на то, чтобы разрешила <сь>
скорей во мне [в душ<e>] та трудная задача,

которая без того не разрешилась бы вовеки. Вот всё, что могу тебе сказать вперед; остальное всё договорит тебе мое же творение, если угодно будет святой воле ускорить его. Весь путь и маршрут мой пришло к тебе, как только получу ответ твой. Не замедли как им, так и присылкою денег. Прощай, целую тебя от всей души и вновь говорю тебе твердо: «Люби меня».

Твой Г.

Напиши мне о себе и о том, что ближе твоей душе в настоящую минуту. Такие строки мне будут дороги. Не поленись и поспеши, я также буду уведомлять о себе чаще.

Адреса не позабывай: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

На обороте: St. Pétersbourg Russie.

Его превосходительству ректору С.-Петербур<гского> имп<ераторского>

университета Петру Александровичу Плет-
неву.

В С. П. Бурге, на Василъев <ском>
остр<ове>, в университетe.

И. М. ЯЗЫКОВУ

Рим. Февраля 26 <н. ст. 1846>

Письмо твое (от 16 янв<аря>) получил: прежнее, с приложением прекрасных стихов на открытие памятника Карамзину, тоже получил. Благодарю за то и за другое, и за твою заботу о моем здоровье, и за твою доброту, и словом — за всё. Что ж делать? Богу угодно посылать мне такие недуги, каких прежде никогда не было. Тяжело, тяжело, иногда так приходится тяжело, что хоть, просто, повеситься. Но верю и даже слышу, что всё это во благо, и благословляю бога за всё. И в душе, и в голове много оттого выигрышу. Кроме того, и в эти тяжелые минуты не оставляло меня милосердие его. Как ни сильны были телесные недуги, но душа не болела, и хандра не приходила. Из всех средств, на меня действовавших доселе, я вижу, что дорога и путешествие действовали благодетельнее всего. А потому с весной начну езду и постараюсь писать в дороге. Дело, может быть, пойдет, тем более, что голова уже готова. Бог милостив, и

я твердо надеюсь. Странная судьба книги «Путешествие в Иерус<алим>» Норова, которая никак не может до меня доехать, показывает мне, что в этот <год> еще не судьба ехать и мне в Иерусалим. Впрочем эта поездка в таком случае только предпринималась, если бы я сам был готов и кончил свою работу, без которой мне нельзя ехать, как следует, с покойной совестью. О сем объясни и Надежде Николаевне.

Спроси у Шевырева, получил ли он письмо мое, писанное 25 декабря 1845 года, а также у Аксаковых, отца и сына, получили ли они письма мои, приложенные в письме к Шевыреву. В следующем за сим письме напишу тебе маршрут моего странствия. [путе<ше-ствия>] А пока, если случится оказия что посылать, посылай на имя Жуковского во Франкфурт, с которым мне непременно следует и нужно видеться, если не в конце мая, то в начале июня. Насчет твоих собственных недугов говорю тебе: крепись и мужайся! Сердце мое велит тебе сказать это. Всё выноси покорно и послушно и благодари вперед за

всё того, кто над нами! Благородную и полную доверенность к нему — и ничего иного! Прощай! Спешу занести поскорей письмо на почту.

Весь твой Г.

Ты мне до сих пор не дал адреса, и я адресую попрежнему в дом Хомяков<а>.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. У Кузнецкого моста, в доме Хомякова.

А. О. СМИРНОВОЙ

Рим. Марта 4/Февраля 20 1846

Ваше письмо (от 14 генваря) получил трет^{<ьего>} дни. Благодарю вас и за него, и за поздравленье с новым годом, и за известия, и за попеченье обо мне, словом — за всё. О здоровье могу вам сказать только, что оно плохо. Приходится подчас так трудно, что только молишься о ниспослании терпенья, великодушия, послушания и кротости. Верю и знаю, знаю [и знаю] твердо, что эта болезнь к добру; вижу и здесь очевидно и явно надо мною великую милость божию. Голова и мысль вызрели, минуты выбираются такие, каких я далеко недостоин, и во всё время, как ни болело тело, ни хандра, ни глупая, необъяснимая скука не смела ко мне приблизиться. Да будет же благословен бог, посылающий нам всё! И душе, и телу моему следовало выстрадаться. [Далее начато: Это т^{<ак>}] Без этого не будут «Мертвые души» тем, чем им быть должно. Итак, молитесь обо мне, друг, молитесь крепко, просите молиться и всех тех, ко-

торые лучше нас и умеют лучше молиться, чтобы [чтобы удал<ились>] молились о том, дабы вся душа моя обратилась в одни согласнo-настроенные струны и бряцал бы в них сам дух божий. Из всех средств доселе действовало лучше [успешней] других на мое здоровье путешествие, а потому весь этот год я осуждаю себя на странствие и постараюсь так устроиться, чтобы можно было в дороге писать. Лето всё буду ездить по Европе в местах, где не был, осенью по Италии, зиму по островам Средиземного моря, Греции и наконец в Иерусалим. Теперь же ехать в обетованную землю не могу по многим причинам, а главное, что не готов — не в том смысле, чтобы смел думать, будто могу быть когда-либо готовым к такой поездке, да и какой человек может так приготовиться? Но потому, что в самом деле не спокойно на душе, не сделал еще того, вследствие чего и по окончании чего полагал только совершить эту поездку. Итак, вот вам, мой добрый друг, и о моей болезни, и о моем внутреннем состоянии душевном. В Риме я выдаюсь и провожу время с немногими. Таких, которых бы сильно жела-

ла душа, здесь теперь нет. Нет даже таких, которые бы потребовали от меня сильной деятельности душевной вследствие какой-нибудь своей немощи. Большею частью это или простые, добрые люди, живущие с собой в мире, но у которых души не многострунные и немногочаственные, или же пребывающие в светской легкой суете, [Далее начато: неут<омимо>] которые ходят не по земле, а по воде, а потому и трудно направлять стопы их на той стихии, где стопы [на той поч<ве>, где след<ы>] не оставляют следа и всё изглаживается. А без надобности не хочется сталкиваться с людьми, да и некогда. Меня теперь занимает Калуга и внутренность России, а потому не оставляйте меня извещеньем о всяком происшествии, как бы оно вам ничтожно ни показалось. Вы, верно, уже получили мое длинное письмо в ответ на ваше первое из Калуги; вы, вер<но>, уже дали на него ответ, и я, вероятно, недели через две его получу. Теперь же покамест известите меня о раскольниках, какие находятся в Калужской губернии, именно:

1-е. Каких из них больше. 2-е. [Второе] В чем состоит их раскол и в каком он теперь состоянии. 3-е. Каковы они в жизни, в работе, в трудах, как в крестьянском, так и в купеческом или мещанском состоянии сравнительно с православными. Об этом не позабудьте впереди письма, а потом обо всем прочем.

На это письмо напишите мне ответ еще в Рим, второе же ваше письмо уже не адресуйте в Рим (я первых чисел мая полагаю выехать из Рима и уже быть в дороге), но адресуйте на имя Жуковского, во Франкфурт, с которым мне необходимо нужно повидат^{ься} и о многом переговорить. До того же времени адрес остается попрежнему: Via de la Croce, № 81. 3 piano. Roma.

Затем обнимаю вас всею душою и мыслию

Весь ваш Г.

Поздравляю с великим постом и от всего сердца желаю вам благодатного говения, а также и радостной встречи радостного дни

светлого воскресения.

На обороте: Russie. Kalouga.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В Калуге.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Рим 16 марта <н. ст.> 1846

Благодарю вас и за письмоце и за вексель. Жаль всё, однако же, что вы ни слова не написали мне о том, получили ли вы мои письма. Здоровья наши сильно расклеиваются. Мне подчас так бывает трудно, что всю силу души нужно вызывать, чтобы переносить, терпеть и молиться. Как подл и низок человек, особенно я! Столько примеров уже видевши на себе, как всё обращается во благо души, и при всем том нет сил терпеть благородно и великодушно! А он так милостиво и так богато воздаёт нам за малейшую каплю терпенья и покорности! И среди самых тяжких болезненных моих состояний он наградил меня такими небесными минутами, перед которыми ничто всякое горе. Мне даже удалось кое-что написать из «Мертвых» душ», которое всё будет вам вскорости прочитано, потому что надеюсь с вами увидеть <ся>. Мне нужно непременно вас видеть до вашего отъезда в Россию и о многом кой-чем переговорить. Пу-

тешествоие и дорога мне помогали доселе лучше всяких средств и лечений, а потому весь этот год я осуждаю себя на странствие. Летом объеду всю Германию, заеду в Англию, которой не знаю, и в Голландию, которой тоже не вид<ел>. Осенью объеду Италию, <в> зиму берега Средиземного моря, Сирию, Грецию, Иерусалим и чрез Константинополь, если благословит бог, в Россию, что долженствует быть весной грядущего, 1847 года. В продолжение путешествия я устроюсь так, чтобы в дороге писать, потому что труд мой нужен: приходит такое время, когда появленье моей поэмы есть существенная необходимость для теперешнего положения дел и мыслей. А как и почему, вы это увидите сами, если я хотя сколько-нибудь сумею ответить на вопрос, себе заданный, или, справедливее, если милосердный бог вразумит меня, как следует ответить. Доселе и болезнями, и страданьями внутренними и внешними он возводил мою душу до надлежащего умягчения и способности почувствовать многое за других; он же и докончит начатое, и как ни велика моя хилость, но есть внутренняя твердость и вера в

то, что велико его милосердие и всё с его помощью совершится. Христа ради, уведомьте меня о себе, как и каким образом вы располагаете возвращаться, и хотя раз напишите, что вы мое письмо получили, потому что я вовсе не знаю, получаете ли вы мои письма, и готов укорять вас в той неточности, в какой любите меня укорять вы. Я полагаю ехать отсюда в мае. В конце мая или в начале июня я буду уже во Франкфурте, а потому уведомьте меня, будете ли вы там. Впрочем, я приеду к вам всюду, куды ни назначите. Недельку проведем вместе. Прошу вас, если будете отправлять свои вещи в Россию, а с ними и мои книги, вынуть из них два экземпляра «Мертвых душ» и оставить их при вас для меня. В России они все выпроданы; я [и я] нигде не мог достать, а первая часть мне потребна при писании второй, и притом нужно [притом там нужно] ее самую значительно выправить. Не забудьте же немедленный ответ на это письмо. Обнимаю вас заочно мои<ми> зябнущими руками, дрожа всем телом, но, слава богу, не дрожа душою.

Всех вас целую до единого в семействе вашем.

Весь ваш Г.

Адрес: Via de la Croce, 81. 3 piano.

Аксаков пишет, что послал давно на ваше имя во Франкфурт следуемые мне книги, письмо и рукопись стихов сына. Берегите всё до моего приезда.

На обороте: Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur m. Basile de Joukoffeky.

Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
20 марта <н. ст. 1846>. Рим

Вексель получил; письмо от 16/28 февраля и в прежнее чрез Жуковского получил; свидетельство пришло в апреле к сроку выдачи следуемой тогда трети. За неточность во всем другом не гневайся: от больного человека, одержимого в такой степени усталостью и изнеможением телесным, трудно и требовать. Художнику Бернардскому объяви отказ. Есть много причин, вследствие которых не могу покамест входить в условия ни с кем. Между прочим, во-первых, потому, что второе издание 1-й части будет только тогда, когда она [1-я часть] выправится и явится в таком виде, в каком ей следует явиться; во-вторых, потому, что по странной участи, постигавшей издание [печата<ние>] моих сочинений, выходила всегда какая-нибудь путаница или бестолковщина, если я не сам и не при моих глазах печатал. А, в-третьих, я — враг всяких поли-типажей и модных выдумок. Товар должен продаваться лицом, и нечего его подслащи-

вать этим кондитерством. Можно было бы допустить излишество [это излишество] этих родов только в таком случае, когда оно [сочиненье] слишком художественно. Но художников-гениев для такого дела не найдешь, да притом нужно, [притом, чтобы быть так украшено, нужно] чтобы для того и самое сочинение было [[приобре<ло>] стало] классическим, приобретшим полную известность, вычищенным, конченным и не наполненным кучею таких грехов, как мое. Затем прощай. О прочем впредь.

Твой Г.

Не позабудь хотя несколько слов написать о себе самом. Как тебе живется, что чувствуется, о чем думается и что делается.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству Петру Александровичу Плетневу.

В С.-Петербурге на Васильев<ском> остро-

ве, в университет.

С. Т. АКСАКОВУ

1846. Рим. 23 март<а н. ст.>

Письмо ваше от 23 генваря я получил. Благодарю вас много за присылку стихов Ив<ана> Серг<еевича>. В них много таланта, особенно в первом, то есть в стансах, начинающихся так:

*«Среди удобных и ленивых,
Упорно-медленных работ...»*

Я удивляюсь только, почему они лучше последних, тогда как бы следовало быть последним лучше первых: человек должен идти вперед. Прежних стихов, вами посланных к Жуковскому, я не получил. Жуковский не упоминает [мне не упоминает] даже ни слова в письмах своих, была ли какая-нибудь к нему посылка на мое имя. Я послал, однако ж, к нему запрос, на который доселе еще нет ответа. Благодарю также Ольгу Семеновну за сообщение прекрасной проповеди Филарета, которую я прочел с большим удовольствием. Насчет недугов наших скажу вам только то, что, видно, они нужны и нам всем необходи-

мы. А потому, как ни тяжело переносить их, но, <с>крепя сердце, возблагодарим за них вперед бога. Никогда так трудно не приходилось мне, как теперь; никогда так болезненно не было еще мое тело. Но бог милостив и дает мне силу переносить, дает силу отгонять от души хандру, дает минуты, за которые и не знаю и не нахожу слов, как благодарить. Итак, всё нужно терпеть, всё переносить и всякую минуту повторять: «Да будет и да совершается его святая воля над нами!» Покаместь прощайте до следующего письма. Зябкость и усталость мешают мне продолжать, хотя я и желал бы вам писать более. Доселе из всех средств, более мне помогавших, была езда и дорожная [В подлиннике: дорожная] тряска, а потому весь этот год обрекаю себя на скитание, считая это необходимым и, видно, законным определением свыше. Летом полагаю объездить места, в которых не был в Европе северной, на осень в южную, на зиму в Палестину, а весной, если будет на то воля божья, в Москву, а потому следующие письма адресуйте к Жуковскому. А всех вообще просите молиться обо мне, да путешествие мое

будет мне во спасенье душевное и телесное и да успею хотя во время его, хотя в дороге, совершить тот труд, который лежит на душе. Пусть Ольга Семеновна об этом помолится и все те, которые любят молиться и находят усладу в молитвах.

Прощайте, друг мой. Обнимаю всех вас.

Н. Гоголь.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

Март 24 <н. ст. 1846>. Рим

Письмо твое от 27 генваря получил. От Аксакова тоже получил (от 23 генв<аря>), с присовокуплением стихов Ив<ана> Серг<еевича>, из которых мне особенно понравились стансы:

*«Среди удобных и ленивых,
Упорно-медленных работ...»*

В юноше виден талант решительный, стремлен<ье> приспособить поэзию к делу и к законному влиянию на текущие современные события, хотя сам поэт для этого еще не воспитался и, вероятно, будет долго еще ходить и колесить около, пока не попадет на самое дело. Здоровье мое так же плохо, и с каждым днем прибавляется какой-нибудь новый недуг. Но, слава богу, не ропщу [В подлиннике: ропчу] и не до конца унываю. Авось дорога поможет, и бог будет так милосерд, что вновь освежительным проездом чрез множество климатов и воздушных освежит меня, сколько нужно для подъятия труда. О прочем

нечего заботиться. Молиться мы должны только о том, чтобы хоть сколько-нибудь дал бог возможность выполнить долг свой или хотя даже [лучше] часть долга.

Еду через месяц. Письма адресуй на имя Жуковского, с которым спешу увидеться до его отъезда в Россию. Летом, если бог поможет, объезжу Голландию, Англию, [местности> Герма<нии>] включая сюда купанье в море или греффенбергские проделки, к осени в Италию, зимою, если святая сила удостоит, в Иерусалим, ко времени пасхи. Но об этом еще будет время переговорить. Передай письмо Серге<ю> Тим<офеевичу>, а другое — Надежде Николаевне. Бог да сохранит тебя во всем.

Твой Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве, на Пречистенке, у Троицы, [В

подлиннике: Троицы; далее не отмечается.] в
Зубове, в доме Наумовой.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ
<Около 24 марта н. ст. 1846.
Рим.>

Благодарю вас, добрый друг мой Надежда Николаевна, за вашу посылку. [Далее начато: За] Образ и молитвы я, наконец, получил. То и другое пришло весьма кстати: накануне великого поста, накануне моего говения. Бог удостоил меня приобщиться святых таин. Хотя бы и лучше мне хотелось говеть, хотя бы и более хотелось выполнить высокий обряд, хотя бы, наконец, желалось сколько-нибудь более [хотя бы, наконец, и сколько-нибудь более хотелось бы мне] быть достойным его милостей, но благодаренье ему и за то! Благодаренье и за то, что помог привести дух мой даже и в такое состояние! Без его милости и того бы нельзя было мне сделать, и я в несколько раз был бы еще недостойнее. О! молитесь обо мне! Молитесь обо мне, друг мой, да поможет он мне быть достойнее его милостей, да поможет он мне избавиться от всей мерзости моей душевной, да поможет мне избавиться

от низкого малодушия моего, от недостатка твердой веры в него, да простит мне за всё мое бессилие и не отвращает лица своего от меня, чтоб не одолела моя худость и злоба его небесного милосердия. Молитесь о том, чтобы он, всё простя мне, сподобил бы меня послужить ему так, как стремится и хочет душа моя. Но для такого подвига, увы! надобно быть слишком чисту и слишком прекрасну. [Далее начато: Должно быть] Друг мой, молитесь о том! Молитесь также о том, чтобы он дал силы мне великодушно переносить мои недуги телесные и, всё побеждая — всю боль и страдания, возноситься еще выше оттого душой и приобретать еще бол<ьше> способностей для совершения труда моего, который да потечет отныне успешно, разумно и быстро. Друг мой, молитесь об этом. Бог да спасет вас! Возношу и о вас молитву моими грешными устами!

Ваш Г.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметьевой.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ
<5 апреля н. ст. 1846. Рим.>

Очень вас благодарю. Здоровье мое лучше. Сердечно скорбел о вашей потере, о которой узнал вчера. Я сам услыш<ал> много хорошего о покойнице. Бог да успокоит ее в месте злачном, откуда отбежала печаль и болезнь.

Весь ваш

Н. Гоголь.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметовой.

А. П. ТОЛСТОМУ

<18 апреля н. ст. 1846. Рим.>

Христос воскрес! Прежде всего поздравляю вас с праздником всех праздников. Дай бог сказать нам когда-нибудь на Руси и радостней и торжественней это святое приветствие друг другу, в пору воскресенья светлого воскресенья, в таком виде, в каком должно праздноваться оно на Руси. Наконец, получил от вас письмецо от 4-го апреля; за месяц перед тем получил другое с Ивановым, потом Ершов привез мне от вас поклон. Три книги от Потоцкого, вместе с пилюлями, получил еще в начале минувшей зимы. Жаль, что не прислали мне Теологической энциклопедии с литургиями; здесь нельзя достать, но, впрочем, всё равно, перегляжу ее у вас в Париже. Думаю, с божией помощью, двинуться из Рима через две недели, располагая зацепить Франции и Парижа единственно затем, чтобы взглянуть на вас. К концу мая, если не европейского, то нашего стиля, надеюсь вас увидеть, и дай бог, чтобы в лучшем состоянии ду-

шевном, сколько возможно лучше. Пожелайте и вы этого же мне и помолитесь или, лучше, помолимся оба, чтобы нам обоим было свиданье наше и в душевную и в духовную радость, — чем больше братски встречается между собою человек, тем ближе таковой встречей становится к богу.

Итак, до свиданья, мой бесценный Александр Петрович! Более не успеваю писать. Поговорим обо всем при встрече личной, а поговорить будет много о чем.

Передайте мой душевный поклон графине.

Ваш Г.

О приезде моем не сказывайте другим.

На обороте: Son excellence monsieur le comte

Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, 9 (hôtel Westminster).

**Л. К. и А. М. ВЬЕЛЬГОРСКИМ
и С. М. СОЛЛОГУБ
<7/19 апреля 1846. Рим.>**

Христос воскрес!

Посылаю вам это святое приветствие в самый день светлого воскресенья, мои прекрасные графини: и маминька и дочери! И вы давно ко мне не писали, и я давно к вам не писал. Но я знаю, однако же, и слышу в сердце моем, что вы часто обо мне думаете; знаете также и вы, что я очень часто думаю о вас. В этом, впрочем, нет большой заслуги с моей стороны: приятными мыслями приятно заниматься, а мысли о вас приятны. В этот день я так сильно и нежно и братски перецеловал вас всех в моих мыслях, что на душе моей долго было потом светло и радостно. [светло и радостно от этих поцелуев] И хотел бы я быть в силах перецеловать всех людей такими родственными поцелуями. Через две недели я выезжаю из Рима и уведомляю вас, чтобы вы, если придет кому-нибудь из вас жела-

ние наградить меня несколь<кими> прекрасными строчками письма вашего, адресовали Жуковскому во Франкфурт, где я буду в июне. Впрочем, где бы я ни был, адресуйте к нему; он мне перешлет. Для здоровья моего мне необходимо сделать как можно больше езды и дороги; это мне помогало доселе лучше всяких средств и лекарств. Бог милостив; надеюсь, поможет и теперь. Что вам сказать о моем здоровье телесном? Оно очень незавидно. Но благодарю за него бога. Оно так быть должно. Не без высшей воли повелено ему так быть. Стало быть, полную доверенность к повелевавшему! У него всё, что им повелевается, повелевается к добру. Мое душевное здоровье лучше прежнего и виной этого отчасти [может, отчасти] телесный недуг, стало быть, грех и сметь даже роптать на телесные недуги, когда они так видимо направляются к выздоравливанию душевному. Я полечусь, может быть, только в одном Греффенберге, и то в жаркие летние дни. Хочу побывать [побываю] в Англии, Голландии. На зиму проберусь в Италию, на теплейшие места в Средиземном море, оттуда (если будет такая милость

божия, что позволит мне выполнить кое-какие невыплаченные долги, без которых нельзя ехать туда, куда душа хотела бы) проберусь в Иерусалим. Молитесь богу, мои прекрасные графини, чтобы было всё так и чтобы весной в следующем году или в начале лета мы встретились с вами в России, и была бы в радость наша встреча, и не было бы на моей совести ничего такого, что бы стало меня укорять, что я ни за что получил такую награду, как встреча с моими друзьями, и притом в таком раю, каким для меня кажется теперь наша требующая любви нашей Россия. Бог да хранит вас и всё то, что дорого душам вашим! Прощайте.

Весь ваш Г.

Если вам встретится okazия для удобной пересылки во Франкфурт, на имя Жуковского, то сделайте мне подарок. Пришлите два журнала на нынешний 1846 год: «Отечест<венные> Записки» и «Маяк». Того и другого к июню выйдет [я думаю, к июню выйдет] по шести книжек. [Далее начато: отправляют]

Вы, верно, найдете возможность переслать их с курьером, а не то с кем-нибудь из отправляющихся за границу, — впрочем, первое вернее.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Ее сиятельству графине Луизе Карловне
Вьельгорской

(рожд. пр<инцессе> Бирон).

В С. П. Бурге, на Михайловской площади, в
доме графа Вьельгорского.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Апрел<я> 22 <21 н. ст. 1846.
Рим>

Христос воскрес!

Письмо получил, но книг, заключающих наши литер <атурные> новости, не получал, хотя ожида<л> целые две недели после получения письма. Жаль, что не упомянул, с кем они посланы. Мне бы теперь сильно хотелось прочесть повестей наших нынешних писателей. Они производят на меня всегда действие возбуждающее, несмотря на самую тягость болезненного состояния моего. В них же теперь проглядывает [преимущественно проглядывает] вещественная и духовная статистика Руси, а это мне очень [страх] нужно. Поэтому для меня имеют много цены даже и те повествован<ия>, которые кажутся другим слабыми и ничтожными относительно достоинства художественного. Я бы все эти сборники прочитал с большим аппетитом, но их нет, и не знаю даже, куды и с кем они тобою по-

сланы и когда их получу. От Жуковского я получил извещение, что он, точно, получил стихи Аксакова Ивана, но удержал их у себя, считая лучше вручить их мне лично, по приезде моем к нему. Он находит в них много мистического и укоряет молодых наших поэтов в желании блеснуть оригинальностью. Последнего мнения я не разделяю, хотя и не читаю стихов. Это направление невольное и не есть желание блеснуть. Теперешнего молодого человека мечет невольно, потому что есть внутри у него сила, требующая дела, алчущая действовать [желающая деятельности] и только не знаю<щая>, [Далее начато: какой] где, каким образом, на каком месте. В теперешнее время не так-то легко попасть человеку на свое место, то есть на место, именно ему принадлежащее; долго ему придется кружить, прежде чем на него попасть. Попробуй, однако ж, дать прочесть Аксакову Ивану мои письма, писанн<ые> к тебе о предметах, [по пов<оду>] предстоящих у нас лирическому поэту, по поводу стихотв<орения> «Землетрясен<ие>». Они все-таки хоть сколько-нибудь наводят на действительность. Почему знать?

Может быть, они подадут ему какую-нибудь мысль о том, как направить силы к предметам предстоящим. Штука не в наших мара- ньях, но в том, что благодать божья озаряет наш ум и заставляет его увидеть истину даже и в мара- ньях. Кстати об этих письмах, ты их береги. Я как рассмотрел всё то, что писал разным лицам в последнее время, особенно нуждавшимся и требовавшим от меня душев- ной помощи, вижу, что из этого может соста- виться книга, полезная людям, страждущим на разных поприщах. Странья, которыми страдал я сам, пришлись мне в пользу, и с по- мощью их мне удалось помочь другим. Бог весть, может это будет полезно и тем, кото- рые находились и не в таких обстоятельствах и даже мало заботятся о страданиях других. Я попробую издать, прибавив кое-что [кое-ка- кие] вообще о литературе. Но покамест это между нами. Мне нужно обсмотреться и всё разглядеть и взвесить. Двигает мною теперь единственно польза, а не доставление како- го-либо наслажденья. Еще две недели, не бо- лее, остаюсь в Риме. Во Франкфурте полагаю быть в начале июня или в конце нашего мая.

Всё посылай и адресуй во Франкфурт, на имя Жуковского. Прощай; более писать не в силах. Зябну и дрожу и бегу бросить письмо на почту и согреться.

На обороте: Russie. Moscou.

Николаю Михайловичу Языкову. В Москве.

На Пречистенке, у Троицы, в Зубове, в доме Наумовой.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ

<21 или 22 апреля н. ст. 1846.

Рим.>

Христос воскрес!

Знаю, что и вы произнесли мне это святое приветствие, добрый друг мой. Дай бог восприздновать нам вместе [вместе когда-нибудь] этот святой праздник во всей красоте его еще здесь, еще на земле, еще прежде того времени, когда по неизреченной милости своей допустит нас бог восприздновать его на небесах в невечереющем дне его вечного царствия. Мне скорбно было услышать об утрате вашей, но скоро я утешился мыслью, [утешился тем] что для христианина нет утраты, что в вашей душе живут вечно образы тех, к которым вы были привязаны; стало быть, их отторгнуть от вас никто не может; стало быть, вы не лишились ничего; стало быть, вы не сделали утраты. Молитвы ваши за них воссылаются попрежнему, доходят так же к богу, может быть, еще лучше прежнего. Стало

быть, смерть не разорвала вашей связи. Итак, Христос воскрес, а с ним и все близкие душам нашим! Что сказать вам о себе? Здоровьем не похвалюсь, но велика милость божия, поддерживающая дух и дающая силы терпеть и переносить. Вы уже знаете, что я весь этот год определяю на езду: средство, которое более всего мне помогало. В это время я постараюсь, во время езды и дороги, продолжать доселе плохо и лениво происходившую работу. На это подает мне надежду свежесть головы и бóль<шая> зрелость, к которой привели меня именно недуги и болезни. Итак, вы видите, что они были не без пользы и что всё, нам ниспосылаемое, ниспосылается в пользу нашего же труда, предпринятого во имя божие, хотя и кажется вначале, как будто бы перечит и препятствует нам. Молитесь же богу, добрый друг, дабы отныне всё потекло успешно и заплатил бы я тот долг, о котором немолчно говорит мне моя совесть, и мог бы я без упрёка [упрека душевно<го>] предстать перед гробом господина нашего и совершить ему поклонение, без которого не успокоится душа и не в силах я буду принести ту пользу, которую

бы искренно и нелицемерно хотела принести
душа моя.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

М. И. ГОГОЛЬ
Апреля 23/11 <1846. Рим.>

Христос воскрес!

Поздравляю вас всех. Письма ваши получили<л>, как ваше, так и сестер, с описаниями изб и мужиков. Можно бы иное пополюнее, но понимаю, что из слов других нельзя всё узнать. Весной, во время хорошей погоды, не мешает и заглянуть [и иногда заглянуть] самим и проверить на деле, верны ли донесения других. На вопрос Лизы: «Всё ли записывать в расход?» отвечаю: «Всё, даже и то, что берется в долг у разносчиков и купцов, означая только время, когда взято». Чем будет всё записано аккуратнее, тем лучше для нее: это ей очень, очень пригодится, хотя она еще и не ведает теперь, почему и для чего. О себе скажу вам, почтенна<я> маминька, что здоровье мое попрежнему, всё стоит ни лучше, ни хуже. Впрочем, я решил не говорить и не думать больше о нем. [о здоровье] Излиш<не> заботиться о здоровье [о нем] грех. Нужно

ввериться [нужно во всем ввериться] одному богу; он вылечит. Я говорил докторам о ваших предположениях насчет глистов. С этим ни один не согласен: нет ни тошноты, ни слюноотечений и никаких тех признаков, которые бывают у людей, страдающих глистами. Но доволь<но>. Я знаю только, что нужно благодарить бога за всё, благодарить и за самые болезни, потому что болезни не без цели. Они даются нам в пользу, в излечение души. Я еду через две недели из Рима с тем, чтобы, сделав побольше дороги (которая мне всегда помогала), заехать на несколько месяцев в Греффенберг и, полечившись там холодно<ю> водой, с молитвой, отправиться потом на зиму вновь на юг, с тем, чтобы, поклонившись святым местам, возвратиться после такого поклонения в конце, если не в середине, будущего, 1847 года в Россию. Чувствую, что больше всего мне следует надеяться на святые места и поклонение гробу господню, чем на докторов и лечение. Пансион, мне вышедший, тысяча рублей серебром, дан мне вовсе не за заслуги, как вы полагаете, и не за какое-нибудь новое сочинение, но единственно из сострадания к

моему болезненному и с тем вместе безде-
нежному состоянию. Готового у меня ничего
нет и не будет готово, пока не угодно будет
воле божией даровать мне надлежащие силы
и двинуть мою работу. Стало быть, во всем
нужно нам обращаться к нему, ввериться
ему, принимать всё, благодарить за всё, ве-
рить, что всё, им посылаемое, разумно и что
он властен [мож<ет>] спасти нас даже и тогда,
когда бы нам самая безнадежность угрожала,
и продлить наши дни на целые десятки лет и
даже на Мафусаилов век. Итак, будем бестре-
петны и бодры, не ослабевая в молитве. Про-
щайте! Письма адресуйте во Франкфурт, на
имя Жуковского, по прежнему адресу; он мне
перешлет их повсюду, где я ни буду находиться.
>

Ваш [Весь ваш] сын Г.

На обороте: Poltava. (Russie Méridionale).

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Го-
голь.

В Полтаве, оттуда в д<еревню> Василевку.

**М. И., А. В., Е. В. и О. В.
ГОГОЛЬ**

<1 мая н. ст. 1846. Рим.>

... Придет еще труднейшее и еще более бедное время, чем теперь, [Далее начато: чтобы то, чтобы быть в возможности] отказать себе в том, что менее необходимо, а не быть приведены в необходимость обрезать себя в самом необходимейшем. Смотрите же, не пренебрегите никак этим моим предписанием. [Далее начато: и всякой вся] По окончании всякого месяца составьте из себя комитет и всякую издержку взвесьте сравнительно одну к другой, чтобы увидеть, во сколько раз одна необходимей другой. И каждый раз сообразите себе вперед, от каких именно издержек следовало бы прежде отказаться в случае такого-то и такого-то несчастья, какое может впереди случиться. [Далее начато: [И] Смотрите, чтоб вы все до единой] Да и вообще представляйте [представляли бы] почаще перед свои глаза все несчастные случаи и все бедствия, какие могут приключиться челове-

ку, и смотрите в то же время на себя, как вы нашлись бы среди их и как бы поступили благороднее, великодушнее и возвышеннее. Итак, вот тебе, Лиза. Кроме счетов, если у тебя найдется время, ты должна помогать своей старшей сестре в обучении и в наставлении крестьянских детей. Доне ты всех ленивей в исполнении просьб моих, советов и молитий и доказала мне, что меньше всех других сестер меня любишь; поправься же хотя теперь.

Наконец обращаюсь к тебе, Ольга. Тобою я на этот раз доволен вполне. Последние твои донесения гораздо лучше и обстоятельнее прежних. Ты хорошо сделала, что не показывала своего письма сестрам (сужу так потому, что твое письмо была запечатано): они бы, верно, сказали тебе, что о том и о другом тебе не следует ко мне писать, как о пустяках, не достойных: моего внимания, и чрез то сбили бы тебя с толку; всё бы вышло у тебя принужденно и вяло, но теперь у тебя и слог лучше, и мысли яснее, и вообще письмо написано обстоятельно и подробно. Так делай и вперед:

не пропускай подробностей никаких, как бы они ни казались мелки. Слушай советы сестер во всяком деле и от других также принимай советы и благодари их за советы; но когда пишешь ко мне, не слушай ничьих советов; пиши, что велит тебе душа писать. Да и всех вас прошу так же поступать со мною. Если кому захочется даже свое внутреннее [В подлиннике: внутреннее] душевное дело выговорить, высказывайте [выговор<ите>] его мне, как духовнику своему, лучше в запечатанном, особенном письме, потому что исповедь никому не должна быть известна, кроме духовника, и потому, что всегда как-то выражаешься и свободней, и ясней, и обстоятельней, и лучше, когда знаешь, что никто другой не будет читать нашего письма, кроме того, к которому оно писано. Из самых донесений твоих, сестра Ольга, уже видно, что в тебе более склонностей собственно к практическому хозяйству, чем у всех твоих сестер. А потому тебе наиболее нужно помышлять о том, чтобы приготовить себя исподволь к тому, дабы заступить место полной правительницы и распорядительницы всего име<ния>, ко-

гда маминька наша потребует, наконец, необходимого себе отдохновения в награду за беспрерывные труды и хлопоты всей жизни. Смотри же, чтобы не очутиться тебе, как в лесу. Узнавай, рассматривай и замечай всё в хозяйстве, не пропускай ничего. Помни, что на одну тебя обрушится всё. От сестер своих не жди большой помощи: у них будут другие обязанности; они, если и возьмут что на свою долю, то это будут только небольшие отрасли [одни ветви] хозяйства, а главное упадет на твои плеча; итак, всматривайся заранее. Не пренебрегай ни одним словом из моих советов и предписаний; после увидишь пользу всякого слова. И теперь, уже потому только, что ты выполнила исправно мое поручение переглядеть все избы и описать мужиков, ты узнала много того, чего прежде не знала. Ты узнала, например, [наконец] 1-е — что до сих пор у вас у всех было весьма темное понятие о мужиках и что никому почти не было известно, каков каждый из них и чем, и как занимается; 2-е — что и приказчик, который бы лучше всех должен [должен был] это знать, не умел сказать сам удовлетворительно об

этом ничего; 3-е — что ни на чьи рассказы не следует полагаться, а следует всё рассмотреть самому, когда хочешь точно узнать, в чем дело, и когда захочешь хозяйничать умно, а не бестолково. Вот сколько вещей ты уже узнала на первый раз! Теперь ты сама из этого можешь вывести, что если тебе придется когда выбирать приказчика, то следует выбирать такого, который бы больше всех других знал, каков каждый мужик, [Далее начато: потому что, зная его хорошо, он будет знать, как и говорить, и приказывать] чтобы мало, что знал бы качества и способности всех наперечет, но не был бы совой или клячей, [чтобы не был бы какая-нибудь сова или нюня] на которой бы мужики ездили верхом, а [но чтобы] умел бы повелевать и приказывать, изворачивался бы проворно и молодцом. Такой и другим придает духу, и всё у него идет хорошо. Да выбравши и этакого приказчика, и на него не нужно во всем полагаться, а присматривать самому за всем, присматривать даже и за самим приказчиком, потому что и хороший приказчик может избаловаться, если за ним не наблюдаешь, а наблюдая самому за всем,

можно и плохого приказчика сделать если не совсем хорошим, по крайней мере гораздо лучшим. Итак, вот что можешь ты зарубить себе раз навсегда в своей памяти, чтобы помнить это вечно и быть истинно полезной помощницей маминьки и всех нас.

Теперь ты сделай вот что. В первый хороший день отправл<йся> на поле и пробудь хотя день при работах сама, для того, чтобы видеть, сколько в день может наработать всякий без отягощения себя; 2-е) чтобы видеть, кто работает ленивее, а кто прилежнее; 3-е) чтобы видеть, умеет ли приказчик повелевать и смотреть за ними, и 4-е) чтобы видеть, умеют ли мужики повиноваться и слушаться приказчика. Ленивому ты должна говорить, что он может наработать больше, а именно столько-то, потому что при твоих собственных глазах такой-то мужик наработал столько, стало быть, и он может столько же, стало быть, грех ему так не де<лать>, что ты ему потому приказываешь и велишь, что бог приказал трудит<ься> усердно. Он сказал: «В поте лица трудитесь!» Стало быть, это грех, и с по-

мещика за то взыщется. Прилежному ты должна говорить, похваливши его за труд, что он должен уговаривать и ленивого трудиться так же хорошо, как трудится он, что он должен усовещивать его и советовать, потому что бог повелел не только думать об одном себе, но и о брате своем, не только вести себя хорошо, но и брата своего склонять хорошо вести себя. Приказчику ты должна говорить, что ему поручена власть, а власть такого роду дело, которое установлено [поруче<но>] от бога. «Несть власти, аще не от бога» — сказано в св. писании, и потому он должен смотреть [должен повелевать] во все глаза за мужиками и повелевать им, заставлять, приказывать делать хорошо дело. Мужикам также расскажи, чтобы они слушали приказчика и умели бы повиноваться, несмотря на то, кто ими повелевает, хотя бы он был и худший их, потому что нет власти, которая не была бы от бога. Словом, так говори с ними, чтобы они видели, что, исполняя дело помещичье, они с тем вместе исполняют и божие дело.

Потом расспроси у приказчика порядок

всех работ, которые будут [начиная] предстоять в теперешнее летнее время, начиная с посева хлебов всех сортов, — когда именно, какого месяца и числа начнется всякая работа, и всё это по порядку выпиши на небольшом лоскутке бумажки и пришли мне, чтобы я знал, где и в каких местах, и в какое время, и какие именно работы будут у вас производиться в имении в продолжение всего лета.

Потом узнай от маминьки и от приказчика также, сколько четвертей всякого хлеба высеяно в этом году и где, в каких именно местах посеян всякий хлеб, и расспроси также, сколько [где в<ысеяно> сколько] четвертей хлеба было высеяно в прошлом году, каждого порознь, [всех вместе и каждого порознь] и в каких местах — на тех ли самых или на других, и где именно. А также не забудь прибавить, сколько его было потреблено на себя, сколько продано и сколько остается налицо. Не забудь [Не позабыть] также уведомить и об урожае: сколько уродило противу посева, сам-сём ли, сам-пят или еще и того меньше. Всё это выполни аккуратно, ничего не поза-

будь. Ни одного моего совета не бросай даром, всё послужит тебе в пользу, даже и то, от которого ты не видишь покамест никакой пользы. Да и всех вас прошу и умоляю, мои сестры, как только <может> умолять и просить больной и страждущий брат ваш, не пренебрегать моими словами и выполнить свято мои поручения с точностью, не пропуская ничего, несколько раз перечитывая мое письмо перед тем как писать, чтобы не пропустить чего-нибудь. [Далее начато: еще раз прошу всех вас] Я отправляюсь из Рима на днях с тем, чтобы, сделавши большую дорогу по Италии, Германии, Голландии, поспеть во-время в Греффенберг на лечение холодной водою, которое мне все-таки немного помогло в прошлом году, несмотря на малый курс; теперь возьму побольше. Помолитесь богу о моем благополучном путешествии и благополучном лечении. Средства простые мне всегда помогали, как-то: дорога, воздух и холодная вода; лекарства же только расстраивали, а потому я давно их бросил, уверившись, что один бог наш доктор и что его одного должно молить о излечении. А между тем самую бо-

лезнь нужно переносить, терпеть и благодарить за нее ежеминутно. Доныне болезнь моя принесла мне много внутренней пользы, даже так много, что я бы жалел сильно, если бы ее у меня не было. [Далее начато: Итак, мне нужно вечно благодарить бога за мои недуги] Верю, что и впредь все недуги, какие ни случатся со мною, будут мне также в пользу, а потому прошу вас молиться не о том, чтобы мне совершенно излечиться, а о том, чтобы мне поданы были свыше силы переносить легко недуги и чтобы не мешали они мне выполнить долг свой. Тогда только я и счастлив, тогда и весел духом среди самого нездоровья, когда чувствую, что хоть сколько-нибудь выполнил свой долг. Письма ко мне адресуйте теперь во Франкфурт, попрежнему на имя Жуковского, таким образом:

Son excellence m. Basile de Joukoffsky, для передачи Н. В. Гоголю.

Francfort sur Mein. Saxenhausen.
Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

О получении этого письма уведомяте меня немедленно. Прошу вас вновь перечесть его внимательно несколько раз. Сестрам моим я бы советовал даже списать с него копию и иметь ее почаще у себя перед глазами. Прощайте! Христос с вами!

Н. М. ЯЗЫКОВУ

Мая 5 <н. ст. 1846. Рим>

Пишу к тебе на выезде из Рима. Письмо твое от 19 марта получил, но книг не получал; они канули бог весть где. Жаль, что не пишешь, с кем их послал. Это досадно. Как нарочно в этом году так было легко получать книги: курьеры приезжали всякую неделю в Рим, всем что-нибудь привозили, одному мне ничего. Иванов свои книги получил. Благодарю за выписку предисловия к немецк<ому> переводу «М<ертвых> д<уш>». Немец судит довольно здраво. Это лучший взгляд, какой может иметь на эти вещи иностранец. При всем том крайне неприятно, что «М<ертвые> д<уши>» переведены. Впрочем, что случилось, то случилось не без воли божией. Дай только бог силы отработать и выпустить втор<ой> том. Узнают они тогда, что у нас есть много того, о чем они никогда не догадывались и чего мы сами не хотим знать, если только будет угодно богу подать мне силы среди самых немощей и болезней честно и

свято выполнить дело.

На днях я прочел с любопытством и удовольствием похвальное слово Карамзину, произнесенное Погодиным. Это лучшая его статья. В ней нет его опрометчивости и разных топорных замашек. Всё довольно стройно. Места и выписки расставлены в порядке, так что характер выходит весь перед читателем. Карамзин представляет явление, точно, необыкновенное. Он показ^{ал} первый, <что> звание писателя стоит того, чтоб для него пожертвовать всем, что в России писатель может быть вполне независим, и если он уже весь исполнен любви к благу, первенствующей во всем его организ^{ме} и во всех его поступках, то ему можно всё сказать. Цензуры для него не существует, и нет вещи, о которой бы он не мог сказать. Какой урок и поученье нам всем! И как смешон после этого иной наш брат литератор, который кричит, что в России нельзя сказать правды или что правда глаза колет! Сам же не сумеет сказать правды, выразится как-нибудь аляповато, дерзко, так что уколет не столько правдой, сколько

теми словами, которыми выразит свою правду, словами, знаменующими внутреннюю неопрятность невоспитавшейся своей души, и сам же потом дивится, что от него не принимают правды. Нет, имей такую стройную и прекрасную [опрятную] душу, какую имел Карамзин, такое чистое стремление и такую любовь к людям — и тогда смело произноси правду. Всё в государстве, от царя до послед<него> подданного, выслушает от тебя правду. Но довольно. Спешу укладываться.

Адресуй письма и посылки во Франкф<урт>, попрежнему на имя Жуковско-го.

Прощай.

Твой Г.

Прилагаемое письмецо отправь немедленно к Сергею Тимофеевичу.

Письма мои к тебе, особенно последние, [Далее начато: на всякой] те, где какие-ни-

будь места, [вопросы] относящиеся к литерат<урному> делу, <сбереги>. Я не оставляю намер<ения> издать выбранные места из писем, а потому, может быть, буду сообщать [писать] к тебе отныне почаще те мысли, которые нужно будет пустить в общий обиход. Но это, говорю попрежнему, между нами.

До следующего письма!

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве, на Пречистенке, у Троицы, в Зубове. В доме Наумовой.

С. Т. АКСАКОВУ

Мая 5 <н. ст. 1846. Рим>

На выезде из Рима пишу к вам несколько слов, почтеннейший друг мой Сергей Тимофеевич. Еду я для того, [собственно для того] чтобы ехать. Езда, как вы знаете, мое всегдашнее средство, а потому и теперь, как я ни хил и болезнен, но надеюсь на дорогу и на бога и прошу у него быть в дороге, как дома, то есть как у него самого, в покойные минуты души, [души нашей] дабы быть в силах и возможности что-нибудь произвести. [произвести в такие минуты] О том прошу молиться вас и прошу вас также попросить обо мне всех, которые обо мне молились прежде, потому что их молитвами я был доселе чудно сохраняем и среди тягости болезненных состояний зрел и укреплялся душой.

Напишите домой к маминьке моей запрос, получила ли она два моих письма, писанных после того, которое было приложено при вашем. Последнее, от 1-го мая здешнего штиля,

весьма нужное. Об этом пусть немедленно вас уведомит она или сестра, а вы сообщите мне.

Обнимаю вас всех.

Ваш Г.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

<5 мая н. ст. 1846. Рим.>

Пишу к тебе на выезде из Рима и посылаю свидетельство о моей жизни. Деньги присылай во Франкфурт на имя Жуковского. У него я пробуду с неделю, может быть, и потом вновь в дорогу по северной Европе. Перемежевываю сии разъезды холодным купаньем в Греффенберге и купаньем в море: два средства, которые и по докторскому отзыву и по моему собственному опыту мне можно только употреблять. Как я ни слаб и хил, но чувствую, что в дороге буду лучше, и верю, что бог воздвигнет мой дух до надлежащей свежести совершать мою работу всюду, на всяком месте и в каком бы ни было тяжком состоян<ии> тела: [Далее начато: о комфорт<е>] лежа, сидя или даже не двигая рука<ми>. О комфортах не думаю, жизнь наша — трактир и временная станция: это уже давно сказано. О всем прочем скоро уведомялю. Мне наст<оит о многом с тобою поговорить, а потому извести меня подробно и

немедленно, в случае отъезда твоего из Петербурга на лето, куда тебе адресовать, чтоб письма могли к тебе скорей доходить, ибо они будут. Прощай. Обнимаю и спешу.

Весь твой Г.

Всё, что ни случится, письмо или посылка, адресуй всё к Жуковскому, во Франкфурт.

На обороте: St Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству ректору С.-Петербургского

императорского университета Петру Александровичу

Плетневу.

В С.-Петербурге, на Васильевском острове, в университет.

А. А. ТЕПЛОВУ

**<Зима 1845/46 г. — начало мая
н. ст. 1846 г. Рим.>**

Нельзя ли по поводу регулярства моего же-
лудочного поведения устроить обед не
позже 4-х часов? Сим весьма обяжете вашего
слугу Г.

На обороте: Алексею Агрономовичу Тепло-
ву.

Palaz<zo> Giorgi. Via Babuina. Primo porton.

1 piano.

Signor Russo: Teploff.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Мая 10 <н. ст. 1846>
Флоренция

Хотя вы не отвечали мне ни слова на запрос Хмой, в какое время лучше приехать к вам во Франкфурт, чтобы повидать вас, и на мое убедительное прошение известить о вашем пребывании в случае, если вас пошлют в мае месяце на какие-нибудь воды, дабы я мог туда к вам приехать. Хотя на всё это не было ответа, и вы даже не сказали ни слова, желательного или же нежелательно вам видеть мою физиономию, однако же, [Однако же при всем том] не смущаясь ничуть таким равнодушием с вашей стороны, я решаюсь все-таки показать вам свою физиономию, как она ни гадка, ни болезненна, ни измята, ни исковеркана и телесными и душевными страданиями. Бог ее доселе сохранил, несмотря на всю ее гнусность; стало быть, она нужна на что-нибудь, а потому и вы приготовьтесь принять ее. В конце мая я полагаю быть у вас во Франкфурте. В случае, если уедете куда-ни-

будь, оставьте адрес, дабы я мог вас отыскать. Я только заеду на три дни в Париж, единственно для того, чтобы взглянуть на моего доброго гр<афа> А<лександра> П<етровича> Толстого, и оттуда чрез Бельгию во Франкфурт. [и прямо во Ф<ранкфурт>] Денька три-четыре проведем мы вместе. Мне с вами о многом [о многом еще] нужно переговорить. О болезни или о лечении моем вовсе не думаю. Болезнь моя так мне была доселе нужна, как рассмотрю поглубже всё время страдания моего, что не дает духа просить у бога [Далее начато: север<шенного>] о выздоровлении. Молю только его о том, да ниспошлет несколько свежих минут и надлежа<щих> душевных расположений, нужных для изложения на бумагу [для произведения] всего того, что приуготовляла во мне болезнь страданьями и многими, многими искушеньями и сокрушеньями всех родов, за которые не достает слов и слез благодарить его всеминутно и ежечасно. О сих свежих минутах молю и не сомневаюсь в его святой милости, где ни будут они мне даны, в дороге ли, на почтовой станции, в тряском экипаже, или в покойной

комнате, или даже в холодной ванне у Призница — всё равно, но слышит мое сердце, что они будут мне даны, и отверзутся мои уста возвестить хвалу ему. Но обо всем этом поговорим. Прощайте, до свидания! Обнимаю вас, а с вами вместе и всё вам любезное.

Ваш Г.

На обороте: Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Sachsenhausen. Salzwedelsgarten
vor dem Schaumeinthor

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

Генуя. Мая 14 <н. ст. 1846>

Пишу к вам с дороги, добрейшая и благодатная Анна Миха<й>ловна. Благодарю вас за ваши подарки. Во-первых, за письмо. Оно было мне очень приятно. Известия о Петербурге и о духе нынешнего нашего общества хотя заняли в вашем письме только две строчки, но мне были нужны. Не пропускайте и впредь! Говорите даже о том, о чем почти нечего сказать, и описывайте мне даже пустоту, вас окружающую: мне всё нужно. Мне нужно знать всё, что у нас ни делается, как хорошего, так и дурного, а без того я буду всё еще глуп попрежнему и никому не делаю пользы, а потому не позабывайте и поступайте со мною так, чтобы я много и много благодарил вас за всякое письмо. Во-вторых, благодарю вас за книги. «Воспитанница» весьма замечательна. Соллогуб идет вперед. Литературная личность [наружность] его становится степенней и значительней; нельзя, чтобы не сделалась от этого и его собственная внутренняя

личность степенней и значительней. В писателе всё соединено с совершенствованием его таланта и обратно: совершенствование таланта соединено с совершенствованием душевным. «Бедные люди» я только начал, прочел страницы три и заглянул в середину, чтобы видеть склад и замашку речи нового писателя (напрасно вы оторвали одних «Бедных людей», а не прислали весь сборник, я бы его прочел, мне нужно читать все новые повести; в них хотя и вскользь, а все-таки проглядывает современная наша жизнь). В авторе «Бедных людей» виден талант, выбор предметов говорит в пользу его качеств душевных, но видно также, что он еще молод. Много еще говорливости и мало сосредоточенности в себе: всё бы оказалось гораздо живей и сильнее, если бы было более сжато. Впрочем, я это говорю еще не прочитавши, а только перелистнувши. У меня так мало теперь читать из современного русского, что я читаю понемногу, в виде лакомства или когда очень придет трудно и дух в таком болезненно-черством состоянии, как мое болезненно-тяжелеющее на мне тело. Что сказать вам о моем теперешнем

болезненном состоянии? Молитесь обо мне богу — вот всё, что могу сказать Молитесь богу, чтобы послал мне среди недугов, как бы тяжки они ни были, сколько можно более светлых минут, нужных для того, чтобы, наконец, сказать [сказать на] всё то, для чего я воспитывался внутри, для чего ниспосылались мне и самые тяжелые минуты, и самые болезни, за которые я непрерывно должен молить бога. Вот всё, о чем мне нужно теперь молиться и о чем нужно, чтобы молились обо мне все близкие мне. Просить же совершенного выздоровления или каких-нибудь благ здешней жизни даже грех. [для меня грех] Я это чувствую во глубине моей души. Прощайте, не забывайте меня и пишите. Пишите обо всем. Адресуйте письма (и, если случатся, даже книжные посылки) во Франкфурт, к Жуковскому, по прежнему адресу. Он мне доставит всюду, где буду находиться.

Ваш Г.

В адресе Жуковского нужно прибавлять: Sachsenhausen, Salz-wedelsgarten vor dem

Schaumeinthor.

Весь дом ваш обнимаю, всех от мала до велика, не пропуская никого.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Ее сиятельству графине Анне Миха<й>лсв-не Вьельгорской.

В С. Петербурге. Возле Миха<й>лов<ского> дворца, на Михайлов <ской> площади, в доме графа Вьельгорского.

А. О. СМЕРНОВОЙ
Прага. Июня 6 <н. ст. 1846>

Я рад, что ваше здоровье лучше и холодная вода помогла; мое же плачевное здоровье... Но слава богу, от дороги и мне стало несколько свежей [впрочем, дорога несколько помогла, бог милостив] ... Но в сторону наши здоровья. Мы должны позабыть о них так же, как и о себе. Итак, вы возвратились вновь в ваш губернский город. [Далее начато, заключено в скобки и оставлено незачеркнутым: Ибо я, полагая, что вы уже в Калуге] Вы должны с новыми силами возлюбить его: он ваш, он вверен вам, он должен быть вашим родным. Вы напрасно стали вновь думать, что присутствие ваше в нем бесполезно в рассуждении общественной деятельности, что общество испорчено в корне... Вы просто устали — вот и всё. Деятельность губернаторше предстоит всюду, на всяком шагу. Она производит влияние даже и тогда, когда ничего не делает. Дело не в хлопотах и не в опрометчивом бросании на всё. Пред вами два живые

примера. [два живые примера, о которых вы упомянули] Предшественница ваша Жуковская завела кучу благотвор<ительных> заведений, а вместе с ними — кучу бумажной переписки, экономов, секретарей, кражу, бестолковщину и проч., прославилась в Петербурге и наделала кутерьму в Калуге. Княгиня же Оболенская, которая была перед ней, не завела никаких заведений, не приютов, не прошумела нигде подальше своего города, не имела даже влияния на своего мужа и не входила ни во что, а между тем доныне никто в городе не может о ней вспомнить без слез, и всяк, начиная от купцов до последнего в городе, до сих пор еще повторяет: «Нет, уже не будет другой кн<ягини> Оболенской!» А кто это повторяет? Тот же самый город, для которого вы теперь полагаете невозможным ничего сделать, то же самое общество, которое считаете вы испорченным навеки. Итак, будто бы уж ничего нельзя сделать? Вы устали — вот и всё. Устали оттого, что принялись слишком сторяча, слишком понадеялись на собственные силы, женская прыть вас увлекла... [увлекла вновь] Вновь повторяю вам то же са-

мое, что прежде: ваше влияние сильно. Вы — первое лицо в городе, с вас будут перенимать всё до последней безделушки, благодаря обезьянству моды и нашему всеобщему русскому обезьянству даже в платье. Если вы будете хорошо вести ваши собственные дела и ваш собственный дом, то уж и этим вы произведете влияние. Гоните паче всего роскошь, это не требует ни хлопот, ни издержек. [Далее начато: Ради бога] Не пропускайте ни одного бала, приезжайте именно с тем, чтобы показаться на нем в одном и том же платье; три, четыре, пять раз сряду надевайте то же платье; хвалите на всех только то, что просто и не стоит больших денег. Словом, [Ради бога] гоните, повторяю вам, эту скверную роскошь, эту страшную язву России, причину взяток, несправедливостей и всех мерзостей, какие у нас есть. Если вам только одно это удастся сделать, то вы уже более принесете существенной пользы, чем сама кн^ягиня О^{бо}ленская>. А это даже у вас не отнимет и времени. Друг мой, вы устали. Из ваших же отчетов я вижу, что вы уже немало [мн^{ого}>] сделали кое-чего хорошего для начала (если бы

не слишком торопились, вышло бы еще больше). О вас уже распространились слухи вне Калуги; кое-что из них дошло и до меня. Но вы всё еще очень поспешны, вы [вас] еще слишком поражаетесь всем, вас слишком шевелят и сражают все неприятности и гадости. Друг мой, вспомните вновь мои слова, в справедливости которых, вы говорите, что убедились: глядеть на Калугу, как на лазарет. [Далее начато: Но] Глядите же так! Но прибавьте к этому еще кое-что, а именно: уверьте себя, что больные в этом лазарете ваши родные, близкие сердцу вашему, и тогда всё перед вами изменится: вы с ними примиритесь и будете враждовать только с их болезнями. Кто вам сказал, что болезни эти неизлечимы? Это вы сами себе сказали, потому что не нашли в руках у себя средства. Что ж, разве вы всезнающий доктор? А зачем вы не обратились с просьбой о помощи к другим? Разве я даром просил вас сообщать всё, что ни есть в вашем городе, ввести меня в познание вашего города, чтобы я имел полное понятие о вашем городе? Зачем же вы этого не сделали, тем более, что сами же уверены, [уверены в том] что

я во многом могу иметь больше влияния, нежели вы; тем более, что [когда] сами же приписываете мне [приписываете мне почасту] и ум, и знание души, и знание людей; тем более, наконец, что говорите сами, будто я и вам помог <в> душевном деле? Неужели, вы думаете, я не сумел бы так же помочь и вашим неизлечимым больным? Вы позабыли, что я могу и помолиться, молитва моя может достигнуть и до бога, бог может послать уму моему вразумление, а ум мой, вразумленный небесной милостью его, может распутать и это дело так же, как распутывал и другие.

До сих пор в ваших письмах вы мне давали только общие понятия о Калуге, в чертах общих, которые могут принадлежать всякому губерн<скому> городу, но и общие ваши не полны. Вы понадеялись на то, что я знаю Россию, как пять пальцев, а я в ней ровно не знаю ничего. [почти ничего] Если бы даже я и знал кое-что, то со времени [то с тех пор ко <времени>] моего отъезда многое изменилось. В самом составе управления губернией произошли значительные перемены. Многие

места и чиновники отошли от зависимости губернатора и поступили в ведомство и управление других министерств, завелись новые [другие] чиновники и места, словом — губерния и губернский город является относительно [со стороны] многих сторон в другом виде, а я вас просил ввести меня совершенно в ваше положение, не идеальное, но существенное, [самое существенное] чтобы я видел от мала до велика всё, что вас окружает. [ни окружает]

Вы сами говорите, что в немногое время вашего пребывания в Калуге узнали Россию более, чем во всю свою жизнь. Зачем же вы не поделились со мною вашими знаниями? Говорите, что не знаете даже, с которого конца начать, что куча сведений ваших еще в беспорядке. Я вам помогу их привести в порядок, но только, ради Христа, прошу вас исполнить добросовестно мою просьбу. Не так, как привыкла выполнять ваш брат — страстная женщина, которая из десяти слов восемь пропустит и ответит только на два, затем, что они [которые] пришлись ей по сердцу, но так,

как мужчина, как толковый, [добрый] деловой чиновник, который, не принимая ничего особенно к сердцу, отвечает ровно на все пункты.

Вы должны ради меня начать вновь рассмотрение вашего губер<н>ского города. Во-первых, вы мне должны назвать все главные лица в городе по именам, отчествам и фамилиям, всех чиновников до единого. Мне это нужно, я должен быть им так же другом, как вы сами должны быть другом им всем без исключения. Во-вторых, вы должны мне написать, в чем именно должность каждого. Всё это вы должны узнать лично от них самих, а не от кого-либо другого. Разговорившись со всяким, вы должны спросить его, в чем состоит его должность, чтобы он означил вам все ее предметы и ее пределы. Это будет первый вопрос. Потом попросите его, чтобы он изъяснил вам, чем именно и сколько в этой должности при нынешних обстоятельствах можно сделать добра. Это будет второй вопрос. Потом, чем именно и сколько на этой самой должности можно наделать зла. Это будет 3-

й> вопрос. Узнавши, отправляйтесь к себе в комнату и тот же час всё это на бумагу для меня. Вы уже сим два дела сделаете разом: кроме того, что дадите мне средство впоследствии вам пригодиться, вы узнаете сами из собственных ответов чиновника, как понимает он свою должность, чего ему недостает, словом — своим ответом он обрисует самого себя. Он вас может даже навести на кое-что благое... Но не в этом дело. До времени лучше не торопитесь. Не делайте ничего даже и тогда, если бы вам показалось, что можете сделать и что в силах чему-нибудь помочь. Лучше пока еще попристальнойей [получше] всмотреться; довольствуйтесь покаместь тем, чтобы передать аккуратно мне. Три означенные вопроса имейте в виду в разговоре с каждым [Далее начато: Потом такие же самые сведения доста<вьте>] и не оставляйте его, пока не удовлетворит на все три. Потом на той же самой страничке, насупротив того же места или на другом лоскутке бумаги, ваши собствен<ные> замечания — что вы заметили о каждом господине [в таком-то господине] в особенности, что говорят о нем другие, сло-

вом — всё, что можно прибавить о нем со стороны.

Потом такие же сведения доставьте мне обо всей женской половине вашего города. Вы же были так умны, что сделали им все визиты и почти их всех узнали. Впрочем, узнали несовершенно, я в этом уверен. Относительно женщин вы руководствуетесь первыми впечатлениями: которая вам не понравилась, вы ту оставляете. Вы ищете всё избранных и лучших. Друг мой! за это я вам сделаю упрек; вы должны всех любить. Особенно тех, в которых побольше дрянца. По крайней мере, больше узнать их, потому что от этого зависит многое, и они могут иметь большое влияние на мужей. Не торопитесь, не спешите их наставлять, но просто спрашивайте; вы же имеете дар выпрашивать. Узнайте не только подвиги [не только ее дела] и занятия, но даже ее образ мыслей, ее вкусы, что она любит, что ей нравится. Мне это нужно. Помоему, чтобы помочь кому-либо, нужно узнать его всего насквозь, а без того я даже не понимаю, как можно отважиться давать ко-

му-либо советы. Итак, женщин всех насквозь, чтобы я имел совершенное понятие о вашем городе!

Сверх характеров и лиц обоего пола, запишите всякое случившееся происшествие, сколько-нибудь характеризующее людей или вообще дух губернии, запишите бесхитростно, в таком виде, как было вам пересказано. Запишите также две, три сплетни на выдержку, какие первые вам попадутся, чтобы я знал, какого рода сплетни у вас плетутся. Сделайте, чтобы это записыванье сделалось постоянным вашим занятием, чтобы на это был определен [полож<ен>] оположенный час в день. Представляйте себе в мыслях, систематически и во всей полноте весь объем города, чтобы видеть вдруг, не пропустили ли вы мне чего-нибудь записать, чтобы я получил, наконец, полное понятие о вашем городе.

И если вы меня таким образом познакомите со всеми лицами, с их должностями и как они ими понимаются и, наконец, даже с характером самых событий, у вас случающихся,

тогда я вам кое-что скажу, и вы увидите, что многое невозможное возможно и неисправимое исправимо. До тех же пор ничего не скажу именно потому, что могу ошибиться, [До тех же пор я вам ничего не скажу, хотя [мне] бы и хотелось мне самому [я] очень кое-что вам и теперь сказать, но не хочу единственно потому, что могу ошибиться.] а этого мне бы не хотелось. [а мне бы не хотелось ошибиться] Мне бы хотелось сказать такие слова, которые бы попали прямо, куды следует, ни выше, ни ниже, такой дать совет, [Словом, хотелось бы вам такой дать совет] чтобы вы в ту же минуту сказали: «Он легок, его можно привести в исполнение».

Вот, однако ж, кое-что вообще и то не для вас. Попросите Н<иколая> М<ихайловича> обратить особенное внимание на то, чтобы советники губернского правления были люди честные. [Далее было: По-моему, это первое, что следует сделать губернатору.] От этого много зависит. Как только будут честные советники, тотчас будут честны капитан-исправники, заседатели, словом — всё станет

честно. Надобно вам знать (если вы этого еще не знаете), что самая безопасная взятка, которая ускользает от всяких преследований, есть та, которую чиновник берет с чиновника по команде сверху вниз; это идет иногда бесконечной лестницей. Капитан-исправник и заседатели должны уже необходимо кривить душой и брать, потому что им нужны деньги, дабы заплатить за свое место. Эта купля и продажа может производиться почти перед глазами и в то же время никем не быть замечена. Храни вас бог даже и преследовать. Старайтесь только, чтобы сверху было честно, снизу будет честно само собою. До времени же, пока не вызрело зло, не преследуйте никого, а действуйте нравственно! [До времени следует смотреть на многие грехи [как], пока еще они не вызрели, как бы сквозь пальцы, не воюя с ними, а между тем действовать нравственно!] Мысль ваша, что губернатор всегда может сделать много зла и мало добра, что на поприще добра он обрезан в действиях, не совсем справедлива. Губернатор может всегда иметь нравственное влияние, слишком большое, подобно как и вы можете иметь

большое нраве<твенное> влияние, хотя и не имеете власти, установленной законом. Поверьте, что не сделай он визита какому-нибудь господину, об этом будет весь город говорить; станут расспрашивать, за что и почему, и этот самый господин из-за этой единственно боязни струсит сделать подлость, которую бы он никак не струсил сделать пред лицом власти или закона. Ваш поступок, т. е. ваш и Ник<олая> Мих<айловича>, с уездным судьей, которого вы нарочно вызвали в город с тем, чтобы примирить его с прокурором, почтить [и почтить] его радушным угощением и дружеским приемом за прямоту, благородство и честность, поверьте, сделал уже значительное действие. Мне особенно нравится при этом то, что судья (который, как оказалось, был просвещеннейший человек) одет был таким образом, что его не приняли бы в переднюю петербургских салонов. Хотел бы я в эту минуту поцеловать полу его запачканного фрака. Это самый лучший образ действий в нынешнее время как для Ник<олая> М<ихайловича>, так и для вас: не вооружаться сильно противу взяточников и дурных лю-

дей и не преследовать их, но стараться, вместо того, выставлять на вид всякую честную черту, пожимать дружески, в виду всех, руку прямого, честного человека. Поверьте, как только будет узнано во всей губернии, что губернатор поступает так, всё дворянство уже будет на его стороне. В дворянстве нашем есть удивительная черта, которая меня всегда изумляла, это чувство благородства, — не того благородства, которым заражено дворянство других земель, т. е. не благородства рождения или происхождения, но настоящего, нравственного благородства. Даже в таких губерниях и в таких местах, где, если разобрать порознь всякого дворянина, выйдет просто дрянь, а вызови только на какой-нибудь благородный подвиг — всё [вся масса] вдруг поднимется точно каким-то электричеством, и люди, которые делают пакости, сделают вдруг благороднейшее дело. И потому всякий благородный поступок губернатора прежде всего найдет отклик в дворянстве, а это важно. Губернатор непременно должен иметь влиянье нравственное на дворян, только сим одним он может подвинуть их на поднятие невид-

ных должностей и неприманчивых мест. А это нужно. Потому что, если дворянин из той же губер<нии> возьмет какое-нибудь место, с тем, чтобы показать, как надобно служить, то, [то он] каков бы он ни был сам, хотя и лентяй и многим нехорош, [и мерзавец душой, он] но выполнит так свое дело, как никогда не выполнит чиновник [человек другого зв<анья> класса] присланный, хотя бы он исшатался весь век в канцеляриях. Словом, ни в каком случае не должно упускать из виду того, что это те же самые дворяне, которые в 12 году несли всё на жертву, всё свое имущество, что ни было у каждого за душой.

Когда случится по причине совершенных гадостей предать иного чиновника [господ <ина>] суду, то в таком случае нужно, чтобы он предан был с отрешением от дел. Это очень важно, ибо если он будет предан суду без отрешения от дел, он будет еще долго юлить и держаться и найдет средства так запутать дела, что никогда не доберутся до истины. [Далее начато: Если ж] Но как только он будет предан суду с отрешением от дел, он

повесит вдруг нос, делается совсем другой человек, никому не страшен, на него пойдут со всех сторон улики, всё выйдет на чистую воду, и вдруг узнается всё дело. Но, друг, ради Христа, не оставляйте вовсе никакого спихнутого чиновника, как бы он дурен ни был: он несчастен. Он должен с рук вашего мужа перейти на ваши руки, он ваш. Не объясняйтесь с ним сами и не принимайте его, но следуйте за ним издали. Вы хорошо сделали, что выгнали надзирательницу при доме умалишенных за то, что она вздумала продавать булки, назначенные этим несчастным. Преступление вдвойне гадко тем более, что сумасшедшие уж никак не могут жаловаться, а потому изгнание это нужно было сделать гласно и публично. Но не бросайте никакого человека, не отрезывайте возврата никому, следуйте за отрешенным. Иногда с горя, с отчаяния, со стыда впадает он еще в бóльшие преступления. Действуйте или через вашего духовника, или вообще через какого-нибудь умного священника, который бы навещал его и давал бы вам отчет о нем беспрестанно, а главное, старайтесь, чтобы он не оставался без какого-ни-

будь труда и дела. Не подобьтесь мертвому закону, но живому богу, который всеми бичами несчастий поражает человека, но не оставляет его до самого конца его жизни. Какой бы ни был человек, но если земля его еще носит и гром божий не поразил его — это значит, что он держится на свете [на земле] для того, чтобы кто-нибудь, тронувшись его участью, спас его и помог ему. Если вас, во время ли описаний, [описаний всего, производимых для меня] которые вы будете делать для меня, или же просто во время самых исследований [исследований ваших] всяких недугов, будут слишком поражать наши печальные стороны и возмутится ваше сердце, — в таком случае советую вам [советую вам не отвратиться от мысли, но] беседовать об этом почаще с архиереем; он же, как видно из слов ваших, умный человек и добрый пастырь. Покажите ему весь лазарет и обнаружьте ему все болезни больных ваших. Хотя бы он был и небольшой знаток в науке лечить, вы, несмотря на это, введите его во все припадки, признаки и явления болезней. Всё до последнего старайтесь ему очертить так живо, чтобы всё это так

и носилось у него пред глазами, чтобы город ваш, как живой, обитал в его [ваших] мыслях так же беспрестанно, как он должен обитать беспрестанно в ваших мыслях, чтобы чрез то самые мысли его стремились [стремились бесп<рестанно>] сами собой на вечную молитву о нем. Поверьте, что от это<го> самого его проповедь с каждым воскресеньем будет направляться более и более к сердцам самих слушателей, и он сумеет потом выставить многое начистоту и, не устремляясь лично ни на кого, сумеет каждого поставить лицом к лицу к собственной [к его собственной] мерзости своей, так <что> сам хозяин плюнет на свое же добро. Обратите также внимание на священников, узнайте их всех непременно; от них зависит всё, и дело улучшения нашего в их руках, а не в руках кого-либо другого. Не пренебрегайте никем из них, несмотря на простоту и невежество многих. Их скорей можно возвратить к своему долгу, чем кого-либо из нас. У нас, светских, есть гордость, честолюбие, самолюбие, — словом, много того, что заставит нас не послушаться увещания другого, наконец, самые развлечения...

Духовный же, каков бы он ни был, [Каков бы он ни был, это не имеет] он все-таки более или менее чувствует, что ему должно быть всех смиреннее и всех ниже, притом уже в самом отправляемом им ежедневном служении он слышит себе напоминания... Словом, он ближе нас всех к возврату на путь свой, а возвратясь, может возвратить вослед за собою многих. И потому, хотя бы встретили из них вовсе неспособного, не пренебрегайте, но поговорите с ним хорошенько. Расспросите у каждого, что такое его приход, чтобы он дал вам полное понятие, каковы у него люди и как он сам понимает и знает людей. Между прочим не мешает вам также знать, что я не имею до сих пор никакого понятия о том, каково у вас в городе мещанство и купечество. Что они начинают также модничать и курить сигарки, это дело повсюдное, к тому же более внешнее. Узнайте о них в подробности. Одну сторону этого дела вы узнаете от священников, другую от полицмейстера, если потрудитесь разговориться с ним об этом предмете, третью сторону узнаете от них самих, если не пренебрежете разговориться с которым-ни-

будь из них хоть по выходе из церкви в воскресный день. Все забранные сведения [Все эти сведения] послужат вам к тому, что очертят перед вами, что такое в существе должен быть мещанин и всякий горожанин [Мещанин, цеховой или и всякий простой горожанин] в нынешнем положении. В уроне вы сколько-нибудь почувствуете идеал того же, чего карикатурой стал урод. Как только почувствуете, что такое должно быть такое-то звание, тогда призывайте священников и толкуйте с ними. Не говорите с ними ни о средствах, ни об орудиях, как что сделать. Старайтесь только очертить перед ними определительно, чем должно быть у нас такое-то [всякое гражданское] звание в нашем гражданском быту [Далее начато: И потом также] сообразно нашим законам и духу нашей церкви, которая нигде с ним не ссорится. И потом в таких же ярких и живых чертах представьте ему нынешнюю статистику этого звания, то есть чем оно сделалось вследствие нашего собственного злоупотребления. Больше ничего не прибавляйте. На ум будет навешен сам; нужно только, чтобы он заставлен

был истинно помолиться [чтобы он истинно помолился] и заставлен был управлять лучше свою собственную жизнь. Священникам особенно нужна беседа с такими уже опытными людьми, которые в немногих ярких и сжатых чертах умели [могли бы] пред ним очертить пределы и обязанности всякого звания и должности. Часто единственно от этого неведения и умный из них не знает, [он не знает] как ему быть с прихожанами, и говорит общими местами, не приклеивающимися [не приходящими<ся>] к делу. Входите также в его собственное положение, помогите его попадье и детям, если у него приход беден. Не исполняющему и задористому погрозите архиереем, но вообще старайтесь действовать более нравственно. Говорите им, что обязанность их слишком страшна и что слишком великий ответ дадут они, что и синод, и сам государь теперь особенно обращают внимание на частную жизнь священника, что им всем готовится переборка, что наконец уже все просыпаются и видят, что половина зол произошла оттого, что священники стали нерадиво исполнять свои должности... С по-

мощью священников губернаторша может произвести много нравственного влияния на купечество, мещанство и вообще на всё простое сословие. Я даже вам скажу, как именно. Во-первых... Но я и позабыл, что я не имею никакого понятия о том, что такое в вашем городе мещанство, купечество и вообще весь простой народ. И всё, что я ни скажу, может быть некстати. Итак, это в сторону. Скажу вам только вообще, что здесь именно предстоит столько прекрасных подвигов, польза от которых несравненно ощутительней, чем от всяких приютов и благотворительных заведений, и которые будут вовсе не в труд и тягость, а даже в отдохновение и развлечение духа.

Старайтесь всех избранных и лучших в городе подвигнуть также на деятельность общественную. Всякий из них может много сделать. Их можно подвигнуть. Если вы мне дадите полное понятие об их характерах, [понятия<х>] образе жизни и занятия<х>, я вам даже скажу, чем и как можно их подвигнуть и подстрекнуть. Есть в русском человеке сокро-

венные струны, которых он сам не знает. Вы мне уже называли некоторых, как людей умных и благородных вообще. Я уверен, что их у вас даже гораздо больше. Не смотрите на отталкивающую наружность, на многие неприятные замашки, на грубость и черствость обращения или даже на фанфаронство и щелкоперство многих поступков. Это есть теперь более или менее у всех нас. Мы все в последнее время обзавелись чем-то особенно неприятно-заносчивым в нашем обращении, но внутри того же человека шевелятся добрые чувства. Особенно не пренебрегайте женщинами. Клянусь, женщины гораздо лучше нас, мужчин. В них больше великодушия, больше отважности на всё благородное. Не глядите на то, что они закружились в вихре моды и пустоты. Если только сумеете заговорить им языком самой души, если только сколько-нибудь сумеете очертить перед женщиной ее высокую обязанность, выполнения которой ждет от нее теперь весь мир, то есть быть воздвижницей ко всему прямому, честному и благородному, кликнуть клич миру на благородное стремление, то та же самая женщина,

которую вы считали пустой, благородно вспыхнет, взглянет на самоё [В подлиннике: самую себя] себя, на брошенные свои обязанности, подвигнет самоё себя [В подлиннике: самую себя] на всё чистое, подвигнет своего мужа на честное и благородное выполнение своего долга и, швырнувши в сторону все свои тряпки, всех обратит к делу. О, я знаю, что женщины у нас очнутся прежде мужчин, благородно попрекнут нас, благородно хлестнут и погонят нас бичом стыда и совести, как глупое стадо баранов, прежде чем каждый из нас успеет очнуться [очувствоваться] и почувствовать, что ему следовало бы побежать и самому, не дожидаясь бича. Вас любят и любят сильно, да и нельзя им не полюбить вас, если узнают вашу душу, но до того времени вы всех их любите до единого, никак не взирая на то, если бы он вас [[что он вас] и не любил. Но письмо мое становится длинно. Чувствую, что начинаю уже говорить о том, что не придется кстати ни вам, ни вашему городу, ни вообще вашим обстоятельствам, но вы сами этому виной, не сообщивши мне подробных сведений ни о чем. До сих пор я точ-

но как в лесу. Слышу только о каких-то неизлечимых болезнях и не знаю, чем кто болит. А у меня обычай не верить по слухам никаким неизлечимостям, и никогда не назову я никакую болезнь неизлечимой по тех пор, пока не ощупаю ее моею собственной рукою. Итак, вновь рассмотрите ради меня весь город, опишите всё и всех, не избавляя никого от трех неизбежных вопросов: в чем состоит его должность, сколько на ней можно сделать добра и сколько зла. [Далее было: Недурно даже и то, если вы кого заставите задуматься над этими вопросами.] Как прилежная ученица, сделайте для этого тетрадку и не забывайте в объяснениях со мной быть как можно более обстоятельно. Повторяю вам вновь, что я глуп и глупее всех людей по тех пор, пока не введут меня в самое подробное познание. Воображайте лучше, что перед вами стоит ребенок или такой невежа, которому всё объяснять до последней булавки. Я не знаю, отчего вы вздумали, что я какой-то всезнающий. Что мне случилось вам кое-что предсказать и предсказанное сбылось, это произошло единственно из того, что вы меня ввели в тогдаш-

нее положение души вашей. Велика важность угадать! Стоит только попристальнее взглядеться в настоящее, будущее вдруг выступит само собою. Дурак тот, кто думает о будущем мимо настоящего: он или соврет, или скажет загадку. Я вас между прочим еще побраню за следующие ваши строки, которые здесь выставлю вам перед глаза: «Грустно и даже горестно видеть вблизи состояние России, но, впрочем, не следует об этом говорить. Мы должны с надеждою и светлым взором смотреть в будущее, которое в руках милосердного бога». Оттого и беда вся, что мы не глядим в настоящее, а помышляем о будущем. Оттого и беда вся, что как только, всмотревшись в настоящее, заметим, что горестно, грустно и не так, как нам хочется, мы махнем на всё рукой и давай пялить глаза в будущее. Оттого бог и ума нам не дает. [Все мы, сложив руки, глядим в будущее, позабыв, что в настоящем, что мы сами творцы будущего и что в настоящем должны творить свое будущее.] Оттого и будущее висит у нас теперь точно на воздухе. [Далее начато: Всем] Слышат некоторые, что оно хорошо, благодаря некоторым

передовым людям, которые тоже слышали его чутьем, а не арифметическим выводом. Но как достигнуть до этого будущего, никто не знает. Оно точно кислый виноград. [Далее начато: Хороши] Все позабыли, что пути и дороги к этому светлому будущему сокрыты именно в этом темном и запутанном настоящем, которого никто не хочет узнавать, [Далее было: и не только что не хочет, но даже сердится, если и раскрывают его пред ним] всяк считает его низким и недостойным своего внимания! [Далее было: и, махнувши рукой, отделяется от него одним словом «грустно» или «гадко».] Введите же хотя меня в познание настоящего. Не смущайтесь мерзостями и подавайте мне всякую мерзость. Для меня они не в диковинку: я сам довольно мерзок. Пока я еще мало входил в мерзости, меня всякая мерзость смущала, я приходил тогда в уныние от многого в России, и мне за многое становилось страшно. С тех же пор, когда я стал побольше всматриваться в мерзости, я просветлел духом. Передо мной стали обнаруживать<ся> исходы, средства и пути. И благодарю я более всего за то бога, что он спо-

добил меня хотя сколько-нибудь узнать мерзости как мои собственные, так и бедных со-
братий моих. Иесли есть у меня какая-нибудь капля ума, свойственного не всем людям, так это оттого, что всматривался я побольше дру-
гих в эти мерзости. И если мне удалось по-
мочь некоторым близким друзьям моим, так это оттого, <что я> всматривался побол<ьше>
в эти мерзости. [от этих ме<рзостей>] И если я приобрел наконец любовь к людям не иде-
альную, но существенную любовь, так это всё же оттого, что всматривался я побольше в мерзости. Не пугайтесь же и вы мерзостей и особенно не отвращайтесь от тех людей, кото-
рые вам кажутся почему-либо мерзки. Увер-
яю вас, что придет время, когда многие у нас на Руси из чистеньких горько заплачут, за-
крыв руками лицо свое, именно оттого, что считали себя слишком чистыми, что хвали-
лись чистотой своей [осмеливаясь и даже публично хвалиться чистотой своей] и всяки-
ми возвышенными стремлениями куда-то. Помните же всё это и, помолясь, примитесь снова бодрей и свежей за дела свои, чем ко-
гда-либо прежде. [Но за дело! свежей и бод-

рей, прекрасный друг мой!] Перечтите раз пять, шесть мое письмо, единственно потому, что в нем всё разбросано и нет строгого, логического порядка, чему, впрочем, вы сами причиною. Нужно, чтобы [чтобы таким образом] существо письма осталось всё в вас, вопросы мои стали бы вашими вопросами, желанье мое вашим желаньем, чтобы всякое слово и буква из него засели в вашей голове, [засели в вашей голове, как гвоздь] преследовали бы вас и мучили по тех пор, пока не исполните моей просьбы таким образом, как я прошу.

Бог вас да благословит во всем! Прощайте!

Ваш Г.

А. П. ТОЛСТОМУ

Фрейвалдау. Июнь — не помню числа <18 июня н. ст. 1846>

Наконец, пишу к вам из Греффенберга, куда прибыл благополучно, отдохнул два дни и вот уже другой день начал лечение. От дороги ли, [или] а может быть, отчасти, и от грубиевского прописания, которое я выполнял доселе по возможности, в дороге я почувствовал себя несколько лучше, имел<...> [Пропущены три слова, не принятые в печати.] натуральное, один или два раза, что для меня важно и что, однако ж, прекратилось с началом водяного курса. И Греффенберг и Фрейвалдау грустны, почти ни души; кроме бедного Дегалета, который еле ходит с закрытыми глазами и ничего не видит, только двое русских. Один армейский полковник Быков, другой какой-то Лосев. Во Фрейвалдау никого. Был я в Линде... <нрзб.> затем, чтобы повидать князя Бяратинского, который лечится у Шрота и от него в восторге. Его курс почти на

исходе. Он говорит, что, несмотря на страшную слабость, чувствует себя как бы перерожденным. Но я уже давно привык не верить тем больным, которые еще вполне не вылечились, [вполне сами не вылечились] что, впрочем, никак не мешает быть Шроту в своем роде [уже в своем роде] гениальным врачом, а кн<язю> Барятинскому умным и замечательным человеком, несмотря на обвинение [то обвинение] братца вашего Алексея Петровича в глупости. В Греффенберге в это лето несравненно меньше лечащихся, чем во все прежние годы. Приезды значительно прекращаются, это я уже слышал всюду на дороге. Меня разбирает тоска. Абрейбунги и умшлагги противны и почти невыносимы, а главное то, что я не имею чрез то времени заниматься тем, чем мне нужно спешить; в дороге я имел возможности больше заниматься. Я думаю, я Греффенберг просто брошу, тем более, что от него вся надежда только на небольшое освежение, а перееду на море, именно в Остенде: там больше бывает русских, туда, может быть, и вы заедете из Лондона. Мне же особенно нужно бежать от тос-

ки, которая наиболее меня одолевает тогда, когда нет с кем провести вечер и сколько-нибудь позабыть в беседе, тягость и трудность дня. Я получил письмо от Софьи Петровны, которая так убеждает и меня, и вас приехать в Неаполь, что вам особенно ни в каком случае невозможно не выполнить таких убедительных и жарких прошений. На это письмо вы отвечайте не в Греффенберг, но во Франкфурт, на имя Жуковского. Спросите у Груби, почему мне в Германии стали давать из аптек порошок не темносерый, как в Париже, но совсем желтый, и притом сухой, а не влажный.

Затем мысленно обнимая вас и графиню и моля бога, да ниспошлет всё, что наиболее нужно душам вашим, остаюсь

вечно ваш Г.

Перед выездом, в рассеянности, я позабыл вам сказать, что в одной молитве из тех, которые вам дал, пропущена одна строчка; так как один экземпляр переписывался с другого,

то в обеих повторился тот же пропуск, именно в молитве III, после слов: «вем яко и самое колебан<ие> сие не без воли твоей», следует: «достоин его за грехи мои, но ведаю также, о господи, что по милосердию ниспослешь мне крепость твою, ею же облакал всех уповающих на тя».

Уведомьте меня обстоятельней о вашем маршруте. Мне бы никак не хотелось пропустить возможности с вами встретиться в Остенде.

На обороте: Paris. Son excellence monsieur le comte Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, 9. (Hôtel Westminster).

В. А. ЖУКОВСКОМУ
27 июня <н. ст. 1846>.
Freiwaldau

Три письма, вами пересланные, получены исправно. Больше не присылайте, но удержите до моего приезда. Холодная вода, к изумлению, не производит на меня того благотворного действия, как прошлый год. Дорога помогает больше прочего. Видно, такова воля божия. А потому с богом вновь в дорогу. Недели через две или через полторы надеюсь с вами повидаться на несколько часов во Франкфурте, на пути в Остенде — попробовать морского воздуха и моря. Итак, до свиданья!

Весь ваш Г.

От Смирновой получил письмо. Ей лучше от холодного леченья, и самый слог письма показывает, что она в духе. Относительно вас она дает мне такое распоряжение: «Поклонитесь Жуку и поцелуйте его в лоб, из которого

вылезет „Одиссея“».

На обороте: Francfort s/M.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort sur Mein. Sachsenhausen.
Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

А. О. СМИРНОВОЙ
Карлсбад. Июля 4 <н. ст.
1846>

От Рябинина, которого я встретил на дороге в Карлсбад, откуда и пишу, узнал я об вас и о том, что вам сделалось опять несколько хуже. Я, впрочем, и не думал, чтобы холодное лечение вам помогло много; его доста<то>чно было взять столько, сколько нужно для освежения. Вам дорога и переезд поможет больше. Благодарите бога вперед за всё. Ваши болезненные страдания я уже знаю [все знаю] и все их почти испытал. Эти болезненные страхи, эти непонятные беспокойства, эти беспредельные ожидания чего-то страшного, долженствующего сей же час разразиться, — всё это уже у меня было, хотя я и скрывал это в себе и не показывал наружно. Это было еще тогда, когда вы были в Риме. Но вслед за тем настает ясность и светлость в душе, и ум проясняется в несколь<ко> крат больше. Выполните только то, что я потребую от вас выполнить во имя бога: вы должны на несколько

времени отдать себя во власть мне. Помните, как я потребовал от вас того один раз в Нице? Так же, как прежде, гоня от себя всякую мысль, вы занялись послушно учением наизусть псалмов, таким же точно образом [так же] теперь займитесь буквальным исполнением того дела, о котором я вас прошу в прилагаемом при сем большом письме. Оно было написано прежде. Оно было писано в искреннем молении к богу, чтоб хотя на этот раз вы послушались слов моих, потому что до сих пор вы еще ни один раз не отвечали на те из моих вопросов, на которые более всего мне нужны были от вас ответы. Я уже хотел было на полгода, по крайней мере, прекратить нашу переписку, потому что она стала вовсе бесполезна. А за всякое слово праздно с нас взыщется строго. Пишу к вам в Петербург, адресуя на имя Арк<адия> О<сиповича>, потому что [ибо] Рябинин мне сказал, что вы к этому времени [что вы тепе<рь>] располагали быть в Петербург. Уведомьте хотя в нескольких словах, каким вы нашли Петербург, как вас приняли, и не позабывайте, что всё это не для пустого любопытства и что для письма, пи-

шущего<ся> ко мне, не грех употребить [[можно пожертвовать] отдать] больше времени, чем для тех писем, которые вы пишете к другим. Будьте же дружески-внимательны к желаньям души моей — и бог вас да благословит!

Прощайте до вашего скорейшего ответа!
Христос с вами!

Ваш Г.

Адресуйте на имя Жуковского.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Карлсбад. Июля 4 <н. ст.>.
1846

Не знаю, получил ли ты мое последнее письмо из Рима со вложением свидетельства о моей жизни. По крайней мере, твоего ответа я еще не нашел, бывши во Франкфурте назад тому месяц. Теперь я заезжал в Греффенберг, чтобы вновь несколько освежиться холодной водой, но это лечение уже не принесло той пользы, как в прошлом году. Дорога действует лучше. Видно, на то воля божья, и мне нужно более, чем кому-либо, считать свою жизнь непрерывной дорогой и не останавливаться ни в каком месте иначе, как на временный ночлег и минутное отдохновение. Голове моей и мыслям лучше в дороге; даже я зябну меньше в дороге. И сердце мое слышит, что бог мне поможет совершить в дороге всё то, для чего орудия и силы во мне доселе созревали. Покаместь тебе маленькая просьба (предвестие большой, которая последует в следующем письме). Жуковскому нужно, что-

бы публика была несколько приготовлена к принятию «Одиссеи». В прошлом году я писал к Языкову о том, чем именно нужна и полезна в наше время «Одиссея» и что такое перевод Жуковского. Теперь я выправил это письмо и посылаю его для напечатания вначале в твоём журнале, а потом во всех тех журналах, которые больше расходятся в публике, в виде статьи, заимствованной из «Современника», с оговоркой вроде следующей: «Зная, как всем <в> России любопытно узнать что-либо о важном труде Жуковского, выписываем письмо о ней Н. Гоголя, помещенное в таком-то номере „Современника“». Нужно особенно, чтобы в провинциях всякое простое читающее сословие знало [знало во всех углах] хоть что-нибудь об этом и ждало бы с всеместным нетерпением. А потому сообщи немедленно потом и в «Пчелу», и в «Инвалид», и в «Отечественные Записки», и даже в «Библиотеку для Чтения», если примут. В Москву я сам пошлю экземпляр того же [этого же] письма. Недели через две жди от меня просьбы другой, которую я знаю, что ты исполнишь охотно. А до того не негодуй на

меня ни за что прежде, что приводило тебя в недоумение. Приходит уже то время, в которое всё объяснится. Обнимаю тебя вперед, слыша сердцем, что ты меня обнимешь так, как еще никогда не обнимал дотолѣ. Христос с тобой! Напиши слова два о получении этого письма и прибавь свое мнение о моей статьѣ.

Твой Г.

Адресуй попрежнему на имя Жуковского, во Франкфурт.

А. О. РОССЕТУ
Карлсб<ад>. 6 июля <н. ст.
1846>

Посылаю вам, мой добрейший Аркадий Осипович, письмоцо для вашей сестрицы, которая, как мне сказал Рябинин, привезший от вас поклон, должна теперь уже находиться [быть] в Петербурге. Ей вы его вручите, наградив себя за то моим заочным поцелуем. И напишите мне несколько слов о себе: мне хочется знать, как вы теперь на всё глядите и как перед вами всё теперь ворочается, и что такое [и собственно что такое] нынешняя грешная жизнь под вашим нынешним углом зрения. Я же спою вам [спою вам за это] всё ту же мою старую песню, [Далее было: которую] но только с той разницей, что голосом несравненно более твердым и сильным, чем когда-либо прежде, несмотря на бессилие своего тела и на множество прибавившихся немощей: всё будет хорошо, не хандрите же и не держите носа вниз, но руководствуйтесь хотя единственно тем, что мой нос еще держится квер-

ху, и пусть это будет вам барометром, если до сих пор не нашли лучшего.

Прощайте же и пишите во Франкфурт, на имя Жуковского.

Вас искренно любящий

Гоголь.

Передайте при сем маленькое письмецо Самарину. Я не знаю, где он находится.

Ю. Ф. САМАРИНУ

<Начало июля н. ст. 1846.>

Благодарю вас весьма много за ваше письмо. Я его читал с большим любопытством. Ответ на него будет потом <...> вами неожиданным [несколько удивительным] и довольно вами неожиданным] образом. А до того времени мой совет (хотя я не знаю, [хотя я знаю] любите ли вы советы и притом еще такие, которые нужно принять на веру, при которых не представляют [не представляются] причин, вследствие которых они сделаны, ниже [ни] разумных логических выводов, на которых они основаны), мой совет заняться вам в продолжение двух-трех месяцев [Далее было: делом] каким-нибудь делом черствым, положительным и совершенно существенным, которое ближе всего к вам в буквальном смысле, хотя и не близко к душе или сердцу. Займитесь вот чем: очертите мне круг и занятия вашей нынешней должности, которою вы теперь заняты, потом круг занятий всего того отделения или департамента, которого часть

составляет ваша должность, потом круг занятий и весь объем [обязанност<ей>] того округа или министерства или иного главного управлен<ия>, которого часть составляет означенное отделение или департамент по числу восходящих инстанций. Всё это в самом сжатом существе самого дела и притом в том именно виде, как вы сами понимаете, [это понимаете] а не так, как кто-либо другой. Потом объясните мне, в чем именно состоит неповоротливость и неуклюжесть всего механизма и отчего она происходит, и какие от этого [Далее было: и в чем именно] бывают плоды в нынешнее время как вокруг и вблизи, так и подальше от центра. Само собой разумеется, что по поводу этого [что от этого] вам предстоит премножество знакомств с чиновниками вашего ведомства, от которых в этом случае [от которых вы в этом случае] никак нельзя вам ускользнуть, потому что, не зная лично самих двигателей и даже их собственного существа, вам будет открыта только одна половина. Словом, вот какого рода дело! Весьма неприятное, но вам его нужно сделать. Чтобы вам лучше подвигнуть себя

на это, вы поступите вот как. Прежде всего вообразите себе, что вы меня любите и что подви́г этот делаете совершенно для меня, а не для себя, и что я будто бы при этом плохо уверен в вашей способности на самопожертвование и что это-то именно мне нужно доказать, а я вас вперед уже за это обнимаю и говорю: не будете в том раскаиваться.

Вас действительно любящий Гоголь.

На обороте: Юрию Федоровичу Самарину.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Июля 20 <н. ст. 1846>.
Швальбах

От Жуковского я получил вексель. Ожидал от тебя письма с уведомлением о том, [о том, где] остаешься ли ты на лето в Петербурге или едешь куда, что мне было весьма нужно знать для моих соображений, но письма не было; на место его записка к Жуковскому, где, как мне показалось, есть даже маленькое неудовольствие на меня. По крайней мере, ты выразился так: «Гоголь не выставил даже, по обыкновенью своему, числа». Друг мой! У некоторых людей составилось обо мне мнение, как о каком-то ветренике или человеке, пребывающем где-то в пустых мечтах, не стыдно ли и тебе туда же? Один, может быть, человек нашелся на всей Руси, который именно подумал более всех о самом существенном, заставил себя серьезно подумать о том, чем прежде всего следовало бы каждому заняться из нас, и этому человеку не хотят простить мелкой оплошности и пропуска в пустяке, че-

ловеку притом еще больному и страждущему, у которого бывают такие минуты, что и не в силах и руки поднять, не только мысли, — не хотят извинять. Ну, что тебе в числе наверху письма, когда в свидетельстве о жизни моей, при нем приложенном, было выставлено число, и я сказал, что, сейчас его получивши, сейчас спешу отправить на почту, а сам отправиться с дилижансом из Рима? Но от твоего уведомления о месте твоего пребывания теперь у меня многое зависит. Почему же, в самом деле, мои запросы [вопросы] считаются за пустяки, считается ненужным даже и отвечать на них, а запросы, мне деланные, считаются важными? Скажешь: я не отвечал на многие мне деланные запросы. А что, если я докажу, что отвечал, но ответа моего не сумели услышать? Друг мой, тяжело! Знаешь ли, как трудно мне писать к тебе? Или, ты думаешь, я не слышу духа недоверчивости ко мне, думаешь, не чувствую того, что тебе всякое слово мое кажется неискренним, и чудится тебе, будто я играю какую-то комедию? Друг мой, смотри, чтобы потом, как всё объяснится, не разорвалось бы от жалости твое сердце.

Я с своей стороны употреблял, по крайней мере, всё, что мог: просил поверить мне на честное слово, но моему честному слову не поверили. Что мне было больше сказать? Что другое мог сказать тот, кто не мог себя высказать? Я говорил давно: «У меня другое дело, у меня душевное дело; не требуйте покуда от меня ничего, не создавайте из меня своего идеала, не заставляйте меня работать по каким-нибудь планам, от вас начертанным. Жизнь моя другая, жизнь моя внутренняя, жизнь моя покуда вам неведомая. Потерпите — и всё объяснится. Каплю терпенья!» Но терпенья никто не хотел взять, и всяк слова мои считал за фантазии. Друг мой, не думай, чтобы здесь какой-нибудь был упрек тебе. Крепко, крепко тебя целую. Вот всё, что могу сказать, потому что ты обвинишь себя потом гораздо больше, чем ты виноват в самом деле. Вины твоей нет никакой. Велик бог, всё совершающий в нас для нас же. Ты исполнишь, как верный друг, ту просьбу, которую я тебе изложу [просьбу, о которой я буду п<исать>] в следующем письме, которую, я знаю, тебе будет приятно выполнить, и после ней всё объ-

яснится. Прощай же. [Далее начато: [какое письмо>] Уведоми] Две недели тому назад послал я тебе статью мою об «Одиссее», просил напечатать как следует и сказать мнение о ней. Не забудь того и другого. Здоровье то тяжело, то вдруг легко, душа слышит свет. Светло будет и во всех душах, омрачаемых сомнениями и недоразумениями! Недавно я встретил одного петербургского моего знакомого, по фамилии Ан<н>енкова, который вместе с тем знаком и с Прокоповичем. Он мне объявил, что Прокопович послал мне в начале прошлого 1845 года четыре тысячи руб<лей> ассигн<ациями> во Франкфурт, на имя Жуковского. Этих денег я не видал и в глаза, [Далее начато: равно как] но если бы получил их, то отправил бы немедленно к тебе. Упоминаю об этом вовсе не для того, чтобы тебя вновь чем-нибудь затруднить по этому делу, но единственно затем, чтобы довести это к твоему сведен<ию>. В деле этом судья и господин — бог, а ты исполнил с своей стороны всё, что только можно было требовать от благородного человека.

Адресуй попрежнему на имя Жуковского.
Еще раз тебя обнимаю.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству ректору императорского С. П. Бургского университета
Петру Александровичу Плетневу.

В С. П. Бурге. На Васильевском острове.
В университете.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

**Швальбах. Июль 22 <21 н. ст.
1846>**

Наконец книги получены: оба сборника — «Новоселье», «Невск<ий> Альм<анах>», книга Шевырева и «Путешеств<ие> к св<ятым> местам». Благодарю очень, очень. Ты один только балуешь и лакомишь меня. Письмо мое, со вложением статьи об «Одиссее», ты, вероятно, уже получил; жду твоих слов об этом. Письмо было адресовано в дом Хомякова, как и это. В том же письме я писал к тебе, чтобы прислал мне копию с моих писем к тебе по поводу «Землетрясения». Мне их нужно пересмотреть. Они, верно, очень вялы и неумны, как все мои письма, писанные прежде. Я даже любопытен знать, как я выразил ту мысль, которая бы могла иметь на тебя некоторое впечатление [Далее начато: вероятно, слабо, потому что того именно не] и не имела никакого. Она выразилась, верно, бесильно, а может быть, даже не выступила вовсе из-за неопрятных и неточных слов моих.

Пишу к тебе из Швальбаха, куда заехал на время к Жуковскому. Думаю отселе направиться в Остенде к морю. Полагаю, что, с милостью божьей, морской воздух будет мне впрок. Доселе только в дороге перевозжу несколько дух и становлюсь свежее. Адресуй во Франкфурт, на имя Жуковского, потому что через месяц располагаю быть там. Уведоми, какво идет твое холодное лечение и твое состояние духа. Твой «Сампсон» прекрасен; от него дышит библейским величием. Но смысл его я понимаю так: Сампсон, рассерженный своими врагами, глумящимися над его бессилием, происшедшим от забвения высшего служения богу [забвения бога, которому он должен был служить] ради всяких светских мелочей, потрясает наконец храмину, дабы погубить в своих врагах врагов себе и вместе с ними погубить прежнего самого себя, дабы на место его явился вновь еще сильнейший силач, служащий богу. Затем обнимаю и целую тебя. Прощай!

Твой Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве, у Кузнецкого моста, в доме Хомякова.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Июля 26 <н. ст. 1846>.
Швальбах

Пишу к тебе несколько строк из Швальбаха, куда заехал [заехал к Жук<овскому>] с тем, чтобы повидаться с Жуковским, берущим здесь ванны, а с тем вместе отдохнуть и даже взять несколько ванн самому, которые, как сказывают, могут хоть несколько укрепить мои нервы. От Языкова я наконец получил твои лекции; прочел еще весьма немного, ибо, сам знаешь, такого рода книги неприлично глотать вдруг. Но уже по началу вижу важность дела и труда и веселю себя им впереди, как предстоящим лакомством. Теперь приступаю к тебе с просьбой моей, весьма убедительной: напечатать второе издание «М<ертвых> д<уш>», в том же самом виде, на такой же бумаге, в той же типографии, в том же числе экземпляров (2400, т. е. два завода), с присовокупленьем только предисловия, которое я пришлю потом, когда печатанье будет к концу. Нужно будет его отпечатать в месяц,

дабы оно могло явиться [вышло никак] в свет никак не позже 15-го сентября. Экземпляры разойдутся, я это знаю. После того голоса, который я подам от себя [подам от себя [читателям] всем читающим] перед моим отправлением на поклонение к святым местам, их станут раскупать. [Далее начато: Экземпляра я ду<маю>] Посылать же на цензурованное к цензору в Петербург я не думаю, чтобы оказалась надобность, тем более, что это фантастическое запрещение второго издания никогда не существовало. Оно образовалось в Москве по старой охоте ее к плетенью всякого рода сплетней. Это можешь изъяснить цензору, если бы он оказался малоумен, а не то предстань к Строганову и объясни ему. Если же по причине какой-либо новой бестолковщины [Если же по какой-либо бест<олковщине>] оказалось бы так, что нужно посылать в Петербург, то пошли к Никитенке и в то же время письмо к Плетневу, чтобы он его поторопил, потому что Никитенко, при всей благосклонности и расположеньи ко мне, несколько ленив и может замедлить присылкой. О получении этого письма уведоми, равно как

и о распоряжениях, адресуя во Франкфурт, на имя Жуковского.

Прощай. Твой весь Г.

На обороте: Moscou Russie.

Профессору император<ского> Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве, близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собственном доме.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Июля 30 <н. ст. 1846>.
Швальбах

Наконец моя просьба! Ее ты должен выполнить, как наивернейший друг выполняет просьбу своего друга. Все свои дела в сторону, и займись печатаньем этой книги под названием: «Выбранные места из переписки с друзьями». Она нужна, слишком нужна всем — вот что покамест могу сказать; всё прочее объяснит тебе сама книга; к концу ее печатания всё станет ясно, [тебе всё объяснится] и недоразуменья, тебя доселе тревожившие, исчезнут сами собою. Здесь посылается начало. Продолжение будет посылаться немедленно. Жду возврата некоторых писем еще, но за этим остановки не будет, потому что достаточно даже и тех, которые мне возвращены. Печатанье должно происходить в тишине: нужно, чтобы, кроме цензора и тебя, никто не знал. Цензора избери Никитенку: он ко мне благосклоннее других. К нему я напишу слова два. [напишу даже слова два сам]

Возьми с него также слово никому не говорить о том, что выйдет моя книга. Ее нужно отпечатать в месяц, чтобы к половине сентября она могла уже выйти. Печатать на хорошей бумаге, в 8 долю листа средн<его> формата, буквами четкими и легкими для чтения, размещение [употребляя размещение] строк такое, как нужно для того, чтобы книга наилучшим образом читалась; ни виньеток, ни бордюров никаких, сохранить во всем благородную простоту. Фальшивых титулов пред каждой статьей не нужно; достаточно, чтобы каждая начиналась на новой странице, и был бы просторный пробел от заглавия до текста. Печатай два завода и готовь бумагу для второго издания, которое, по моему соображению, воспоследует немедленно: книга эта разойдется более, чем все мои прежние сочинения, потому что это до сих пор моя единственная дельная книга. Вслед за прилагаемую при сем тетрадью будешь получать безостановочно другие. Надеюсь на бога, что он подкрепит меня в сей работе. Прилагаемая тетрадь заномерована № 1. В ней предисловье и шесть [6] статей, итого семь, да включая

сюда еще статью об «Одиссее», посланную мною к тебе за месяц пред сим, которая в печатании должна следовать непосредственно за ними, — всего восемь. Страниц в прилагаемой тетради двадцать. О получении всего этого уведоми немедленно. Адресуй попрежнему на имя Жуковского.

Весь твой Г.

А. В. НИКИТЕНКО
Эмс. Август 1/Июль 21 <20>
<1846>

Як вам с просьбою, почтеннейший Александр Васильевич! От Плетнева вы получите, если уже не получили, на проценирование некоторые из моих писем, которые имеют [след<ует>] быть напечатаны отдельной книгой в весьма непродолжительном времени. От Плетнева вы будете всё получать по частям. По разным причинам я не хочу, чтобы до времени выхода о книге [о ней] знали. А потому прошу вас, чтобы осталось только между вами и Плетневым и никто бы, кроме вас двух, не был введен третий. Что касается до самого существа книги в отношении<ии> цензуры, то я совершенно спокоен, уверен будучи с одной стороны — в вашей благосклонности, а с другой стороны — в безвинности самой книги, при составлении которой я сам был строгим своим цензором, что вы, я думаю, увидите сами. Если же какое и встретится выражение, которое бы даже с

первого раза остановило вас, то я уверен, что к концу книги смысл его объяснится пред вами полней, и вы его признаете только нужным и ничего более. Если ж сделаете какую поправку или указание относительно слога, неточности выражений и т. п., то сим меня крайне обяжете. О письме, равно как и о получении от Плетнева начала рукописи, уведомите меня, адресуя во Франкфурт-на-Майне, на имя Жуковского, прибавляя к Франкфурту s/M. Sachsenhausen, Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor. Засим обнимаю вас от всей души. Весь ваш

Гоголь.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Профессору импер<аторского> С.-Петербург<ургского> университета Александру Васильевичу Никитенке.

С. П. Бург. В университете на Васильев<ском> острове.

А. П. ТОЛСТОМУ

Остенде, август 6 <н ст. 1846>

Что с вами? Где вы? И отчего от вас до сих пор ни одной строчки? Я писал к вам из Греффенберга, где пробыл около месяца и все поджидал вашего брата Алек<сея> Петр<овича>. В Эмсе я встретил Ивана Петровича с его молодой супругой, которой после эмских вод сделалось значительно лучше. Таковы ее и его слова. Они, кажется, обоюдно счастливы, хотя оба не весьма знакомы с опытной жизнью грешного мира сего. Теперь я поселился на время в Остенде, где пробуду, может быть, месяц. До сих же пор пребывал с Жуковским в Швальбахе. Христа ради, хотя одну строчку о себе! Не совестно ли вам позабыть обо мне? Попросите графиню написать также словечка два о состояньи здоровья своего, как душевного, так и телесного. Жду с нетерпеньем ответа. Все об вас также беспокоятся; на днях получил известие от вашей сестрицы Софьи Петровны, которая также жалуется на ваше молчанье.

Адресуйте в poste restante и пришлите ваш маршрут, чтобы я знал, где вас настигнуть и повидать, если вы не заедете в Остенде.

Весь ваш Г.

Если граф уехал из Парижа, прошу отвечать графиню.

На обороте: Paris.

Son excellence monsieur le c-te Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, 9. (Hôtel Westminster).

М. И. ГОГОЛЬ

**Ostend<e>. Августа 10 <н. ст.
1846>**

Я несколько замедлил ответом на письма ваши. Во время моих переездов нынешних не бывает [это не бывает] так легко отвечать в ту же минуту. При этом я ожидал, не напишут ли мне чего сестры в ответ на мое длинное письмо [Далее начато: но ответа], чтобы отвечать за одним разом, но от них, кажется, не ждать мне никаких ответов. Благодарю вас за то, что хотя вы пишете мне, по возможности, подробно и не отговариваетесь ни гостями, ни увеселениями. Скажу вам, однако же, то, что вы бываете весьма часто под влиянием несколько разгоряченных впечатлений. Письмо мое вы читали не в хладнокровную и совершенно спокойную минуту, а потому истолковали всё по-своему и приняли всё в таком смысле, в каком я вовсе и не думал. Этот за вами грех водится, моя почтенная маминька, и я вам должен это напомнить. Вы все вещи принимаете в бóльшем виде, чем они

есть, и ничего не в силах, принимать равнодушно, а потому и жизнь ваша есть еще до сих пор какое-то непрерывное [вечное] душевное беспокойство. Молитесь, богу в такую минуту, когда почувствуете в себе беспокойство: это лучшее средство. После молитвы в такое время уясняется вдруг наш взгляд. Распаленное состояние проходит, и всякая вещь является в своем надлежащем виде. Вы беспокоите<сь> и за меня, думая, что я также, подобно вам всем, беспокоюсь, и пишете, чтобы я не принимал к сердцу писем сестер моих, думая, что это меня волнует. На это вам скажу только то, что я более беспокоюсь тем, когда мне ничего не пишут, [Далее начато: нежели] а когда мне пишут и пишут подробно, тогда я ничуть не беспокоюсь, и огорчительного [и неприятного] для меня в письме не может быть ничего. Что само по себе нехорошо, то замечу, скажу, что оно нехорошо, и побраню за то, если поделом. Но чтобы сердиться или горячиться, или сокрушаться, или же принимать к сердцу всякий пустяк, как вы это делаете, — этого за мной, слава богу, уже давно не водится. И все вещи, даже несравненно боль-

ше огорчающие человека, с меня — что с гуся вода. Стыдно вам до сих пор так знать меня мало и представлять себе какой-то бабой. Но об этом довольно. Смотрите же вперед за собой и берегитесь. А мне пишите подробно обо всем, не пропуская ничего, что у вас ни делается, как собственно в вашем доме, так равно и вокруг вас, у всех наших знакомых и соседей. Адресуйте попрежнему во Франкфурт, на имя Жуковского.

Затем мысленно вас обнимаю

ваш сын Н. Г.

На обороте: Russie. Poltava.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.

В Полтаве. Оттуда в д<еревню> Василевку.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Остенде. Августа 10 <н. ст.
1846>

Пишу и уведомляю <о> моем приезде сюда, который, благодаря бога, совершился благополучно. Две-три морские бани уже взял без отвращения и без особенного удовольствия, как что-то пресное. Что от них будет — знает бог, но чувствую, что всё, что ни будет от него, будет в милость и в добро душевное.

Скажите вашей доброй и ангелоподобной хозяйюшке, чтобы она на меня не гневалась за то, что я не простился с нею. Это у меня случается весьма часто и вовсе не есть знак хладнокровья или равнодушия, но, напротив, [но даже, напротив] доверенности. Если бы я знал, что разлучаюсь надолго, или же чувствовал потребность что-нибудь сказать нужное при расставаньи, я бы никак этого не пропустил и сделал бы даже что-то торжественное из расставанья, как оно и должно быть. Скажите ей, что я мысленно так же с ней простился, как

бы и лично, и, давши лобзание вам и Саше, поцеловал в то же время в вас обоих ее [и ее] самое. А в подкрепление этого, поцелуйте по три раза обе ее ручки и прочитайте сии мои строки, претворив их во французский или немецкий диалект. Все письма, а с ними и посылки, какие ни случатся, храните (как сказано и прежде) у себя. Если какое письмо вследствие ошибки и распечатаете, то этим не конфузьтесь; смотрите только за тем, чтобы не пропало [никак не пропало] распечатанное письмо. Это главное. Здесь есть несколько русских, с которыми я покамест не успел столкнуться. Видел пока только безногого Мещерского, женат<ого> на кн<яжне> Трубецкой, которого вы, я думаю, знаете. Здесь еще приятельница Смирновой, графиня Борх, урожден<ная> Лаваль. Прочие, кажется, незамечательны. На дороге я встретил одного, с которым произо<шла> замечательная внутренняя история в последнее время. Чудны действия божии, и никогда еще не были они так явны, как в последнее время. Уведомьте меня о себе и дайте ответ на это письмо, дабы я знал, что оно вами получено. В начале сен-

тября полагаю быть у вас во Франкфурте...но об этом напишу еще. Затем Христос с вами!

Прощайте. Ваш Г.

В здоровья моем то не весьма хорошо, что начинаю вновь крепко зябнуть и не могу оставаться в сидячем [В подлиннике: в сидящем] состоя<нии> так долго, как было бы потребно мне для переписывания или вообще для занятий. Малейший холодок на меня оцетинивается бурей.

На обороте: Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Остенде. Августа 25 <н. ст.
1846>

Одно письмо мое из Остенде (назад тому недели две) вы уже, без сомненья, получили. Пишу теперь второе. Остаюсь я здесь немного долее, то есть от сего числа недели три, по крайней мере, — тем более, что море начинает, кажется, меня освежать, а это особенно необходимо для моей работы, и тем еще более, что на днях я был обрадован почти неожиданным приездом любезного моего гр<афа> А. П. Толстого, вам весьма известного, который прибыл сюда вместе с двумя братьями Мухановыми, из которых один также вам известен и есть приятель [общий приятель] наших общих знакомых. Они все пробудут здесь около месяца ради морского купанья. А потому прошу вас все письма, какие ни пришли ко мне доселе, запечатавши в один пакет, прислать мне сюда в Остенде, адресуя в poste restante. Что же придет к вам после этого, то всё удержать у себя до моего приезда и

не пересылать.

В одно время с сим письмом к вам послано к Плетневу письмо со вложением второй тетради, о чем [о получении кото<рого>] вы известите его и от себя, дабы в случае какой-нибудь неисправности на почте не произошло бестолковщины и можно было всё дело поправить заблаговременно. После 15-го сентября готовьте для меня мою комнату, где проживу с вами недельки две перед отправлением в большую дорогу, и побеседуем о том, о чем еще доселе не беседовали. Затем целую и обнимаю вас крепко, а вслед за вами хозяйку, деток и весь дом ваш. Напишите непременно несколько строк.

Весь ваш Г.

На обороте: Francfort sur Mein.

Son excellence m-r Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Sachsenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Остенде. 25 августа <н. ст.
1846>

Посылаю тебе вторую тетрадь. В ней отдельно от первой 27 страниц, а в совокупности с нею 47, что значит по выставленным цифрам на всякой странице. Статей же в обеих тетрадях, вместе с прежде посланной отдельно об «Одиссее», четырнадцать, а с предисловием пятнадцать. Это составит почти половину книги. Уведоми покамест, на скольких печатных страницах всё это размещается. Остальные тетради будут высылаться немедленно; по крайней мере, со стороны моей лени не будет никакого помешательства. Работаю от всех сил над перечисткой, переделкой и перепиской. Море, в котором я теперь купаюсь, благодаря бога, освежает и дает силы меньше уставать и изнуряться. Моло и тебя не уставать и не пренебрегать наилучшим исполнением этого дела. Вновь повторяю просьбу, чтобы до времени выпуска в свет книги никто о ней, кроме тебя

и цензора Никитенка, сведений не имел. Типографию избери менее шумную, в которую вхож был бы ты один [один или весьма немногие] и которую почти вовсе не посещали бы литераторы-щелкоперы. В прежнем письме я уже просил о том, чтоб печатать ни слишком разгонисто, ни слишком тесно, но именно так, чтобы книга легко и удобно читалась. Бумагу поставить лучшего сорта, но не до такой степени тонкую, чтобы строки сквозили насквозь. Это и скверно для глаз и неудобно для чтения. О получении этой тетради уведоми немедленно, адресуя попрежнему на имя Жуковского. Я забыл в статье «О помощи бедным» сделать поправку. Именно <в> середине этой статьи, после слов «Туда несите помощь», следует [нужно] поставить так: «Но нужно, чтобы помощь эта произведена была истинно-христианским образом; если же она будет состоять в одной только выдаче денег, она ровно ничего не будет значить и не обратится в добро». И потом в той же статье, немного повыше, поставлено, кажется, неправильно слово «расхлестывается». Лучше [Нужно лучше] поставить: «расхлещется».

Впрочем, ты сам не пренебреги исправить ошибки [кое-какие ошибки] в слоге, какие тебе ни попадутся. У меня и всегда [и без того] слог бывал не щегольской даже и в более отработанных вещах, а тем пуще в таких письмах, которые вначале вовсе не готовились к печати. Но прощай! Бог тебе в помощь! Целую тебя пока письменно и знаю, что мы так обнимемся крепко, когда увидим<ся> лично, как никогда дотолле.

Весь твой Г.

Ю. Ф. САМАРИНУ
<20-ые числа августа н. ст.
1846. Остенде.>

В проезд мой через Париж я познакомился с вашим братцем и от него получил ваше письмо, за которое вас благодарю очень, потому что оно доставило мне короткое знакомство с вами, [Далее начато: Вы сделали] введя меня в ваши отношения. Во всяком случае, вы не сделали ошибки, исповедавши мне положение ваше. Нужно, чтобы хотя один человек понимал вас. А мне это возможно более, чем кому-либо другому, потому что я испытал сам многое, и вряд ли кто более моего может почувствовать, как затруднительно подобное положение. Вы, по крайней мере, нашли человека, которому можно изъяснить это, мне и это было невозможно. Итак, не смущайтесь, но [но стойте твердо] храни вас бог (поверьте в этом человеку опытному) входить в изъяснение с теми, которые вас обвиняют. Вы запутаете их и навлечете [навлечете новы<e>] облака новых недоразумений. Всего лучше, по

моему мнению, отвечать в ответ на все обвинения [отвечать на все вопросы] старою истинною, что нелегко [трудно] осудить человека и что не нужно торопиться выводить заключения, что теперь, особенно в нынешнее время, всё в недоразумениях: недоразумения происходят даже между живущими в одном доме, не только между обитающими в разных городах. И эту старую истину следует выразить [выразите] в словах, сколько возможно менее укорительных, и потом, оставивши речь о себе, обратиться к тому самому лицу, которое вас попрекнуло, заняться [и заняться] собственно им, расспрашивать его побольше о нем самом. Это будет иметь двойную выгоду: во-первых, потому, что о себе и о своих обстоятельствах всякий охотне<й> говорит и, тронутый вашей заботой о нем, позабудет свое неудовольствие против вас. Во-вторых, потому, что вы больше узнаете [расспрашивая, вы больше узнаете] чрез то душевное состояние и расположение духа его, стало быть, придет в состояние [в большее состояние] знать, как быть с ним и в чем помочь. Иногда эти, которые смущаются о нас, гораздо большего

достойны сострадания, чем мы сами, потому что весьма часто [иногда действительно] сами себя мучат. Везде и во всем, как я испытал, следует позабыть себя. Одним этим средством только можно поладить с людьми. Я теперь дивлюсь сам своему неразумию, что, не умевши перенести упреков в скрытности и эгоизме, я вздумал бывало входить в объяснения о себе, тогда как мне следовало просто отвечать: «Я не говорю о себе ничего потому, что мне еще нечего говорить. Я учусь, мне хочется прежде что-нибудь узнать от других, я хочу [и потому я хочу] прежде слушать. Для меня покамест всякий человек гораздо более интересен, чем я сам». Засим обнимаю вас. Не забывайте меня и впредь уведомлять как о себе, так равно и о всем том, что способно занять ваше или мое любопытство. Адресуйте во Франкфурт, *poste restante*, до самого сентября, а от сентября в Неаполь, на имя посольства.

Искренно вас любящий Г.

На обороте: Юрию Федоровичу Самарину.

М. П. ПОГОДИНУ
Сентября 10 <н. ст. 1846>.
Остенде

На письмо твое не отвечал, потому что не знал, куды отвечать: ты этого не объяснил.

Упрек, будто я позабыл тебя, даже неприличен. Я не забываю никого и ничего: ни добра, ни зла, и нахожу, что позабыть то и другое есть бабья мелочь характера. Нужно всё помнить для того, чтобы изворотиться с тем и другим так, как повелел Христос. Когда я чувствую, что письмо мое нужно и от него какая-нибудь может быть польза душе, я пишу. Когда же не вижу надобности, не пишу. И мне нет до того дела, что и как обо мне думает человек, глядящий под условием сочиненных им самим отношений, а не тех, которые даны Христом. Скажу тебе только то, что если ты выехал с тем, чтобы ехать в святую землю, и в этом нашла потребность твоя душа, то не следует оставлять такого намерения, особен-

но когда [когда тебе со<ветуют>] твое здоровье телесное сделалось лучше. Нечего и принимать в расчет мнение доктора, будто поездка по морю [будто Средизе<мное море>] может быть тебе вредна: до сих пор я не слышал, чтобы в болезнях, подобных твоей, морской переезд делал вред. К тому ж, как я вижу даже из твоего письма, болезнь душевная у тебя сильнее телесной. [Далее начато: а здесь] Стало быть, здесь потребен иной, высший медик. [доктор] Что же до меня, маршрут мой следующий: в Остенде, где живу для морского купанья, пробуду до последних числ сего месяца, оттуда через Франкфурт (где пробуду недели две) в Италию, в Риме [пробуду в Риме] до декабря, в Неаполе до середины февраля будущего года, к великому посту и пасхе — в Иерусалим, путем Средиземного моря. Буду рад, если встречу тебя там. Но да внушит тебе бог то, что тебе лучше и приличней. [Далее начато: Это] Он знает это больше нас. Стоит только хорошенько войти в самого себя и услышать голос его самого. До меня достигли слухи, будто Погодин вновь стал тот же Погодин, каким был до смерти жены своей.

Сильное несчастье есть страшный будильник и дается затем человеку, чтобы он стал весь другой с ног до головы, как бы до тех пор он ни считал себя готовым и созревшим человеком. А потому разбери себя мысленно перед лицом Христа во всех своих поступках прежде смерти жены своей и после смерти ее, и если найдешь в себе всё в том же виде, как было прежде, и убедишься сам, что ты остался тот же Погодин, то мой совет ехать тогда в Иерусалим. Затем да сохранит тебя и наставит бог во всем, я же, как говеющий и отправляющийся на богомолье, прошу тебя простить за всё, чем ни случилось мне огорчить тебя во всю жизнь мою.

Если будешь писать, то до половины октября можешь адресовать во Франкфурт, на имя Жуковского, после же того в Рим, в *poste restante*, [или в *poste restante*] или в посольство.

Твой Г.

На обороте: *Wienne (en Autriche)*.

Monsieur

monsieur Pogodine.

Wienne. Recommandée aux soins obligeants
de la Mission impériale de Russie.

М. П. ПОГОДИНУ
<10 сентября н. ст. 1846.
Остенде.>

Так как ты не означил мне, куда писать к тебе, то я, чтобы верней дошло мое письмо, написал в Вену, в наше посольство. А эту записку отправляю в *poste restante*, затем, чтобы, если не случится тебе побывать в посольстве, а заглянуть на почту, ты узнал, что есть в посольстве для тебя письмо.

Г.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Остенде. Сентября 12 <н. ст.
1846>

Уведомляю вас, что буду к вам или первого октября, или первых чисел октября, и что к Плетневу послана третья тетрадь. Работа идет, благодаря бога, трезво и здравомысленно; море придает сил и свежит. Еще немного свежего времени — и всё будет кончено. Обнимаю вас и говорю: «до свиданья».

Ваш Г.

На обороте: Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten
vor dem Schaumeinthor.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Сентября 12 нов. ст. <1846>.
Остенде

Посылаю тебе третью тетрадь. (В ней семь статей, а с прежними 21; страниц тридцать две, а с прежними 80). Не сердись, если не так скоро высылаю. Вины моей нет: тружусь от всех сил. Некоторые письма нужно было совсем переделать: так они оказались неопрятны. Еще две небольших тетрадки — и всё будет кончено. Не ленюсь ни капли; даже через это не выполняю как следует леченья на морских водах, где до сих пор [ныне] еще пребываю. Прощай. Уведоми о получении этой тетради, адресуя к Жуковскому. В месяц, надеюсь на бога, всё будет кончено. Книжка выйдет в свет немного позднее, но зато дело будет прочней. Не скучай за работой и будь бодр! Обнимаю тебя.

Твой Г.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Остенде. Сентябрь <я> 26 <н.
ст. 1846 >

Посылаю тебе четвертую тетрадь, еще маленькая тетрадка — и конец делу; она будет выслана уже из Франкфурта, куда теперь еду, и будет заключать две заключительные статейки о поэзии, поэтах [о поэзии и поэтах] и еще кое-что, относящееся до собственной души из нас каждого, без чего книга была бы без хвоста. О получении же четвертой, ныне посылаемой, тетради уведоми меня сейчас же, адресуя попрежнему на имя Жуковского; это [мне это] необходимо для моего успокоения. В ней 32 страницы, а считая с прежними — 112. Статей 9, а считая с прежними — тридцать. Слог изравняй; где встретишь грамматические ошибки, поправь. Не скучай за работой. Мужествуй и гляди твердо вперед. Всё будет светло. Говорю тебе это во имя бога и обнимаю тебя крепко.

Твой Г.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Остенде. 26 сентября <н. ст.
1846>

Письмо твое получено несколько поздно. Жуковский, боясь, чтобы письма ко мне не разъехались со мною, хранил их до моего приезда во Франкфурт, а я пробыл в Остенде, где беру, или брал, морские ванны, немного долее; теперь еду к Жуковскому, а с ним проведу недели две до отъезда моего в Италию и там отделаю окончательно мои дела относительно всяких ответов и писем. Предисловие ко второму изданию «Мертвых душ» посылаю на днях к Плетневу. От него ты получишь его цензурированное. Виньетку на обертку для книги закажи ту же самую Сиверсу.

Читаю я твои лекции по экземпляру, полученному от тебя, и жду с нетерпением второй тетради. Это первое степенное дело в нашей литературе. Но вот тебе покамест замечание: ты поторопился подать читателю или слуша-

телям вперед тобою выведенные результаты, для полного уразумения которых еще не так подготовлены читатель или слушатель, а потому твоя книга пока не вся целиком поймется всеми. Но это ничего. Может быть, пощастливится мне подставить ступеньку к твоей книге тем, которые без того не подымутся к ней. Но прощай! Буду писать к тебе скоро и подробней...

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Франкфурт. 3 октябр<я>
НОВОГО СТИЛЯ <1846>

Письмо твое (от 27 август<а> стар<ого> Стиль<я>) получил. Ничего [В подлиннике описка: ничем] не успеваю тебе на этот раз сказать. Посылаю только предисловие к второму изданию «Мертв<ых> душ», которое дай Никитенке подписать и отправь немедленно Шевыреву. О прочем в следующем. Спешу не опоздать с почтой. Четвертую тетрадь, высланную на прошлой неделе из Остенде, ты, вероятно, получил. Занят пятою, которая будет готова с небольшим через неделю. Прощай!

Твой Г.

Перевороти страницу: там есть поправка одного места в четвертой тетради.

Поправки в статье: «Занимающему важное место».

В том месте, где говорится о дворянстве, сказано так: «Сословие [Звание] это в своем ядре прекрасно, несмотря на шелуху, его облекающую».

Нужно так:

«Сословие это, в своем истинно русском ядре, прекрасно, несмотря на временно выросшую чужеземную шелуху».

В середине то<го> же места о дворянстве сказано так:

«Государь любит это сословие больше всех других, но любит в его истинном виде».

Нужно так:

«Государь любит это сословие больше всех других, но любит в его истинно русском значении, в том прекрасном виде, в каком оно должно быть по духу самой земли нашей».

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Г. ректору С. П. Б. императ<орского> университета его превосходительству Петру Александровичу Плетневу.

В С. П. Бурге. На Васил<ьевском> о<строве>. В университете.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Франкфурт, 5 октября <н. ст.
1846>

Спешу прибавить тебе несколько строк. На днях отправил к Плетневу предисловие к «Мертвым душам». Вероятно, ты его уже имеешь. Исправь, пожалуйста, слог. Я не мастер на предисловия. Для меня труден этот приличный язык, которым должен разговаривать автор с нынешней публикою, а потому угадываю всякое неловкое выражение и устрой всякий неуклюжий период. Мне нужно было сказать дело весьма для меня нужное. После это почувствуешь и сам, хотя теперь и не смекнешь, почему оно мне нужно. Что книга выйдет несколько позже, это ничего; ей даже и не следует выходить раньше некоторого другого предисловия, не сделавши которого, мне нельзя и в дорогу. Дело это возложено на Плетнева. Это выбор из некоторых моих писем к друзьям, который должен выйти особой книгой. Но это пока между нами. Там, между прочим, часть моей исповеди

и объяснение того, что так смущало некоторых относительно моей скрытности и прочее. Печатать я должен был в Петербурге по причинам, которые можешь смекнуть и сам, по причине близости цензурных непосредственных и высших разрешений. В это дело, кроме Плетнева и цензора, не введен никто, а поэтому и ты не сообщай о нем никому, кроме разве Языкова, который имеет один об этом сведение, и то потому, что нечто из писем, мною к нему писанных, поступило в выбор. Из этой книги ты увидишь, что жизнь моя была деятельна даже и в болезненном моем состоянии, хотя на другом поприще, которое есть, впрочем, мое законное поприще, и что велик бог в своих небесных милостях. Но обо всем этом после. Может быть, через месяц, то есть, если не в конце октября, то в начале ноября, должна выйти книга, а потому до того времени не выпускай «Мертвые души». Плетнев пришлет тебе несколько экземпляров, а в том числе и подписанный цензором на второе издание, потому что, по моему соображению, книга должна разойтись в месяц. Это первая моя дельная книга, нужная у нас мно-

гим, а может быть, если бог будет так милостив, принесущая им действительную пользу: что изошло от души, то нельзя, чтобы не принесло пользы душе. Через неделю или полторы буду писать к тебе. Теперь захопотался именно этим делом. Прощай.

Адресуй письма в Рим, на имя посольства. Во Франкфурте остаюсь только две недели и едва управлюсь с делами, которые должен кончить здесь, отправляюсь в дорогу.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

**Франкфурт. Октябр<я> 5 <н.
ст. 1846>**

И ты против меня! Не грех ли и тебе склонять меня на писание журнальных статей, — дело, за которое уже со мной поссорились некоторые приятели? Ну, что во мне толку и какое оживление «Московскому сборнику» от статьи моей? Статья всё же будет моя, а не их; стало быть, им никакой чести. Признаюсь, я не вижу никакой цели в этом сборнике. Дела мало, а педантства много. А из чего люди в нем хлопочут, никак не могу себе определить. Вышел тот же мертвый номер «Москвитянина», только немного потолще. У нас воображают, что всё дело зависит от [от того, чтобы] соединения сил и от какой-то складчины. Сложись-ка прежде сам да сделайся капитальным человеком, а без того принесешь сор в общую кучу. Нет, дело [теперь дело] нужно начинать с другого конца. Прямо с себя, а не с общего дела. Воспитавай прежде себя для общего дела, чтобы уметь,

точно, о нем говорить, как следу<ет>. А они: надел кафтан да запустил бороду, да и воображают, что распространяют этим русский дух по русской земле! Они просто охаивают этим всякую вещь, о которой действительно следует поговорить и о которой становится теперь стыдно говорить, потому <что> они обратили ее в смешную сторону. Хотел я им кое-что сказать, но знаю, что они меня не послушают, а следовало бы каждому из <них> войти лучше в собственные силы и рассмотреть, [рассмотреть, на что именно они им] к какому делу каждый создан вследствие ему данных способностей. Им, слава богу, уже по тридцати и по сорока лет; пора оглядеться. А Панову скажи так, что я весьма понял всякие ко мне заезды по части статьи отдаленными и деликатными дорогами, но не хочет ли он понюхать некоторого словца под именем: нет? Это словцо имеет запах не совсем дурной, его нужно только лучше разнюхать. Эти три строки можешь даже ему показать, а прочего не показывай; их не следует обескураживать. Я их выбраню, но потом и притом таким образом, что они после брани подымут нос, а не

опустят. Нельзя говорить человеку: «Делаешь не так», не показавши в то же время, как должно делать. А потому и ты также сиди до времени смирно и не шуми, и хорошенько ощурай себя и свой талант, который, видит бог, не затем тебе дан, чтобы писать посланья к Каролинам, но на дело больше крепкое и прочное. Ты прочти внимательно книгу мою, которая будет содержать выбор из разных писем. Там есть кое-что направленное к тебе, посильнее прежнего, и если бог будет так милостив, что вооружит силою мое слово и направит его как раз на то место, на которое следует ударить, то услышат от тебя другие послания, [услышат от тебя все другие стихотворения] а в них твою собственную силу со всем своеобразием твоего таланта. Так я верю и хочу верить. Но до времени это между нами. Книгу печатает в Петербурге Плетнев, и выйдет <она> не раньше, как через месяц после полученья тобою этого письма. [В подлиннике описка: места.] В Москве знает только Шевырев. Но прощай. Бог да сопутствует тебе во всем! Адресуй в Рим или в *poste restante*, или на имя Иванова, что еще лучше. Во

Франкфурте пробуду две недели. Жуковский тебе кланяется. Обнимаю тебя.

Твой Г.

На обороте: Николаю Михайловичу Языкову.

А. О. СМИРНОВОЙ

**Франкфурт. Октября 8 <н. ст.
1846>**

Что ж вы, друг мой, моя найдобрейшая Александра Осиповна, что вы замолкнули? Или вы находитесь не в том духе, чтобы писать ко мне, или вас озадачило длинное письмо мое? Но длинные письма своим чередом, а коротенькие своим. Хоть два словечка о состояньи своем душевном, чтобы я знал, о чем для вас помолиться! Обо мне же молитесь, да попутствует мне неотлучно бог в предстоящем мне путешествии и да держит меня неотлучно при себе, не попустив никакой мысли не от него поселиться мне в ум и душу, и да будет ко мне так же безмерно милостив, как был доселе. А я буду о вас молиться уже в святой земле, в надежде, что там будет лучше моя молитва. А вы крепитесь. Если ж вам, точно, будет невыносимо в Калуге или где-либо, то это знак, что у вас болит душа, и тогда нужно другое лекарство. Благословясь, поезжайте с богом со мной в Иерусалим, а

деньги молельщикам и богомольцам всегда будут на дорогу. Отсюда отправляюсь в Италию, в этом же месяце. До декабря адресуйте письма в Рим, до февраля будущего года — в Неаполь. А первых чисел февраля я, с богом, в дорогу. Прощайте.

Весь ваш Г.

На обороте: Kalouga. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В Калуге.

А. О. СМЕРНОВОЙ

**<Франкфурт. 15 октября н. ст.
1846.>**

Друг мой Александра Осиповна, мне скучно без ваших писем! Зачем вы замолчали? Но не из-за этого упрека я взял теперь перо писать к вам. Есть другая причина. Взываю к вам о помощи. Вы должны ехать в Петербург, если только позволит вам ваше здоровье. От Плетнева узнаете всё и с ним обдумаете, как и чем можно быть лучше мне полезным. Приходит время, когда должна объясниться хотя отчасти свету причина долгого моего молчания и моей внутренней жизни. Друг мой, если бог милостив, то можно собрать прекрасную жатву во славу святого имени его. Верю, что бог даст наконец мне радость принести добро многим душам. Друг мой прекрасный, требую от вас содействия; один человек, как бы он ни обдумал хорошо, всё ничего не значит. Встретились разные затруднения по поводу появления той книги, которая, по убеждению души моей, будет теперь очень нужна

и которую перед моим удалением во святую землю нужно выдать непременно. Но с Плетневым переговорите обо всем. Кроме его и цензора, никто не знает; по крайней мере, я так желал, чтобы было.

Ваш Г.

Адресуйте письмо ваше в Неаполь. В Рим я вряд ли заеду, да и незачем. Еду отсюда дней через пять. Жуковск<ий> здоров и вам кланяется. Я было укрепился на морск<ом> купанье. Теперь опять как-то расклеился. Но бог всё творит, верно, к какому-нибудь новому душевному добру.

На обороте: Kalouga. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В Калуге.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Окт<ября> 16 <н. ст. 1846>.
Франк<фурт>

Тороплюсь отправить тебе пятую и заключительную тетрадь. Так устал, что нет мочи; в силу сладил, особенно со статьей о поэзии, которую в три эпохи мои писал [писал вновь] и вновь сожигал и наконец теперь написал, потому именно, что она необходима моей книге, [Далее начато: и без н<ее>] в объяснение элементов русского человека. Без этого она бы никогда не написалась: так мне трудно писать что-нибудь о литературе. Сам я не вижу, какой стороной она может быть близка к тому делу, которое есть мое кровное дело. Скорбно мне слышать происшедшие неурядицы от медленности Никитенки. Но чем же виноват я, добрый друг мой? Я выбрал его потому, что знал его все-таки за лучшего из других, и притом, видя его имя, выставяемое у тебя на «Современнике» я думал, что ты с ним в сношениях теснейших, чем с другими цензорами. Никитенко ленив, даже до неве-

роятности, это я знал, но у него добрая душа, и на него особенно следует наседать лично. Говоря ему беспрерывно то, о чем и я хочу с своей стороны ему хорошенько растолковать: что с книгой не нужно мешкать, потому что мне нужно прежде нового года собрать деньги [собрать даже деньги] за ее распродажу с тем, чтобы пуститься в дальнюю дорогу. Путешествие на Восток не то, что по Европе. Удобств никаких, издержек множество, а мне нужно, сверх этого, еще и помочь тем людям, которым, кроме меня, никто не поможет. Если же Никитенко будет затрудняться или одолевается робостью, то мое мнение — печатать книгу и в корректурных листах поднести всю на прочтенье государю. Дело мое — правда и польза, и я верю, что моя книга будет вся им пропущена. В последнем случае поговори об этом хорошенько с Александрой Осиповной, если она только уже в Петербурге; она сумеет, как это устроить. Если же дойдет до духовной цензуры, то этого не бойся. Не делай только этого официальным образом, а призови к себе духовного цензора и потолкуй с ним лично; он пропуст<ит> и скорей, может быть, чем

думаешь. В словах моих о церкви говорится то самое, что церковь наша сама о себе говорит и в чем всякий из наших духовных согласен до единого. Извини, что так дурно [скв<ерно>] пишу. Устал в полном смысле и разболелся вновь всем телом; через два дни получишь другое письмо, с подробнейшим распоряжением относительно книги, ее выпуска, продажи и прочего. А между тем тут, в этой тетради, найдешь вставку и перемену к письму [статье] «О лиризме наших поэтов». Нужно выбросить всё то место, где говорится о значении власти монарха, в каком оно должно явиться в мире. Это не будет понято и примется в другом смысле. К тому же сказано несколько нелепо, о нем после когда-нибудь можно составить умную статью. Теперь выбросить нужно ее непременно, хотя бы статья была и напечатана, и на место ее вставить то, что написано на последней странице тетради.

Кусок, который следует выбросить, начинается словами: «Значение [Полное значение] полномочной власти монарха возвысит-

ся еще» и прочее и оканчивается словами: «Такое определение не приходило еще европейским правоведцам».

О получении этого письма уведоми меня непременно письмом в Неаполь, на имя посольства или в *poste restante*, и всё, что ни случится о том, адресуй в Неаполь. Прощай, до следую<щего> письма. Тороплюсь отдать на почту.

Весь твой Г.

Страниц в 5<-й> тетради включительно с прежними 147, а статьи две и третья вставка.

**В. А. ЖУКОВСКОМУ
<Франкфурт. 8/20 октября
1846.>**

Нельзя было лучше и кстати сделать подар-
ка. Моя книжка вся исписалась. Подарку
дан был поцелуй, а в лице его самому

хозяину.

На обороте: В. А. Жуковскому.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

**Франкфурт. 20 октя<бря н. ст.
1846>**

Назад тому два дни отправил к тебе пятую и последнюю тетрадь. От усталости и от возвращения вновь многих болезненных недугов не в силах был написать об окончательных распоряжениях. Пишу теперь. Ради бога, употреби все силы и меры к скорейшему отпечатанью книги. Это нужно, нужно и для меня, и для других; словом, нужно для общего добра. Мне говорит <это> мое сердце и необыкновенная милость божия, давшая мне силы потрудиться тогда, когда я не смел уже и думать о том, не смел и ожидать потребной для того свежести душевной, и всё мне далось вдруг на то время: вдруг остановились самые тяжкие недуги, вдруг отклонились все помешательства в работе, и продолжалось всё это по тех пор, покуда не кончилась последняя строка труда. Это просто чудо и милость [и чудо и милость] божия, и мне будет грех тяжкий, если стану жаловаться на возвращенье

трудных, болезненных моих <припадков>. Друг мой, я действовал твердо во имя бога, когда составлял мою книгу, во славу его святого имени взял перо, а потому и расступились перед мною все преграды и всё, останавливающее бессильного человека. [всё, останавливающее бессильного человека, уступило] Действуй же и ты во имя бога, печатая книгу мою, как бы делал сим дело на прославление имени его, позабывши все свои личные отношения к кому бы то ни было, имея в виду одно только общее добро, — и перед тобой расступятся также все препятствия. С Никитенком можно ладить, но с ним необходимо нужно иметь дело лично. Письмом и запиской ничего с ним не сделаешь. В нем не то главное, что он ленив, но то, что он не видит и не чувствует сам, что он ленив. Я это испытал: в бытность мою в Петербурге я его заставил в три дни прочесть то, что он не прочел бы сам по себе <в> два месяца. А после моего отъезда всякая небольшая статья залеживалась у него по месяцу. На него нужно серьезно насесть и на все приводимые им причины отвечать одними и теми же словами: «Послушайте, всё

это, что вы говорите, так и могло бы иметь место в другом деле, но вспомните, [вспомните прежде] что всякая минута замедления расстраивает совершенно все обстоятельства автора книги. Вы — человек умный и можете видеть сами, что в книге содержится дело, и предпринята она именно затем, чтобы возбудить благоговенье ко всему тому, что поставляется нам всем в закон нашей же церковью и нашим правительством. Вы можете сами смекнуть, что сам [что и сам] государь же и двор станет в защиту ее. [в защиту каждого слова] Переглядите и цензурный устав ваш, и все предписания прибавочные и покажите мне, против какого параграфа есть в книге противуречие. Стыдно вам и колебаться этим, подписуйте твердо и теперь же листки, потому что типография ждет, а времени и без того уже упущено довольно». И если ж им одолеют какие-нибудь нерешительности от всякого рода нелепых слухов, которые сопровождают всякий раз печатанье моей книги, какого бы ни была она рода, то обо всем переговори, как я уже писал в первом письме, с Алекс<андрой> Осиповной и, наперекор всем помеша-

тельствам, ускорь выход книги. Как кремень, крепись, верь в бога и двигайся вперед — и всё тебе уступит! По выходе книги приготовь экземпля<ры> и поднеси всему царскому дому до единого, не выключая и малолетних, всем великим князьям, детям наследника, детям Марь<и> Никола<е>вны, всему семейству Михаила Павловича. Ни от кого не бери подарков и постарайся от этого вывернуться; скажи, что поднесенье этой книги есть выражение того чувства, которого я сам не умею себе объяснить, которое стало в последнее <время> еще сильнее, чем было прежде, вследствие которого всё, относящееся к их дому, стало близко моей душе, даже со всем тем, что ни окружает их, и что поднесеньем этой книги им я уже доставляю удовольствие себе, совершенно полное и достаточное, что вследствие и болезненного своего состояния, [состояния душевного] и внутреннего состояния душевного, меня не занимает всё то, [это] что может еще шевелить и занимать человека, живущего в свете. Но если кто из них предложит от себя деньги на вспомоществование многим тем, которых я встречу идущих на по-

клонение к святым местам, то эти деньги бери смело. [Далее начато: чем их] Друг, много есть [много есть и то] людей, требующих помощи, о которых мы и не знаем, и не подозреваем, но которых страдальческую повесть если бы услышало какое сердце, хотя бы самое бесчувственное, заныло бы оно от скорби. Многим художникам, многим, многим талантам следует хотя нищенское вспомошествова<ние>, чтобы не погибли с голода в буквальном смысле. Есть многие, которые постигнули уже высшую тайну искусства и его высшее призвание, и для них так нужны святые места и евангелическая земля, как народу еврейскому была нужна манна в пустыне. Много есть также людей и на других поприщах, которые принесут пользу истинную отечеству и всё выплатят с избытком, на них употребленное, и которые влекутся непостижимой душевной потребностью на поклонение святым местам именно в наступающем году. А потому если бы кто предложил из посторонних для этого деньги, бери и посылай ко мне. Дам отчет во всякой копейке и не брошу никому незаслуженно, если только бог не

оставит вразумленьем ум мой, как не остав-
лял доселе. [иногда] Нужно слишком сообра-
жать и взвешивать положенье [состоянье]
тех, которым стремишься подать помощь, а
особливо если располагаешь не своими, но
чужими деньгами. Шесть экземпляров отдай
(тот же час по выходе книги) Софье Миха-
ил<овне> Соллог<уб>, с присоединеньем при-
лагаемого письма. Шесть экземпляров и седь-
мой, с подписаньем цензора на второе изда-
ние, отправь немедленно в Москву к Шевыре-
ву. (Второе издание должно быть напечатано
в Москве, ради несравненно большей деше-
визны и ради отдыха тебе). Шесть экземпляр-
ов отправь моей матери, с надписаньем: «Ее
высокоб<лагородию> Марье Ивановне Гоголь,
в Полтаву». [в Полтавскую губернию] Один
экземпл<яр> в Харьков Иннокентию, с присо-
единен <ием> при сем следуемого письмаца.
Два экземпляра — в Ржев Тверской губернии
священнику Матвею Александровичу. Экзем-
пляра же три, а если можно и более, отправь
немедленно мне с курьером. Попроси от меня
лично графиню Нессельрод, давши ей от име-
ни моего экземпляр. Скажи, ей, что она очень,

очень большое сделает мне одолжение, если устроит так, что я получу эту книгу в Неаполе наискорейшим порядком, и попроси [представ<ь> кроме] ее тоже от меня отправить немедленно в Париж два экземпляра графу Александру Петровичу Толстому. [Далее начато: адре<суй>] Не забудь и Жуковского. Отдай еще Арк<адию> Россети три экземпляра с письмом. Вот тебе всё. Кажется, больше никому. Прочие купят. Ты спрашива<л>, когда же я в Россию. Знает это тот, кто правит всеми нашими обстоятельствами. Что касается до меня, то скажу тебе, что еще никогда не было во мне желания такого сильного ехать в Россию, и я думаю из Иерусалима после светлого праздника первым весенним путем на Константинополь и Одессу направить парус к берегам ее. Хочется очень обнять всё близкое душе моей, а в том числе и тебя. Прощай.

Весь твой Г.

Все, что ни будет, деньги, письма, всё адресуй в Неаполь, на имя посольства.

На обороте: S. Pétersbourg. Russie.

Ректору С. П. Б. император<ского> университета его превосходительству Петру Александровичу Плетневу.

В С. П. Бурге. На Васильевск<ом> острове, в университете.

**Л. К. и А. М. ВЬЕЛЬГОРСКИМ
и С. М. СОЛЛОГУБ**
Франкфурт. [Баден] 1846.
Октябр<я> 22 <н. ст.>

Что вы, мои прекрасные, мои близкие душе моей, все замолкнули? Что вы, моя старшая графиня, матушка моих милых сестер, после вашего длинного письма, исполненного гнева на современный порядок вещей (за которое потом вас побраню), вдруг затихнули и отдыхаете на лаврах? [на лаврах, удовольствовавшись тем, что удалось хоть кого-нибудь выбрать] Пишите ко мне в Неаполь. Я еще не пущусь в дорогу раньше генваря последних чисел будущего 1847 года. Адресуйте письма или в посольство, или в *poste restante*. Чем обстоятельней и длинней письмо, тем будет лучше. Мне теперь нужны обстоятельные письма от моих друзей, чтобы открылось мне настоящее состояние душ их и знал бы я, о чем и как для них помолиться.

Обнимаю вас всех. Прощайте.

Весь ваш ваш родной брат Г.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Стразбург, окт<ября> 24 <н.
ст.1846>

Прошу тебя доставить это письмо Щепкину, которое должен он прочесть при тебе, а потом дать его прочесть тебе и больше никому. Если на случай Щепкин в Петербурге, то письмо распечатай, прочти и потом отправь к нему в Петербург, хоть на имя Плетнева. Из него ты увидишь, в чем дело. «Ревизор» должен быть напечатан в своем полном виде, с тем заключением, которое сам зритель не догадался вывести. Заглавие должно быть такое: «Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях, с заключением. Соч. Н. Гоголя. Издание четвертое, пополненное, в пользу бедных». Игратья и выйти в свет «Ревизор» должен не прежде появления книги «Выбранные места»: иначе всё не будет понятно вполне. Об остальных распоряжениях извещу тебя потом, вместе с присылкой необходимого предисловия. Теперь же, за множеством всякого рода хлопот и ответов на письма, которые

вряд ли кому-либо приходится получать со всех сторон в таком множестве, не могу писать более. Скажу только, что я на дороге, в Стразбурге; завтра еду, пробираясь на Ниццу, в Италию.

Уведоми меня обо всем, что ни делается в Москве и что ни говорится обо мне, особенно всякие невыгодные и дурные слухи: их мне нужно знать гораздо более, чем все хорошие. Враки, враки, а во враках бывает часто немало правды. За собой так трудно уберечься, что следует по-настоящему платить чистым золотом за всякую доставку нам скверных вестей о нас. Теперь же вестей обо мне должно быть немало, потому что я еще не помню, чтобы печатанье какой бы то ни было книги моей не было сопровождено всякого рода вестями, слухами, историями и вымыслами всех родов, как ни стараешься дело это производить сколько возможно потише. Но обнимаю тебя. Прощай. Жду с нетерпеньем твоего уведомления в Неаполь...

М. С. ЩЕПКИНУ
<24 октября н. ст. 1846.
Страсбург.>

Миха<и>л Семенович! Вот в чем дело: вы должны взять в свой бенефис «Ревизора» в его полном виде, то есть следуя тому изданию, которое напечатано в полном собрании моих сочинений, с прибавлением хвоста, посылаемого мною теперь. Для этого вы сами непременно должны съездить в Петербург, чтобы ускорить личным присутствием ускорение цензурного разрешения. Не знаю, кто театральный цензор. Если тот самый Гедеонов, который был в Риме с графом Васильевым и с которым я там познакомился, то попросите его от моего имени крепко. Во всяком случае, обратитесь по этому делу к Плетневу и гр<афу> М. Ю. Вьельгорскому, которым всё объясните и которых участие может оказаться нужным. Скажите [Во всяком случае скажите] как им, так и себе самому, чтобы это дело до самого времени представления не разглашалось и оставалось бы в тайне между ва-

ми. Хлестакова должен играть Живокини. Дайте непременно от себя мотив другим актерам, особенно Бобчинскому и Добчинскому. Постарайтесь сами сыграть перед ними некоторые роли. Обратите особенное внимание на последнюю сцену. Нужно непременно, чтобы она вышла картинной и даже потрясающей. Городничий должен быть совершенно потерявшимся и вовсе не смешным. Жена и дочь в полном испуге [страхе] должны обратить глаза на его одного. У зрителя училищ должны трястись колени сильно, [как в лихорадке] у Земляники также. Судья, как уже известно, с присядкой. Почтмейстер, как уже известно, [как уже известно, тоже] с вопросительным знаком к зрителям. Бобчинский и Добчинский должны спрашивать глазами друг у друга объяснения этому всему. На лицах дам-гостей ядовитая усмешка, кроме одной жены [кроме охотницы] Луканчика, которая должна быть вся — испуг, бледна, как смерть, и рот открыт. Минуту или минуты две непременно должна продолжаться эта немая сцена, так чтобы Коробкин, соскучившись, успел попотчевать Растаковского таба-

ком, а кто-нибудь из гостей даже довольно громко сморкнуть в платок. [Далее начато: Примеча<ние>] Что же касается до прилагаемой при сем «Развязки Ревизора», которая должна следовать тот же час после «Ревизора», то вы, прежде чем давать ее разучать актерам, вчитайтесь хорошенько в нее сами, войдите в значение и в крепость всякого слова, всякой роли, так, как бы вам пришлось все эти роли сыграть самому, и, когда войдут они вам в голову все, соберите актеров и прочитайте им, и прочитайте не один раз, — прочитайте раза три-четыре или даже пять. Не пренебрегайте, что роли маленькие и по несколько строчек. Строчки эти должны быть сказаны твердо, с полным убеждением в их истине, потому что это — спор, и спор живой, а не нравоученье. Горячиться не должен никто, кроме разве Семена Семен<ови>ча, но слова произносить должен всяк несколько погромче, как в обыкновенном разговоре, потому что это спор. Николай Никола<ев>ич должен быть даже отчасти криклив; Петр Петрович — с некоторым заливом. Вообще было бы хорошо, если бы каждый из актеров

держался сверх того еще какого-нибудь ему известного типа. Играющему Петра Петровича нужно выговаривать свои слова особенно крупно, отчетливо, зернисто. Он должен скопировать того, которого он знал [знал, как] говорящего лучше всех по-русски. Хорошо бы, если бы он мог несколько придерживаться американца Толстого. Николаю Николаевичу должно, за неимением другого, придерживать<ся> Ник<олая> Филипповича Пав<лова>, потому что у него самый ровный и пристойный голос из всех наших литераторов, притом в него не трудно попасть. Самому Семену Семеновичу нужно дать более благородную замашку, чтобы не сказали, что он взят с Николая Миха<й>лов<ича> Заг<оскина>. Вам же вот замечание. Старайтесь произносить все ваши слова как можно тверже и покойней, как бы вы говорили о самом простом, но весьма нужном деле. Храни вас бог слишком расчувствоваться. Вы расхныкаетесь, и выйдет у вас просто чорт знает что. Лучше старайтесь [Вы лучше старайтесь] так произнести слова, самые близкие [хотя самые близкие] к вашему собственному состоянию душевному, что-

бы зритель видел, что вы стараетесь удержаться себя от того, чтобы не заплакать, а не в самом деле заплакать. Впечатление будет оттого несколько раз сильней. Старайтесь за-благовременно, во время чтения своей роли, выговаривать твердо всякое слово, простым, но понимающим языком, — почти так, как начальник артели говорит своим работникам, когда выговаривает им или попрекает в том, в чем действительно они провиновались. [виноваты] Ваш большой порок в том, что вы не умеете выговаривать твердо всякого слова: от этого вы неполный владелец собою в своей роле. В городничем вы лучше всех ваших других ролей именно потому, <что> почувствовали потребность [заставлены] говорить выразительней. Будьте же и здесь, и в «Развязке Ревизора», тем же городничим. Берегите себя от сентиментальности и караульте сами за собою. Чувство явится у вас само собою, за ним не бегайте; бегите за тем, как бы стать властелином себя. Обо всем этом не сказывайте никому в Москве, кроме Шевырева, по тех пор, покуда не возвратитесь из Петербурга. У вас язык немножко

длинноват; вы его на этот раз поукоротите; если ж он начнет слишком почесываться, то вы придите в другой раз к Шевыреву и расскажите ему вновь, как бы вы рассказывали свежему и совсем другому человеку. «Развязку» нужно будет переписать, потому что, кроме экземпляра, нужного для театральной цензуры, другой будет нужен для подписанья цензору Никитенке, которому отдаст Плетнев, ибо «Ревизор» должен напечататься отдельно с «Развязкой» ко дню представления и продаваться в пользу бедных, о чем вы при вашем вызове по окончании всего должны возвестить публике, что не благоугодно ли ей, ради такой богоугодной цели, сей же час по выходе из театра купить «Ревизора» в театральной же лавке, а кто разохотится дать больше означенной цены, тот бы покупал ее прямо из ваших рук для большей верности. А вы эти деньги потом препроводите к Шевыреву. Но об этом речь еще впереди. Довольно с вас покамест этого. Итак, благословясь, поезжайте с богом в Петербург. Бенефис ваш будет блистателен. Не смотрите на то, что пьеса заиграна и стара. Будет к этому времени такое об-

стоятельство, что все пожелают вновь увидеть «Ревизора», даже и в том виде, в каком он давался прежде. Сбор ваш будет с верхом полон. [Далее начато: об этом не заботьтесь] Поговорите с Сосницким, чтобы увидеть, можно ли то же самое сделать и в Петербурге сколько возможно таким образом, как [как и] в Москве. Прежде его испытайте: он немножко упрям в своих убеждениях. Скажите ему, что это стыдно и не в христианском духе иметь такое гордое мнение в своей безошибочности, и что он первый, если бы только захотел истинно постараться о том, чтобы последняя сцена вышла так, как ей следует быть, она бы сделалась чистая натура. Не приметил бы зритель никакой искусственности и принял бы ее за вылившуюся непринужденно. Скажите ему, что для русского человека нет невозможного дела, что нет даже на языке его и слова нет, если он только прежде выучился говорить всяким собственным страстишкам: нет. [Далее начато: [О получении]] Но]

Письмо это дайте прочесть Шевыреву, так

же, как и самую «Развязку Ревизора», и о получении всего этого уведомите меня тот же час, адресуя в Неаполь, *poste restante*.

Весь ваш Г.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

Ноябрь 2 <н. ст. 1846. Ницца>

Пишу к вам, моя добрая и близкая душе мойей Анна Миха<й>ловна, с дороги, из места, нам обоим весьма памятного, именно из Ниццы. Она мне очень напомнила нашу прежнюю жизнь и путешествия от дома Paradis до дома Мазари, где жили Соллогубы, и до дома (уж позабыл имя хозяина, хотя наружность дома осталась в памяти), где жила Смирнова. Но не об этом теперь речь. Вы всегда жаловались, что вам нет поприща, мало [и мало] дела и не знаете, чем быть полезну другим. Это настоящая тайна хандры вашей, хотя этого покаместь вы еще не раскусили. Вам нужно дело. И вот вам дело: всё выслушайте внимательно и всё исполните усердно, что я и скажу, помолившись прежде покрепче [усе<рдней>] богу, во имя которого вы должны предпринять [сделать] это дело. В Петербурге и в Москве будет игратья «Ревизор» в новом виде, с присовокупленьем его окончания или заключенья, в бенефис двух первых наших

комических [классич<еских> наших] актеров. Ко дню представления будет отпечатана пьеса отдельною книгою с присоединением доселе никому неизвестного ее окончания. Продаваться она будет в пользу бедных и может распродаться в большом количестве, [количестве экземпляров] стало быть, принести значительную сумму. Выручка денег поручена Плетневу, который передаст их, по мере прихода, тем, которые должны взять на себя обязанность быть раздавателями этих денег бедным, в числе которых одно из главных лиц — вы, а потому и пишу я обо всем этом вам. Прилагаю [Прилагаю даже] при этом и предисловие, которое должно быть приложено в начале книги. Из него вы увидите, в чем дело и как нужно производить денежную раздачу. Соберите к себе всех тех, которых имена здесь означены, [стоят] и переговорите с ними, [переговорите с ними наедине] взявши с них слово до времени не говорить об этом ни с кем из посторонних, кроме разве тех, которые, по замечанью кого-нибудь из них или вашему, могут быть включены в число раздавателей, которых чем больше, тем лучше.

Старайтесь особенно склонить из женского пола таких, которых вы знаете как сострадательных, [как степенных и] рассудительных и умных женщин. Я поставил здесь вашу приятельницу Дашкову единственно потому, что у ней есть особенная светлость душевная, постоянно разлитая в чертах ее лица, [на ее <лице>] в которой может она оказывать ту помощь страждущим, о какой еще и сама она не знает. Трудностью не смущайтесь! Благословясь во имя бога, принимайтесь за дело и помните только, что в этом деле поможет вам бог более, чем во всяком другом, и вразумит так, как вы покамест и помыслить еще не можете. Для большего облегчения [В подлиннике: облегчания] себе всяк может вначале первые дела и первые подвиги возложить совершенно на священников и требовать только от них подробных рассказов, каким образом и как они произвели это дело. От этого нечувствительно [нечувствительно он] потом научитесь помогать сами. Потому что помогать есть тоже наука и вдруг выучиться ей нельзя, особенно если станешь избегать [станешь, оправдываясь неумением, избегать]

всяких случаев оказывать помощь. Всё это сделайте как можно скорее, потому что имена и адреса следует выставить сейчас же в конце предисловия. [предисловия, которое] Предисловие вы перепишите в числе двух экземпляров и отдайте немедленно Плетневу для припечатанья в книгу. Он должен успеть их отдать цензору и один из них отправить в Москву для напечатания тоже там при тамошнем издании, которое имеет выйти в одно и то же время с петербургским. Я не думаю, чтобы кто-нибудь из любящих меня отказался от обязанности быть раздавателем вспомоществования. Он будет не перед мною виноват, но перед Христом, и если станет оправдываться какими-нибудь светскими приличиями, то [то, что] да вспомнит, чтобы не было когда-нибудь ему сказано от бога то, что будет сказано многим его устыдившимся: «Устыжусь и я того, кто меня устыдился». Кому же невозможно решительно по неимению времени, [но каким] тот пусть скажет напрямик, не увертываясь, чтобы можно было тотчас же имя его вычеркнуть, а на место его поставить другого. Переговорите с Аркадием

Россети и Самариным, не знают ли кого-нибудь еще из мужчин дельных, умеющих говорить и обращаться с людьми, которого можно употребить в это дело. Хорошо, если б еще хотя двух мужчин и хотя двух женщин. Муханова нет, он за границей. Но имя его пусть будет выставлено, хотя и без адреса; он будет потом, по приезде, очень полезен. Что вы думаете о князе Барятинском? У него душа очень добрая, и он во многом значительно переменялся. Я с ним сошелся ближе в Греффенберге. Мне кажется, что ему недостает для полного себя укомплектованья близкого знакомства с половиной страждущею людей и практического познания затруднительных их положений под условием прижимающих и гнетущих их обстоятельств. Постарайтесь поговорить с ним сурьезно об этом предмете. Он если не может покуда сам непосредственно действовать, то может вспомоществовать посредством вас или кого-нибудь из других, а тем временем может приглядеться сам к делу. Итак, бог вас благословит! С богом за дело! Позабудьте о себе вовсе. Никто из нас не должен принадлежать себе. На это письмо напи-

шите немедленный ответ в Неаполь на имя нашего посольства. Прощайте.

Весь ваш Г

Изберите себе, кроме вашего духовника (если он уже стар или обременен многими делами), в помощь другого, помоложе, которого может вам рекомендовать ваш же духовник из людей, хотя и недавно поступивших в священники, но уже показавшего истинно добрые склонности души своей, и посоветуйте сделать то же и другим вашим подругам.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Ее сиятельству графине Анне Михайловне Вьельгорской.

В С. П. Бурге. На Михайловской площади, у Михайл<овского> дворца. В доме графа Вьельгорского.

П. А ПЛЕТНЕВУ

Ница. Ноябрь 2 <н. ст.> 1846

Уже должен до сих пор ты получить три письма моих из Франкфурта: одно с присовокупление<м> предисловия ко втор<ому> изданию «М<ертвых> д<уш>», другое со вложением пятой и окончательной тетради, третье с приложением писем к тем, которым должны быть посланы экземпляры. Присовокупляю остальные мои распоряжения. Во-первых, не забудь внести в книгу те поправки, которые мною сделаны, как в письме первом, относящиеся к статье «Занимающему важное место», так и во втором письме большую вставку, написанную на последней странице пятой тетради, долженствующую заместить выброшенный мною кусок из статьи «О лиризме наших поэтов». Сверх того, нужно будет выбросить в статье «Русский помещик» выражение: [слова] «Выбрани немцем, если нехватит другого слова». Это примут еще в смысле моего личного нерасположения к немцам, а этого мне бы не хотелось, потому

что я, в самом деле, его не имею. По мне, между нами есть гораздо более русских такого рода, которых бы следовало назвать немцами и которые повели себя гораздо хуже немцев. В письме [статье] «К близорукому приятелю», не помню, вычеркнул ли я фразу в начале письма, которая в рукописном письме могла остаться, но в печати никак не должна пребыть, [пребывать] а именно: «Сел верхом на коротконосьи». Нужно начать [поставить] это письмо просто словами: «Вооружился взглядом современной близорукости и думаешь, что верно судишь о событиях», и т. д. Не сердись и не гневайся на меня за все эти поправки: они последние. Что ж делать? Сам видишь, каким образом составлялась эта книга: среди лечений, среди разъездов, среди хлопот и дел, которых затруднительности ты и не предполагаешь, среди ответов на множество самых разнородных писем, требующих не пустых, но обдуманых ответов. Я дивлюсь, как еще у меня при таких обстоятельствах не переверотилось всё в голове и не происходит гораздо бóльших оплошностей, промахов и пропусков. И как еще в голове моей держится до-

волью точная память всего. Это бог так милостив ко мне; ничему [и ничему] другому не могу больше приписать. Теперь поговорим о цене книге. Если в ней окажется не более 500 страниц, то пустить ее по два рубли серебром, если же более, то есть приблизится до 600 и даже перевысит, то пустить по три рубли серебром. Это не будет дорого, соображая то, что ее будут более покупать люди богатые и достаточные, а бедные получают даром от их великодушных раздач. Все вырученные деньги присылай немедленно на имя посольства в Неаполь. Жуковский, вероятно, послал тебе из Франкфурта свидетельство о жизни, вследствие которого, взявши из казначейства все следуемые мне по означенный день деньги, перешли [перешли мне <?> также] в Неаполь. Не забудь переслать экземпляров книги к всем тем, которые поименованы в последнем моем письме.

Напоминаю еще раз, кому именно:

Царскому дому всему до единого. Вели переплетчику переплести для то<го> заблаго-

временно в приличные переплеты.

Софье Миха<й>ловне (прежде всех) — 6 экземпляров.

Шевыреву, в Москву (со включением процензурованного) 8 экзем<пляров>.

Марье Иван<овне> Гоголь, в Полтаву — 6 экземпляр<ов>.

Арк<адию> Россети — 3.

В Харьков, Иннокентию — 1.

В Ржев, священнику Матвею Алекс<андровичу> — 2 экземпл<яра>.

Жуковскому, во Франкфурт — 1.

Гр<афу> Александру Петровичу Толстому, в Париж — 2.

Мне, в Неаполь, сколько может взять курьер — от трех до пяти экземпляров.

Об отправке безостановочной и поспешной за границу попроси от меня покрепче графиню Нессельрод. Скажи, что этим она меня крепко обяжет. Ей дай от имени моего экземпляр. Все прочие купят. Вот, кажется, всё, что относится до окончательных распоряжений по делу [по этому делу] книги: «Выбранные места из переписки с друзьями»! Теперь другая просьба. В Петербург приедет Щепкин хлопотать о постановке «Ревизора» в настоящем виде ко дню его бенефиса, с присоединением доселе не игранного и не известного публике окончания пьесы, под именем [известного под именем] «Развязка Ревизора». Прими Щепкина как можно получше, потому что он стоит того во всех отношениях, [Далее было: узнавши его покороче, ты скажешь это сам] и окажи ему покровительство и посредничество свое во всех делах, где сможешь, как относительно театральной цензуры, так и прочего. А «Ревизора», вырвавши из собрания моих сочинений, где он напечатан в полнейшем виде противу двух прежних отдельных изданий, поднеси его на процензуваньё

Никитенке или другому цензору, какому найдешь приличнее, присоединивши к тому и «Развязку Ревизора», которая находится в рукописи у Щепкина и которую, разумеется, нужно переписать. [переписать и] Всё это нужно произвести в двух экземплярах, потому что «Ревизор» должен выйти вдруг разом и в Петербурге, и в Москве, в двух изданиях (на московском выставится четвертое, на Петербургском — пятое). Выйти он должен ко дню бенефисов обоим актерам: в Петербурге Сосницкого, а в Москве Щепкина, так чтобы в день самого представленья мог бы тут же в большом количестве распродаться. Заглавие ему: «Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях с заключением. Соч. Н. Гоголя. Издание пятое. Продается в пользу бедных. Цена 1 рубль серебром». Корректуру его, мне кажется, можно поручить Аркадию Россети. [Далее начато: Тебе] Он — человек степенный, надежный и дело это поймет, если ты не откажешься растолковать его и поучить. На него можешь, я думаю, возложить многое, что будет тебе тяжело и неудобно. Мне становится уже и скорбно, что я на тебя вдруг на-

вьючил столько дел, но что ж делать? Мы все труженики. Ты видишь, что я работаю тоже не для себя. [Далее было: Главное попечение при издании «Ревизора» возьми на себя] От графини Анны Миха~~й~~ловны Вьельгорской ты получишь «Предуведомленье к Ревизору», из которого узнаешь, каким бедным собственно принадлежат деньги за «Ревизора» и каким образом должна быть им произведена раздача. Предуведомленье это, в двух экземплярах, поднеси на пропекзурование цензора и отправь [отправь к] одно в Москву для напечатанья к Шевыреву, который издаст «Ревизора» в Москве. В Петербурге же должен взять это попеченье на себя ты — Христа ради, а не ради меня. Прими хотя главный надсмотр и дела с книгопродавцами. [книгопродавцами, придущими покупать экземпляры] Собравши от них деньги, ты раздели эти деньги поровну между теми, на которых возложил я обузу быть раздавателями вспомоществований, как всё это увидишь изложенным в предуведомлении. Затем обнимаю тебя. Крепись и мужайся во всем и не негодуй на меня. Едва успеваю писать. Руки мои коченеют и ледене-

ют, хотя в комнате теплота юга. Прощай до Неаполя. Бог тебе в помощь.

Весь твой Г.

Можешь взять в помощь Сосницкого по изданию «Ревизора», переговоривши об этом с Щепкиным заблаговременно. Он будет особенно нужен по делу распродажи «Ревизора» в театральных лавках. Печатать один завод.

При сем письмо к Щепкину.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Г. ректору С.-Петер<бургского> император<ского> университета его превосходительству Петру Александровичу Плетневу.

В С.-Петербурге. В университете. На Васильев<ском> острове.

М. С. ЩЕПКИНУ

<2 ноября н. ст. 1846. Ницца.>

Пишу к вам еще несколько строк, Миха<и>л Семенович. Если вы совершенно сошлись и условились с Сосницким относительно постановки «Ревизора» в новом виде, то вот вам маленькое письмецо к Сосницкому, которое влагаю незапечатанным, чтобы могли прочесть его также и вы, и встретить там, может быть, что-нибудь нужное и для собственного соображенья. По делу хлопочите живо и никак не пропускайте бывать у всех, у кого следует. У графа Вьельгорского, Миха<и>л<а> Юрьев<ича>, побывайте, как я вам уже говорил. Повидайтесь также с меньшей дочерью его, графиней Анной Миха<й>ловной. Скажите ей, что я непременно приказал вам к ней явиться, и расскажите ей обо всем относительно постановки «Ревизора». Скажите ваши мысли о «Ревизоре» и вообще обо всем по этой части, равно как и о ходе дел. Она будет хлопотать о многом лучше мужчин. На ней, между прочим, лежит одна из главных обя-

занностей по поводу раздачи сумм<ы> для бедных, а потому всё это дело ей близко, и вы можете с ней разговориться откровенно обо всем. Она умна, многое поймет и на многое подвигнет других. А ко мне не позабудьте написать в Неаполь из Петербурга хоть несколько строк, чтобы я знал, как справлялись вы, молодцом или, к вечному стыду, бабой, от чего бог да сохранит вас. Сосницкому также скажите, чтобы написал ко мне. Затем обнимаю вас.

Г.

На обороте: Михаилу Семеновичу Щепкину. [Далее начато: Если Сосницкий]

И. И. СОСНИЦКОМУ

2 ноябрь <н. ст.> 1846.

<Ницца>

Если вы уже всё узнали от Щепкина и решились сделать дело, вас достойное, добрейший мой Иван Иванович, то присоединяю еще две-три строчки моей убедительнейшей просьбы. Обратите ваше внимание на последнюю сцену «Ревизора». Обдумайте, обмыслите вновь. Из заключительной пьесы «Развязка Ревизора» вы постигнете, почему я так хлопоту об этой последней сцене и почему мне так важно, чтобы она имела полный эффект. Я уверен, что вы взглянете сами другими глазами на «Ревизора» после этого заключения, которого мне, по многим причинам, нельзя было тогда выдать и только теперь возможно. Употребите все ваши силы, чтобы «Ревизор» был обставлен со всех сторон и вполне хорошо, чтобы все актеры сделали свое дело хорошо. Вы сделаете этим дело не только доброе, но истинно христианское. (Продажа «Ревизора» в новом виде с «Развязкой» назначе-

на в пользу бедных, а вы игрой своей и обстановкой можете возвысить его продажу). Не поленитесь сыграть сами предуготовительно перед актерами роль Хлестакова, которую, кроме вас, решительно никто не может выполнить. Вы можете этим дать им раз навсегда мотив. Теоретически из них никто не может понять, что эту роль непременно нужно сыграть в виде светского человека *comme il faut*, вовсе не с желанием сыграть лгуна и щелкопера, но, напротив, с чистосердечным желаньем сыграть роль чином выше своей собственной, но так, чтобы вышло само собою, в итоге всего, и лгунишка, и подляшка, и трусишка, и щелкопер во всех отношеньях. Всё это вы можете внушить им только одной игрой своей, а словами и наставленьями не сделаете ничего, как бы ни убедительно им рассказывали. Сами знаете, что второклассные актеры передразнить характер еще могут, но создать характера не могут; насилуя себя произвести последнее, они станут даже ниже самих себя. Потому-то пример, вами данный, более наведет их на законную дорогу, чем их собственное рассуждение. Что же

касается до игры в последней пьесе, то есть в пьесе «Развязка Ревизора», то насчет этого прочтите мои строки в письме к Щепкину. В них я делаю ему прямо и откровенно мои замечания и даже советы, зная, что он, по страсти и любви к искусству, готов себя считать вечным учеником и выслушивать даже и не весьма умные по виду советы, даже и от простых людей. Замечания эти вы все-таки примите к сведению, хотя знаю, что они вам не совсем идут, потому что ваш талант имеет свою своеобразность и качества другие, нежели у Щепкина (сильно желало<сь> бы мне когда-нибудь увидеть вас обоих в одной пьесе, в двух [в других] различных ролях, ничуть не похожих одна на другую, но равно великих и трудных, чтобы увидела ясно публика, что такое собственно Щепкин и что такое собственно Сосницкий) Одно то, что вам, равно обоим, замечу и что должен заметить всем, кто бы ни стал играть в пьесе «Развязка Ревизора» первую роль, то есть роль комического актера, — это то, чтобы произносить как можно тверже, крепче и проще слова, как бы самую простую, но близкую к делу и нужную речь.

Храни бог от всякой сентиментальности и напряженного жару, — вдруг не станет голоса к концу монолога, пересохнет горло и останешься в каком-то вяло-плаксивом и пьяном положении, тогда как следует пребывать во все время монолога в трезвом и светлом состоянии духа. Следует изворотиться молодцом. Следует показаться полководцем, бодрящим и подстрекающим других на битву, а не рядовым солдатом, кидающимся самому в пыл сраженья. [в битву] Словом, голос актера здесь должен быть победоносно-торжествующий, истинно генеральский голос. Этих слов не пропустите, Иван Иванович, и Щепкину также это скажите. И бог вам в помощь об-им! По окончании пьесы, когда вас вызовут, вы, раскланявшись с публикой, скажите ей, что не угодно ли ей купить «Ревизора», который продается при выходе из театра в пользу бедных по рублю серебром с «Развязкой» вместе. Кто же пожелает дать больше, тот вручал бы деньги вам самим и покупал бы лично из ваших рук, а вы все эти <деньги> доставляйте Плетневу, которому [В подлиннике: которым] поручен сбор денег и от которого поступят

они к тем, на которых возложена раздача бедным. Побывайте у Плетнева теперь же и спросите его, не нужно ли какого вспомоществования собственно от вас в деле издания «Ревизора», относительно ли корректуры или чего другого. На нем слишком навьючено теперь всяких обуз, и ему довольно тяжело и трудно управляться одному. За всё это поблагодарю вас лично, когда приведет бог встретиться. Смотрите, чтобы продажа в театральных лавках поручена была надежным продавцам, и не употребляйте для этого в посредство какого-либо актера. Говорю это потому, что один из этих господ, на которых я вздумал было положиться, денежки прибирал к себе и на них кутил, складывая вино на продавцов, которые ему не приносят, а когда я вздумал, наконец, расспросить продавцев, дело открылось. Это примите к сведенью. На этот раз грех будет большой [вдвое большой] на душе того, кто украдет копейку — деньги эти в пользу бедных; это им объявите.

Но прощайте. Если захотите мне написать хотя две строчки, что мне будет очень прият-

но, адресуйте в Неаполь (poste restante).

Затем обнимаю вас. Искренно вас любящий Г.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Ница. 2 ноябр<я> <н. ст.
1846>

Спешу написать тебе несколько строк с до-
роги. Одно письмо мое из Франкфурта, с из-
вещением об отправке предисловия к «М<ерт-
вым> д<ушам>» Плетневу, ты, вероятно, полу-
чил. Другое, со вложением письма к Щепки-
ну, ты, без сомнения, также <получил>, вме-
сте с приложением «Развязки Ревизора». Те-
перь посылаю к тебе предуведомленья к «Ре-
визору». Прочитавши его и узнавши, в чем
дело, ты собери всех тех, которых имена уви-
дишь в конце предуведомленья, к себе и с ни-
ми потолкуй и объяви им мою просьбу, [мое
т<ребование>] которую обращаю я к людям,
любящим меня. Кто из них отшатнется и не
захочет взять на себя обязанность раздачи
бедным, [не захочет участвовать] грех будет
на душе того. Потому что дело это ради Хри-
ста, а не ради меня. Кому же, точно, невоз-
можно за множеством дел и хлопот этим за-
няться, тот пусть объявит это сейчас же, что-

бы имя его вычеркнуть. Всех же остальных напиши исправно имена и отчества, с означением адресов и мест их жительства, и отправь немедленно в Петербург, чтобы это было припечатано в таком же виде и в петербургском экземпляре. Взамен ты получишь от Плетнева обстоятельное поименование лиц в Петербурге [Далее начато: где может также случиться] с их адресами. Одно издание «Ревизора» должен печатать ты в Москве (это будет числом четвертое). Другое (пятое) Плетнев в Петербурге. Заглавие, как я уже писал, должно быть такое: «Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях, с заключением. Соч. Н. Гоголя. Издание четвертое, в пользу бедных. Цена 1 рубль серебром». Печатать [Печатать в числе] два завода, в Петербурге же печатается один завод. Ибо у меня какое-то предчувствие, что в Москве разойдется больше экземпляров «Ревизора», особливо когда узнают, с какой целью он издается. Оба издания должны выйти в день представления, в Москве в бенефис Щепкина, в Петербурге в бенефис Сосницкого, так что продаваться они должны тот же вечер, по представлении пие-

сы. Объявить об этом должен публике сам бенефициант по вызове его, присовокупивши, что всяк из желающих дать более положенной цены за книгу дал бы в его собственные руки и принял бы от него самого экземпляр, взошедши по закрытии занавеса к нему самому на сцену. Деньги эти Щепкин должен принести к тебе, равно как и все деньги от театральных и всяких книгопродавцев, [от продавцов] а ты должен разделить эти деньги всем поровну раздавателям вспомоществовая<ия>. Не сердись на меня за эти новые, мною на тебя навязанные хлопоты; выполни их, как дело, угодное богу, во имя его делаемое. Так же [исполн<и>] благородно и в такой же точности, как то, котором ты знаешь, за которое не знаю, как возблагодарить тебя. Знаю только то, что бог тебя за него возблагодарит. На то письмо прошу ответа прямо в Неаполь. Прощай, тороплюсь отправить на почту.

Весь твой Г.

P. S. Когда получишь из Петербурга 8 эк-

земпл<яров> книги «Выбранные места из переписки с друзьями», вручи следующим лицам, по приложенным при сем надписаниям, которые, разрезавши порознь, приклей на первый листок в книге. Не смущайся тем, что Погодину придется на долю надпись несколько крепкая. Это ему нужно. Он немножко чихнет, но этот чих будет здравие. [во здравие душевное] Есть вещи, которые один я могу ему сказать и должен сказать, потому что получил на то право. Время свое я выждал. И теперь буду его потчевать многим его собственным добром, которого он в себе никак не подозревает. Я свое дело исполню лучше, нежели он. Назад тому три года, если я не ошибаюсь, я просил открыто у вас всех себе упреков, но упреков я не получил. Теперь стану я попрекать, но упреки мои будут не от гнева, — что-то другое подвигнет ими. О! как нам нужно глядеть и глядеть ежеминутно на себя! Не отвращай и ты от себя взора. Многого и многого мы в себе не видим, и почти всего, что ни есть в нас дурного. Но бог да хранит тебя! Благо, что ты сидишь над трудом, который уже неволью способен освятить [освятить со-

бою] человека и, оторвавши его от всего кружащегося, обратить на самого себя.

Не позабудь прислать мне в Неаполь сейчас же все письма, какие ни получишь на мое имя по поводу «Мер<твых> д<уш>». Они мне очень и очень нужны, так как никто не может предполагать и думать, опричь разве меня самого.

На обороте: Moscou. Russie.

Профессору импер<аторского> Московс<кого> университета Степану Петровичу Шевыреву. В Москве. Близ Тверской. В Дегтярном переулке, в собствен<ном> доме.

А. А. ИВАНОВУ
Флоренция. 7 ноября <н. ст.
1846>

Я получил ваше письмо из Неаполя, любезный Александр Андреевич, вместе с письмом от Софьи Петровны. Не отвечал на него по сих пор потому, что думал раньше вас увидеть, и потому, что на него ровно было нечего отвечать. За него следовало бы вас крепко выбранить, если бы я не знал, что подобное малодушие — не от вас, но от нерв ваших. В каждой строке письма вашего слышно, что нервы ваши шалят и бунтуют, не давая вам ни минуту покою. Охота вам заниматься всеми внешностями! Знали бы свою картину и ничего больше, — и всё бы само собой пошло хорошо. Нет, вижу я слишком хорошо, что у вас нет полной любви к труду своему. Молите бога о получении любви этой, — вот всё, что я могу вам сказать. Больше не сумею сказать и лично. И мне бы, по-настоящему, даже вовсе не следовало бы теперь ехать в Рим: он у меня совсем в стороне и не по дороге. Но нечего

делать, я сделал уже глупость, взявши дорогу земель, и в наказание за это, сверх огромного круга и потери времени, должен даром, ни за что, ни про что, прожить четыре дни во Флоренции, в ожидании отхода дилижанса. Отсюда отправляюсь 10-го. Стало быть, если бог поможет счастливо добратся, 12 ноября буду в Риме, т. е. в будущий четверг, утром, в 9 часов, как сказывают в конторе [в горо<дской> конторе] дилижансов. А потому, если вам будет свободно, то приходите прямо в dogana или таможду ждать меня. В Риме я должен пробыть никак не больше двух дней и еду в Неаполь, а потому прошу вас заранее узнать у Ангризана или другого дилижанщика, какой есть, могу ли ехать с ним в субботу. В Риме хотел бы иметь комнату на солнце. Спросите у Моллера. Если у него есть такая, я бы лучше желал остановиться у него, чем в трактире. Но до свиданья. Молитесь, работайте и не думайте ни о чем, как только о вашей картине.

Весь ваш Г.

На обороте: Al signore signore Alessandro

Ivanoff.

Roma. Caffè Greco. Via Condotti, vicina alla
piazza di Spagna.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Ноябр<я> 8 <н. ст. 1846>.
Флоренция

Пишу несколько строк с дороги. Я теперь во Флоренции. Здоровье милостью божией стало лучше. Я слышу, что и твое лучше, стало быть, всё возможно. Возможно и мертвого призвать к жизни. Спешу в Неаполь через Рим, где, может быть, найду твои письма. Спроси у Шевырева, получены ли им три мои письма: одно с уведомлением о послании к Плетневу предисловия ко 2 изданию «М<ертвых> д<уш>»; другое с приложением весьма нужного письма к Щепкину; третье [В подлиннике: третье] с приложением предупреждения к новому изданию «Ревизора». Обо всем этом меня уведоми. [Далее начато: равно как и] Прилагаю при сем небольшую записочку Надежде Николаевне и небольшую записочку Авдотье Петровне, которые им препроводи. Затем до следующего письма; обнимаю тебя! Прощай! Всё адресуй в Неаполь, *poste restante*.

Твой Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. На Кузнецком мосту. В доме Хо-
мякова.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ
Ноября 8 <н. ст. 1846.
Флоренция>

Пишу к вам, мой добрый друг Надежда Николаевна, из Флоренции, с дороги. [Далее начато: Подви<гаюсь>] Здоровье, благодаря молитвам молившихся обо мне, а в том числе и вашим, гораздо лучше. Слышу, что всё в воле божией, и если только угодно будет его святой милости, если это будет признано им нужным для меня, то буду и совсем здоров. Теперь всё подвигаюсь к югу, чтобы быть ближе к теплу, [к свет<у>] которое мне необходимо, и к святым местам, которые мне еще необходимей. Желанья в груди больше, нежели в прошедшем году. Даже дал мне всевышний силы больше приготовиться к этому путешествию, нежели как я был к нему готов в прошедшем году. Но при всем том покорно буду ждать его святой воли и не пущусь в дорогу без явного указа от него. Есть еще много обстоятельств, от попутного устройства которых зависит мой отъезд, над которыми

властен бог и, которые все в руках его. Благоволит он всё устроить к тому времени как следует — это будет знак, что мне смело можно пускаться в дорогу. Но зна́ком будет уже и то, [это] когда всё, что ни есть во мне — и сердце, и душа, и мысли, и весь состав мой — загорится в такой силе желаньем лететь в обетованную святую эту землю, что уже ничто не в силах будет удержать, и, покорный попутному ветру небесной воли его, понесусь, как корабль, не от себя несущийся. Путешествие мое не есть простое поклонение. Много, много мне нужно будет там обдумать у гроба самого господя, от него испросить благословения на всё, в самой то<й> земле, где ходили его небесные стопы. Мне нельзя отправиться туда неготовому, как иному можно, [даже можно] и весьма может быть, что и в этот год мне будет определено еще не поехать. Со многими из людей, близких мне, которые намеревались тоже к наступающему великому посту ехать в Иерусалим, случились тоже непредвиденные препятствия, заставившие иных возвратиться даже с дороги, в которую было уже пустились. А я иначе и не думал пускаться-

ся, как с людьми близкими сколько-нибудь
моей душе. Я еще не так сам по себе крепок
и душевно, и телесно, чтобы мог пуститься
один. Нужно для того уже быть слишком вы-
сокому христианину, нужно жить [Нужно для
того уже быть очень святу и уметь истинно
жить] в боге всеми помышленьями, чтобы
обойтись без помощи других и без опоры бра-
тьев своих, а я еще немощен духом. Друг мой,
молите<сь> же, да совершается во всем святая
воля бога и да будет всё так, как ему угодно.
Молитесь, чтобы он всё во мне приутово-
вил так, чтобы не было во мне ничего, остано-
вливающего меня от этого путешествия. С своей
стороны, я готовлюсь и от всех сил стремлюсь
к тому, и стремление это им же внушено. Да
усилится же оно еще более! Вы получите от
меня в подарок на днях книгу, которая пока-
жет вам, что я готовлюсь и хочу быть гото-
вым. Не скройте от меня ваших мыслей о мо-
ей книге; скажите мне всё, что скажет вам ва-
ше сердце по прочтении ее, и молитесь обо
мне. Теперь больше, чем когда-либо, нужны
обо мне молитвы.

Весь ваш Г.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ
8 ноябр<я н. ст. 1846>.
Флоренция

Стыдно тебе позабывать меня и ни строчки не написать в продолжение какого-нибудь целого года! Стыдно так не уважать моими просьбами и считать ни за что мои душевные запросы! Но, вместо тебя, я прилагаю здесь письмо к милой жене твоей; она, верно, лучше твоего исполнит мою просьбу. Тебе же прощаю твое пренебрежение и неисправность и в доказательство этого прощения посылаю тебе экземпляр моей книги, о которой скажи мне подробно и чистосердечно свое мнение, не скрывая ни которого из ощущений своих, — всё внаружу! Ты уже и сам, я думаю, теперь можешь почувствовать, что мне наиболее будут приятны те замечания, которые для всякого другого были бы неприятны. Не скрой от меня также и мнений всех других людей, какие ни услышишь. А потому я прошу тебя — старайся, при всякой встрече с людьми всех сословий и всех образований,

заводить разговор о моей книге и всё это тот же час записывать в письме, [записывать в письме и посылать ко мне] чтобы не позабыть, и не откладывая посылать мне. Сим только загладишь все прежние свои проступки и неответы на мои письма. Но прощай! Обнимаю тебя. Пиши в Неаполь, *poste restante*, и выставь мне самый удовлетворительный твой адрес. Мне очень жалко, когда письмо мое не доходит.

Твой Г.

На обороте: Александру Семеновичу Данилевскому.

А. О. РОССЕТУ
1846, ноября 9 <н. ст.>.
Флоренция

Ваше милое письмо, Аркадий Осипович, я получил. От Анны Михайловны Вьельгорской вы, я думаю, уже узнали о той обузе, которую мне угодно было возложить на вас. Как ни тяжело это бремя, но вы должны принять его, оно обратится вам в бремя легкое и приятное; то же должен сделать и Самарин. Его душе и его внутреннему спокойствию это будет, нужно. [Далее начато: Это] Скажите ему, что это говорит человек, уже имевший дело с душой. [человек опытный] Но сверх того бремени вот вам еще другое бремя. Отправляйтесь к Плетневу и предложите ему услуги свои в печатаньи «Ревизора» (в том виде, в каком он будет игран в бенефис Щепкина и Сосницкого, с присоединением новой, никому не известной пиески, служащей ему окончанием, о чем, вероятно, вы уже <знаете> из предисловия, посланного к Анне Мих<айловне> Вьель<горской>). Плетневу, я уверен,

некогда заняться: он должен быть теперь весь забросан делами, в том числе и моими. Возьмитесь держать корректуру и возиться с типографией вы. Это [это так] не так трудно. Плетнев вам расскажет, и вы вдруг всё смекнете. Нужно только, чтоб отпечатанье было окончено ко дню бенефиса, и книга тотчас же по представлении могла <бы> продаваться. От Александры Осиповны вот уже три месяца не имею ни строчки; не могу понять, что это значит, а я отправил уже три письма. Полагая, что она должна быть [должна быть [в] те<перь>] в Петербурге, я прошу вас это сказать и передать ей это маленькое письмо. Если ж она еще не в Петербурге, а в Калуге, то я прошу переслать его к ней немедлен<но>, и скажите ей также от себя, что ей не следует эту зиму оставаться в Калуге, но провести хотя часть зимы в Петербурге, остановясь просто у Вьельгорских, ограничась одной комнаткой. На письмо это дайте мне немедленный ответ в Неаполь, адресуя в *poste restante*.

Весь ваш Г.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Его высокоблагородию Аркадию Осиповичу Россети.

В С.-П. Бурге, против церкви Пантелеймона, в доме Быкова.

А. О. СМИРНОВОЙ

**Ноября 9 <н. ст.>. Флоренция
<1846>**

Письмо мое без означения месяца, числа и места, откуда писано, вы, вероятно, получили. Не прогневайтесь за это забвение выставить [всё это выставить] в надлежащем порядке, как следует, всё это на верхушке письма. Утешу вас тем, что я сей же час же вспомнил о том по запечатаньи письма. Впрочем, имея в это время столько дел и хлопот среди разъездов и в то же время среди других степеннейших занятий, мне извинительно было сделать эту оплошность. Всё же это, по крайней мере, более извинительно, чем не писать вовсе, как поступаете со мной вы. Но об этом довольно. Повторяю вам опять то же, что писал в последнем письме: если уже вы исполнили всё как следует и находитесь теперь в Петербурге, то мне не остается ничего более, как поцеловать мысленно прекрасные ваши ручки. Если вы до сих пор [теперь] еще в Калуге, то оставляйте всё и поез-

жайте в Петербург. Вы теперь будете там так же нужны мне, как и самой себе. поезжайте одни, без детей, если это хлопотливо; остановитесь прямо у Вьельгорских, они вам дадут комнатку. Нужно именно, чтобы вы были у них. Так я хочу, — скажите им; впрочем, они и сами почувствуют, что так нужно и так следует. Бог вас да напутствует во всем! Больше ничего не хочу прибавлять. Вы поступите умно и без моих указаний, поговоривши с Плетневым, которому тоже нужно придать более жару и рвения. Он несколько как будто вял или разучился действовать живо и расторопно.

Ответ на эту записочку дайте немедленно в Неаполь.

Весь ваш Г.

На обороте: Александре Осиповне Смирновой.

М. И. ГОГОЛЬ

Рим. Ноября 14 <н. ст. 1846>

Не могу постигнуть причины вашего молчания. Я думал было, что застану, по крайней мере, по приезде моем в Рим от вас письмо, но и здесь обманулся. Вот уже более трех месяцев с лишком, как я не имею о вас ровно никакого известия. Я начинаю беспокоиться, не пропадают ли вновь как-нибудь письма, потому что, если бы случилось что-нибудь у вас в доме, — какое-нибудь несчастье, от которого да сохранит вас бог, — кто-нибудь меня бы уведомил. Жду, что скажет мне Неаполь, куда отправляюсь на днях; авось-либо там [и где авось-либо] лежит ваше письмо. О себе скажу, что здоровье, слава богу, становится несколько крепче, и если все обстоятельства хорошо устроятся, то надеюсь в начале будущего года отправиться в желанную дорогу на поклоненье гробу господню.

Скоро после этого письма или, может быть, вместе с этим письмом получите вы

небольшую книгу мою, которая содержит отчасти мою собственную исповедь. Ее мне следовало принести перед моим отъездом. Посылаю вам выпущенный в печати отрывок из завещания, относящийся собственно к вам и к сестрам. Хотя, благодаря неизреченную милость божью, я еще раз спасен и живу, и вижу свет божий, но вы все-таки прочитайте это завещание и постарайтесь исполнить (как вы, так и сестры) хотя часть моей воли при жизни моей. [еще при жизни моей] Вы получите шесть экземпляров, из которых один для вас, другой для сестер. Третий экземпляр отправьте теперь же немедленно, вместе с приложенным при сем письмом, к Данилевскому, прося его, чтобы он уведомил как вас, так и меня о его получении немедленно. Четвертый экземпляр передайте Андрею Андреевичу, если он где-нибудь близко около вас; если ж он в Петербурге, тогда, разумеется, нечего отправлять. Вы можете только сказать ему, что один экземпляр был для него, но вы не послали его потому, что, находясь в Петербурге, он, вероятно, уже имеет его и успел прочесть. [Далее начато: А остальные два или] Но, вместо того,

вы отдайте этот четвертый экземпляр, вместе с двумя последними, тем святым людям, которые молились обо мне по монастырям; просите, чтобы они прочли мою книгу и помолились бы обо мне еще крепче, чем когда-либо прежде. Мне теперь еще более нужны молитвы. Это сделайте непременно. У вас будут спрашивать, под разными предлогами, сестры лишний [который] экземпляр или для себя, или для приятельниц своих. Вы им не давайте: эта книга отнюдь не для забавы и не для ветреных светских девушек; здесь дело души, а потому нужно, чтобы ее прочли прежде всего духовники и люди, имеющие дело с душой и совестью человека. Прочие могут купить и повременить ее чтением. Вас прошу также, моя добрая и почтенная маминька, молиться обо мне и о путешествии моем и о благополучном устроении всех обстоятельств моих. Во всё время, когда я буду в дороге, вы не выезжайте никуда и оставайтесь в Васильевке. Мне нужно именно, чтобы вы молились обо мне [молились во всем именно] в Васильевке, а не в другом месте. Кто захочет вас видеть, может к вам и приехать. Отвечайте всем, что

находите неприличным в то время, когда сын ваш отправился на такое святое поклонение, разъезжать по гостям и предаваться каким-нибудь развлечениям. Сестры мои, если им не посидится, могут одни ехать в Полтаву.

Сестрам моим советую особенно прочесть покрепче приложенный при этом листок из завещания. И присоединяю [прилагаю] им, сверх того, еще несколько слов, которые прошу их так свято исполнить, как бы последнюю волю уже умершего их брата:

«Чтобы с этих пор увеличили [увеличили бы] они ко всем ласковость и приветливость, гораздо в большей степени, чем прежде. У Лизы было что-то похожее на кокетничество, когда ей случалось говорить с молодыми мужчинами или просто быть при них. Чтобы это было выброшено из головы. Чтобы на всех молодых людей глядели они так, как сестра глядит на брата; чтобы были с ними искренни, простодушны, говорливы и говорили [говорили бы] так просто, как бы со мною, как бы век были знакомы со всеми ими. Чтобы на

всякого пожилого и старого человека глядели бы, как на родного и как на весьма любимого дядю, если не как на отца; чтобы прислуживали ему и показывали такое внимание [внимание к] и так упреждали бы малейшее желан<ие> его, чтобы ему показалось действительно, как бы перед ним его племянницы или внуки. Словом, чтобы повсюду вокруг распространилась даже молва о радушном угощении всякого гостя хозяйками деревни Васильевки и чтобы все знали, что есть действительно такое место, где всякий гость есть брат и ближайший сердцу человек, несмотря на то, какого бы он состояния и звания ни был».

Вот мои прибавочные слова. В них мое душевное, [Это мое душевное] искреннее желание, и кто исполнит его, тот, значит, любит меня, и не бесчувственно его сердце, и еще есть частица истинного благородства в его душе. Когда всё у меня устроится, как следует, и я буду готов к путешествию, уведомя вас о том письмом из Неаполя. До того же времени, т. е. до половины генваря, адресуйте все ваши

письма в Неаполь, poste restante. [Далее начато: А покуда прощайте. В половине же генваря нашего стиля или в конце его по новому стилю я полагаю, если будет так угодно богу, пуститься в дорогу. Тогда вам и дана будет молитва обо мне в Васильевке.] Теперь, покуда, вы можете посетить все монастыри, прося молитв обо мне, и бывать везде по делам вашим. Но с половины генваря я попрошу вас помолиться обо мне уже в самой Васильевке. Прощайте до следующего письма.

На обороте: Poltava. Russie.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.

В Полтаву. Оттуда в д<еревню> Василевку.
In Russia.

С. Т. АКСАКОВУ

<Средине ноября н. ст. 1846.

Рим.>

Что вы, добрый мой, замолчали, и никто из вас не напишет о себе ни словечка? Я, однако ж, знаю почти всё, что с вами ни делается; чего не дослышал слухом, дослышала душа. Принимайте покорно всё, что ни посылается нам, помышляя только о том, что это посылается тем, который нас создал и знает лучше, что нам нужно. Именем бога говорю вам: всё обратится в добро. Не вследствие какой-либо системы говорю вам, но по опыту. Лучшее добро, какое ни добыл я, добыл из скорбных и трудных моих минут. И ни за какие сокровища не захотел бы я, чтобы не было в моей жизни скорбных и трудных состояний, от которых ныла вся душа, недоумевал ум помочь. Ради самого Христа, не пропустите без вниманья этих слов моих. Адресуйте мне в Неаполь. Раньше генваря последних [первых] чисел не думаю подняться в Иерусалим.

Ваш Г.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

М. И. ГОГОЛЬ

**Неаполь. Ноября 19 <н. ст.>
1846**

Наконец в Неаполе нашел я письмо от вас (от октябр<я> 4), писанное вами по возвращении вашем из Киева. Оно меня очень утешило, так же как и письма всех троих сестер. Велика милость божья, внушающая нам благие помышления. Так и ваша поездка в Киев, она была внушена вам богом, а потому и плоды ее благодатны. Благодарю вас всех за ваши письма. Одного только мне хотелось во время чтения их: чтобы они были подлиннее. Всякое слово мне было приятно и всякая строчка приносила мне душевное удовольствие. Нет, мои добрые сестры, пишите мне всё, совершенно всё; вы теперь не можете написать пустяков. Благодаренье вечное богу: вы теперь на прекрасной дороге. Всякое малейшее происшествие, малейший, ничтожный случившийся с вами анекдот теперь будет не ничтожен, потому что он выразит или чувство, в то время вас наполнявшее, или состояние ду-

шевное ваше, или что-нибудь такое, что покажет мне ближе и лучше вас и поможет мне лучше понять вас и ваше назначение и братски помочь вам в стремлении к тому совершенству, к которому мы все должны стремиться. Не скрывайте от меня никаких недостатков своих, пишите всё и не стыдитесь перед мною. Теперь не упрекну я вас ни в чем, да и мне ли, обремененному своими собственными несовершенствами, негодовать на вас? Нет, мы советуемся обоюдно о том, как быть нам лучшими и как исполнить на земле то, для чего мы призваны на землю. А потому постарайтесь так, чтобы письма ваши походили как бы на журнал всех действий ваших и всех даже помышлений и чувств ваших. Нужно, чтобы каждая из вас писала ко мне так, как бы к наилучшему другу своему, не только брату по земному родству здешнему, но брату по небесному, высшему родству. Адресуйте письма в Неаполь, прибавляя на место *poste restante*: Palazzo Ferandini. Я еще не скоро отправляюсь в Палестину. Есть еще много дел, которые мне нужно кончить, без чего [и без которых] будет

неспокойна моя совесть и мне будет невозможно поклониться гробу господню так, как бы я хотел. Итак, да будет во всем божья воля! Молитесь о том, чтобы дал мне силы всевышний промыслитель [бог] наш исполнить тот труд, который должен я совершить прежде отправления моего, чтобы свежесть и, здоровье не оставляли меня на всё то время, какое нужно для написания его. Вы уже, вероятно, имеете в руках своих мою книгу, содержащую в себе исповедь некоторых дел моих. Скажите мне о ней [и напи<шите> о ней] всё, что ни почувствуют сердца и души ваши, равно как и всё, что ни услышите о ней от других людей, все отзывы, — какие ни услышите даже и от таких людей, которые почти неграмотны и почти вовсе ничего до того не читали. Особенно передавайте те, которые не в похвалу моей книги: такие именно мне нужны. [Фраза вписана.] Не оставляйте уведомлять меня о хозяйстве попрежнему. Расходы и приходы, записанные Лизою, получены мною в исправности. Я бы желал, однако ж, что<бы> в приходе было прибавляемо, [именно прибавляемо] кому именно продана всякая вещь и на

какое употребление. В двух местах сказано « проезжающих » и не сказано, за что. Если это за проезд через греблю или мосты, то этот сбор нужно прекратить, он же и невелик. Или, пожалуй, можно собирать, но в пользу бедных и неимущих. А потому и мужик, представленный при таком сборе, должен об этом говорить всякий раз тем, с которых берет деньги, и попросить их [Далее начато: что] сказать свое имя, чтобы знали бедные, о ком следует им помолиться и за кого просить бога. Прочее всё хорошо и, верно, будет еще лучше, когда станете перечитывать почаще расходы и взвешивать сравнительно всякую вещь одну с другою, чтобы видеть, которая из них необходимей другой и без которой можно обойтись. Затем обнимаю вас всех. Ответ на это письмо дайте мне немедленно. Да и вообще будет лучше, если заведете так, чтобы не откладывая отвечать на мои письма: не сможете отвечать на всё, отвечайте на некоторое; всё будет лучше, нежели совсем не отвечать. Итак, до следующей почты.

Весь ваш Николай.

Из Петербурга вы получите еще четыре экземпляра, чтобы таким образом всякой сестре досталось по экземпляру. Ибо теперь я вижу, что книга моя будет вам доступна и понятна, и вы сделаете из нее прекрасное употребление, если будете почаще перечитывать ее. Об этом я молюсь богу и твердо уверен, что будет так.

На обороте: Poltava. Russie.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.

В Полтаве. Оттуда в д<еревню> Василевку.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Неаполь. Ноября 24 <н. ст.
1846>

Спешу уведомить, друг мой бесценный, несколькими строчками [Спешу уведомить несколькими строчками, что] о себе. Я прибыл благополучно в Неаполь, который во всю дорогу был у меня в предмете, как прекрасное перепутье. На душе у меня так тихо и светло, что я не знаю, кого благодарить за это; кто вымолил своими чистыми молитвами мне это состоянье у бога? О, да будет за то вся жизнь его так же светла, как светлы мне эти минуты! Неаполь прекрасен, но чувствую, что он никогда не показался бы мне так прекрасен, если бы не приготовил бог душу мою к принятию впечатления красоты его. Я был назад тому десять лет в нем и любовался им холодно. Во всё время прежнего пребывания моего в Риме никогда же тянуло меня в Неаполь; в Рим же я приезжал всякий раз как бы на родину свою. Но теперь во время проезда моего через Рим уже ничто в нем меня не за-

няло, ни даже замечательное явление всеобщего народного восторга от нынешнего истинно достойного папы. Я проехал его так, как проезжал дорожную [В подлиннике: дорожную] станцию; обонянье мое не почувствовало даже того сладкого воздуха, которым я так приятно был встречаем всякий раз по моем въезде в него; [в Рим] напротив, нервы мои услышали прикосновение холода и сырости. Но как только приехал я в Неаполь, всё тело мое почувствовало желанную теплоту, утихнули нервы, которые, как известно, у других еще раздражаются от Неаполя. Я приютился у Софьи Петровны Апраксиной, которой тоже, может быть, внушил бог звать меня в Неаполь и приуготовить у себя квартиру. Без того, зная, что мне придется жить в трактире и не иметь слишком близко подле себя желанных душе моей людей, я бы, может быть, не приехал. Душе моей, еще немощной, еще не так, как следует, укрепившейся для жизненного дела, нужна близость прекрасных людей затем, чтобы самой от них похоронить. В Риме встретил я в нашей церкви у обедни Блудова, к которому, разумеется, я тот

же час подошел. Он немного постарел, но нынешнее выражение лица его мне очень понравилось: в нем что-то приятное и благостное. Он меня принял очень приветливо. К сожаленью, я не застал его дома, бывши на другой день у него, и не могу больше рассказать о нем ничего. Покамест, как мне показалось, он доволен своими делами и папой, о котором отзывается с большим уваженьем. На почте нашел я здесь себе письмо, пересланное мне из Франкфурта, на конверте которого знакомая мне ручка, вычеркнувши все прежние строки, начертала весьма четко мое имя, вместе с словами *poste restante*, так что в мыслях моих вдруг предстал и сам прекрасный хозяин ее. Из Петербурга я не получил еще ни одного письма и не имею никаких известий. Но это меня не беспокоит. Душа моя глядит светло вперед. Всё будет так, как богу угодно; стало быть, всё будет прекрасно. Одно может случиться, повидимому, поперечное моим делам: то есть, что это замедленное появление моей книги может на несколько далее отодвинуть отъезд мой к святым местам. Но если [если это] так действительно случится, то зна-

чит, что в этом воля божья и что так действительно долженствует быть. Я и прежде никак не думал упрямо и по своей собственной воле предпринимать [замышлять] это путешествие, но ожидать указаний божьих, которые признаю в попутном ходе всех к тому спешествующих обстоятельств и в отстранении всех препятствий. Я и прежде думал не иначе отправляться в такую дорогу, как в сообществе хотя нескольких близких сердцу моему людей. Не потому, чтобы я боялся каких-либо опасностей в незнакомых землях, но потому, что еще немощен духом, еще не могу обходиться без помощи людей, еще не имею сил один сам собой возноситься к богу и жить, по примеру праведников, в непосредственной беседе с ним. Наконец указаньем божьим считаю я и возрастанье самого желанья ехать. Верю, что когда приспее законное время и час садиться на корабль, желанье это возрастет в такой силе, что я не буду чувствовать сам, как взойду на палубу, [на корабль] не почувствую сам, как понесусь, подобно неодушевленному кораблю, послушному попутному веянью одушевленного небесного

дыхания. А покаместь я должен сидеть у моря и ждать погоды терпеливо, приглядываясь и прислушиваясь ко всему, что ни делается, и вопрошая ежеминутно как собственный свой разум, так и все силы и способности, данные мне богом. Но... брат мой прекрасный, до следующего письма. Всех вас обнимаю, как близких и родных моему сердцу.

Г.

Адрес мой: Palazzo Ferandini; впрочем, можно и просто: poste restante.

На обороте: Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

А. О. СМИРНОВОЙ
Неаполь. Ноября 24 <н. ст.
1846>

Наконец от вас письмо, друг мой Александра Осиповна! Велик бог! Что было вам в страданье, то обратится вам в радость. Смотрите светло вперед: всё будет прекрасно. Всё устроит бог, как лучше и как должно. Если бы вы были вполне здоровы, вы были бы мне теперь нужны в Петербурге, но еще не вполне укрепившееся ваше здоровье заставило вас остаться в Калуге, — стало быть, это верный знак, что внутри России будете мне еще нужнее, чем в Петербурге. О себе скажу, что здоровье мое вашими ли молитвами или, может быть, общим дружным соединением молитв многих угодных богу людей, которые всё время молились обо мне безустанно, поправилось неожиданно, совершенно противу чаяния [ожиданья] даже опытных докторов. Я был слишком дурен, и этого от меня не скрыли. Мне было сказано, что можно на время продлить мою жизнь, но значительного улуч-

шения в здоровье нельзя надеяться. И, вместо того, я ожил, дух мой и всё во мне освежилось. Передо мной прекрасный Неаполь и воздух успокоивающий и тихий. Я здесь остановился как бы на каком-то прекрасном перепутьи, ожидая попутного ветра воли божией к отъезду моему в святую землю. В отъезде этом руководствую<сь> я божьим указанием и ничего не хочу делать по своей собственной воле. А потому гляжу на устройство всех спешествующих к тому обстоятельству. Путешествие это и прежде предполагалось предприняться таким образом, когда мне удастся всё сделать, что следует для того, чтобы с спокойной совестью отправиться в дорогу. Оно предполагалось не иначе произвестись, как в сообществе близких душе и сердцу моему людей; я еще не так окреп духом, чтобы в силах одному пуститься в такую дорогу. Еще немощна душа моя и не может без помощи других помолиться так, как бы хотела помолиться. Теперь замедления разных родов по поводу печатанья книги и вообще моих дел в Петербурге останавливают устройство всех спешествующих обстоятельств к путеше-

ствию. Стало быть, воля божия, чтобы на несколько времени я отодвинул назад отъезд мой. Со всеми теми людьми, которые хотели также ехать в этом году, случились тоже разные непредвиденные задержки. Стало быть, нет еще воли божией, чтобы я подымался в дорогу. Как погляжу внутрь самого себя, вижу, что далеко еще не готов к этому путешествию. Еще многого, многого того не сделал, без чего не в силах буду, как следует мне, помолиться. Путешествие мое не простое поклоненье. Путешествие мое для испрошенья благословен<ия> божьего на подвиги мои в жизни, на те дела и подвиги, для которых даны мне им же способности, которых мне не следовало до времени выказывать, но воспитать прежде в самом себе. Школьник, который даже и лучше других учился, всё однако же робеет, помышляя об экзамене и о предстоящем ему выпуске; как же не робеть тому школьнику, который чувствует, что еще нерадиво учился? Но да будет во всем воля божья! Еще ничего не знаю, еду я или не еду этой зимой. Но не колеблюсь духом, готовясь встретить светло всё, что ни определит мне божья воля.

В Неаполе я у моря и жду погоды; остановился под крышей у Софьи Петровны Апраксиной. На письмах выставляйте Palazzo Ferandini или же попрежнему poste restante.

Весь ваш Г.

Ради бога, не оставляйте меня уведомлен<ием> обо всем том, что делается с вами, хотя небольшие отрывки из дневника вашей жизни!

На обороте: Kalouga. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В Калуге.

А. П. ТОЛСТОМУ
Неаполь. Ноября 24 <н. ст.
1846>

Спешу к вам написать несколько строчек из Неаполя, куда я прибыл благополучно, хотя после долгого странствования. В Неаполе так прекрасно и тепло. В душе моей стало так приятно и светло здесь, что я не сомневаюсь, что и с вами будет то же, если вы сюда заглянете. Как вы обрадуете вашу сестрицу своим приездом! Русских здесь почти ни души; покойно и тепло, как нигде в другом месте. Солнце просто греет душу, не только что тело. Какая разница даже с Римом, не только с Парижем! Из Петербурга я еще не имею никаких известий и писем, но это меня ничуть не смущает; душа моя смотрит светло вперед; всё будет прекрасно, потому что всё будет так, как угодно богу, а богу угодно только, что прекрасно и что в добро душе нашей. Вашей племяннице, Нат<алье> Влад<имировне>, гораздо лучше против того состояния, в котором я видел ее в Риме. Воздух ее целит видимо. На-

пишите мне слова два об Иване Петровиче. Я полагал, что уже найду его здесь; о нем беспокоятся. Усердный поклон графине. Ради бога, не позабудьте написать ответ на это письмо немедленно и объявите о себе всё, что ни случается с вами теперь. Из Франкфурта я писал к вам письмо; не знаю, получили ли. Ваше письмо с приложением письма Иконникова пришло ко мне весьма странно, в ту минуту, когда я садился в дорогу. Вы говорите, может быть, оно будет мне кстати. Я не понял, в каком смысле. Иконников вам отсоветовывает в нем пускаться в дальнюю дорогу. Не есть ли это также и ваша мысль? Не хотели ли также и вы сказать мне этим, что мне теперь еще не следует пускаться в Иерусалим? Как бы то ни было, но обстоятельства так устраиваются, что, может быть, [может быть, мне] поезд мой, точно, на несколько времени отдалится. Еще страннее, что почти со всеми теми людьми, которые, подобно мне, хотели ехать в этом году, случились непредвиденные задержки, иные даже возвратились с дороги. Во всяком случае, я никак не руководствуюсь в этом деле собственной волею и не иду упрямо

наперекор всему, но жду указаний божиих, которые мне проявятся в попутном ходе всех споспешествующих к моему путешествию обстоятельств. Знаю только то, что будет в несколько <раз> лучше то, что придумает воля божия, а поглядевши на себя пристально, видишь в то же время, что еще далеко не готов к этому путешествию и что несравненно нужно сделать больше того, что сделал я, для того, чтобы ехать с совестью покойной в этот путь. Божья милость дала мне силу уже сделать одно, чего я и не думал сделать при моем бессилии и телесном и душевном; верю, что даст она же мне силу сделать и другое, которое более подвинет вперед, то есть к готовности в дорогу. Но до следующего письма! Прощайте, не позабудьте отвечать.

Весь ваш Г.

На обороте: Paris.

Son excellence monsieur le c-te Alexandre Tolstoy.

Rue de la Paix, 9. Hôtel Westminster.

М. П. ПОГОДИНУ

<Осень 1846 г.>

Ты не поехал в Иерусалим и был прав, принявши за указание встретившиеся препятствия. Когда готово сердце и зовет душу бог на такое дело, тогда не останавливают нас никакие препятствия: несешься весь, как корабль, покорный попутному дыханию небесного ветра. Письмо мое могло иметь значение только в таком случае, если бы <ты>, точно, отправился. Ты говоришь, оно вообще [В подлиннике: общи] неудовлетворительное, в нем не сказано, в чем проступки Погодина и в чем ему следует исправиться. Друг мой, я не имею права тебе указывать. Ты мне можешь, потому что об этом я тебя просил. Я просил письмом, назад три года, от вас трех, не только от тебя одного, которого я просил прежде, указать мне всё, что [что на ваши глаза я особенно] есть во мне низкого, недостойного, — по крайней мере, в том, как оно кажется каждому, [кажется вам] если не есть; [Далее начато: на это пись<мо>] душа моя желала упре-

ков и указаний; на это письмо не было ответа. Ты — мастер видеть только недостатки в том, кто тебя лично разгневал; в том же, кто на твоей стороне или твоих образов мыслей, ты не видишь никаких недостатков, не в силах и не можешь их видеть, так же, как не можешь видеть и в себе самом.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Неаполь. Декабря 1 <н. ст.
1846>

Сейчас взял на почте твое письмо от 20 октября/1 ноября. Оно шло несколько долго. Благодарю тебя за все труды и старания. Жду известия по делу «Ревизора», равно как и мнения твоего о посланной тебе «Развязке» его, в письме к Щепкину. Теперь же прошу тебя еще вот о чем: устрой, чтобы в «Московских Ведомостях» было напечатано объявление о втором издании «М<ертвых> д<уш>» и написано целиком предисловие. Я опасаясь, что те, которые имеют уже первое издание и, стало быть, не имеют надобности во втором, не будут иметь случая прочесть предисловия, а мне слишком важны все замечания. Все же те замечания, которые будут присланы к тебе, не замедли никак доставлять мне. Я надеюсь, что ты будешь иметь деньги на все эти издержки от распродажи «М<ертвых> д<уш>», которые, вследствие книги: «Выбранные места», должны разойтись скоро. Жду с нетерпе-

нием получения второго выпуска твоих лекций. Ты поступил умно и не без высшего разумления, приостановив их печатанье. Через год или полгода времени они будут встречены с большей жаждой, чем теперь. Самое предуготовительное чтение истории всеобщей, по моему мнению, решительно необходимое теперь и даже более необходимое, чем когда-либо прежде, приуготовит и введет читателей и слушателей в существо твоего русского курса, которое для многих иначе даже и не может сделаться доступным. Бог да сопутствует тебе во всем! Дай мне сей же час твое искреннее и чистосердечное мнение о книге моей, не скрывая ничего. Из нее ты более почувствуешь, что мне следует всё говорить, что ни есть на душе: всё, с помощью бога, обратится в добро моей душе. Передай мне также замечания и других, от кого их ни услышишь, не выключая даже простых и крепостных людей и не скрывая имен их...

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Неаполь. Декабря 4 <н. ст.
1846>

Долго, долго нет от тебя ответа. Дело, как видно, затянулось. Всё бы, однако ж, тебе следовало меня уведомить хотя двумя строчками об исправном получении моих писем с приложеньями как пятой тетради, так и поправок, посланных вослед за нею, писем к Щепкину, Вьельгорским и проч. Но не смею, впрочем, винить тебя, зная, как много зависит не от нас. Даже не смущаюсь и не беспокоюсь долгим молчанием твоим. Сердце мое верит, что всё будет хорошо и будет так, как быть должно; стало быть, еще лучше, чем нам хочется. Посылаю тебе при сем прилагаемую статью, которую ты прочти внимательно и дай на нее чистосердечный и немедленный ответ: я буду беспокоиться, если не получу его. Сверх означенного мною числа экземпляров книги для посылок кому следует, пришли мне еще три или четыре экземпляра. К тебе явится Любимов за ними. Ему можешь также

поручить и другие присылки ко мне посредством курьеров, если тебе будет хлопотливо и скучно трактовать [переговаривать] об этом с графиней Нессельрод. Впрочем, она — добрая женщина, и я уверен, что она постарается о том, чтобы всё дошло поскорее в мои руки. Не поскучай также немедленной отправкой ко мне (также посредством курьеров) всех тех писем, которые получишь от разных лиц [Далее начато: в которых] с замечаньями на «Мертвые» души». Эти письма мне очень, очень нужны, одним словом — так нужны, как никто не может знать, кроме разве одного меня. Отправь также моей матери, кроме прежних шести экземпляров, еще шесть других и Шевыреву также сверх посланных еще шесть. Затем в ожиданьи нетерпеливом известий от тебя остаюсь

Твой Г.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
Неаполь. Декабрь 8 <н. ст.
1846>

Пишу к вам несколько строчек, моя добрейшая Анна Миха<й>ловна. «Ревизора» надобно приостановить как представление на сцене, так и печатанье. Ему еще не время являться в таком виде перед публику. Сообразя все толки, мнения и мысли, ныне обращающиеся в свете, равно как и состояние нынешнего общества, я признаю благоразумным отложить это дело до следующего года. А между тем в это время я оглянусь получше и на себя, и на свое дело. Стало быть, с вас также снимается обуза быть распорядительницей денежных раздач бедным, которой [В подлиннике: которым] я обременил как вас, так и другие [других] христоролюбивые души, что объявите им, а также и Плетневу, которому при сем передайте письмецо. Проволочка по делам моим, равно как и разные препятствия, которые пришлись не без пользы душе моей, суть, между прочим, причиной, что проезд мой к

вам в Россию еще должен быть отложен на год. Самого путешествия в Иерусалим, так желанного сердцу моему, я не в силах предпринять теперь так скоро, как бы хотел, именно через все эти проволочки и задержки. Во всем этом узнаю волю небесную; слышу, что всё это совершает и творит божья милость не без прекрасного смысла. Мне нужно сделаться более достойным такого путешествия, нужно более созреть духом к этому времени. На прошлой неделе отправил я к вашему папиньке письмо с приложением письма к государю, в котором я прошу о выдаче мне пашпорта еще на год в таком виде, в каком может приказать выдать один государь. Постарайтесь, чтобы это было сделано поскорее. [Далее начато: потому что] За Миха<и>лом Юрьевичем водится, как сами знаете, забывчивость, а потому вы ему об этом напомните. Письмо, если пожелаете, можете также прочесть и вы... Но до следующей почты. Жду с нетерпением от вас ваших писем и ваших откровенных мнений и мыслей о моей книге «Выбранные места», которая, вероятно, уже вышла. Присовокупите к вашим собственным суждениям отзывы

всех, кого ни услышите, хорошие в дурные, не скрывая ничего, ни даже имен тех, которые их произнесут. Всё это мне нужно; всё меня учит и вразумляет. Прощайте.

Весь ваш Г.

Адресуйте в Неаполь.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Ее сиятельству графине Анне Михайловне Вьельгорской.

В С. П. Бурге. На Миха<й>ловской площади, близ Михайлов<ского> дворца. В доме графа Вьельгорского.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Неаполь. Декабрь 8 <н. ст.
1846>

«Ревизора» надобно приостановить как печатанье, так и представленье. Судя по тем вестям, которые имею, и по некоторым препятствиям и, наконец, принимая к сведению некоторые замечания Шевырева, изложенные им в письме, которое я сейчас получил, я вижу, что [что он гораздо бол<ьше>] «Ревизор с Развязкой» будет иметь гораздо больше успеха, если будет дан через год от нынешнего времени. К тому времени я и сам буду иметь время получше оглянуть это дело, выправить пиесу и приспособить более к понятиям зрителей. Теперь же «Развязка Ревизора» в таком виде, как есть, [которая так, как есть] может [может быть] произвести [произвести теперь] действие противоположное и, при плохой игре наших актеров, может выйти просто смешной сценой. А потому, если, к счастью, еще не отдана в цензуру рукопись, то удержи ее под спудом у себя. Если ж отда-

на, то, взявши ее немедленно как бы для некоторой поспешной перемены, положи под спуд, употребив елико возможные меры к тому, чтобы она не пошла во всеобщую огласку. От Шевырева я, между прочим, узнал новость, о которой ты меня совсем не известил, а именно, что «Современник» уже не в твоих руках, а перешел в руки к Никитенку, Белинскому и Тургеневу. А я послал (ничего об этом не ведая) на прошлой неделе тебе статью о «Современнике», которую ты, вероятно, имеешь уже в руках и прочел. Не смею теперь никаких сделать тебе замечаний: они могут быть и ошибочны, и некстати. Скажу тебе только то, что мне кажется, [кажется вообще мне] что теперь, именно в нынешнее время, именно с наступающего 1847 года, твое участие в литературе гораздо нужнее, чем до этого времени. Во всё же минувшее время оно мне казалось совершенно бесплодным. Так что мне кажется, если бы ты даже вместо «Современника» стал бы издавать «Северные Цветы», то и это было бы полезно. А впрочем да вразумит тебя во всем бог и наведет сделать то, что тебе следует, что, вероятно, тебе

известней лучше, чем кому другому, а в том числе [а также] и мне. Что же касается до статьи моей, то поступи с ней так, как найдешь приличней. Давно уже я не имею от тебя ни строчки. Из Петербурга вестей ни от кого. Но авось пошлет их бог скоро. Прощай, до следующего письма. Обнимаю тебя.

Твой Г.

Адресуй в Неаполь.

На обороте: Петру Александровичу Плетневу.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Декабря 8 <н. ст. 1846>.
Неаполь

Оба письма твои, писанные одно за другим, получил. Благодарю за советы и мысли относительно «Развязки Ревизора». Я соглашусь, однако же, больше с теми, которые в твоём первом письме. В предстоящем обстоятельстве я особенно руководствуюсь первыми впечатлениями: они для меня уже и тем важны, что мнение публики, даже и добродетельной и просвещенной, будет ближе к ним, нежели к тем, которые изложены в твоём втором письме и которые принадлежат, может быть, одному тебе или двум-трем, глядящим на вещи с точки повыше. «Ревизора» нужно отложить как игру, так и печатание. То и другое возымеет место ко времени бенефиса Щепкина в следующем году. Публика к тому времени будет больше приготовлена, а теперь, в самом деле, впечатление может случиться совершенно противное тому, какое ожидается. Притом актеры наши так могут

сгадить всю эту сцену, что она, просто, выйдет смешна. Да и сам Щепкин как нарочно заболел. Это я считаю новым указанием отложить «Ревизора». И я даже несколько удивился, как ты решился послать пиесу в Петербург, тогда как я именно писал Щепкину привезти ее в Петербург не иначе, как лично.

Я рад, что в Москве издается «Листок». Это гораздо нужней в теперешнее время всех толстых журналов. Присылай мне всякий номер его, начиная с первого; заворачивай в пакет просто как письмо. Денег на пересылку не жалей (я надеюсь, что за «Мертвые души» выручится для того достаточно), равно как и на пересылку всех тех писем, которые ты будешь получать на мое имя с замечаниями на «М<ертвые> д<уши>». Эти письма мне очень, очень нужны. Ты спрашиваешь уже, как распорядиться с деньгами. Их еще покамест нет, но если будут, то всё, остающееся от издержек за пересылку писем мне, совокупляй в капитал, который будет мне очень нужен для моего путешествия на Востоке. Впрочем, всё это впереди и о нем будем иметь время погово-

ритель. Все письма адресуй в Неаполь. Неаполь я избрал своим пребыванием потому, что мне здесь покойней, чем в Риме, и потому, что воздух, по определенью доктора, для меня лучше римского, что, впрочем, я испытал: здесь я меньше зябну. Не оставляй меня, пожалуйста, известием обо всех речах, мнениях и толках как обо мне, так и об моих сочинениях. Проси и других также сообщать мне их и почаще братья за перо писать. Пришли мне назад «Развязку Ревизора», именно те самые листки, которые я послал к тебе. Они убогисты, их можно вложить в небольшое письмо. Мне надобно в них многое пересмотреть, исправить и обделать лучше. Плетневу я писал — отправить к тебе еще несколько экземпляров книги: «Выбранные места из переписки» для раздачи, кому найдется нужным.

Отыщи, пожалуйста, того самого священника, у которого я говел и исповедывался в Москве. Имени его не помню. Погодин или, еще лучше — мать его должна знать его. Священник этот несколько толст, с лица ряб, на манер С ****, но мне очень понравился. Про-

стое слово у него проникнуто душевным чувством. Всё, что я услышал о нем потом, было в его пользу. Отдай ему один экземпляр книги, скажи, что я его помню и книгу мою нахожу приличным вручить ему, как продолжение моей исповеди. Узнай также при этом случае его имя и уведоми, где он теперь: там ли или перешел в другое место. Если найдешь приличным и выгодным иметь у себя для продажи экземпляры, то напиши об этом Плетневу, дабы он выслал. Как только получишь цензурный экземпляр, начинай печатать второе издание. В нем, как я полагаю, должна быть необходимо скорая потребность, особенно принимая к сведению то, что многие, кроме одного экземпляра для себя, купят еще и для раздачи людям простым и неимущим...

А. О. РОССЕТУ
Неаполь. Декабрь 10 <н. ст.
1846>

В прежнем моем письме к вам, Арк<адий> Осипович, я возлагал на вас хлопоты по изданию «Ревизора», в нынешнем слагаю их с плеч ваших. «Ревизора с Развязкой» следует отложить еще на год по многим причинам, часть которых вы проникаете, вероятно, и сами. Сверх всего прочего нужно, чтобы публика имела время вчитаться получше в мои письма и привыкнула к тем словам, которые покуда еще дико раздаются в ушах ее. Прошу вас сказать открыто ваше мнение по прочтении моей книги и уведомить также, что говорят про нее другие. А еще лучше попросите всех, кого ни встретите, написать мне от себя самого письмецо и в нем непритворно поведать как ощущение [собственное ощущение] свое, так и мысли других о книге [мысли вообще о книге] и о степени ее надобности для общества, не скрывая ни мало ее недостатков. Попросите у В<асилия> А<лексеевича> Перов-

ского (которому передайте самый душевный мой поклон) написать пять-шесть его собственных строчек. Скажите ему, что его замечания мне будут очень полезны, и я ими весьма дорожу. Сделайте мне еще вот какую услугу. Устройте [Перешлите] так, чтобы я получил с нового года все толстые и тонкие русские литературные журналы, какие ни издаются в Петербурге: «Биб<лиотеку> д<ля> Чт<ения>», «От<ечественные> Записки», «Русск<ий> Инвал<ид>», «Литер<атурную> Газету», «Соврем<енник>» и даже «Финск<ий> Вестник». Деньги для этого следует взять у Плетнева за первые вырученные экземпляры моей книги. Насядьте вместе с кн<язем> Вяземским на графиню Нессельрод, чтобы она обременила всем этим добром курьеров, едущих в Неаполь. Мне всё это очень нужно, гораздо больше, чем вы думаете. Если встретится какой едущий прямо в Италию господин, то вы можете часть этого передать едущему господину. Я слышал, что из Петербурга отправляется Чижов прямо в Рим; [Далее начато: если это] вы с ним повидайтесь, и если это правда, то часть может свезти он. Не прене-

брегайте такими моими просьбами: право, они не так бездельны и капризны, как вам покажутся с первого раза. Скажите также Плетневу, чтобы он не пропускал ни одной сколько-нибудь замечательной выходящей в свет новой книги, чтобы не купить экземпляр ее для меня и не послать мне. Теперь курьеров из Петербурга будет много, как по поводу великой княгини, так равно и по поводу разных духовно-дипломатических дел с папою. Затем обнимаю вас от всей души и ожидая с нетерпением от вас вестей, остаюсь весь ваш

Г.

Всё, что ни есть, адресуйте в Неаполь.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Его высокоблагородию Аркадию Осиповичу Россети.

В С. П. Бурге. Против Пантелеймона, в доме Быкова.

А. А. ИВАНОВУ

**Неаполь. Дек<абря> 12 <н. ст.
1846>**

Я получил пересланное вами письмо и при нем несколько ваших строк, которые меня удивили. Чего вы ждете от приезда Викт<ора> Владим<ировича> и о каком решении ожидаете известий — этого я никак не мог понять. В жизнь мою я еще не встречал такой беспокойной головы, какова ваша. Кажется, перед отъездом моим из Рима вы совершенно убедились в том, что Апраксиной ничего не следует предпринимать по вашему делу, ни о чем не следует писать к Бутеневу, иначе [и что] изо всего этого выйдет новая глупая путаница. А теперь вдруг пишете, что стораєте нетерпением узнать, что о вас порешено, точно как будто бы между нами вовсе не происходило никаких разговоров. [Далее начато: Что] Вам чудится и представляется, что о вас должны все хлопотать и метаться, как угорелые кошки, точно таким же самым [В подлиннике: самим; далее не отмечается.]

образом, как вы мечетесь во все стороны и углы по поводу даже всякого ничтожного, не только важного дела. Приехавши сюда, я даже ни разу не заводил о вас разговора. Один раз только сказала мне Софья Петровна, что получила от вас письмо, по которому она совершенно не знает, что ей делать, потому что не видит, чем в этом деле она может успешно помочь, и потом вслед затем спросила у меня, чтобы я сказал ей откровенно и чистосердечно, точно ли Иванов умен. На это я сказал, что Иванов точно умен, но что он теперь болен, находится в нервическом расстройстве и потому [потому только] делает дела, близкие к неразумию. С тех пор у нас и речи не было о вас. Вы сами знаете, что подталкивать людей [друг<их>] на бесплодные дела я не охотник. Если вы, не слушаясь никого и ничего, стараетесь изо всех сил делать глупости и подбивать также всех других делать глупости, то это не есть причина, чтобы и я делал то же. Вы всем надоели, и я не удивляюсь, почему даже Чижов перестал к вам вовсе писать. Я вам сказал ясно: «Сидите смирно, не думайте ни о чем, не смущайтесь ничем, работайте —

и больше ничего, всё будет обделано хорошо. В этом отвечаю вам я». Но вы меня считаете за ничто, доверия у вас к словам моим никакого. Вы больше поверите каким-нибудь рассказам какой-нибудь Жеребцовой или каким-нибудь краснобайным обещаньям первого говоруна, нежели словам человека, который еще не был уличен во лжи, льстивыми посулами не заманивал человека и слово свое держал. Позвольте мне, наконец, вам сказать, что я имею некоторое право требовать Уваженья к словам моим и что это уж слишком с вашей стороны не умно и грубо [неуважительно] показывать мне так явно, что вы плюете на мои слова. Решаюсь, собравши всё свое терпение, из которого вы способны вывести всякого человека, повторить вам в последний раз: «Сидите смиренно, не каверзничайте по вашему делу (потому что вы не умеете поступать в своем деле благородно и здраво, а всё действуете какими-то переулками, которые решительно похожи на интриги), не беспокойте никого, молчите и не говорите ни с кем о вашем деле». За него взялся я и говорю вам, что оно будет сделано,

как следует. Ответа ожидайте не из Неаполя и не от меня; ответ вам [к вам] придет из Петербурга. Он может прийти через месяц, но признаюсь — я бы очень желал, чтобы он не скоро пришел к вам, чтобы вы месяца четыре-пять помучились неизвестностью о себе: вы стоите того.

Г.

На обороте: Александру Андреевичу Иванову.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Неаполь. 1846. Декабр<я> 12
<Н. СТ.>

Мне пришло в мысль: не пропадают ли твои письма. Иначе ничем другим я не могу себе объяснить твоего молчания. Во всяком случае, вексель с деньгами, следуемыми мне из казначейства, должен бы быть уже здесь, по моему расчету, месяц назад тому. Или Жуковский позабыл тебе послать свидетельство о моей жизни? Я взял здесь вновь свидетельство и посылаю его на всякий случай. Хорошо, что я здесь встретил знакомых и мог занять у них. Не то была бы беда. В чужой земле, знаешь сам, не весьма весело сидеть без денег. Я беспокоюсь не шутя насчет пропажи. Зная тебя за человека аккуратного, не могу никак допустить, чтобы ты мог позабыть. Странно, что эти [все эти] денежные замедления случились именно в это время, когда деньги, [когда мне больше всего нужны деньги и когда они] так сказать, лежат в моем собственном сундуке и нужно только протя-

нуть руку, чтобы оттуда достать их. Нужно теперь особенно так распорядиться нам, чтобы этого не случилось в наступающем году, [в этом год<у>] который доведется мне изъездить по незнакомым землям, где нелегко будет изворачиваться, не имея в руках наличных денег. А потому ты присылай вперед, не дожидаясь моих извещений, в неаполитанское посольство с курьерами всякую тысячу рублей по мере того, как она накопится от продажи книги. Лучше мне в руках иметь лишнее, чем рисковать встретить подобный случай, который, как ты сам видишь, может случиться всегда. Уведоми, что стало печатанье книги. Я полагал приблизительно около 3000 р<ублей>. Не забудь также прилагать записку, кому именно из книгопродавцев и сколько отпущено экземпляров, чтобы я мог держать весь счет всегда в голове и не мог наделать от неведения его глупостей и неосмотрительност<ей>. Думаю, [Пола<гаю>] что тебе не следует [и не следует] говорить о том, чтобы не давать без денег никому из книгопродавцев. [из них] Это ты сам знаешь, потому что и меня тому выучил. По твоей милости, я

в Петербурге так расторопно [славно] распоряжался с печатаньем книг своих, как не знаю, распоряжается ли теперь кто из литераторов. Книгу мою я, бывало, отпечатаю в месяц тихомолком, так что появление ее бывало сюрпризом даже и для самых близких знакомых. Никогда у меня не бывало никаких неприятных возней ни с типографиями, ни с книгопродавцами, как случилось у Прокоповича. Денежки мне, бывало, принесут сполна все наперед; всё это бывало у меня тот же час записано и занесено в книгу. И сверх того весь мой книжный счет я носил всегда в голове так обстоятельно, что мог наизусть его рассказать весь. Несмотря на то, что я считаюсь в глазах многих человеком, беспутным и то, что называется поэтом, живущим в каком-то тридевятом государстве, я родился быть хозяином и даже всегда чувствовал любовь к хозяйству, и даже, невидимо от всех, приобретал весьма многие качества хозяйственные, и даже много кой-чего украл у тебя самого, хотя этого и не показал в себе. Мне следовало до времени, бросивши всю житейскую заботу, поработать внутренне над тем хозяйством,

которое прежде всего должен устроить [над которым прежде всего должен пор<аботать>] человек и без которого не пойдут никакие житейские заботы. Но теперь, слава богу, самое трудное устроится; теперь могу [я могу] приняться и за житейские заботы и, может быть, с таким успехом займусь ими, что даже изумишься, [ты изумишься] откуда взялся во мне такой положительный и обстоятельный человек. Когда приведет нас бог увидеться и усядемся мы в уютной твоей комнатке, друг против друга, и поведем простые речи, понятные ребенку, от которых будет тепло душам нашим, ты удивишься и возблагоговеешь перед путями, которыми ведет бог человека затем, чтобы привести его к нему же самому и сделать его тем, чем должен он быть, [к тому, чем должен он быть] вследствие способностей и даров, выпавших на его долю. Но это еще не близко; обратимся к делу. Шевыреву ты можешь послать экземпляров, сколько он ни востребует, для продажи в Москве. На это<го> человека можно положиться. [Далее начато: Это человек золото относительно аккуратности] У него точность, как у банкира.

Он так выгодно выпродал все мои находившиеся у него книги, так изворотливо выплатил все мои долги, не оставив меня в неведении даже в последней копейке моих денег, что наиаккуратнейший банкир ему бы подивился. Тысячу рублей отложи на плату за письма ко мне, на журналы и на книги, какие выйдут позамечательней в этом году. Я просил Аркадия Россети заняться пересылкой их, [пересылкой их ко мне] если это окажется тебе обременительным и хлопотливым. В этом году мне будет особенно нужно читать почти всё, что ни будет выходить у нас, особенно [особенно<сти>] журналы и всякие журнальные толки и мнения. То, что почти не имеет никакой цены для литератора, как свидетельство бездарности, безвкусыя или пристрастия и неблагородства человеческого, для меня имеет цену, как свидетельство о состоянии [о его состоянии] умственном и душевном человека. Мне нужно знать, с кем я имею дело; мне всякая строка, как притворная, так <и> непритворная, открывает часть души человека; мне нужно чувствовать и слышать тех, кому говорю; мне нужно видеть личность пуб-

лики, а без того у меня всё выходит глупо и непонятно. А потому всё, на чем ни отпечаталось выражение современного духа русского в прямых и косых его направленьях, для меня равно нужно; то самое, что я прежде бросил бы с отвращением, я теперь должен читать. А потому не изумляйся, если [что] я потребую присылать ко мне все газеты и журналы литературные, в которые тебя не влечет даже и заглянуть. Но нет места писать далее. Жду с нетерпеньем от тебя вестей. Обнимаю и целую. Прощай.

Ты, я думаю, уже получил письмецо мое через руки Анны Миха<й>ловны Вьельгорской, в котором уведомляю о решении моем отложить «Ревизора с Развязкой» как представление, так и печатание до будущего, 1848 года. Аркадий Россети, я думаю, уже тоже объявил тебе о присылке мне [[о том, каких мне] что мне нужны] литературных журн<алов> с наступающего года, которыми, верно, займется он охотно, если тебе недосуг. Графиню Нессельрод я просил также [я еще просил о том] устроить, чтобы курьеры могли брать эти по-

СЫЛКИ.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Г. ректору С. П. Б. императорск<ого> университета Петру Александровичу Плетневу.

В С. П. Бурге, на Василь<евском> остр<ове>, в университете.

М. С. ЩЕПКИНУ

Декабря 16 <н ст. 1846>.

Неаполь

Вы уже, без сомнения, знаете, Миха<и>л Семенович, что «Ревизора с Развязкой» следует отложить до вашего бенефиса в будущем 1848 году. На это есть множество причин, часть которых, вероятно, вы и сами проникаете. Во всяком случае я этому рад. Кроме того, что дело будет не понято публикою нашей в надлежащем смысле, оно выйдет просто дрянь от дурной постановки пиесы и плохой игры наших актеров. «Ревизора» нужно будет дать так, как следует (сколько-нибудь сообразно тому, чего требует, по крайней мере, автор его), а для этого нужно [нужно будет] время. Нужно, чтобы вы переиграли хотя мысленно все роли, услышали целое всей пиесы и несколько раз прочитали бы самую пиесу актерам, чтобы они таким образом [как бы] невольно заучили настоящий смысл всякой фразы, который, как вы сами знаете, вдруг может измениться от одного ударения, пере-

мещенного на другое место или на другое слово. Для этого нужно, чтобы прежде всего я прочел вам самому «Ревизора», а вы бы прочли потом актерам. Бывши в Москве, я не мог читать вам «Ревизора». Я не был в надлежащем расположении духа, а потому не мог даже суметь дать почувствовать другим, как он должен быть сыгран. Теперь, слава богу, могу. Погодите, может быть, мне удастся так устроить, что вам можно будет приехать летом ко мне. [Далее начато: потому что] Мне ни в каком случае нельзя заглянуть в Россию раньше окончания работы, которую нужно кончить. Может быть, вам также будет тогда сподручно взять с собою [взять с собою также] и какого-нибудь товарища, больше других толкового в деле. А до того времени вы все-таки не пропускайте свободного времени и вводите, хотя понемногу, второстепенных актеров в надлежащее существо ролей, в благородный, верный такт разговора — понимаете ли? — чтобы не слышался фальшивый звук. Пусть на них никто не оттеняет своей роли и не кладет на нее красок и колорита, но пусть услышит общечеловеческое ее выраже-

ние и удержит общечеловеческое благородство речи. Словом, изгнать вовсе карикатуру и ввести их в понятие, что нужно не представлять, а передавать. Передавать прежде мысли, позабывши странность [самую странность] и особенность человека. Краски положить нетрудно; дать цвет роли можно и потом; для этого довольно встретиться с первым чудаком и уметь передразнить его; но почувствовать существо дела, для которого призвано действующее лицо, трудно, и без вас никто сам по себе из них [актеров] этого не почувствует. Итак, сделайте им близким ваше собственное ощущение, и вы сделаете этим истинно доблестный подвиг в честь искусства. А между тем напишите мне (если книга моя «Выбран<ные> места из переписки» уже вышла и в ваших руках) ваше мнение о статье моей: «О театре и одностороннем взгляде на театр», не скрывая ничего и не церемонясь ни в чем, равным образом как и [всё равно как и] обо всей книге вообще. Что ни есть в душе, всё несите и выгружайте внаружу. Адресуйте в Неаполь, в *poste restante*.

На обороте: Михаилу Семеновичу Щепкину.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Декабрь 16 <н. ст. 1846>.
Неаполь

Твое письмо от 27 октября, адресованное в Рим на имя Иванова, получил я здесь только теперь, что довольно поздно. Вот уже скоро два месяца, как все меня оставили письмами. Что делается в Петербурге с моей книгой, я решительно ничего не знаю, а между тем от этих задержек и промедлений изменились мои собственные обстоятель<ства> и отдалается мой собственный отъезд, который предполагался в таком случае, если всё [предполагалось так, что всё] потребное к путешествию, как самые деньги от продажи книги, так равно и другие, сопряженные с этим необходимостью, [необходимости должны были] устроиться в конце [если не в конце] исходящего или в начале наступающего года. Но теперь, как вижу, богу не угодно, [не угодно еще] чтобы я отправился этой зимой в дорогу. Вижу и сам, что далеко еще не так готова душа моя, как следует ей быть, чтобы это путе-

шествование принесло мне именно то, чего хочу. Стало быть, и самый приезд мой в Россию отлагается еще почти на год, то есть от сего числа считай ровно полтора года до того времени, [после которого срока] когда придется нам (если бог будет так милостив) заменить словами нашу переписку. Назад тому уже более месяца я писал к тебе письмо из Неаполя, а еще назад тому один месяц писал письмо с дороги, в котором просил тебя отвечать в Неаполь. А потому я несколько даже удивился, увидя на пакете надпись в Рим. При сем прилагаю письмо, которое прошу немедля доставить Щепкину. Жду с нетерпеньем твоих замечаний и толков о моей книге и еще раз прибавляю: пожалуйста, без церемоний! Ты — человек несколько деликатный и всё как-то боишься говорить правду, как есть; ты всегда стараешься ее немножко присахарить. В глазах моих такое дело есть почти то же, что замашка [негодная замашка] скверных докторов, которые, желая больному доставить удовольствие своею микстурою, подбавят к ней или лакреции, или сладкого корня и тем сделают ее в несколько раз противней. Всё пи-

ши, не скрывай ни заметок ума, ни ощущений внутренних души. Мне кажется, то и другое у тебя должно родиться неминуемо по прочтении книги. А книгу прочти несколько раз от доски до доски, и после всякого прочтения — ко мне письмо, чтобы я знал твои и первые, и вторые, и третьи впечатленья; это будет нужно и для тебя, и для меня. А на письмо это дай немедленный ответ, а ответ адресуй в Неаполь, *poste restante*.

Твой Г.

На обороте: *Moscou. Russie.*

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. У Кузнецкого моста. В доме Хомякова.

А. А. ИВАНОВУ
<19 декабря н. ст. 1846.
Неаполь.>

Верно, вы не молитесь или дурно молитесь. Если бы вы молились так, как следует, письмо мое принесло бы вам радость, а не огорчение. Кто богу молится, тот всё к нему приходящее приемлет, как бы приходящее от самого бога, и во всех словах, к нему обращенных, ищет указанья божия [указанья божия себе] и находит его. Кто богу молится, тот не только не опечалится от жестких слов и упреков, которыми бы стали осыпать его, но еще ищет [желает] их (хотя бы они были не только от любящих его, но даже от ненавидящих). Я тоже дурно молюсь и далеко еще не умею молиться так, как следует, но много я дал бы за то, если бы кто-нибудь написал мне такое же именно письмо, того же самого содержания и в таких же самых жестких выражениях. Истинно говорю вам, что я несколько раз на день его бы перечитывал и теми именно жесткими словами колот бы себя всякую ми-

нугу, не говоря уже о том, что поблагодарил бы человека, который твердо говорит мне оставить заботу о своем деле и положиться на него: кто говорит так твердо, тот, верно, говорит это, основывая на твердых основаниях. А вы не проникнули даже в смысл письма, в простое содержание, доступное всякому простому человеку, потому что видите все вещи так, как представляют их вам распаленные глаза ваши, а не так, как они есть действительно. Письмо, [Письмо это бы<ло>] к вам писанное, было писано вовсе не с тем, чтобы бить лежащего, но чтобы поднять того, который из всех <сил> старается лежать и вальтаться.

Г.

На обороте: Roma. Italia.

Al signore signore Alessandro Ivanoff (Russo).

Roma. Nel Caffè Greco. Sulla via Condotti, vicina alla piazza di Spagna.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

**Неаполь. 1847 г., генов<аря> 5,
НОВ. СТ**

Письмо твое (от 21 ноя<бря>/3 декаб<ря>) получил; вексель получен за четыре дни прежде. Долгое молчание твое я приписывал именно не чему другому, как затяжке дела и препятствиям по части пропуска статей. Нужно, [Нужно быть] чтобы попался слишком умный цензор, который бы слишком хорошо знал всё в России и всех в России, и, сверх того, чтобы он весь преисполнен был желанием добра и здраво увидел бы законный источник его, чтобы [чтобы всё] отважиться всё пропустить до последнего слова в моих письмах. Ты свое дело сделал, хлопотал и старался изо всех сил, но я своего дела не сделал. Мое дело — настоять, чтобы всё было пропущено. Если я, благословясь и молясь богу, составлял книгу, [ее] взвешивая потребности современные жаждущего общества и многого того, что покамест не видно поверхностным и ничего не хотящим знать людям, если я до сих пор

нахожусь в твердом убеждении, что книга моя полезна, то будет малодушно с моей стороны остановиться при начале и не употребить всех сил для того, [для истинно доброго дела] чтобы довести к концу дело. Если у нас не будет столько любви к доброму делу, чтобы уметь бороться из-за него с препятствиями, если мы не станем употреблять хотя столько постоянства и настойчивости в благих и добрых подвигах, сколько человек низкий употребляет в низких, в стремлении к своей своекорыстной и низкой цели, то где же тогда заслуга наша перед добром? И чем же мы доказали тогда нашу любовь к добру, когда из-за него не выдержали даже столько битв, сколько выдерживает гадкий человек из своей привязанности к гадкому? Итак, повторяю тебе, ты всё почти сделал, что тебе казалось очевидно-возможно, но я должен сделать также от себя, [сделать также свое] что мне кажется очевидно-возможным. Государь должен видеть все письма, не пропущенные цензурою. Кроме того, что так следует, чтобы он знал образ мыслей моих и помышлений, — это законный ход дела. Когда все за-

труднились высшие инстанции в разрешении и. недоумевают, верховная власть решает все сомнения. [решает дело] Если книга уже вышла в свет без этих писем, это ничего не значит, это даже еще лучше. Теперь будет предлог всякому заговорить с государем о письмах, не пропущенных цензурою. Сердце же мое говорит мне, что он книгу мою прочтет и будет даже интересоваться о том, что к ней относится. А потому нужно, чтобы эти письма, весьма чисто и четко переписанные, были наготове. Представить их может тогда и граф Мих<аил> Юр<ьевич> Вьельгорский, Впрочем, ты сам тогда увидишь, как это сделать приличней. Как только же они будут разрешены к печатанью, ты их тотчас же отправь в Москву к Шевыреву, чтобы он их вместил во второе издание, долженствующее печататься в Москве, прибавив к слову «издание»: «пополненное и умноженное». Если же сам государь скажет, что лучше их не печатать, тогда другое дело: я тогда не скажу ни слова и не имею права ни на какое прекословие, потому что решил дело тот, кто лучше моего и всех нас знает выгоды своего государ-

ства. По крайней мере, совесть моя тогда будет спокойна, и на душе моей не останется тогда упрека, [упрека в том] что я был ленив и недейтелен в деле, требовавшем деятельности и благородной устойчивости характера. А без того я не могу успокоиться. Относительно «Ревизора» ты уже, верно, знаешь мое решение — отложить до следующего, 1848 года. Действительный тайный советник Гедеонов распорядился весьма кстати запрещением представлять на театре «Развязку». [Далее начато: она и] Я и прежде предполагал дать ее на театре только в таком разе, если бы протекло значительное расстояние времени от появления в свет моей «Переписки», чтобы многие мысли успели обойтись в свете и в публике; иначе всё покажется дико и странно. Что же касается до напечатанья «Ревизора» отдельно, то это имело бы смысл и расход только в таком случае, если бы пьеса возымела в представлении большой успех и произвела сильное впечатление. А без этого нечего об этом и думать. «Развязку Ревизора» положи до времени под спуд. Мне нужно будет потом и самому ее хорошенько пересмотреть.

Многое нужно будет сказать гораздо умнее и понятней, чем там сказано. Да и всего «Ревизора» нужно будет, [будет совер<шенно>] хорошенько пообчистивши, дать совершенно в другом виде, чем он дается ныне на театре. Теперь же на него гадко и противно глядеть: из него актеры сделали такую тривиальность, что, я думаю, нет человека, которому бы приятно было на него поглядеть. Насчет аккуратности денежной не беспокойся. Счет вексям я веду и, кроме того, что у меня добрая память, не позабываю всё записывать. Всё приходится так, как следует, нигде не проронено ни копейки: рубль в рубль и копейка в копейку. Не гневайся на меня за то, что я послал тебя к графине Нессельрод. Если найдешь другую скорую оказию переслать мне книги, — конечно, хорошо. А если не найдешь, почему не обратиться к ней, хоть, положим, для того, чтобы попробовать, ведь она же не съест тебя за это! А мне простительно это покушение, потому что она исполнила уже одну комиссию мою в то время, когда еще не знала меня вовсе лично, и сама даже вызвалась. Почему ж мне не подумать, что

она и теперь может для меня сделать одолжение, [приятность] уже узнавши меня лично? [уже узнавши меня и давши слово быть посредницей в подобных делах] Вообще я должен тебе заметить, что ты напрасно считаешь меня человеком, доверчиво предающимся людям и полагающимся на всякие сладкие обещания. В твоих глазах я — какой-то приткий юноша, довольно самолюбивый, которого можно усластить похвалами и всякими вежливыми обхождениями со стороны всякого рода значительных людей, а мне, говорю тебе не в шутку, это приторно, и я чаще знакомлюсь даже с такими людьми, от которых надеюсь получить именно черствый прием: мне это нужно для многих, многих, слишком многих причин, которые я бы не умел даже и поведать и которых ты, может быть, не понял бы даже и тогда, если бы я умел поведать их. Скажу тебе только, что настает [настанет] наконец такое время, когда упреки, жесткие слова и даже несправедливые поступки от других становятся жизнью и потребностью душевной, и от них удивительно уясняется глаз, растёт ум, силы, и, словом, растёт всё в

человеке... Но чувствую, что это не может быть тебе понятно. Ты меня не знаешь. Я думал, что многое объяснит тебе моя книга, но, кажется, ты считаешь ее за маску, которую я только надел для публики. Иначе ты не сделал бы мне напоминания во второй раз, в конце письма твоего о том, что нужно быть осторожну в обращении с знатными русскими людьми, что они способны улещать словами и дружелюбны<ми> обхожденьями за границей, а приехавши к себе, не хотят и видеть тех же людей и проч. [et caetera] Я бы этих слов не сказал бы и тому, который еще недавно начал узнавать людей. [Далее начато: предположивши, что и он должен уже это узнать. Мне кажется, что] Из всего того, что мною написано, несмотря на всё несовершенство написанного, можно, однако же, видеть, что автор знает, что такое люди, и умеет слышать, что такое душа человека, а потому не может так грубо ошибиться, как может ошибиться иной, а потому может даже лучше другого взвешивать и светские отношения людей к себе, и отношения людей вообще между собою. [и отношения более внутренние и на-

конец собственное свое положение относительно других людей] Чтобы раз навсегда было тебе хотя отчасти понятно, какого рода у меня нынешние отношения к людям, скажу тебе, что не без воли промысла высшего [что каким-то высшим распоряженьем] определено было мне в последнее время сталкиваться с человеком в его трудные минуты и в самые тяжелые состоянья душевные, в какие только и обнажается пред мною душа человека. Вот почему мне случилось узнать насквозь многих таких людей, которых никогда не узнать светскому человеку со всех сторон. Если бы случилось мне познакомиться с тобою теперь, именно в последнее время, а не прежде, между нами бы вдруг завязалась дружба навсегда, между нами никогда не произошло бы [не было б] никаких недоразумений. Но я не введен был никогда вполне в твою душу. Твоя душа не занемогла тогда никакою скорбью, а потому и не могла обнаружить себя передо мною, да и я не в силах был бы тогда ее услышать. Вот почему мы, умея ценить друг друга, однако же не знали друг друга, и не было между нами истинно родного голоса, по кото-

рому человек человеку в несколько раз ближе, чем брат брату. Еще тебе скажу: не думай, что я бы когда-либо обольщался словами человека, даже и тогда, когда меньше знал свет и был далеко невоспитаннее теперешнего. Драгоценный дар слышать душу человека мне уже был издавна дарован богом, и в неразвитом своем состоянии он уже руководил меня в разговорах с людьми, и перед мной сами собой отделялись звуки истинные слов от звуков фальшивых в одном и том же человеке, поэтому я весьма рано стал замечать, что есть дурного в хорошем человеке и что есть хорошего в дурном человеке. Ко мне становился человек вовсе не тою стороною, какую он сам хотел стать перед мною; он становился противувольно той стороною своей, которую мне любопытно было узнать в нем, так что он иногда, сам не зная как, обнаруживал себя перед мною больше, чем он сам себя знал. Итак, слова твои и предостережения, изъявленные тобою в конце письма, которые ты даже советуешь мне записать себе в книжку, напрасны. Ты их сказал вследствие того, [потому] что поторопился вывести заключе-

ние из дел, повидимому, похожих на те, из которых выводятся подобные заключения, но в самом деле не тех. Вместо того, чтобы воспользоваться сделанным мне твоим замечанием, я сделаю [я попрошу] тебе [даже тебе] несколько своих замечаний и попрошу их записать себе раз навсегда в свою памятную книжку. 1-е. Что люди знатные и вообще находящиеся в высших кругах имеют горькие и скорбные душевные минуты и не находят даже и средств показать себя с настоящей и с лучшей стороны своей, и положенья их, если рассмотришь внимательно все обстанавливающие их обстоятельства, так бывают трудны, что не бывает решительно средств выйти из необходимости быть в черствых и в холодных сношениях с людьми. 2-е. Что все живущие в Петербурге, хорошие и дурные без исключения, более или менее покрываются, сами не слыша, наружною (очевидною для других и незаметною для себя) обмазкою эгоизма, и, поверь, она у всех нас. Рассмотри себя [и себя] построже: ты и в себе отыщешь признаки того. Вопросы построже свою душу, не ближе ли к ней свои собственные дела и страданья, чем

дела и страдания других, не боишься ли во всяком, даже великодушном деле компрометировать прежде себя, и не отказался ли ты из-за этой причины уже от многих добрых дел, полезных другим. 3-е. Что если мы будем смотреть на холодный прием, нам оказанный, и остановимся какой-нибудь невнимательностью к нам, которая покажется нам или пренебрежением к нашему званью, или неуважением к нашим достоинствам, то никогда не сойдемся мы с человеком и никогда не придем к душе его, и будем вечно играть в жмурки между собою. Но если, не смутясь никаким наружным холодом, сделаешь [мы делаем] прямо приступ, к душе его и скажешь ему открыто: «Я, мимо всех приличий, пришел к вам в уверенности, что благородна душа ваша и свято вам чувство добра, и вследствие этого я твердо говорю вам: вы должны сделать такое-то дело!» Поверь, что тот же холодный человек окажется другим после таких слов. Я, по крайней мере, уже испытал это. Скажу тебе, что есть у меня знакомства, которые начались с первого раза даже упреками с моей стороны, и от меня приняты бы-

ли благодарно такие замечания, которые от другого не были бы приняты и за которые бы даже на других рассердились. И эти люди сделались вдруг мне близкими людьми. Нет, напрасно ты думаешь, что ты знаешь людей, а я их не знаю. Ты знаешь их под светской их маской. Я очень понимаю, что на твоём месте и при твоих отношениях с ними нельзя и узнать их иначе. Даже тот человек, который изворотливей тебя и более навывся с людьми и более твоего одарен способностями слышать разнообразные силы и способности человека, как открытые, так и сокровенные, [потаенные] даже и тот по тех пор не узнает вполне человека, покуда не загорится весь любовью к человеку [к людям] и покуда человек не сделается его наукою и единственным занятием, а душа человеческая единственным его помышлением. Если хотя часть такой любви поселится в душе, тогда всё простишь человеку, не оскорбишься никаким его приемом, напротив, с любопытством ожидаешь от него всего, чтобы видеть, в каком состоянии душа его и как ему помочь лотом освободиться от того, что мешает [что помра-

чает] оказаться его достоинствам в истинном их свете. Даже я, получивший теперь, может быть, одну только песчинку этой любви, уже не могу теперь поссориться ни с одним человеком, как бы он несправедливо ни поступил со мною. Несправедливый поступок мне только дает новую власть над ним: я терпелив, я дождусь своего времени и потом выставлю перед ним так несправедливость его поступка, что он увидит сам эту несправедливость (половина несправедливостей делается от неведения). Ему сделается совестно и, желая загладить [вознаградить] вину свою передо мною, он уже сделает тогда всё, что ни прикажу ему, как послушный раб для господина. Друг мой, не пропусти этих слов. Прочитай письмо мое два или три раза, в разные расположенья духа [души] твоего. Почему знать? Может быть, в них заключена правда, именно в это время нужная душе твоей. Не мы управляем своими действиями; незримо правит ими бог; мы только орудия его воли, и нами же он говорит нам, а потому не нужно пропускать ничьих слов без того, чтобы не рассмотреть, что из них нужно взять в приме-

нение к самому себе. Но я заговорился; обращаюсь к письму твоему. Ты говоришь, чтоб я издательские сношения ограничил тобой и Шевыревым и не вмешивал сюда никого, но я никого и не вмешивал: по поводу «Развязки Ревизора» Шевырев написал без моего ведома письма к Вьельгорскому и Веневитинову: он позволил себе распорядиться так по случаю болезни Щепкина, которому поручено было лично хлопотать об этом. Слово [и это слово] лично я особенно подтвердил Шевыреву потому, что я боюсь переписки и хлопот письменных, как огня: от них только бестолковщина и недоразумения. Анне Михайловне Вьельгорской назначена была часть вовсе не издательская; ей поручалась просто раздача сумм бедным в случае, если бы был издан «Ревизор» и выпродан. [хорошо выпродан] Этого дела никто бы умнее ее не мог произвести. Я тебе особенно советую с ней познакомиться. У ней есть то, чего я не знаю ни у одной из женщин: не ум, а разум; но ее не скоро узнаешь; она вся внутри. Рассети я тебе советовал иметь в виду только в таком случае, когда не позволят твои собствен-

ные дела заняться изданием «Ревизора», которых я предполагал у тебя довольно; теперь же, как вижу из письма твоего, их даже более, чем я предполагал. Россети я поручал еще заняться пересылкою и покупкою мне нововыходящих журналов и книг тоже в таком случае, если бы тебе невозможно и затруднительно было этим заняться. Я, признаюсь, думал, что ты не согласишься, чтобы мне так нужны были новые книги и особенно всякая журнальная дрянь, которая действительно для многих, и особенно для людей умных, есть дрянь, но которая для меня теперь слишком нужна, равно как и всякое вообще литературное движение и голос, в каком углу ни раздающийся, истинный или притворный. Я думал, что ты всё это примешь за один каприз и не уважишь такой моей просьбы, и вот почему я просил Россети, хорошенько узнавши от тебя, возможно ли или невозможно тебе затруднять<ся> самому такими мелочами, взять часть этого дела на себя. Много уже моих просьб, слишком для меня значительных, и вопросов, слишком для меня важных, оставлено без ответа и удовлетворения именно по-

тому, что они показались маловажными в глазах тех людей, к которым были обращены. Итак, мне извинительно питать в этом отношении некоторое недоверие вообще ко всем; мне извинительно думать уже вперед, что всякое мое слово будет принято за каприз избалованного дитяти: так не похожи теперь надобности и потребности мои на потребности и надобности других людей! Я очень знаю, что если бы я изъяснил свою надобность не отрывистым требованием, но изложением подробным всех причин, было бы ясно, как день, [ясно, как день, всем] почему я прошу чего-нибудь. Но для всего этого требуется исписывать кругом листы, а для этого у меня нет времени. А потому я прошу тебя относительно всякого рода просьб и требований моих поступать [руководствоваться] таким образом: все те, которые покажутся в твоих глазах важными, исполнять самому, прочие же передавать другим, по усмотрению, кого найдешь из них старательней, добрей и готовей на услугу, сопровождая такими словами: «Не смотрите на то, что предмет просьбы [что просьба эта] сам по себе малова-

жен; исполнением такой просьбы вы сделаете большую услугу этому человеку, которой он не позабудет вовек, и, если только вы терпеливы и можете ожидать конца всякому делу, увидите, что я не лгу и что он сумеет потом отслужить вам». Насчет отправки мне литературных новостей, [новых книг] поручи и другим узнавать обо всех едущих за границу, чтобы не пропускать никаких случаев переслать мне. Я бы советовал тебе особенно посоветоваться с кн<язем> Вяземским и Россети, каким бы образом устроить так, чтобы курьеры могли брать мне все новые журналы. Князь Вяземский очень хорош с графиней Нессельрод, а Россети может подвигнуть В. Перовского похлопотать, который, по своему доброму расположению ко мне и вообще по своей доброй душе, сделает от себя, что сможет. Князю Вяземскому ты можешь дать, если он того пожелает, просмотреть мои письма, не пропущенные цензурою. Он — человек умный, и его замечания мне будут особенно важны. Кроме того, что его ум способен изображать многое и видеть степень полезности у нас многих вещей, он, я думаю, еще более

[значительно] пополнил и стал многосторонней и осмотрительней со времени разных внутренних событий и тяжелых душевных потрясений, проясняющих взгляд человека, которые случились [которые в нем совершились] с кн<язем> Вяземским в последнее время. Вообще я бы советовал тебе сойтись с ним теперь поближе; мне кажется, вы теперь более друг друга оцените и поймете, а мое дело, или, лучше, дело моей книги, будет хорошим для того предлогом. Может быть, и он как-нибудь придумает с своей стороны способствовать к тому, чтобы были прочитаны и пропущены цензурой высшею остальные письма. Но да благословит тебя бог как в сем деле, так <и> во всех других, и да вразумит, как разумней и лучше действовать во всем. На это письмо не забудь отвечать и не забудь также выставлять всякий раз, на какое именно письмо отвечаешь, то есть от которого месяца и числа писанное. Затем обнимаю тебя. Прощай.

Твой Г.

Поздравляю тебя с наступающим новым годом и от всей души желаю, чтобы он весь исполнен был небесной благодати для твоей души.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Г. ректору С. П. Бургского императорского университета его превосходительству Петру Александровичу Плетневу.

В С.-Петербурге, на Васильевск<ом> острове, в университете.

А. А. ИВАНОВУ
Неаполь. Канун Нового
рус<ского> года <31 декабря
1846>

Поздравляю вас, Александр Андреевич, с новым годом и желаю от всей души, чтобы он исполнен был для вас весь благодати небесной. За мои два письма, несколько жесткие, не сердитесь. Что ж делать, если я должен именно такие, а не другие письма писать к вам? Посылаю вам молитву, молитву, которую ныне молюсь я всякий день. Она придется и к вашему положению, и если вы с верою и от всех чувств будете произносить ее, она вам поможет. Читайте ее поутру всякий день. А если заметите за собой, что находитесь в тревожном и особенно беспокойном состоянии духа, тогда читайте ее всякий час и никак не забывайте этого делать. Затем бог да хранит вас! Прощайте.

Г.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

1847. Неаполь. 15 генв<аря>

Н. С

ПИСЬМО это вручит тебе Апраксин (Викт<ор> Владим<ирович>), весьма дельный [весьма дельный и приятный] молодой человек, вовсе не похожий на юношей-щелкоперов. Он смотрит на вещи с дельной стороны и, будучи владетель огромного имения, намерен заняться благосостоянием его серьезно. Его мать — прекраснейшая душой и добрейшая женщина, а брат ее, граф Ал<ександр> Петр<ович> Толстой, мой большой друг и человек очень нужный для России во многих самых существенных отношениях. Назад тому неделю я написал к тебе письмо в ответ на твое (от 21 ноя<бря>/3 дек<абря>, содержащее извещение о проволочке печатанья), которое, вероятно, ты уже получил. С почтой было как-то неловко обо всем этом трактовать, и потому я написал не всё, о чем следовало. [написал тебе еще не всё, о чем бы следовало.] Теперь, пользуясь счастливой

оказией, я еще раз прочел твое письмо, еще раз взвесил всё, еще раз представил себе мысленно всё содержание книги и никак не вижу причины, почему лучше не печатать тех писем, которые, мне кажется, заставят оглянуться на себя построже некоторых должностных людей, особенно тех, которые имеют прекрасную душу и добрые намеренья и грешат по неведению. Если во всей России два-три только человека взглянут ясней на многие вещи после моей книги, то и это уже весьма хорошо. Еще я не вижу причины также, почему нельзя и думать о представлении книги [стат<ей>] на просмотрение государя (как ты выразился), присовокупляя, что я позабыл, сколько у него дел поважнее наших. Дела его всё же ни о чем другом, как о его подданных; я также его подданный; я также имею право подать просьбу ему самому, как и всякий другой, в тех случаях, [в делах] где не берут на себя ответственности и полномочья постановленные над нами судьи. Ты позабыл также, что книгу эту я печатаю вовсе не для собственного удовольствия и также не для удовольствия других; печатаю я ее в уверенно-

сти, что этим исполняю свой долг и служу свою службу. Стало быть, какова бы книга [она] ни была, но она стоит внимания государя, тем более, что в ней есть вещи, прямо относящиеся к правительству и порядку дел. Всё это сообразивши, я решился написать письмо к государю и отправил его к гр<афу> Вьельгорскому для вручения. А для тебя прилагаю при сем довольно чистую копию с тем, чтобы на случай, если бы одно бы затерялось, осталось другое. Обо всем этом переговоры немедленно и хорошенько с гр<афом> Михаил<ом> Юрьевичем. Припоминая себе хорошен<ько> письма, я вижу, что отчасти виной робости цензуры [виной запрещения был] не смысл и дух писем, но некоторые жесткие, неприличные [несколько неприличные] и отчасти грубые неловкости в выражениях. Это нужно изгладить. Прочитайте вместе с кн<язем> Вяземским и вместе с ним смягчите, елико возможно, всё, что найдете неловким и неприличным услышать из моих уст. Вдвоем вы будете и отважней, и осмотрительней относительно поправок. Скажи ему, что он делает мне этим большое благодеяние, которого

я никогда не позабуду, и покажи ему в удостоверение эти самые мои строки. Два письма только я почитаю надобным выбросить: «Близорукому приятелю» и «Страхи и ужасы России», именно потому, что они более других пусты по содержанию и вряд ли придутся кому-либо кстати. Прочее мне всё кажется нужным. Итак, да благословит тебя бог и да вразумит, как умней и лучше изворотиться.

Весь твой Г.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
<16 января н. ст. 1843.
Неаполь>

Спешу, пользуясь счастливой оказией и посредством моего доброго приятеля Викт<ора> Влад<имировича> Апраксина, которого вы уже, вероятно, знаете, написать также и вам несколько строчек, моя добрейшая Анна Михайловна. В письме к вашей маминышке изложено подробно дело, в котором нужно будет мне предстательство кого-нибудь из вашей семьи у государя. Итак, вы видите, вместо раздачи тех благотворений, которыми я было хотел, в случае представления «Ревизора», обложить вас, вы должны теперь оказать благотворение мне самому. Я уверен, что всё будет благоразумно, счастливо и хорошо, если вы только перед тем, чтобы действовать, помолитесь усердно богу об успехе. Не оставьте, еще прошу вас, Плетнева, познакомьтесь [В подлиннике: познакомитесь] с ним и поговорите хорошенько. Мне кажется, как будто он чем-то страждет и есть у него ка-

кое-нибудь душевное горе. В существе своем это добрейшая душа. Один порок за ним был только — тот, что он, не сделавши такого дела, которое бы упрекало в чем-либо, имел некоторую гордость чистотой своей. Он был передо мной невинно виноват, потому что судил о мне по давнему времени, в которое я был ему известен, и ничего не понимал во мне в моем нынешнем времени, которое было от него скрыто и неизвестно. Вы, вероятно, теперь с ним в сношении по поводу книги моей, которую он печатает. Кстати о книге. Если она выйдет и Софья Михайловна поднесет вам всем экземпляры, [мои экземпляры] которыми я прежде хотел было вас попотчевать в виде сюрприза с моими собственными надписаньями, то вы в экземпляре, следуемом графине Луизе Карловне, на место прежней надписи, наклейте следующую с некоторыми измененьями, особенно если сделается великодушное дело:

«Моей прекрасной и великодушной графине Луизе Карловне, хотя, увы! всё еще не совсем моей».

Попросите Плетнева, чтоб он познакомил вас с своей дочерью, и напишите мне, какова она. Я ее оставил ребенком и знаю, что он весь живет ею.

На обороте: Графине Анне Михайловне Вьельгорской.

Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
Неаполь. 1847. Генварь 16 <н.
ст.>

Несмотря на то, что вы совсем позабыли меня и оставляете без ответа мои письма, я пишу к вам. И не только пишу, но и обременяю вас довольно затруднительной просьбой. Вы должны ее исполнить, это будет ваш истинно-христианский подвиг относительно меня. Я сам не знаю, почему я обратился прямо к вам, графиня, на место того, чтоб обратиться, как оно было бы приличней, по этому делу к Михаилу Юрьевичу. Просто сердце мое мне говорит, что вы, несмотря на то, что имеете преимущественно перед другими из вашей семьи некоторые несовершенства, как-то: уменье гневаться, огорчаться, унывать, не обдумывать и не воздерживаться, имеете, однако ж, несравненно более всех силы и энергии душевной, и если предстанет такое дело, которое потребует великодушной отваги, то ни у кого, 'кроме вас, не достанет характера совершить его. Вот в чем дело. Вы уже, без со-

мнения, знаете, что я печатаю книгу. Печатаю ее я вовсе не для удовольствия публики и читателей, а также и не для получения славы или денег. Печатаю я ее в твердом убеждении, что книга моя нужна и полезна России именно в нынешнее время; в твердой уверенности, что если я не скажу этих слов, которые заключены в моей книге, то никто их не скажет, потому что никому, как я вижу, не стало близким и кровным дело общего добра. Писались эти письма не без молитвы, писались они в духе любви к государю и ко всему, что ни есть доброго в земле русской. Цензура не пропускает именно тех самых писем, которые я более других почитаю нужными. В этих письмах есть кое-что такое, что должны прочесть и сам государь и все в государстве. Дело мое я представляю на суд самому государю и вам прилагаю здесь письмо к нему, которым умоляю его бросить взгляд на письма, составляющие книгу, писанные в движеньи чистой и нелицемерной любви к нему, и, решить самому, следует ли их печатать или нет. Сердце мое говорит мне, что он скорей меня одобрит, чем укорит. Да и не может быть иначе: высо-

кой душе его знакомо всё прекрасное, и я твердо уверен, что никто во всем государстве не знает его так, как следует. Письмо это подайте ему вы, если другие не решатся. Потолкуйте об этом втроем с Михаил<ом> Юрьевичем и Анной Михайловной. Кому бы ни было присуждено из вашей фамилии подать мое письмо государю, он не должен смущаться неприличием такого поступка. Всяк из вас имеет право сказать: «Государь, я очень знаю, что делаю неприличный поступок; но этот человек, который просит суда вашего и правосудия, нам близок; если мы о нем не позаботимся, о нем никто не позаботится; вам же дорог всяк подданный ваш, а тем более любящий вас таким образом, как любит он». С Плетневым, который печатает мою книгу, вы переговорите предварительно, чтобы он мог приготовить непропускаемые статьи таким образом, чтоб государь мог их тот же час после письма прочесть, если бы того пожелал. К Михаилу Юрьевичу я послал назад тому месяц мою просьбу государю об отсрочке моего пребывания за, границей еще на год вследствие неперемennого докторского присужде-

ния остаться еще зиму на самом теплейшем юге, что совершенно справедливо, потому что я насилу начинаю согреваться в Неаполе и уже хотел было ехать в Палермо, не зная, куда деться от холода, тогда как всем другим было тепло. Если это письмо еще не подано, то употребите все силы подать его также государю. Мне нужна необходимо выдача пачпорта такого, в котором бы сверх прочего, находящегося в обыкновенных пачпортах, склонялись бы именем государя власти Востока оказывать мне особенное покровительство во всех тех землях, где я буду. Мне нужно много видеть то, на что не обращают внимания другие путешественники. Путешествие это делается вовсе не ради простого любопытства и даже не для одной собственной потребности моей душевной. Путешествие это затем, дабы быть в силах потом сослужить государю истинно-честную службу, какую я должен сослужить ему вследствие данных мне от бога способностей и сил. Прилагаю и это письмо, если, на случай, посланное или не дошло, или затерялось. Бог да благословит вас во всем.

Весъ ваш Г.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ
<Средина января н. ст. 1847.
Неаполь.>

Может быть, вы уже прочли мою книгу (если она вышла в свет). Дайте мне о ней ваше чистосердечное мнение, не скройте от меня ничего. Во имя Христа прошу вас о том. Если ж не вышла моя книга в свет или же вышла, но с исключением многих писем (относящихся к должностным порядкам и не пропущенных цензурою), то я вас прошу пробежать и эти письма: ваши замечанья будут мне очень важны и дороги. Может быть, вы найдете, что можно смягчить некоторые фразы и выражения перед тем, как подать их государю, потому что я, несмотря на неловкость и странность [странность в них] многого, [Далее начато: как в выраженьях] хочу, чтоб письма эти были напечатаны. Может быть, они, несмотря на все недостатки, заставят хотя некоторых, лучших из нашего общества, оглянуться сурьезней и строже на себя и вокруг себя — с меня будет этого довольно. Но

вы, не останавливаясь этим, скажите мне все-таки ваше мнение даже и о том, хорошо и я делаю, печатая их, или нет. Скажу вам, что мне так теперь нужен суд над собою, что я нарочно оставил многие места в неопрятном виде затем, чтобы дать случай прицепиться к этому и напасть на меня. Мне так мало делают замечаний доброжелатели мои, что я должен за ними обращаться к недоброжелателям [недоброжелателям моим] и отыскивать крупницы этих замечаний среди кучи всякого рода бранных слов. Говорю вам это для того, чтобы вы никак не боялись [не останавливались] огорчить меня каким-нибудь резким или даже оскорбительным словом: для меня их нет, а тем более из уст тех людей, которых я уважаю. От них я бы желал теперь, особенно жестких слов. Мне кажется, что вы находитесь теперь в таком периоде вашего душевного состояния, что поймете это (для многих странное) мое желание. Я знаю, что душа ваша в это время выстрадалась и понимает уже язык, для других недоступный. Итак, не откажите мне в этой просьбе. Есть еще другая просьба, которую я в надежде на доброту ва-

шу смело вам повергаю. Мне слишком будет нужно весь этот год моего пребывания за границей (после которого надеюсь наконец увидеть вас лично вместе со всеми близкими моему сердцу людьми в России) читать всё, что ни будет печататься и делаться в нашей литературе. Как ни скучны наши журналы, но я должен буду прочесть в них всё. что ни относится до нашего современно [современно-го] — литературного движения, кем бы это ни произносилось, в каком бы духе и виде ни обнаружилось; мне это очень, очень нужно, — вот всё, что я могу сказать. Я прошу о содействии вашем относительно присылки этого [всего этого] ко мне. Мне кажется, что вам возможно [это возможно] будет устроить посредством графини Нессельрод или Поленова, или кого другого, чтобы курьеры, едущие в Неаполь, могли захватывать с собой для меня посылки. А посылки с книгами вы получите или от Плетнева, или от Арк<адия> Россети. Как ни хлопотливо может быть исполнение такой просьбы, [докучно<й> просьбы] но я вам ею надоедаю, потому что знаю вашу добрую душу и потому что мне всё кажется, что

придет, наконец, такое время, когда и я, несмотря на всю малость мою, сумею быть вам полезным, чего бы мне очень хотелось. Еще раз прошу вас, не позабудьте сообщить ваше мнение о всей книге вообще. Сначала ваше первое впечатление, потом второе [ваше второе] и наконец третье. [ваше третье] Не поскучайте для этого прочесть не один раз (и в разные времена) мою книгу, и всё, что ни есть в душе, наголо! Вы этим много облагодетельствуете всей душой вас любящего и почитающего

Н. Гоголя.

На обороте: Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

О. В. ГОГОЛЬ
Неаполь. Генваря 20 <н. ст.
1847>

Как мне приятно писать к тебе, добрая сестра моя Ольга, приятно потому, что ты уже возлюбила бога больше всего на свете, оттого и письмо твое, как оно ни просто само по себе, но оно было проникнуто тем спокойствием и той твердостью воли, которых я не нашел в других, оттого и не смутилась ты так малодушно и неразумно, а увидела одна дело в настоящем виде. Оттого и любовь к тебе у меня поселилась теперь родственная, и мне кажется, как будто ты точно моя родная сестра. Прочитавши письмо мое, так смутившее прочих, ты только крепче и лучше помолилась обо мне богу и возвеселилась духом в твердой надежде, что бог спасет меня и проведет повсюду невредимо, и, верно, твоя молитва достигнула бога, и всё будет по ней исполнено, потому что бог исполняет молитвы тех, которые умеют любить его лучше всего на свете и земные привязанности считают

мечтой пред привязанностию небесною. Люби же так и впредь его или, что справедливей, люби его с каждым днем больше, и чтобы образ его стоял в мыслях твоих неотлучно впереди всех, впереди матери, впереди брата, впереди сестер и впереди всего на свете. Христос сказал: «Оставь и отца, и мать, и всё на свете и следуй за мною». Что же значит следовать за Христом? Следовать за Христом значит во всем подражать ему, его самого взять в образец себе и поступать, как поступал он, бывши на земле. Как же поступал Христос? Какой род жизни избрал он во образец людям: оставил ли он всех и удалился в пустыню? Нет. Он проходил города и села, всюду искал людей, везде приносил утешительное слово свое, везде целил болящие души и помогал им спастись, указывая всем путь и дорогу к спасению. Так и нам следует поступать, не сидеть в удалении от людей, <но> повсюду отыскивать страждущих и помогать им, полюбить всех людей так, как полюбил он сам, положивший за них жизнь свою. И сим одним только мы можем угодить ему и получить на небесах блаженство. Апостол Петр

уверял господа чаще всех других учеников, что он любит его. Божественный учитель на это молчал и потом, когда Петр уже совсем убедил себя, что он любит господа, сделал, в свою очередь, такой запрос: «Симоне Ионин, любишь ли мене?» — «Люблю, господи», — отвечал на это Петр. «Паси овцы моя!» — сказал Спаситель. Петр ничего не сказал на это, потому что не мог тогда еще даже изъяснить себе, что значит: «Паси овцы моя». А Спаситель вновь тот же вопрос: «Симоне Ионин, любишь ли мене?» И когда тот клятвенно сказал, что любит, вновь присовокупил: «Паси овцы моя!» Петр опять замолчал, не зная, как понять эти слова. Спаситель тогда в третий раз повторил тот же вопрос и, когда Петр даже оскорбился, опять присовокупил те же слова: «Паси овцы моя!» После уже, по смерти господней и по воскресении его, объяснилось всем ученикам полное значение слов его; после уже почувствовали все ученики, что угодить господу можно только, заботясь об овцах его и о спасении душ их. Все они разошлись тогда во все стороны, всюду разносили по примеру самого господа братски утешитель-

ное слово, везде отыскивали людей и везде помогали спастись им. И по примеру их всех новообращенный христианин спешил поделиться всем, что ни получил от учителей, его просветивших, с бедными, в греховной тьме еще находившимися людьми братьями, и помогал им спастись, и все учили друг друга, как идти по пути, оставленному самим Христом, и путь этот был путь любви. Все люди стали одна семья, и загорелась небесная любовь на земле. Так должны и мы поступать, как поступали они: любя людей любовью во Христе, помогать им повсюду. Истинно христианская помощь не в одном денежном подаянии, — это еще небольшая помощь. Избавить от нужды, холода, болезни и смерти человека, конечно, есть доброе дело, но избавить от болезни и смерти его душу есть в несколько раз большее. Обратить преступного и, грешника ко господу — вот настоящая милостыня, за которую несомненно можно надеяться получения небесного блаженства. Ибо ты сама уже, вероятно, узнала из Евангелия, что на небесах больше радуются обратившемуся грешнику, чем самому праведни-

ку. А для этого подвиги тебе предстоят на всяком шагу, обратись только вокруг себя. Много в вашем соседстве пребывает людей во пьянстве, буйстве, разврате всякого рода и пороках. Губят невозвратно свою душу — и нет человека, который подвигнулся бы жалостью к ним, и нет человека, который бы так пожалел о душах их, как бы о собственной душе своей, и возгорелся бы хотя частицею той любви, которою горит к нам божественный Спаситель наш. Не думай, чтобы душа человека могла уже так грубо зачерстветь, что никакие слова не в силах поколебать его. Надобно сказать лучше, что нет прямой любви к человеку, оттого и слова бессильны: слово без любви только ожесточает, а не мирит или исцеляет. Узнай только душу человека, войди только хорошенько в его обстоятельства жизни, рассмотри только его, не торопясь, — и ты увидишь, что можно помочь душе его, и облобызает он потом руку, его спасшую. Ты уже начала делать некоторые приуготовления к тому, ты не пренебрегла моими словами и просьбами спрашивать всякого-человека и узнавать его. Ты будешь отныне еще боль-

ше это делать и через то еще больше познакомишься с душой человека вообще, стало быть, придешь в силы помогать самой душе его. Нет из нас никого такого, кто бы мог сказать: я не могу или я не в силах помочь. Сами по себе мы ничего не можем, но помогает бог, подающий силу бессильным. Нужно только не быть, самонадеянным и, вооружась смирением, рассматривать пристально всякое дело, не доверяя себе даже и тогда, когда уже покажется, что знаешь. Нужно расспросить обо всех обстоятельствах того, кому хочешь помочь, даже из его прежней жизни, нужно расспросить о нем также всех других его знающих и потом, когда уже всё узнаешь, крепко помолиться богу, чтобы вразумил, как поступить умно и разумно, и поступишь разумно, потому что бог подаст разум просящему. Если будешь лечить кого-нибудь, лечи в то же время и душу его, и лечение твое будет сугубо-целительно. Говори больному своему, что если он хочет. Чтобы лекарство твое ему, точно, помогло, то прежде всего должен освободить свою душу от всего тяжкого, что на ней лежит, строго пересмотреть самого себя, не на-

делал ли он каких грехов, за которые послал ему бог болезнь, и покаяться в них и дать искреннее обещание не делать ничего впредь подобного. Сама также молись о нем, чтобы бог помог ему исцелиться не только телесно, но и душевно. Читай всякий день Новый Завет, и пусть это будет единственное твое чтение. Там всё найдешь, как быть с людьми и как уметь помогать им. Особенно для этого хороши послания апостола Павла. Он всех наставляет и выводит на прямую дорогу, начиная от самых священников и пастырей церкви до простых людей, всякого научает, как ему быть на своем месте и выполнить все свои обязанности в мире как в отношении к высшим, так и низшим. Читай не помногу: по одной главе в день весьма достаточно, если даже не меньше. Но, прочитавши, предайся размышлению и хорошенько обдумай прочитанное, чтобы не принять тебе в буквальном смысле то<го>, что должно быть принято в духовном смысле. Обдумай, как применить к делу прочитанное в теперешнее время при нынешних обстоятельствах, которые во многом изменились противу тогдашних, какие

были во время апостола Павла, хотя сила дела осталась та же. Иначе и с добрым намерением можно наделать много неразумных дел. Всякое слово из святого писания требует здравого и долгого размышления и предварительной молитвы к богу о том, чтобы вразумил вникнуть в истинный смысл его, и потом требует также молитвы к богу о том, чтобы помог уже понятое разумно применить к делу и привести к исполнению. Кто же не поступает так, тот никакой пользы не извлечет из святого писания, только глотает одни слова. Даже и в простые слова простого человека следует хорошенько вслушиваться, а тем более в слова возвышенные и направленные ко спасению души нашей, какие находятся на всяком месте святого писания. Ты уже видела на деле, как многие, прочитавши без всякого рассуждения слова письма моего, все их перетолковали по-своему и наделали тем вред самим себе, хотя мои слова совсем не были так мудрены, чтобы не понять их. Чтение Ефрема Сирянина будет для тебя полезно только во время поста и особенно во время говенья, когда ты будешь иметь дело с самой собой; во

все же прочие дни, когда ты будешь иметь дело с людьми, держись Евангелия и посланий апостольских. Говеть я тебе советую четыре раза в год, в четыре главные поста, и в это время, оставивши всех, думать об одной себе, переселиться как бы в мысленный монастырь, перебирая всю себя во всех делах соделанных, начиная от последнего, пред тем бывшего своего говенья, спрашивая у себя отчет во всем, поверяя себя пристально, от каких недостатков своих успела уже освободиться и какие еще остаются, чтобы тебе ко всякой новой исповеди приходиться сколько-нибудь не такой же, какой ты приступала в прошлом году, но хотя сколько-нибудь лучшей против прежней, чтобы таким образом вечно тебе возрастать и совершенствоваться. Когда же говенье твое кончилось, и монастырь твой должен кончиться. Ты вновь должна возвратиться в мир к людям, и на столе твоём на место Ефрема Сирянина пусть вновь лежит Евангелие. Молись не много в день и не стой долго на молитве. Лучше произноси от всей души: Господи помилуй или Господи помоги при всяком деле и начина-

нии, какое ни случилось бы делать <в> продолжение дня, — и дела твои помолятся за тебя сами собою и на место всяких слов. Не поступай так, как те, которые заставляют себя насильно простоять по часу и более на молитве всякое утро и вечер, а остальное время дня обходятся вовсе без бога, позабывая призывать его во всяком поступке и житейском деле. Оттого и не получают они никакой пользы от своей набожности, шатаются, как слабый тростник от ветра, и всякое не только несчастье, но даже малейшая неприятность в силах смутить их и заставить потеряться, оттого не бывает и разума во всех делах их и во всех их начинаниях. Ты же, напротив того, не только при всяком деле трудном, но даже и маловажном, призывай бога. Если бы даже и не случилось дела, представляй себя мысленно, как бы ты уже находилась в таких и таких обстоятельствах и было бы у тебя такое-то дело, и воображай самоё себя, как должна бы ты поступить сообразно с разумом начертаний божиих. Словом, попробуй вперед себя и поставляй себя заблаговременно во все обстоятельства, какие могут представиться челове-

ку, и проси у бога вразумления, как поступать среди их разумно. Представляй себе также вперед всякие огорчения, неприятности, несчастья, могущие случиться на всяком шагу нам в жизни, и попробуй себя, как бы ты их перенесла, чтобы видеть, в какой степени ты христианка и чего еще недостает тебе. И если почувствуешь, что душа твоя еще слаба и нет твердости в духе, тогда читай страдания Иова. И душа твоя окрепнет, ты воспитаешься понемногу так, что никакое несчастье не в силах будет сокрушить тебя. Впрочем, несчастье не посмеет даже и приступить к тебе, несчастье нападает только на того, кто боится его, а кто идет твердо навстречу ему, от того оно бежит. Всё это письмо мое ты перечти внимательно, перечти его не один раз, но несколько, в различные часы и в различные состояния душевные. Можешь даже дать прочесть его и сестрам, если они захотят того, хотя я сомневаюсь, чтобы оно было ими как следует понято. Мудрость свою они покуда черпают из разного рода повестей, а не из Евангелия, а потому все вещи стоят пред ними не в настоящем свете. Но прощай. Письмо мое

было длинно. Пиши откровенно всё, что ни есть, и помни, что ты пишешь брату во Христе.

Н<иколай>.

Скоро ты получишь из Москвы несколько денег для раздачи бедным, которые я просил переслать к тебе. Хотя их немного, но если с разумом распределить их, они придутся, в помощь. Ты это дело можешь сделать лучше другого, потому что умеешь уже расспрашивать и осведомляться о человеке. Стало быть, имеешь возможность лучше узнавать человека.

С. Т. АКСАКОВУ

**Неаполь. 1847. Генвар<я> 20
НОВ<ОГО> СТИЛЯ**

Я получил ваше письмо, добрый друг мой Сергей Тимофеевич. Благодарю вас за него. Всё, что нужно взять из него к соображению, взято. Сим бы следовало и ограничиться, но, так как в письме вашем заметно большое беспокойство обо мне, то я считаю нужным сказать вам несколько слов. Вновь повторяю вам еще раз, что вы в заблуждении, подозревая во мне какое-то новое направление. От ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду. Я был только скрытен, потому что был неглуп — вот и всё. Причиной нынешних ваших выводов и заключений обо мне (сделанных как вами; так и другими) было то, что я, понадеявшись на свои силы и на (будто бы) совершившуюся зрелость свою, отважился заговорить о том, о чем бы следовало до времени еще немножко помолчать, покуда слова мои [всё] не придут в такую ясность, что и ребенку стали бы понятны. [стали бы понятны

слова мои] Вот вам вся история моего мистицизма. Мне следовало несколько времени еще поработать в тишине, еще жечь то, что следует жечь, никому не говорить ни слова о внутреннем себе и не откликаться ни на что, особенно не давать никакого ответа моим друзьям насчет сочинений моих. Отчасти неблагоприятные подталкиванья со стороны их, отчасти невозможность видеть самому, [самому себе] на какой степени собственного своего воспитанья нахожусь, [находишься] были причиной появления статей, так возмутивших дух ваш. С другой стороны, совершилось всё это не без воли божией. Появление книги моей, содержащей переписку со многими весьма замечательными людьми в России (с которыми я бы, может быть, никогда не встретился, если бы жил сам в России и оставался в Москве), нужно будет многим [некоторым] (несмотря на все непонятные места) во многих истинно существенных [нуж<ных>] отношениях А еще более будет нужно для меня самого. На книгу мою нападут со всех углов, со всех сторон и во всех возможных отношениях. [Далее начато: Они покажут мне] Эти

нападения мне теперь слишком нужны: они покажут мне ближе [лучше] меня самого и покажут мне в то же время вас, то есть моих читателей. Не увидевши яснее, что такое настоящую минуту я сам и что такое мои читатели, я был бы в решительной невозможности сделать дельно свое дело. Но это вам покуда не будет понятно; [так понятно] возьмите лучше это просто на веру; вы чрез то останетесь в барышах. [вы тогда останетесь в больших барышах] А чувств ваших от меня не скрывайте никаких! По [И по] прочтении книги тот же час, покуда еще ничто не остыло, изливайте всё наголо, как есть, на бумагу. Никак не смущайтесь тем, если у вас будут вырываться жесткие слова: это совершенно ничего, я даже их очень люблю. Чем вы будете со мной откровеннее и искренней, тем в бóльших останетесь барышах. Руку для того употребляйте первую, какая вам подвернется; кто почетче и побойчее пишет, тому и диктуйте. Секретов у меня в этом отношении нет никаких. Один только секрет и был, о котором я просил вас никогда даже и мне не напоминать и о котором вы неблагоразумно упо-

мянули в вашем письме. Сами сказали, что о нем и семейство ваше не знает, и дали написать эти слова не вашей руке. Это нехорошо. Если вы почувствовали надобность упомянуть об этом деле для того, чтобы сделать сравнение с распоряжением по части продажи «Ревизора» (которого издание и представлен<ие> мною отложено), то лучше было обойтись просто, без этого сравнения, тем более, что оно совсем неверно и невпопад. Есть дела, которые действительно нужно производить так, чтобы и другая рука наша не видела того, и есть дела, которые нужно производить открыто, в виду всех, которые суть просто наш непрременный долг, а не подвиг благотворения. Если почти все наши писатели издавали книги для бедных, если даже Булгарин, Греч и многие другие, укоряемые в корыстолюбии, производили в пользу бедных пожертвованья, публичные чтения и тому подобные, — почему же я не могу также и что же я за исключение? и отчего копейка от другого есть долг, а от меня подвиг благотворения? Друг мой, вы не взвесили как следует вещи, и слова ваши вздумали подкреплять сло-

вами самого Христа. Это может безошибочно сделать один только тот, кто уже весь живет в Христе, внес его во все дела свои, помышленья и начинанья, им осмыслил всю жизнь свою и весь исполнился духа Христова. А иначе — во всяком слове Христа вы будете иметь свой смысл, а не тот, в котором оно сказано. Но довольно с вас. Не позабудьте же: откровенность [откровенность первое дело] во всем, что ни относится в мыслях ваших до меня! Обнимаю вас! Передайте поклон всем вашим.

Вас очень любящий Г.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

**Неаполь. 1847. Генв<аря> 20
<Н. ст.>**

От Плетнева я получил известие, что печатанье книги моей задержалось по причине многих возней с цензурами всякого рода и что многих писем к должностным лицам не решаются пропустить. Я послал ему кое-какие распоряжения по этому делу: письма и просьбы, кому следует, о их пропуске. Зная высокую душу государя, я уверен, что дело будет сделано так, как следует. Если же книга, на случай, уже вышла с исключением тех писем, которые [В подлиннике: которых] я считаю нужными, и разрешение им последовало уже по отпечатан<ии> самой книги, то я поручил Плетневу переслать немедленно все таковые письма к тебе для включения их во второе издание, которым должен позаняться ты, даже и в таком случае, если бы первое не разошлось: на это нечего глядеть; пока второе выйдет, первое разойдется. Если книга выйдет очень толста, можно поставить потонее

бумагу или употребить шрифт [В подлиннике: штрифт] более вместительный, а строки почаще. Впрочем, ты будешь знать и сам, как распорядиться заблаговременно, чтобы форма книги была опрятна, прилична и даже щеголевата. Если ты поудержал выпуском в продажу вт<орое> изд<ание> «Мер<твых> душ», то сделал хорошо, потому что предисловие может быть понятно читателям только по прочтении моей «Переписки». А без этого всё это будет дико, и никто не увидит сильной нужды моей в исполнении моей просьбы. Прилагаю тебе оглавление или перечень статей книги, дабы ты видел порядок и место всякой и куды именно следует вставить те, которые не попали в перв<ое> издание.

Предисловие.

I. Завещание.

II. Женщина в свете.

III. Значение болезней.

IV. О том, что такое слово.

V. Чтение русских поэтов перед публикою.

VI. О помощи бедным.

VII. Об «Одиссее», переводимой Жуковским.

VIII. О нашей церкви и духовенстве.

IX. О том же.

X. О лиризме наших поэтов.

XI. Споры.

XII. Христианин идет вперед.

XIII. Карамзин.

XIV. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности.

XV. Предметы для лирического поэта (два

письма).

XVI. Советы.

XVII. Просвещение.

XVIII. Четыре письма к разным лицам по поводу «М<ертвых> д<уш>».

XIX. Нужно любить Россию.

XX. Нужно проездиться по России.

XXI. Что такое губернаторша.

XXII. Русский помещик.

XXIII. Исторический живописец Иванов.

XXIV. Чем может быть жена для мужа в прост<ом> домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России.

XXV. Сельский суд и расправа. [Далее вычеркнуто (без исправления последующей ну-

мерации): XXVI. Страхи и ужасы России. XXVII. Близорукому приятелю.]

XXVIII. Занимающему важное место.

XXIX. Чей удел лучше.

XXX. Напутствие.

XXXI. В чем же, наконец, существо нашей поэзии и в чем ее особенность.

XXXII. Светлое воскресение.

Два письма, 1-е «К близорук<ому> приятелю» и 2-е «Страхи и ужасы России», я вычеркнул сам, потому что мне они показались лишними: их содержание незначительно и вряд ли они придут кому кстати. Если же они помещены уже в первом издании, то пусть остаются и во втором. [Далее начато: Прилагаемые при сем письма и] В предисловии должны быть поименованы одни заглавия статей. В самом же тексте книги под заглавием другая строка: к кому какое письмо писано, удер-

живая одни только заглавные буквы имен и фамилий, не выключая и писанного к Языкову об «Одиссее». Еще раз прошу тебя крепко не позабыть мне передать твои собствен<ные> впечатления по прочтении книги, никак не скрывая ничего. Я думаю, ты еще более почувствуешь по прочтении книги, что мне следует выставлять напоказ все заблужденья и грехи мои, никак не осматриваясь и не взвешивая слов своих и даже ни в каком случае не оговариваясь, как бы ни показались жесткими замечания. [замечания твои] Но прощай. Обнимаю тебя. Бог да хранит и напутствует тебя во всем! Твой весь.

Два письмеца при сем прилагаются, Языкову и Аксакову.

Пожалуста, не забудь исправить всякие ошибки, как мои собствен<ные>, [как грамматические] так и типографские. У Плетнева, вероятно, их набралось много. Он проглядывает это: я заметил на моей статье об «Одиссее» в «Соврем<еннике>».

На обороте: Moscou. Russie.

Профессору императорск<ого> Москов<ского> университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. В Дегтярном переулке, что возле Тверской, в собствен<ном> доме.

Н. М. ЯЗЫКОВУ
Неаполь. Генваря 20 <н. ст.
1847>

Я давно уже не имею от тебя писем. Ты меня совсем позабыл. Вновь приступаю к тебе с просьбою: всё сказать мне по прочтении книги моей, что ни будет у тебя на душе, не смягчая ничего и не услащивая ничего, а я тебе за это буду в большой потом пригоде. А если у тебя окажется побуждение к благотворению, которое ты, по доброте своей, оказывал мне доселе (я разумею здесь пересылку всякого рода книг), то вот тебе и другая просьба: пришли мне в Неаполь следующие книги: во-первых, летописи Нестора, изданные Археологическою комиссиею, которых я просил и прежде, но не получил, и, в pendant к ним, «Царские выходы»; во-вторых, «Народные праздники» Снегирева и, в pendant к ним, «Русские в своих пословицах» его же. Эти книги мне теперь весьма нужны, дабы окунуться покрепче в коренной русский дух. Но прощай; обнимаю тебя. Пожалуйста, не забы-

вай меня письмами...

Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
1847. Неаполь. Генварь 25 <н.
ст.>

Из рук Вик<тора> Влад<имировича> Апраксина вы уже, вероятно, получили мое письмо со всякими порученьями, на вас возлагаемыми. Если всё это пришло к вам поздно, и дело по поводу печатанья книги устроилось само собою благополучно, и книга вышла в свет без всяких пропусков, и вы остались чрез то без великодушного подвига в мою пользу, то вот вам другое дело, тоже истинно доброе и тоже достойное вашей доброй души, графиня. Если государь взглянул благосклонно на мою книгу и пришлась она ему по сердцу, то употребите все старания ваши чрез людей, к государю приближенных, посоветовавшись с Миха<и>лом Юрьевичем, [посоветовавшись с теми, которые] или чрез него самого или чрез кого другого, — словом, как найдете возможнее и лучше, употребите все старания, чтобы цензор, пропустивший мою книгу, был награжден, чтобы досталась на его

долю если не награда, то, по крайней мере, благоволение за доверие к благородству высокой души государя, которое показал он пропуском моей книги. Что ни говорите, но победить все смущения, как собственные, так равно и от других людей, которые смущали со всех сторон бедного цензора, восторжествовать над всякого рода страхами и спасеньями и робостью собственного своего цензурного начальства, значит иметь слишком высокое мнение о благородстве души государя и о возвышенности помышлений его. Если будет так устроено, что цензор Никитенко будет отличен за благородный поступок свой, то этим будет сделано истинно доброе дело, а мне драгоценнейший подарок, какой бы я мог получить из рук ваших.

Весь ваш Г.

На обороте: Pétersbourg. Russie.

Ее сиятельству графине Луизе Карловне Вьельгорской.

В С. П. Бурге. На Михайловской площади, у
Мих<айловского> дворца, в доме гр<афа>
Вьельгорского.

М. И. ГОГОЛЬ
1847 г., генваря 25 <н. ст.>.
Неаполь

Сейчас я получил ваше письмо и спешу на него отвечать несколько строк. Никак я не мог думать, чтобы вас могло так огорчить мое письмо и присланный вместе с ним отрывок из моего завещания, которое было сделано тогда, как я, точно, был недалеко от смерти, от которой божия милость меня избавила. Вы, как видно, не хорошенько вчитавшись в письмо мое, прошедшее приняли за настоящее. Я послал вам отрывок из завещания, рассчитывая на то, что вы уже получили мою книгу, в которой завещание мое напечатано целиком, в объяснение причины, зачем напечатана самая книга и статьи, в ней находящиеся. Если бы я знал, что книга моя замедлит выходом в свет, я бы не послал вам этого отрывка или послал бы с надлежащим изъяснением и вразумленьем. Как мне это прискорбно, что вы все не в меру опечалились! Вот как дурно не думать о смерти и не помышлять о

будущей жизни: и малейший намек о них уже может смутить таких людей, тогда как мы ежеминутно и ежечасно должны готовиться к смерти и так распорядиться делами своими, как бы завтра нам приходилось расставаться с жизнью и отдавать отчет в делах своих богу. Только одна моя сестра Ольга показала высокое спокойствие духа в строках письма своего и твердую веру в бога. Она одна не смутилась и приняла дело в настоящем виде, а не в том, в каком представляет человеку напуганное воображение.

В следующем письме я буду писать к вам подробнее обо всем, а теперь спешу отправить эти строки, чтобы вас успокоить. С вами нужно быть слишком осторожно. Нужно смотреть и взвешивать всякое слово. Не понимаю, отчего вам представляется, что я намерен остаться навсегда в Иерусалиме, тогда как я именно затем еду в Иерусалим, чтобы иметь право возвратиться в Россию и начать наконец мою службу истинную отечеству, к которой так долго готовлюсь или, лучше, — к которой готовит меня сам бог. Я удив-

ляюсь, как вы даже не прочитали в письме моем последнем, что путешествие это мною отложено до следующего года, по причине многих не совсем устроившихся дел моих, и говорите, как бы я уже теперь туда ехал. Ради бога, смотрите за собой получше: у вас у всех расстроены нервы, и оттого всё на вас наводит беспокойство. Я бы очень хотел, чтобы вы меня хотя сколько-нибудь умели любить любовью во Христе. Доныне мне кажется, что одна только сестра Ольга начинает меня любить такую любовью. Зато и радость наша при встрече с нею будет велика взаимно...

М. И. ГОГОЛЬ
Неаполь. Января 25 <н. ст.
1847>

Пишу к вам вновь по поводу ваших писем, перечитавши их снова. Сначала мне было очень неприятно, что письмо мое, пришедши не вместе с книгой, ввело вас в заблуждение и тревожное состояние духа. Теперь я вижу, что случилось это не без воли божией. Письмо мое нечаянным образом послужило пробою вашего состояния душевного и обнаружило предо мною, на какой степени любви и веры и вообще на какой степени христианских познаний и добродетелей находитесь вы все, — тем более, что по письмам, писанным по приезде из Киева, мне уже было показалось, что сестры мои поняли, что такое христианство и чем оно необходимо в делах жизни. Я обманулся. Духовное распоряжение, которое я сделал во время тяжелой болезни, от которой меня бог своею милостью избавил, распоряженье, которое делает в такие минуты всяк, распоряжение, которое, по-настояще-

му, всяк христианин должен сделать заблаговременно и без болезни, хотя бы надеялся на свои силы и совершенное здоровье, потому что не мы правим днями своими — человек сегодня жив, а завтра его нет, — это самое распоряжение сделало такое впечатление на вас всех, кроме одной Ольги, как бы я уже умер и меня нет на свете. Я изумился только тому, как могут упасть духом те, которые только молятся богу, а не живут в нем, как бог наказывает их помрачением рассудка, потому что так перетолковать строки письма моего может один тот, у которого в затмении рассудок. ...Завещание мое, сделанное во время болезни, мне нужно было напечатать по многим причинам в моей книге. сверх того, что это было необходимо в объяснение самого появления такой книги, оно нужно затем, чтобы напомнить многим о смерти, — о которой редко кто помышляет из живущих. Богу даром дал мне почувствовать во время болезни моей, как страшно становится перед смертью, чтобы я мог передать это ощущение и другим. Если бы вы истинно и так, как следует, были наставлены в христианстве, то вы бы все до

единой знали, что память смертная — это первая вещь, которую человек должен ежеминутно носить в мыслях своих. В священном писании сказано, что тот, кто помнит ежеминутно конец свой, никогда не согрешит. Кто помнит о смерти и представляет ее себе перед глазами живо, тот не пожелает смерти, потому что видит сам, как много нужно наделать добрых дел, чтоб заслужить добрую кончину и без страха предстать на суд пред господом. По тех пор, покуда человек не сроднится с мыслью о смерти и не сделает ее как бы завтра его ожидающею, он никогда не станет жить так, как следует, и всё будет откладывать от дня до дня на будущее время. Постоянная мысль о смерти воспитывает удивительным образом душу, придает силу для жизни и подвигов среди жизни. Она нечувствительно крепит нашу твердость, бодрит дух и становится нас нечувствительными ко всему тому, что возмущает людей малодушных и слабых. Моим помышленьям о смерти я обязан тем, что живу еще на свете. Без этой мысли, при моем слабом состояньи здоровья, которое всегда было во мне болезненно, и

при тех тяжелых огорченьях, которые на моем поприще предстоят человеку более, чем на всех других поприщах, я бы не перенес многого, и меня бы давно не было на свете. Но, держа в мыслях перед собою смерть и видя перед собою неизмеримую вечность, нас ожидающую, глядишь на всё земное, как на мелочь и на малость, и не только не падаешь от всяких огорчений и бед, но еще вызываешь их на битву, зная, что только за мужественную битву с ними можно удостоиться получения вечности и вечного блаженства. Без этой мысли о смерти и вечности я бы не перенес и нынешней моей печальной утраты, о которой, вероятно, вы уже слышали. Я лишился наилучшего моего друга, с которым я жил душа в душу, Н. М. Языкова, к которому я питал истинно родственную любовь, потому что питать истинно родственную любовь я могу только к тем, которые понимают мою душу и живут сколько-нибудь во Христе делами жизни своей. Еще за несколько лет перед сим эта смерть сокрушила бы меня, может быть, совершенно. Теперь я принял эту весть покойно и, зная, что этот человек, за небесную ду-

шу свою, удостоен небесного блаженства, стараюсь от всех сил, чтобы и меня удостоил бог быть с ним вместе, а потому молю его ежеминутно, чтобы продлил сколько возможно подолее жизнь мою, дабы я в силах был надевать много добрых дел и удостоиться, подобно ему, небесного блаженства; и чрез это у меня и бодрости больше в жизненном деле, и я гляжу светло вперед. Итак, вот что значит смерть и мысль о смерти...

Кстати о моем приезде в Россию. Чтобы вы не перетолковывали по-своему слов моих и не выводили из них своих заключений, я вам объявлю мое намерение. Если бог мне поможет устроить мои дела, кончить мое сочинение, без которого мне нельзя ехать в Иерусалим, то я отправлюсь в начале будущего 1848 года в святую землю с тем, чтобы оттуда летом того же года возвратиться в Россию. Итак, помните, что это может случиться только в таком случае, если бог мне поможет всё устроить так, как я думаю, и не пошлет мне препятствий, какие остановили в нынешнем году поезд мой, что, впрочем, случилось к

лучшему и в несколько раз умнее того, как мы предполагаем. Итак, если хотите видеть меня скорее, то молитесь богу и просите у него. У меня есть, точно, желание ехать в Россию, и желание сильное; это я вам объявляю, но это не обещание, — понимаете ли вы это? Обещания я и прежде никому не давал в этом деле и не даю, да и глупо мне было бы обещать и обманывать вас. Также я вас просил оставаться в Васильевке и не выезжать только в таком случае, если бы отправился действительно в этом году в Иерусалим, но я не просил вас вообще не выезжать в Полтаву или в другие места. Напротив, если бы вас стали упрашивать навестить, вы не можете совершенно отказать. В городе можно узнать больше людей, чем в деревне, и если бы взглянули только другими и высшими глазами на общество, то вы бы увидели, что предстоит множество на всяком шагу прекрасных подвигов и дел. Но для этого прежде нужно предварительно и долго узнавать людей, иначе всякая помощь, какую мы ни станем оказывать людям, обратится мне во вред, а не в пользу. Потому-то я и просил их, сестер моих,

которые имеют более на то времени, нежели мать, занятая и без того добрым делом хозяйства и попеченья о семействе дома, и которые притом молоды и всему еще могут выучиться; потому-то я и просил их расспрашивать всех людей как о них самих, так и о всех других, их окружающих. Человек страждет на всяком шагу, и на всяком месте часто происходят безмолвные страдания там, где мы не подозреваем и не предполагаем... Если бы они дали себе труд расспросить только одних городских священников о том, каковы у них люди в их приходах и чем они страждут и какие у них болезни душевные и нужды, то они узнали бы уже много того, чего не знают и не видят многие люди. Кроме того, всякий чиновник, если только его расспросишь, в чем состоит его должность, то увидишь, что он состоит в каком-нибудь соприкосновении с людьми и знает людей и вещи с такой стороны, с какой не знает другой. Словом, от всех можно учиться на всяком шагу. И если только один год так проведешь, терпеливо узнавая и выпытывая и не спеша сторяча помогать на донкишотский образец, когда еще не

умеешь помогать, тогда наконец дойдешь, точно, до того, что узнаешь душу человека и увидишь, что на всяком шагу предстоит дело и занятие высокое для души — и вся жизнь обратится в наслаждение. Писал я также о гостеприимстве и хлебосольстве, но о хлебосольстве всем тем, что бог послал, что производит собственная земля и хозяйство, а не тем, что берется в городе из бакалейных лавок или что привозят разносчики. Этой дрянью никого не удивишь и не насытишь, — только что трата насчет неимущих, потому что, если рассмотришь к концу года расходы да подведешь итог и смету всему, так увидишь, что на это ушла одна и другая тысяча. Но если бы хозяйки распорядились, чтобы на столе у них не было ничего покупного, и говорили бы гостю своему: «Мы вас угощаем не тем, что вы едите всякий день: это, мы знаем, вам прискучило, да и вышло оно бы, во всяком случае, хуже того, что вы едите всякий день, потому что город от нас далек, вина к нам могут придти дурные, а не хорошие, но угощаем мы вас нашими национальными малороссийскими блюдами, которых вы, верно,

в городах не найдете»; то, поверьте мне, гостю будут в несколько раз приятнее эти простые вкусные блюда, чем те, которые хотят быть на манер немецкий и выходят ни се, ни то. А домашние хорошо сделанные наливки ему понравятся гораздо больше французских порченных <вин>, и таким образом одна-другая тысяча осталась бы в кармане, и, может быть, от нее досталось бы на долю и тем, которые умирают от нужды. Истинное хлебосольство не в том, чтобы завести у себя стол ничем не хуже других людей, обезьянничая на манер других и боясь на всяком шагу того, чтобы гость не осудил чего и не посмеялся над чем. Истинное хлебосольство состоит в радушном внимании к гостю, в умении расспрашивать и интересоваться его положением и обстоятельствами, в умении показать ему сочувствие в его горе и в его веселии, в умении сказать ему утешительное слово, так чтобы ему, по уезде от вас, стало бы легко на душе и показалось бы ему, что он был у близких и родных себе людей. Но довольно; я устал, у меня и без того мало времени...

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Неаполь. 25 генваря <н. ст.
1847>

И Языкова уже нет! Небесная родина наша наполняется ежеминутно более и более близкими нашими сердцу и тем как бы становится нам еще желанней и драгоценней. Брат мой прекрасный, отныне мы должны быть еще ближе друг другу и, живя на земле, глядеть так друг на друга, как бы встретившиеся в дому небесного родителя нашего брата. По-сылаю выписку из письма Шевырева.

Твой Г.

Мой адрес: Неаполь. Palazzo Ferandini.

На обороте: Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten
vor dem Schaumeinthor.

А. О. СМИРНОВОЙ
Неаполь. Января 30 <н. ст.
1847>

По делам моим произошла совершенная бестолковщина. Из книги моей напечатана только одна треть в обрезанном и спутанном виде, какой-то странный оглодок, а не книга. Плетнев объявляет весьма хладнокровно, что просто не пропущено цензурой. Самые важные письма, которые должны были составить существенную часть книги, не вошли в нее, — письма, которые направлены были именно к тому, чтобы лучше ознакомить с бедами, происходящими от нас самих внутри России, и о способах исправить многое, письма, которыми я думал сослужить честную службу государю и всем моим соотечественникам. Я писал на днях Вьельгорскому, прося и умоляя представить эти письма на суд государю. Сердце говорит мне, что он почтит их вниманьем своим и повелит напечатать. Друг мой, прошу вас, молитесь обо всем этом и особенно молитесь о том, чтобы

послал бог необходимое спокойствие в мою душу, которое теперь слишком трудно будет сохранить [переносить] мне, потому что недуги приступили ко мне вновь. Бессонницы, продолжающиеся уже более месяца, известие о смерти Языкова, с которым мы жили душа в душу, наконец известие о беде, постигшей мою книгу, и о нелепом ее появлении в свет, — всё это изнурило меня. Друг мой, молитесь обо мне, да господь подаст мне силы и укрепит меня...

Весь ваш Гоголь.

А. А. ИВАНОВУ
Неаполь. Февраля 4 <н ст.
1847>

Что с вами делается, Александр Андреич? Я с изумлением прочел ваше письмо, недоумевая, ко мне ли оно писано? Предложение ваше, сделанное в прошлом году Чижову, которого вы хотели сделать секретарем, [из которого вы хотели сделать секретаря] положим, еще могло иметь [еще имело] какой-нибудь смысл, потому что Чижов занимался этой частью и притом не избрал себе никакого отдельного поприща, но и ему не прилично было такое место: как бы то ни было, он профессор [но уже был профессор<ом>] и приготовил себя вовсе не для того, чтобы сыграть роль чиновника для письма. Но сделать мне такое предложение — уж такого сюрприза я никак не мог ожидать. Я не могу только постигнуть, как могло вдруг выйти из головы вашей, что я, во-первых, занят делом, требующим, может, побольше вашего полного посвящения ему своего времени, что у меня и сверх

моего главного дела, которое вовсе не безде-лица, наберется много других, более сообразных с моими способностями, чем то, которое вы предлагаете, [предполагаете] что и самый образ мыслей моих, даже и насчет этого дела, вовсе не сообразен с образом мыслей тех людей, которых вы хотите постановить моими начальниками, и даже с вашими, что я, наконец, на дороге и остановился в Италии только на время, как в гостинице и трактире, что даже и прежде, не только теперь, я уже по причине моих недугов не мог связать себя никакою должностью, потому что я сегодня здесь, а завтра в другом месте. Но всё это вдруг вышло у вас из головы, как бывает со всеми теми людьми, которые не умеют ничего хорошенько сообразить и обо всем порядочно подумать. И какой странный, решительный тон письма: такой-то должен быть тем-то. Киль должен заняться таким-то делом, князь Волконский таким. Наконец, мне самому предписаны границы и пределы моих занятий, так что я невольно спросил: «Да чья же здесь воля изъясняется?» По слогу письма можно бы подумать, что это пишет полномочный человек:

герцог Лейхтенбергский или князь Петр Михайлович Волконский по крайней мере. Всякому величаво и с генеральским спокойствием указывается его место и назначение. Словом, как бы распорядился здесь какой-то крепыш, а вовсе не тот человек, которого в силах смутить и заставить потеряться на целый месяц первая бумага Зубкова. Мне определяется и постановляется в закон писать пять отчетов в год — даже и число выставлено! И какие странные выражения: писать я их должен гениальным пером. Стоят отчеты о ничем гениального пера! А хотел бы я посмотреть, что сказали бы вы, если бы вам кто-нибудь сверхзанятия вашей картиной предложил рисовать в альбомы по пяти акварелей в год. Воображаю, если бы вы были начальник, хорошо бы разместили по местам людей! Конечно, и лакейское место ничем не дурно, если взглянуть на него в христианском смысле, но всё же нужно знать, кому предлагать его. Нужно уважать путь и дорогу всякого человека, если только они уже избраны им, а не отвлекать его от избранного им уже поприща. Ведь вас же я не отрываю от вашей картины и не по-

сылаю, куды мне вздумается, а вы — мало того, что в состоянии оторвать от дела человека, готовы еще толкать его в самое необдуманное дело, какое может только представить человеку разгоряченное воображение, не взвешивающее ни обстоятельств, ни людей. Какое странное ребячество в мыслях и какое неразумие даже в словах и в выражениях? Ради бога, оглянитесь пристально на самого себя! Разве вы не чувствуете, что нечистый дух хочет вас вновь втянуть в эти прожекты, которые наполнили беспокойством жизнь вашу и отняли у вас так много драгоценного времени. Сколько раз вы давали мне обещание не вмешиваться больше в эти официальные дела, сознаваясь сами, что не имеете для этого настоящего познания людей и света. Сколько раз сознавались сами, что все эти прожекты только запутывали еще более дела и на место помощи, которую вы хотели принести ими страждущим товарищам, только производили то, что положение их становилось еще тягостней и хуже. И не успел я выехать из Рима, как у вас в голове образовался уже новый проект, всех других сложнейший,

всех других несообразнейший и более всех других невозможнейший относительно исполнения. Стыдно вам! Пора бы вам уже, наконец, перестать быть ребенком! Но вы всяким новым подвигом вашим, как бы нарочно, стараетесь подтвердить разнесшуюся нелепую мысль о вашем помешательстве, И зачем вы меня обманываете: зачем пишете, будто бы работаете над картиной и даже будто бы молитесь? Кто работает, точно, над делом, тому некогда сочинять такие проекты. Кто молится, у того виден разум во всех словах и поступках, и бог не допускает его к таким ветреным и необдуманым сочинениям. Я вам писал уже раз, [Далее начато: сидите смирно и не мешайте] если даже не два, чтобы хотя в продолжение-; двух-трех месяцев [в продолжение не более месяцев] потерпели бы, не мешались бы ни во что. Дело ваше устроится лучше, чем вы думаете. [Далее начато: я написал даже ясно, что из] Скажите, зачем вы не верите моим словам, а верите чорт знает кому? Мне просто не следовало бы вам отныне ни говорить, ни писать ни о чем, а прекратить всякие сношения: от слов моих я не ви-

жу никакой пользы. Они точно вода, которую льют в решето. Сегодня вы со мною согласитесь во всем, а завтра же приметесь вновь за свое. Вас опыт не учит. Ради Христа, гоните этого духа искушения, рисующего [представляющего] вам всякие возможности там, где их нет, обольщающего вас, разгорячающего воображение ваше, поселяющего в вас дымное надмение самим собой и уверенность в уме своем, заставляющего вас влюбляться в собственные мысли, из которых иные, если и не глупы в основании своем, то выразятся у вас в таком виде, что скорей походят на бред человека в горячке. Запритесь в свою студию и предоставьте всякие ходатайства по делам художества Чижову: он, и не вступая в официальные сношения с вашим начальством, сумеет как человек, более вас покойный и хладнокровный, уладить многое миролюбно, без бумаг и канцелярий. Вот всё, что я вам скажу. Больше мне нечего прибавить. Относительно вас совесть моя покойна: я сделал для вас то, что повелел мне собственный мой рассудок, а не ваш. Если <бы> вы потерпели хотя немного времени, то увидите этого плоды. Вам оста-

ется только молиться. [Далее начато: и быть]

На обороте: Александру Андреевичу Иванову.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

Февраль 6 <н. ст. 1847>.

Неаполь

Пишу к вам, моя добрейшая Анна Михайловна. Вы уже, без сомнения, получили мое письмо через В<иктора> В<ладимириовича> Апраксина вместе с большими письмами, порученными вашей маминьке. Письма эти следует пустить как следует в ход. Плетнев, как я узнал, сделал неосмотрительную вещь, выпустив в свет один кусок моей книги. [Далее начато: В этом] Статьи, которые составляли одну только треть книги, которые могли быть вполне ясны только в соединении с другими статьями. [Далее начато: Все статьи, самые] В этой книге всё было мною рассчитано и письма размещены в строгой последовательности, чтобы дать возможность читателю быть постепенно введену в то, что теперь для него дико и непонятно. Связь разорвана. Книга вышла какой-то оглодыш. Все должностные и чиновные лица, для которых были писаны

лучшие статьи, исчезнули вместе с статьями из вида читателей; остался один я, точно как будто бы я издал мою книгу именно затем, чтоб выставить самого себя на всеобщее позорище. А между тем все непропущенные статьи именно нужны в нынешний миг обстоятельств в русском быту нашем, особенно внутри России. Об этом всем приложите и вы старание. Нужно, чтобы Плетнев представил Миха<и>л<у> Юрьевичу все сполна непропущенные статьи и все те места, которые вычеркнуты цензором в статьях уже пропущенных, потому что вычеркнуты они совершенно несправедливо и неосновательно. Во всем этом деле был какой-то необъяснимый ков. Цензор был в руках каких-то дурных людей, употреблявших всё, чтобы произвести бессмыслицу в книге вымаркою многих мест, связывающих и объясняющих обстоятельства предшествующие и последующие, и чрез <то> иметь право при ее появлении в свет напасть, как на бессмыслицу и бред расстроенного воображения, на то, что автор [сочи<нитель>] выдает за истину. Сам цензор сыграл необыкновенно странную<ю> роль>. От него

требовалась тайна, потому что я хотел отпечатать книгу в тишине и сделать ее неожиданным сюрпризом как для всей публики, так даже и для вас самих (это ребячество у меня до сих <пор> осталось, но бог с ним! отныне лучше буду обходиться без сюрпризов). А между тем сам цензор был разглашатаем всего, так что даже в Москве знали обо всем и повторяли изуродованные с умыслом мысли и фразы. А я еще не так давно писал к графине, вашей маминьке, чтобы не позабыть цензора печатавшего, и хотел за него хлопотать изо всех сил, чтобы досталась и ему какая-нибудь честь за пропуск моей книги. Итак, вы сами теперь видите, каково мое дело. Нужно, чтобы книга моя явилась немедлен<но> вторым изданием в полном виде своем, большой и толстой книгой со всеми статьями. Я бы не хлопотал об этом так, если бы это было мое дело. Но прочитайте сами вместе с папинькой вашим (которому поцелуйте ручки за доброту его) эти непропущенные статьи и скажите сами, мое ли [мое ли это д<ело>] в них заключено дело или то, о котором хлопочет сам государь и все возвышенные души.

Но вам понятно чувство любви высшей к [В подлиннике: ко] родине, а потому об этом нечего говорить. Я прилагаю здесь письмецо к Миха<и>лу Юрьевичу и оглавление статей в том виде и порядке, в каком они должны следовать одна за другою. Бог да хранит вас и во всем сопутствует. Извините, что пишу неразборчиво и дурно. Я сижу больной, руками едва двигаю и от бессонниц, продолжающихся уже более месяца (не знаю отчего), очень ослабел.

Весь ваш Г.

Не позабудьте собирать замечания и свои, и чужие о моей книге.

На обороте: S. Pétersbourg. Russie.

Ее сиятельству графине Анне Михайловне Вьельгорской.

В Петербурге, на Михайлов<ской> площади, у Мих<айловского> дворца. В доме графа Вьельгорского.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

**Неаполь. Февра<ля> 6 <н. ст.
1847>**

Я получил твое письмо с известием о выходе моей [твоей] книги. Зачем ты называешь великим делом появление моей книги? Это и неумеренно, и несправедливо. Появление моей книги было бы делом не великим, но точно полезным, если бы все уладилось и устроилось, как следует. Теперь же, сколько могу судить по числу страниц, тобою объявленных в письме, не пропущено больше половины и притом той существенной [самой существенной] половины, для которой была предпринята вся книга, да к тому (как ты замечаешь глухо) вымарано даже и в пропущенных множество мест. В таком случае уж лучше было бы придержать книгу. На книгу мою ты глядишь как литератор, с литературной стороны; тебе важно дело собственно литературное. Мне важно то дело, которое больше всего щемит и болит в эту минуту. Ты не знаешь, что делается на Руси, внутри, какой

болезнью там изнывает человек, где и какие вопли раздаются и в каких местах. Тепло, живя в Петербурге, наслаждаться с друзьями разговорами об искусстве и о всяких высших наслаждениях. Но когда узнаешь, что есть такие страдания человека, от которых и бесчувственная душа разорвется, когда узнаешь, что одна капля, одна росинка помощи в силах пролить освежение [чудное освежение] и воздвигнуть дух падшего, тогда попробуй перенести равнодушно это уничтоженье писем. Ты не знаешь того, какой именно стороной были полезны мои письма тем, к которым они писались; ты души человека не наследовал, не разоблачал как следует ни других, ни себя самого пред самим собою, а потому тебе и невозможно всего того почувствовать, что чувствую я. [а потому я извиняю тебе твое равнодушие к [этому делу] этой стороне моих] Странны тебе покажутся и самые слова эти. С меня сдирают не только рубашку, но самую кожу, но это покуда слышу [но это — увы! — слышу] только один я, а тебе кажется, что с меня просто снимают одну шинель, без которой, конечно, холодно, но всё же не так,

чтобы нельзя было без нее обойтись. В бесполовщине этого дела по части цензуры, конечно, я виноват, а не кто другой. Мне бы следовало ввести с самого начала в подробное сведение всего этого графа Миха<и>ла Юрьевича Вьельгорск<ого>. Он бы давно довел до сведения государя о непропущенных статьях. Это добрая и великодушная душа, не говоря уже о том, что он мне родственно-близок по душевным отношеньям ко мне всего семейства своего. Он, назад тому еще месяц, изъясни государю такую мою просьбу, которой, верно, никто бы другой не отважился представить. [Далее начато: тем более] Просьба эта была гораздо самонадеяннее нынешней, и ее бы вправе был сделать уже один слишком заслуженный государственный человек, а не я. И добрый государь принял ее милостиво, расспрашивал с трогательным участием обо мне и дал повеленье канцлеру написать во все места, начальства и посольства за границей, чтобы оказывали мне чрезвычайное и особенное покровительство повсюду, где буду ездить или проходить в моем путешествии. И чтобы этот самый государь отказался бросить

милостиво-благосклонный взгляд на статьи мои, не хочу я и верить этому. Перепиши всё набело, что не пропущено цензурою, вставь все те места, которые замарал красными чернилами Никитенк<о>, и подай всё, не пропуская ничего, Михаилу Юрьевичу. Я не успокоюсь по тех пор, пока это дело не будет сделано так, как следует. Иначе оно у меня не сделано. Какие вдруг два сильные испытания! С одной стороны нынешнее письмо от тебя; с другой стороны письмо от Шевырева с известием о смерти Языкова, И всё это случилось именно в то время, когда и без того изнурились мои силы вновь приступившими недугами и бессонницами в продолжение двух месяцев, которых причины не могу постигнуть. Но велика милость божия, поддерживающая меня [пославшая мне] даже и в эти горькие минуты несомненной надеждой в том, что всё устроится, как ему следует быть. Как только статьи будут пропущены, тотчас же отправь их к Шевыреву для напечатанья во втором издании в Москве, которое, мне кажется, удобнее произвести там как по причине дешевизны бумаги и типографии, так равно и

потому, что он менее твоего загроможден всякого рода делами и изданиями. На это письмо дай немедленный ответ. Обнимаю тебя от всей души.

Твой Г.

Если же ты не будешь занят никаким другим делом и время у тебя будет совершенно свободное, и будет предстоять возможность отпечатать весьма скоро книгу хорошо и без больших издержек, тогда приступи сам. Пожалуста, ничего не пропусти и статьи, пострадавшие много от цензора, вели лучше переписать все целиком, а не вставками. Они у меня писаны последовательно и в связи, и я помню место почти всякой мысли и фразе. Особенно, чтобы статья «О лиризме наших поэтов» не была перепутана; разумею, чтобы большая вставка, присланная мною при пятой тетради, вставлена была как следует, на место страниц уничтожен<ных>. Порядок статей нужно, чтобы был именно такой, как у меня. Я послал Мих<аилу> Юрьев<ичу> оглавление по порядку всех статей. Если потребу-

ется для проформы какой-нибудь цензор, то не лучше ли выбрать кого-нибудь другого, а не Никитенка?

А. П. ТОЛСТОМУ
1847. Неаполь. Февраль 6 <н.
ст.>

Давно уже я не писал к вам, добрейший мой Александр Петрович. Случилось это, во-первых, оттого, что было много всяких забот, а во-вторых, оттого, что просто не писалось и не находилось о чем писать. По делам моим относительно книги произошла в Петербурге страшная бестолковщина. Образовалось что-то вроде демонского восстания к тому, чтобы воспрепятствовать ее выходу. [чтобы не допустить к выходу мою книгу] Какие-то таинственные партии европейцев и азиатцев вместе совокупились, чтобы смутить и сбить с толку цензуру. Вместо толстой книги, вышла небольшая брошюра, которую, вероятно, уже вы получили, потому что я писал послать к вам два экземпляра. Все статьи и письма к разным чиновникам и должностным лицам, по мнению моему нужнейшие, не пропущены. Всё это, однако ж, меня не смутило, несмотря на хворость мою (ибо я опять начал

болеть и расклеился). Все непропущенные статьи идут на рассмотрение государя и чрез месяц или два на место вами полученного куска книги, объединенного и обгрызенного цензурой, получите второе издание уже в виде полной и порядочной книги. Сердце мое говорит мне, что всё обделается хорошо. Государь был так милостив ко мне и еще месяц тому назад, узнавши о моем путешествии, мной предпринимаемом, расспрашивал с участием обо мне у Мих<аила> Юрьев<ича> Вьельг<орского> и дал приказание канцлеру написать во все посольства, миссии и начальства тех земель на Востоке где ни буду проходить, оказывать мне особенное покровительство. А вы, какова ни есть моя книга в нынешнем виде ее, [А вы, несмотря на то, что книга моя в нынешнем виде ее есть ничто] все-таки, дайте мне чистосердечное и откровенное ваше мнение и скажите ощущение ваше. Хотя сюда и не попали статьи, направленные собственно к вам, но вы все-таки прочитайте ее несколько раз, и что вам ни придет новое по поводу ее на мысли, мне передайте. Путешествие мое, как вы видите, во всяком

случае должно быть отложено к будущему году. Теперь же лето мне нужно будет полегчить, потому что источник всех недугов, кажется, те же нервы. Может быть, опять поеду в Остенде. Без сомнения, мы с вами встретимся, если не там, то во Франкфурте, куды я в конце весны или в начале лета, а потому напишите ваш маршрут. Недуг мой состоит в бессонницах, которые продолжаются уже скоро два месяца, в расслаблении тела, в сыпях на ногах, но, несмотря на всё это, даже на волнения нервные, душа по милости божией пребывает в спокойном равновесии. Самая смерть Язы<кова> не произвела во мне тревожных чувств печали, но что-то неопределенное и как бы светлое. Как будто бы он для меня не умер. Прощайте! На это письмо дайте мне немедленный ответ, адресуя в Palazzo Ferandini, обиталище доброй вашей сестрицы. Графине мой душевный поклон!

На обороте: Paris.

Son excellence monsieur le c-te Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, № 9. (Hôtel Wagram).

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Неаполь. Февр<аля> 10 <н. ст.
1847>

По делам моим относительно печатанья книги произошла совершенная бестолковщина. Больше половины писем остановлены цензурой, именно тех самых, которые относятся к должностным лицам и всяким чиновным дельцам, стало быть, самых существенных и, по-моему, нужных писем. Плетнев имел неосмотрительность выпустить [не дождавшись, выпустить] оставшийся клочок. Вышла не то книга, не то брошюра. Лица и предметы, на которые я обращал внимание читателя, исчезнули, и выступил один я, своей собственной личной фигурой, точно как бы издавал книгу затем, чтобы показать себя. Бестолковщина эта меня прежде бы очень рассердила, но теперь, [когда] слава богу, спокойствие мое не возмутилось. Я обратился с письмом к государю, прося его разрешить это дело и бросить взгляд на статьи, которые были писаны в сердечном желаньи сослужить

ему сим службу. Сердце мое говорит мне, что он не отвергнет. Тем более, что два месяца тому назад он приказал выдать мне не только новый паспорт на пребыванье мое за границей, но приказал канцлеру написать во все наши миссии и начальства на Востоке, чтобы мне повсюду было оказываемо особенное покровительство, где ни буду проходить я, и потом, спустя несколько времени, расспрашивал обо мне с трогательным участием у Мих<и>л<а> Юрьев<ича> Вьельгорского. Всё это показывает мне, что рука божья чьими-то чистейшими молитвами хранит меня! Здоровье мое несколько вновь расстроилось. Ночи я не сплю и сам не могу понять отчего, потому что волнения нервического нет, ниже волнения в крови. Слабость усилилась, и некоторые прежние недуги стали возвращат<ься>. Но божьей милостью дух унынья далеко от меня. И самая неожиданная смерть Языкова не повергнула меня в печаль, но в какое-то тихое упованье. Всею душою обнимаю всех вас, от мала до велика, составляющих прекрасную и близкую душе моей семью.

Весь т<вой> Г.

Мой адрес попрежнему: Неаполь, palazzo Ferandini. Ради бога, словечко о самом себе и о распоряжениях по поводу отъезда в Россию!

На обороте: Son excellence monsieur
monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort sur Mein. Sachsenhausen.
Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

А. О. РОССЕТУ
Неаполь Февраль 11 <н. ст.
1847>

Я получил ваше письмо от 29 декабря русского штиля и вслед за ним письмо Плетнева с извещением о выпуске книги. Плетнев сделал большую неосмотрительность этим выпуском одного клочка наместо всей книги. Нужно было ждать терпеливо разрешенья высшего на пропуск всех тех писем, которые должны были служить подкреплением мыслей, сказанных в этом клочке. Не пропущено почти всё то, где объясняется, как сказанное приложить к делу: все письма к должностным лицам и чиновникам внутри России, в которых объясняется возможность делать и подвиги истинно христианские на всяком месте светских должностей наших. Безделица! Я книгу составлял вовсе не затем, чтобы сердить Белинских, Краевских и Сенковских, я глядел во внутрь России, а не на литературное общество. Книга теперь состоит из общих мест, и наместо тех лиц [люд<ей>] и предме-

тов, которые должны были выступить на вид читателей, выступил на сцену один я, точно как бы я затем издавал свою книгу, чтобы себя показать. Вы уже, без сомнения, знаете, что я писал всем, кому следует, чтобы представить это дело на рассмотрение того [тому] кому следует. А потому, как только это [это дело] будет разрешено, книга должна явиться вторым изданием в полном виде с размещением всех мест в таком точно порядке, как было у меня до времени беспорядков, [тех беспорядков, которые] произведенных взбалмошно-неразумной цензурой. У меня не без причины была замечена связь и некоторая последовательность в письмах. Они [они были] затем, чтобы читателя вести постепенно к уразумлению дела, а не озадачивать его отрывками. Плетнев глядит на это дело с своей точки, ему любо моей книгой дразнить [посер<дить>] своих литературных недоброжелателей. Второе издание я предполагал печатать в Москве, поручив его Шевыреву, по причине, что, во-первых, там бумага и печатанье стоят дешевле, а во-вторых, и потому, чтобы не сказал Плетнев, что я уже вовсе без сове-

сти и навьючиваю его, как лошадь, моими делами. Но теперь вижу, что в Москве может случиться легко проволочка и какая-нибудь путаница, а книге следует непременно выйти к светлому воскресению. Ибо не' мешает вам узнать (если вы этого еще не знаете), что после светлого воскресения сбыт и расход книжный прекращается и вся Россия погружается в непробудный сон во всех отношениях. Итак, печатанье вновь должно обрушиться на плечи Плетнева, но вы ему помогите, стряхните лень и постарайтесь изворотиться молодцом и гоголем в типографском деле. Эта работа не так скучна, как вы думаете, вы почувствуете потом даже маленькие наслаждения преследования всяких промахов со стороны наборщиков, а иногда в поправке и самого автора, который, доселе знает очень плохо грамматику и русское словосочинение. Не мешает вам также принять к сведению, [за<метить>] что всякую скоро отпечатанную книгу можно отпечатать еще вдвое скорее: вся тайна заключается в прибавке лишнего числа наборщиков, зависящей от приказанья фактора. Теперь поговорю с вами о самом Плетневе. Я бы

очень хотел знать его собственное состояние душевное. Это чистейшая душа в полном смысле слова, исполненная чистейших желаний. Но он, как мне кажется, попал в фальшивые отношения и в фальшивые столкновения с людьми, через это он приобрел сухость и черствость, которых у него прежде не было, и некоторое озлобление противу некоторых (кто бы они ни были), [Далее начато: кто<рые>] совершенно несвойственное его душе. Мне кажется, если бы я узнал хорошенько его внутреннее состояние, я бы ему, может быть, помог. [помогать выпутаться <...>] В письме его я заметил какие-то неясные жалобы на многих людей нынешнего петербургского света. Он говорит о добродетели, находящейся в угнетении и презираемой за бедность ее даже от наших благороднейших людей, из чего я думаю, что он получил некоторый щелчок по части каких-нибудь аристократических покушений. Сколько возможно, рассмотрите его вновь, как бы сызнава, и напишите мне о нем. Вы хоть человек себе и молчаливый, но, мне кажется, взгляд у вас верен, и вы редко даете промаха. Благодарю вас

за готовность вашу споспешествовать снабжению [снаб<жать>] меня книгами. Вяземского поблагодарите также много, много. Спросите его, получил ли он письмо мое, посланное с Апраксиным, которым я просил его войти в мое скорбное положение по части всего не пропущенного цензурой и выправить в совокупности с Плетн<евым> и графом Мих<аилом> Юрьев<ичем> Вьельгорским всё, что окажется [может быть, окажется] у меня неловко и неприлично, перед подачей статей на высшее рассмотрение. В прибавку к журналам, [книгам] мне посылаемым, я попрошу [попрошу у вас] «Иллюстрацию» Кукольника за прошлый год, переплетенную в одну книгу. На нынешний я не прошу. В книге этой есть повести Даля, которые мне очень нужны. Этого писателя я уважаю потому, что от него всегда заберешь какие-нибудь сведения положительные о разных проделках в России. [о том, что делается в России] Там же есть и другие повести из русского быта. Пожалуста, не забывайте того, что мне следует присылать только те книги, где слышна сколько-нибудь Русь, хотя бы даже [полож<им>, даже] в зло-

вонном виде. Я очень [Я бы очень] боюсь, чтобы Плетнев не стал меня потчевать Финляндией и книгами, издаваемыми Ишимовой, которую я весьма уважаю за полезные труды, и уверен, что книги ее истинно нужны, но только не мне. Мне нужны не те книги, которые пишутся для добрых людей, но производимые ныне школою литераторов, стремящаяся [но скорей те, которые производит нынешняя школа литераторов, стремящаяся] живописать и цивилизовать Россию. Всякие петербургские и провинциальные картины, мистерии и прочие. В прошлом году вышла книжка «Петербургские вершины», ее мне пришлите обе части. Но довольно. Я устал. [Далее начато: Извините] Я устаю теперь весьма скоро, потому что здоровье мое вновь несколько расклеилось. Вот уж скоро два месяца, как одержим я бессонницами (которым не могу постигнуть причины). Не позабудьте же, мой добрый и мною любимый Аркадий Осипович, передавать мне все впечатления, какие где ни будет производить моя книга во всех кругах, даже в самых низших слоях, не выключая и дворовых людей. А по-

тому вы просите всех сколько-нибудь благотворительных людей покупать мою книгу не для одних себя, но затем, чтобы раздавать их умеющим читать и [но] не имеющим на что купить. Но будьте здоровы. Бог с вами, не ленитесь и пишите. При сем письмецо к Плетневу. [Шевыреву]

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Его высокоблагородию Аркадию Осиповичу Россети.

В С.-Петербурге. Против Пантелеймона, в доме Быкова

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Неаполь. Февраль 11 <н. ст.
1847>

Я пишу к тебе эту маленькую записочку только затем, чтобы уведомить тебя, что письмо твое со вложением векселя мною получено. Книга до меня не дошла, чему я отчасти даже рад, потому что, признаюсь, мне бы тяжело было на нее глядеть в ее обезображенном виде. Ты, вероятно, теперь уже получил три пись<ма> мои, с распоряженьями по части второго издания ее, в полном виде, со включеньем всех мест и приведеньем всего в полный порядок. Первое письмо, весьма длинное, писанное тотчас по извещении твоём о происшедшей бестолковщине со стороны цензуры, второе, досланное с Апраксиным, с приложением копии с письма к государю, третье, отправленное назад тому несколько дней в ответ на уведомленьё выпуска в свет обгрызенного Никитенкой оглодка. Я предполагал прежде второе издание печатать в Москве, рассчитывая на меньшие из-

держки и на доставление отдыха тебе. Но вижу, что весьма легко может случиться от этого какая-нибудь новая бестолковщина и, во всяком случае, замедленье. А книге следует быть выпущенной к светлomu воскресенью, ибо после этого времени, как сам знаешь, всё книжное останавливается. Возьми в помощь Россети. [В подлиннике: Розетти] Он человек весьма аккуратный, и если его немножко введешь в это дело, он сумеет хорошо держать корректуру. Впрочем, сам смекнешь, как уладить. [сам узнаешь, как сде<лать>] Если же, прежде пропуска статей, окажется сильная потребность второго издания книги даже и в нынешнем ее виде, то отпечатай насколько, елико возможно, еще завод, если не два, и печатай полное издание третье, не заботясь о том, что не разошлось [не будет] второе. Не забудь того, что я прошу читателей покупать не только для себя, но и для тех, которые не в силах сами купить. А для раздачи людям простым, я думаю, даже лучше [даже и лучше] придется книга в ее нынешнем виде. Цену можешь положить меньшую; [и меньшую] Впрочем, это зависит от твоего соображения.

Что касается до книги в ее полном виде, то ей цена три рубли серебром, не меньше. Как бы то ни было, но в ней должно быть около 600 страниц. Денег мне больше не присылай, потому что поездка моя вследствие этих смут и хлопот, равно как и самого моего здоровья, ныне вновь ослабевшего, равно как и неполучения тоже до сих пор пашпорта, отодвинута далее. А отправь покуда две тысячи моей матери, если удосужишься и если деньги накопились. Не благодарю тебя покаместь еще ни за что, — ни за дружбу, ни за аккуратность, ни за хлопоты по делам моим. Что ж делать! Есть дела, которые должны быть впереди наших личных дел, а таким я почитаю пропуск именно тех самых статей, которые не показались тебе важными и насчет которых ты согласился, что их лучше не печатать. Но обнимаю тебя! Прощай. Бог тебе в помощь!

На обороте: Петру Александровичу Плетневу.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Неаполь. Февраль 11 <н. ст.
1847>

Я получил твое письмо с известием, что Языкова уже не стало. Итак, эта небесная, безоблачная душа уже на небесах! Из всех моих друзей у него больше других было тех некоторых особенностей, какие были и в моей природе, которых он не обнаружил, однако ж, ни в сочинениях своих, ни даже в беседах [ни в обществе] с другими и которые были причиной, что между нами было тесное дружество. Наши мысли и вкусы были почти сходны. Но разум и чистота младенчества, каких у меня не было, светились в одно и то же время в его словах. Как он был добр ко мне и как любил меня! О! да удостоит нас бог всех совершить честно свой долг на земле, чтобы удостоиться небесного блаженства и ликования вместе с ним, с которым уже и здесь на земле было так приятно беседовать, как бы беседовал с ангелом на небесах. Благодарю тебя за то, что ты, наконец, заговорил со мной

откровенно и отважился сделать мне упреки. Их я жду [ищу] отовсюду, ищу ото всех, хотя еще никто не верит словам моим и думает, что я морочу людей. В упреках твоих есть и справедливая и несправедливая сторона, но то и другое для меня драгоценно, потому что показывает мне, во-первых, в каком виде я стою в глазах твоих, во-вторых, заставляет меня все-таки лишний раз оглянуться и поостроже рассмотреть себя. Вот что я нахожу теперь нужным сказать тебе в ответ на них, — сказать [гов<орить>] не с тем, чтобы оправдываться, но чтобы изгнать из мыслей твоих беспокойство обо мне, которое, как я замечаю, поселили в тебе мои неловко и неразумно выраженные слова. Начну с того, что твое уподобление меня княгине Волконской относительно религиозных экзальтации, самосулаждений и устремлений воли божией лично к себе, равно как и открытие твое во мне признаков католичества, мне показались неверными. [несправедливыми] Что касается до княгини Волконской, то я ее давно не видал, в душу к ней не заглядывал; притом это дело такого рода, которое может знать в на-

стоящей истине один бог; что же касается до католичества, то скажу тебе, что я пришел ко Христу скорее протестантским, чем католическим путем. Анализ над душой человека таким образом, каким его не производят другие люди, был причиной того, что я встретился со Христом, изумясь в нем прежде мудрости человеческой и неслыханному дотоле знанию души, а потом уже поклонясь божеству его. Экзальтации у меня нет, скорей арифметический расчет; складываю просто, не горячась и не торопясь, цифры, и выходят сами собою суммы. На теориях у меня также ничего не основывается, потому что я ничего не читаю, кроме статистических всякого рода документов [кроме того, что относится к] о России да собственной внутренней книги. Относительно надписи Погодину ты также попал в заблуждение. Я давно уже, слава богу, ни на кого не сержусь. Но для надписи я прибирал нарочно самые жесткие слова, желая усилить в глазах его те недостатки, которые кажутся [не кажутся] ему небольшими и неважными, и несколько даже уязвить душу. Что ж делать? Иных людей не заставишь по тех пор развя-

зять, как следует, язык, покуда не рассердишь. К тому ж я угощал его тем же, чем угощаю себя ежедневно и чем желал бы, [очень желал бы] чтобы потчевали меня почаще другие. Впрочем, напрасно ты такого дурного мнения о Погодине. Он гораздо лучше, чем ты его себе представляешь, и особенно теперь. [в ныне<шнее время>] Он великодушен, и это составляло всегда главную черту его характера, несмотря на все недостатки его: он сам станет колоть себя и поражать именно моими словами, теми самыми, которые я прибрал ему в надпись. В доказательство же, что я ничего не имею противу его на душе своей, прилагаю при сем письмецо к нему самому. Наконец в заключение и в благодарность за упреки я присовокупляю здесь упрек тебе, — упрек в пристрастии, которое заметили в тебе [заметили в тебе все] не только я, но все те, которые тебя знают или же прочли твои сочинения. Дух пристрастия у тебя слышался всегда во всем. [слышится во всем] Пристрастие к земле, к людям, [к людям, к мы<сли>] даже к собственной своей одной какой-нибудь мысли, которую ты будешь долго прила-

живать и пригонять ко всему. Давно ли говорили почти все, что Шевырев никак не может обойтись без Италии и где бы то ни было, кстати или некстати, приклеит ее. Этот дух пристрастия стал исчезать в тебе в последних твоих осочинениях, по мере того, как стал ты приближаться к разумной середине всего. Его нет почти вовсе в твоём курсе. Я думал, что оно уже [вовсе] в тебе исчезло. Но теперь вижу, что оно сохранилось еще во всей силе к тем людям, которых ты любишь. Ты в них не видишь недостатков; если ж и видишь, не высказываешь; высказываешь недостатки ты одним врагам своим или же тем, которые огорчили. И к чему между нами эта осторожность, чтобы как-нибудь не обжечь словом? Лучше бы ты эту осторожность наблюдал в своих прежн<их> перепалках с Белинским и другими литератор<ами>; подслащиванье можно употреблять в деле с людьми, стоящими на низшей перед нами ступеньке воспитания, а мы, слава богу, не дети. Да и пора уж быть нам наконец мужами. Зачем же мы себя называем избранными и лучшими других, когда мы не умеем переносить того, что не

только переносит легко христианин, но даже приемлет благодарно, как лучшее даяние? Ну, [Ну, не стыдно ли тебе] на что, например, похож твой нынешний поступок со мною? В продолжение долгого времени ты молчал, таил перед мною все чувства я помышленья обо мне и только на могиле Языкова осмелился заговорить, [заговорить со мною] выражаясь, что одна могила Языкова внушила тебе смелость. Да что же я? Лютый зверь какой, к которому даже и подступить страшно? Съел бы я тебя, что ли? Стыдно тебе! Такой друг, никогда не может быть вполне полезен. По-настоящему ты бы не должен скрывать передо мною и таких своих помышлений обо мне, которые тебе самому показались бы неосновательными, не смущаясь даже боязнью сказать глупость или ошибиться. Мы все люди и потому на каждом шагу говорим глупости и ошибаемся. Что я скрытен — это совсем другое дело. Скрытен я из боязни напустить [произвест<и>] целые облака недоразумений моими словами, каких случилось мне немало наплодить [произвести] доселе; скрытен я оттого, что еще не созрел и чувствую, что еще не

могу так выразиться доступно и понятно, чтобы меня как следует поняли. Но тебе даже грех быть со мной скрытну; я бы тебя понял. Сейчас при-несли мне твое письмо со вложением векселя. Ты напрасно мне его прислал; в деньгах я покамест не нуждаюсь. Бестолковщина по части книги моей в Петербурге и другие непредвиденные препятствия отодвинули отъезд мой на Восток, а потому деньги храни у себя до моего востребования. Я получил уже деньги [деньги мои] от Плетнева вместе с известием о выходе моей книги в обезображенном цензурою виде. Плетнев сделал неосмотрительность непростительную, поторопившись ее выпуском и не дождавшись моих распоряжений относительно самых значительных статей, в нее не вошедших. Вышло наместо толстой и солидной книги что-то странное, не то книга, не то брошюра. Последовательность и связь — всё пропало. В унынье от этого я, разумеется, не пришел, потому что знаю высокую душу государя и не сомневаюсь в пропуске, но всё несколько неприятно. В прежнем моем письме я поручал второе издание книги в ее полном виде

тебе. Но теперь вижу, что это замедлит ее появление; пересылка, медленность московских типографий, наконец, недоумения, которые могут произойти по поводу вставок всех выпущенных мест и надлежащего их размещения, — всё это заставляет меня вновь возложить это дело на Плетнева. Не забудь, однако ж, передать мне все мненья об этом явившемся в печати оглодке, как твои, так и других; поручай и другим узнавать, что говорят о ней во всех слоях общества, не выключая даже и дворовых людей, а потому проси всех благотворительных людей покупать книгу и дарить людям простым и неимущим. Еще попрошу тебя об одном одолжении. Доброго моего Языкова уже нет на земле, а потому и некому баловать меня присылкою книг, что с такой охотой и радушьем исполнял он, а потому не забудь, хотя изредка, если узнаешь, что кто-нибудь отправляется за границу, присылать мне. Я бы теперь хотел иметь русские летописи, изданные Археографскою комиссией, — их, кажется, уже три, если не четыре тома, — и Снегирева «Описание русских праздников и увеселений», присово-

купив к нему его книгу: «Русские в своих по-
словицах». Тот, кто возьмет их, если не дове-
зет до Неаполя, то может оставить во Франк-
фурте у Жуковского. Об этих книгах я просил
еще неда<вно> Языкова в маленьком письме-
це, вложенном в твое письмо, не зная, что он
уже покойник в ту минуту, как я писал к
нему.

М. П. ПОГОДИНУ
<Около 11 февраля н. ст.
1847. Неаполь.>

... Если ты подумаешь, что я имею какое-нибудь неудовольствие на тебя, то будешь не прав. Ничего не питаю к тебе другого, кроме расположения самого дружеского. Но не скрою, что я желал бы любить тебя более, чем люблю теперь. А потому предуведомляю тебя вперед, что отныне я буду тебе говорить много самых жестких и оскорбительных слов и стану просить тебя, соединясь вместе со мною, вооружиться противу всего того, что мрачит твою душу и мешает ей выказаться во всем ее благородстве, чего ты сам собою не можешь даже и увидеть. По всему вижу, что, кажется, дело хочет устроиться так, дабы мы встретились в Иерусалиме у гроба господня. И тебе случилось помешательство отправиться туда в нынешнем году, которое ты принял за указание божие, и я также с своей стороны принужден теперь отложить эту поездку до следующего года. Будем же помышлять вза-

имно, каждый с своей стороны, о том, как бы нам встретиться между собою таким образом, как на небесах в дому самого бога встречаются между собой братья...

М. И. ГОГОЛЬ

**Неаполь. Февраль 16 <н. ст.>
1847**

Назад тому недели две я писал вам доволь-
но длинное письмо со вложением другого,
еще более длинного, к сестре Ольге. [Далее на-
чато: кото<рое>] Вы его, вероятно, уже полу-
чили. Вероятно, вы уже получили и самую
книгу мою, в которой находится [закл<юч>ен]
выбор из моих писем к тем близким моему
сердцу людям, которые меня понимали и лю-
били, просьбы и желанья мои исполняли и
стали душой и жизнью своей мне родными
людьми. Вы, может быть, получили и деньги,
две тысячи рублей, которые я поручил пере-
слать к вам из Петербурга, как только будет
выпродана моя книга. Тысячу из этих денег
употребите в уплату процентов в ломбард,
500 в уплату за ученье племянника моего,
остальные 500 разделите между собой, для
собственных нужд своих. То есть, по сту руб-
лей всякой сестре и двести рублей для ма-
миньки. Повторяю вам всем вновь, что отно-

сительно денежных расходов нужно более, чем когда-либо, наблюдать бережливость и благоразумие, чтобы уметь не только содержать самих себя, но еще прийти в возможность помогать другим, потому что теперь более, чем когда-либо прежде, нуждающихся. [находится терпящих и нуждающихся] Если вам вообразилось, что вы уже распоряжаетесь очень умно и хозяйничаете совершенно так, как следует истинно хорошим хозяйкам, и достигнули уже такой мудрости, что умеете чувствовать границу между излишним и необходимым, и не издерживаете ни на что, как только на самое нужное, то знайте, что дух гордости овладел вами, и сам сатана подсказывает вам такие речи, потому что и наипытнейший хозяин и наиумнейший человек делает ошибки. Счастлив тот, кто видит свои ошибки и перебирает в мыслях все сделанные дела свои именно затем, чтобы отыскать в них ошибки: он достигнет совершенства и во всем успеет. Горе тому, кто самоуверен и не рассматривает прежних поступков в убеждении, что они все умны: ему никогда не добыть разума, и бог его оставит. Из отчетов о

приходах и расходах ваших, доставляемых мне Лизою, несмотря на то, что они ведены довольно беспорядочно, с пропусками и без обстоятельных значений, куды и зачем что пошло, я, однако ж, вижу (сделавши приблизительную смету и подведя итог всему году), что было в приходе в продолжение всего года денег свыше 16 000, а включая сюда один пропущенный месяц, можно предполагать, что доход по имению вашему может в иной год простираться до двадцати тысяч. Положим, около [около даже] шести тысяч должно выходить на уплаты процентов, — всё остается на всё прочее с лишком 10 тысяч. С этими средствами, живя в собственной деревне, на всем готовом, грех гневить бога, жаловаться на обстоятельства и наполнять жалобами письма, [и жаловаться на обстоятельства, каковыми жалобами наполнялись письма сестер моих, особенно] как это делали некоторые из сестер, и особенно Лиза, в продолжение пяти лет сряду. Я и в чужой земле, будучи некоторое время [од<но> время] совершенно без всяких средств, вовсе не живя на всем готовом, добывая слишком трудно копейку для

самого скудного содержания, протянулся, однако же, с помощью божией до сих дней и увидел, что причина скудости человека заключается почти всегда в нем самом. Именно от уверенности, что он уже совершенно ограничил себя во всем и не издерживает ни на что лишнее. Храни вас бог всех от этой смешной уверенности. Перечтите хорошенько все ваши расходы и приходы с тех пор, как их стала делать Лиза, и взвесьте всякую вещь по степени ее надобности и необходимости, одну перед другою, — вы увидите сами, что многие издержки были такие, о которых вы и не думали в начале года, которые—сюрприз для вас самих, именно потому, что вы о них не думали в начале года. Вы увидите, что многие издержки сделаны собственно затем, чтобы не отстать от других, чтобы избежать нареканья, что у вас что-нибудь не так хорошо или не так, как у других людей, из боязни выставить недостаток и бедность на многих вещах, начиная от мебели, экипажей, стола, кушаньев, прислуги, дворовых людей и всего, что ни есть в доме. Не говорю я это затем, чтобы вас попрекнуть в чем-либо по этой части, но

говору это затем, чтобы сказать, что для тех людей, которые смущают себя мыслию в продолжение года, что именье их опишут в казну за невнесение процентов и что им нечем уплачивать казенных податей, следовало бы подумать прежде, в начале года, о том, чтобы первые деньги отложить для этого дела, а на всё прочее только в таком случае позволять себе расходы, когда уже совершенно обеспечено главное. Иначе никогда не будет толку, и сколько ни будет увеличивать<ся> доход, он будет весь разлетаться невидимо, так что и сам не будешь знать, куда ушли деньги, и всё попрежнему будешь всегда в безденежьи и в несостоянии ни помочь бедному, [другому] ни самому за себя внести при каком-нибудь внезапном требовании. Прежде я помню, что по именью доходу было только шесть тысяч, теперь увеличилось целым десятком тысяч более, а хозяева всё так же находятся в вечном безденежьи, как было и прежде. Нет, да отгонит от вас бог дух самоуверенности в себе и внушит вам лучше дух недоверия к себе. Пусть лучше каждая из вас говорит себе: «А рассмотрю-ка я получше, точно ли всё это

так, [точно ли я так] как мне кажется, точно ли я поступаю так безошибочно умно, как мне думается?» Я писал, чтобы все сестры серьезно в конце каждого месяца сверяли счета и поверяли [све<ряли>] степень необходимости всякой издержки и в конце года вновь рассмотрели бы все расходы до мельчайших подробностей, подведя верный итог всему затем, чтобы извлечь оттуда себе инструкцию в недоумление, как быть в следующем году. Повторяю и теперь всё это. Прибавляю в придачу: представлять [чтобы представлять] себе в начале года все издержки, могущие быть во всё продолжение года, чтобы не иметь потом всякого рода сюрпризов, которые всегда случаются с теми, которые не любят соображать [соображать всё, что] вперед и ленятся обнимать умом вещи во всех подробностях. Повторяю Лизе еще раз: постараться о том, чтобы приходы и расходы велись исправней, обстоятельней и точней, чем как они ведутся ныне, и было бы ясно сказано, кому что продано, на какое употребление и куды, в какой город или деревню. Равно как и в расходах тоже не нужно пропускать ничего. Я бы желал даже,

чтобы тем людям, которым поручена продажа, поручено было вместе с тем разговаривать со всяким продавцом и разведывать <у> всякого продавца (разумеется, как будто бы от собственного любопытства своего, а не потому, что это ему наказано делать), на что и зачем он покупает, куды и в какие руки потом перепродает, не пропуская при этом случая расспросить, откуда и сам он и как у них живут, в чем достаток и недостаток, и чем добывают копейку и выигрывают, в чем терпят. Так, чтобы, расспросивши хорошенько продавца, мог бы он потом рассказать Лизе и о быте, и образе жизни тех людей, которые живут не в вашей деревне. Все эти подробности мне очень нужны, и вы потом только узнаете, какая потом будет польза от этого для вас. Прежде я бы и не просил вас о том, зная, что мои просьбы не имеют никакого действия [на вас действия] и слова мои пропадают даром, как вода, которую льют в решето. Но теперь я излагаю мою просьбу потому, что в душе моей живет уверенность, что если и не выполнят другие, то есть у меня одна такая сестра, которая одна всё выполнит [выполнит за

всех] и для которой, я вижу, [как я вижу] дорого всякое желание мое. При этом прилагаю письмо племяннику, которого заставляйте писать ко мне почаще, но писем его сами не читайте: эта его свяжет, он будет стыдиться, а ему следует быть со мной откровенным во всем. Пишу к вам так часто теперь потому, что мне [у меня] улучшилось иметь свободное время и потому что вижу надобность хоть сколько-нибудь вас укрепить в деле жизни. Я никогда не думал до сих пор, чтобы вы были так мало христианки. Я думал, что вы все-таки хоть сколько-нибудь понимаете существо христианства. А вы, как видно, мастерицы только исполнять наружные обряды, не пропускать вечерни, поставить свечку да ударить лишний поклон в землю. А на практике и в деле, где нужно именно показать человеку, что он живет, точно, во Христе, вы, как говорится, на попятный двор. Вот почему я написал к вам сряду два длинных письма, нынешнее и предыдущее, еще не получивши ответа на прежние, [Далее начато: но те] чтобы мне не быть за вас в ответе перед богом. Но теперь в продолжение целого года вы не буде-

те от меня получать писем, кроме разве изредка самых маленьких с извещеньем, что, слава богу, жив. Потому что у меня есть дело, которым следует позаняться и которое важней нашей переписки. А потому советую вам почаще перечитывать мои прежние письма во всё продолжение года так, как бы новые.

А. О. СМИРНОВОЙ
Февраля 22 <н. ст. 1847>.
Неаполь

Как мне приятно было получить ваши строчки, моя добрая Александра Осиповна! Ко мне мало теперь пишут. С появления моей книги еще никто не писал ко мне. Кроме коротких уведомлений, что книга вышла и производит разнообразные толки, я ничего еще не знаю. Какие именно толки — не знаю, [я еще не знаю] не могу даже и определить их вперед, потому что не знаю, какие именно из моих статей пропущены, а какие не пропущены. От Плетнева я получил только [получил только уведомленьем] вместе с уведомленьем о выходе книги и об отправленьи ее ко мне уведомленьем, что больше половины не пропущено, статьи же пропущенные обрезаны немилосердно цензурою. Вся цензурная проделка для меня покаместь темна и не разгадана. Знаю только то, что цензор был, кажется, в руках людей так называемого европейского взгляда, одолеваемых духом всякого

рода преобразований, которым было неприятно появление моей книги. Я до сих пор не получал ее [книги] и даже боюсь получить. [боюсь ее получить] Как ни креплюсь, но, признаюсь вам, мне будет тяжело на нее взглянуть. Всё в ней было в связи и в последовательности и вводило постепенно читателя в дело — и вся связь теперь разрушена! Будьте свидетелем моей слабости душевной и моего неумения переносить: всё, что для иных людей трудно переносить, я переношу уже легко с божьею помощью и не умею только переносить боли от цензурного ножа, который бесчувственно отрезывает целиком страницы, написанные [излившиеся] от чувствовавшей души и от доброго желания. Весь слабый — состав мой потрясается в такие минуты. Точно как бы пред глазами матери зарезали ее любимейшее дитя, так мне тяжело бывает это цензурное убийство. И сделал тот самый цензор, который до того благоволил к моим произведениям, [благоволил ко мне] боясь, по его собственному выражению, произвести и царапинку на них. Плетнев приписывает это его глупости. Но я этому не совсем ве-

рю: человек этот не глуп. Тут есть что-то, покуда для меня непонятное. Я просил Вьельгорского и Вязем<ского> пересмотреть внимательно все непропущенные статьи и, уничтоживши в них то, что покажется им неприличным и неловким, представить их на суд дальше. Если и государь скажет, что лучше не печатать их, тогда я почту это волей божьей, чтобы не выходили в публику эти письма; по крайней мере, мне будет хоть какое-нибудь утешение в том, когда я узнаю, что письма были читаны теми, которым, точно, дорого благосостояние и добро России, что хотя крупица мыслей, в них находящихся, произвела благодетельное влияние, что семя, может быть, будущего плода заронилось вместе с ними в сердца. [в сердца их] Письма эти были к помещикам, к должностным людям, письмо к вам [ваше письмо] о том, что можно [долж<но>] делать губернаторше, попало также туда, а потому вы не удивляйтесь, что оно пришлось вам не совсем кстати: я, писавши его к вам, имел уже в виду многих других и желал посредством его добиться верных и настоящих сведений о внутреннем [В подлин-

нике: внутреннем] состояньи душевном люда живущего у нас повсюду. Мне это нужно; вы не знаете, как это вразумляет меня. Я бы давно был гораздо умнее нынешнего, если бы мне доставлялась верная статистика. [статистика всего] Если бы вы доставляли мне в продолжение года хотя такие известия, какие содержатся в нынешнем вашем милом письме, на которое я вам отвечаю (хотя в нем говорится только о невозможности делать добро), то я чрез это самое к концу года пришел бы в возможность сказать вам вещи, гораздо более удобные к приведению к исполнению. У меня голова находчива, и затруднительность [и чем труднее] обстоятельств усиливает умственную изобретательность; [изобретательность ума] душа же человека с каждым днем становится ясней. Но когда я не введен в те подробности, которые другой считает незначительными, душа моя тоскует, и мне, точно, как будто бы душно и не развязаны мои руки. Вся книга моя долженствовала быть пробою: мне хотелось ею попробовать, в каком состоянии находятся головы и души. Мне хотелось только поселить [поселить его] посредством

ее в голове идеал возможности делать добро, потому что есть много истинно доброжелательных людей, которые устали от борьбы и омрачились мыслью, что ничего нельзя сделать. Идею возможности, хотя и отдаленную, [идеал возможности, хотя и отдаленный] нужно носить в голове, — потому что с ней, как с светильником, все-таки отыщешь что-нибудь делать, а без нее вовсе останешься впотьмах. Письма эти вызвали бы ответы. Ответы эти дали бы мне сведения. Мне нужно много набрать знаний; мне нужно хорошо знать Россию Друг мой, не позабывайте, что у меня есть постоянный труд: эти самые «Мертвые души», которых начало явилось в таком неприглядном виде. Друг мой, искусство есть дело великое. Знайте, что все те идеалы, которых напичкали головы французские романы, могут быть выгнаны [выгнаны вдруг] другими идеалами. И образы их можно произвести так живо, что они станут неотразимо в мыслях и будут преследовать человека в такой степени, что львицы [все львицы] возжелают попасть в другие львицы. Способность создания есть способность великая, если только

она оживотворена [возжена] благословеньем высшим бога. Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ее, как следует, в дело. А употребить ее, как следует, в дело я в силах только тогда, когда разум мой озаряется полным знанием дела. Вот почему я с такою жадностью прошу, ищу сведений, которых мне почти никто не хочет или ленится доставлять. Не будут живы мои образы, если я не сострою их из нашего материала, из нашей земли, так что всяк почувствует, что это из его же тела взято. Тогда только он проснется и тогда только может сделаться другим человеком. Друг мой, вот вам исповедь [моя исповедь. Не гневайтесь, что я вас иногда торможу расспросами] литературного труда моего. Ее объявляю вам, [вам первым] потому что вас удостоил бог понимать многое (благословите же всякие недуги и сокрушения, возведшие до этой степени вашу душу). [Далее начато: Держит<e>] С московскими моими приятелями об этом не рассуждайте. Они люди умные, но многословы и от нечего делать толкут воду в ступе. [Далее начато: [С ними я никогда], а потому не муд-

рено, что] Оттого их может смутить всякая ба-
бья сплетня и сделаться для них предметом
неистоимых споров. Пусть их путаются обо
мне; я их вразумлять не буду. А между тем их
мнения обо мне имеют ту выгодную сторону,
что всё-таки заставят меня лишний раз огля-
нуться на себя. А это очень не мешает, и пото-
му я любопытен знать всё, что говорят обо
мне. Не скрывайте же и вы от меня ничего,
откуда ни услышите. Не ленитесь и не забы-
вайте меня вашими письмами. Ваши письма
всегда мне приносили радость душевную, а
теперь более, чем когда-либо прежде. Ваши
мысли о трудности [о нево<зможности>]
иметь какое-нибудь доброе влияние на жите-
лей города Калуги очень основательны и ра-
зумны. Но не смущайтесь этим и вообще тем,
[или же тем] что душа ваша остается без
больших подвигов. Уже и это подвиг, если
добрый человек, подобный вам, захотел жить
в городе Калуге. А подвиги придут. Не позабы-
вайте, что разум [ум] наш в распоряженьи у
бога: сегодня он видит невозможности, зав-
тра богу угодно раздвинуть пред ним гори-
зонт шире, и он уже видит там возможность,

где встречал прежде невозможности. Пишите ко мне чаще, и говорю вам нелицемерно, что это будет с вашей стороны истинно христианский подвиг, и если хотите доброе даянье ваше сделать еще существеннее, присоединяйте к концу вашего письма всякий раз какой-нибудь очерк и портрет какого-нибудь из тех лиц, среди которых обращается ваша деятельность, чтобы я по нем мог получить хоть какую-нибудь идею [полную идею] о том сословии, к которому он принадлежит в нынешнем к современному виде. Например, выставьте сегодня заглавие: Городская львица. И, взявши одну из них такую, которая может быть представительницей всех провинциальных львиц, опишите мне ее со всеми ухватками — и как садится, и как говорит, и в каких платьях ходит, и какого рода львам кружит голову, ловом — личный портрет во всех подробностях. Потом завтра выставьте заглавие: Непонятая женщина и опишите мне таким же образом непонятую женщину. Потом: Городская добродетельная женщина. Потом: Честный взяточник; потом: Губер<н>ский лев. Словом, всякого такого, который вам по-

кажется типом, могущим подать собою верную идею о том сословии, к которому он принадлежит. Вспомните прежнюю вашу веселость и умение замечать смешные стороны человека, и, вооружась ими, вы сделаете для меня живой портрет, а мысль, что это вы делаете не для праздного пересмеханья, а для добра, одушевит вас охотою рисовать с такими подробностями портреты, с какими бы вы пренебрегли прежде. После вы увидите, если только милость божия будет сопровождать меня в труде моем, какое христиански доброе дело можно будет сделать мне, наглядевшись на портреты ваши, и виновницей этого будете вы. Я не думаю, чтобы эта работа была для вас трудна и утомительна. Тут нет ни системы, ни плана и ничего казенного или должностного. Я думаю даже, что это будет приятно вам, потому что, составляя портреты, вы будете представлять перед собою меня и будете чувствовать, что вы для меня это делаете. Для того всё приятно делать, кого любишь, а вы меня любите, за что да наградит вас бог много, много! Много есть людей, которые говорят мне тоже, что они меня любят, но люб-

ви их я не доверяю: она шатка и подвержена всяким измененьям и влияньям. Вы же любите меня во Христе, а потому и любовь ваша вечна, как самая, [наша] жизнь во Христе. Но прощайте, моя добрая, до следующего письма! Мне чувствуется, [Мне ка<жется>] что мы теперь чаще, нежели прежде, будем писать друг к другу. Целую ручки ваши, и бог да хранит вас!

На обороте: Kalouga. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В Калуге.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ
Февраля 28 <н. ст. 1847.
Неаполь>

Вы уже, вероятно, получили, мой добрый князь, мое письмо и в нем просьбу мою, усердную и убедительную просьбу о восстановлении моей книги в ее настоящем виде. По клочку, [По этому клочку] обгрызенному цензурой, о ней нельзя судить. Во глубине ее лежит правда, и правда ее может обнаружиться только тогда, когда вся книга будет прочитана, вся сплошь, в той именно связи и в том размещении статей, какое составлено у меня. А потому я просил Плетнева включить сызнова всё выброшенное цензурой и приказать переписать все статьи непропущенные; еще лучше, если всю книгу переписать сплошь. Нет нужды, если дело от этого затянется. О представлении поспешном моей книги государю я вовсе не думаю. У меня одно желание, [Я хочу] чтобы она была прочитана прежде вами, взвешена, разобрана строго и выправлена. Мне бы желалось, чтобы ее

прочел также [прежде] внимательно гр<аф> М. Ю. Вьельг<орский>, потом В. А. Перовский, и сказали бы оба свои замечания, а потом чтобы она поступила вновь к вам и вы бы, вновь ее прочитавши, выправили ее совершенно (если она окажется для этого годною). Князь! Не позабуду по гроб этой услуги вашей! Появление книги моей уже может быть важно потому, если заставит хотя задуматься общество [многих] о предметах более существенных. Это правда, что на ней лежит какой-то фальшивый тон и неуместная восторженность, что произошло [произошло действительно] от <того>, что книга эта действительно должна была явиться по смерти. Здесь действовал также страх за жизнь свою и за возможность [и мысль за невоз<можностью>] окончить начатый труд («М<ертвые> д<уши>»), страх извинительный в моих болезненных недугах, которые были слишком тяжелы. Этот страх заставил заговорить вперед о многих таких вещах, которые следовало развить во всем сочинении так, чтобы не походили они на проповедь. Вот отчего в некоторых письмах есть некоторые

неуместные вставки, выходящие из обыкновенного тона писем. Вот отчего в некоторых местах есть напыщенности и выраженья, показывающие самонадеянного или высоко задумавшего о себе человека. Я их не могу хорошо всех видеть, но вы их заметите, потому что в чужом глазу бревно виднее и потому что ваш ум способен обнимать многие стороны дела. Я уверен, что если только выбросить все неприличные и заносчивые выражения, книга моя примет вид, [другой вид] в котором может предстать на цензуру и в публику. Нет вещи, которой бы нельзя было сказать, если только сумеешь сказать поосмотрительней [прилично] и полегче. Пословица не даром говорит: «Тех же щей, да пожиже влей». Итак, окажите мне дружбу, которой я, разумеется, теперь еще не заслужил, но которую заслужу, потому что от всего сердца люблю вас, а кого любишь, тому хочется и служить. Вооружитесь, после внимательного прочтенья моей рукописи, пером и сначала изгладьте я во всех местах, где оно неприлично высунулось. Во всех же мнениях и мыслях вообще о предметах повыше представьте себе мысленно

мою личность и везде, где только заметите, что чиновник 8 класса слишком зарпортовался, сделайте так, чтобы он не забыл, что он чиновник 8 класса. Иногда помещение, подле [около] одной фразы другой, несколько смягчающей ее или более объясняющей, уже делает то, что та же мысль принимается, которая за минуту пред тем была отвергнута. Не поспешите также и вашей собственной мыслью, если бы она была следствием моей мысли. Мне чувствуется, что вам теперь должно быть многое знакомо, что не знакомо [не знакомо еще] неиспытанным и неискушенным страданьями людям. Душа ваша, я знаю, много страдала втайне и приобрела чрез то высшее познание вещей. Не будем считаться мыслями: они не наши и не принадлежат нам; они посылаются богом и могут всех равно посетить. Взгляните на мою рукопись, как на вашу собственную и родную. Не выдал бы я ее, если бы не почел дела, в ней содержимого, общим делом. Скажу вам также, что в ней сверх всего есть также и мое собственное душевное дело, что вы, я думаю, уже и заметили, а потому для меня слыш-

ком важны все мненья, ею возбужденные в публике. Мне нужны все эти нападенья, которых так боится человек, потому что, опровергая меня, всяк мне что-нибудь да выскажет, чего бы никак не высказал (иные [иные, сами знаете] даже и не заговорят по тех пор, куда не рассердятся). [Далее начато: От этого и я] Это и меня покажет ясней самому себе и то общество, с которым [которое] мне нужно иметь дело. Мне нужно много поумнеть для того, чтобы «Мертвые души» вышли тем, чем следует быть им. И вот почему я вдвое более хлопочу о моей книге. Итак, не оставьте меня, добрый князь, и бог вас да наградит за то, потому что подвиг ваш будет истинно христианский и высокий. Не оставьте меня также хотя несколькими строчками вашего ответа на это письмо мое, адресуя в Неаполь. Palazzo Ferandino.

Весь ваш Г.

На обороте: Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому.

А. О. РОССЕТУ

Февраля 28 <н ст. 1847>.

Неаполь

Что ж вы, мой добрый Аркадий Осипович, обещали сообщить мне мнения и свои, и чужие о книге и вдруг замолкнули. А я на вас положился и думал, что вы не измените мне! Вы уже, верно, получили мое письмо со включением письма к Плетневу и с убедительной просьбой к вам самим заняться моей книгой, если бы Плетневу невозможно было управиться одному. Дело издания моей книги в ее настоящем виде должно быть обделано умно, а потому с ним торопиться не следует. Нужно только, чтобы вся сплошь была переписана моя рукопись, в том именно порядке, в каком она была у меня, с исключением только двух статей, которые нужно выбросить: «Близорукому приятелю» и «Страхи и ужасы Р<оссии>». Нужно, чтобы необходимо моя рукопись была прочитана вся сплошь и в связи внимательно граф<ом> М<ихаилом> Ю<рьевичем> В<ьелгорским> и кн<язем> Вя-

земск<им>. Мне бы хотелось также, чтобы и Васил<ий> Алекс<еевич> Перовский на нее обратил вниманье и прочел бы всю с начала до конца. Князя Вяземского я прошу потом выправить в ней всё вследствие как их, так и своих замечаний и привести ее в такой вид, чтобы она могла поступить на рассмотрение. А до того времени, как я писал вам в прежнем письме, следует книгу тиснуть в другой раз в прежнем виде. Она разоидется. А если бы и не успела разойтись вся до настоящего и третьего издания, пустить ее можно будет подешевле, [В подлиннике: подешевлее] и ее раскупят на подарки тем, у которых нет денег на книгу. Прощайте, мой добрый Аркадий Осипович. Ради бога, не оставляйте меня вашими письмами; передайте при сем прилагаемое письмо к князю Вяземскому и напишите мне точный адрес его. Выписываю вам здесь порядок писем, какой должен быть в издании настоящем моей книги:

Предисловие.

I. Завещание.

II. Женщина в свете.

III. Значение болезней.

IV. О том, что такое слово.

V. Чтение русских поэтов перед публикою.

VI. О помощи бедным.

VII. Об «Одиссее», переводимой Жуковским.

VIII. О нашей церкви и духовенстве,

IX. О том же.

X. О лиризме наших поэтов.

XI. Споры.

XII. Христианин идет вперед.

XIII. Карамзин.

XIV. О театре, об одностороннем> взгляде на театр и вообще об односторонности.

XV. Советы.

XVI. Предметы для лирических поэтов.

XVII. Просвещение.

XVIII. Письма к разн<ым> лицам по поводу «М<ертвых> д<уш>».

XIX. Нужно любить Россию.

XX. Нужно проездиться по России.

XXI. Что такое губернаторша.

XXII. Русский помещик.

XXIII. Историческ<ий> живописец Иванов.

XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту.

XXV. Сельский суд и расправа. [Далее вычеркнуто: (без изменения последующей нумерации глав): XXVI. Страхи и ужасы России. XXVII. Близорукому приятелю.]

XXVIII. Занимающему важное место.

XXIX. Чей удел на земле выше.

XXX. Напутствие.

XXXI. В чем же существо русской поэзии и в чем ее особенность.

XXXII. Светлое воскресение.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Его высокоблагородию Аркадию Осиповичу Россети.

В С. Петербурге. У Пантелеймона. В доме Быкова.

**М. А.
КОНСТАНТИНОВСКОМУ
<Январь-февраль н. ст.
1847 г. Неаполь.>**

Я прошу вас убедительно прочесть мою книгу и сказать мне хотя два словечка о ней, первые, какие придутся вам, какие скажет вам душа ваша. Не скройте от меня ничего и не думайте, чтобы ваше замечание или упрек был для меня огорчителен. Упреки мне сладки, а от вас еще будет слаще. Не затрудняйтесь тем, что меня не знаете; говорите мне так, как бы меня век знали. Напишите мне письмецо в Неаполь, адресуя так: «Monsieur Nicolas Gogol à Naples en Italie, poste restante». Приложите в моем письме маленькое письмецо, хотя также из двух строчек, к гр<афу> Александру Петровичу Толстому, который также к этому времени приедет в Неаполь, с тем, чтобы выпроводить меня к святым местам, а может быть, даже и самому туда пуститься, если богу будет угодно поселить ему такую мысль. Вашими двумя строками

вы его много, много обрадуете.

В заключение прошу вас молиться обо мне крепко, крепко во всё время путешествия, которое, видит бог, хотелось бы совершить в потребу истинную души моей, дабы быть в силах потом совершить дело во славу святого имени его. Помолитесь же обо мне, и бог вам воздаст за это десятицею.

Посылается вам книга в двух экземплярах: один для вас, а другой для того, кому вы захотите дать.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
<Неаполь. 4 марта н. ст.
1847.>

Оба письма (одно от 4-го февраля и другое от 10-го) мною получены одно за другим, хотя они шли довольно долго. Еще не получая их, я отправил также два письма, одно за другим. В одном была вложена выписка из письма Шевырева о кончине Языкова; в другом извещение о выпуске в свет моей книги (в изуродованном виде). То и другое было равно скорбно в двух различных отношениях. Но велик бог, приуготовляющий заблаговременно нашу душу к перенесению утрат. О! да будет он с нами, да совершается всё по его святой воле, но да не оставляет он нас и да пребудет с нами в часы утрат наших! Мне было также скорбно слышать о недугах и страданиях нервических Елизаветы Алексеевны. Но я верю милосердию божиему, верю, что это совершается для чего-то во благо души. И душа ее после этих недугов, которые пройдут, воссияет, убранная новыми драгоценными

убранствами.

Я получил на днях письмо от Смирновой. Она теперь оправилась от своих нервических страданий, которые были ужасны и, как сама она говорит, отняли у ней все силы и самый ум. Теперь она не знает, как благодарить бога за это время и за сокровища, которые оно принесло к ней в душу. Она говорит правду: в словах самого письма ее отражается какая-то полнота разума и твердое, несокрушимое упование. Скажу и о себе: мое здоровье также в это время расстроилось (ночи мои еще до сих пор без сна). Сверх всего этого, сверх самого удаленья от нас в лучшую страну Языкова, который так любил меня (два раза всякий месяц писал он ко мне и, несмотря на все свои недуги, был исправней всех моих корреспондентов), сверх всего этого мне случилось получить всякого рода поражений по самым чувствительным струнам души моей от людей, разумеется, не знающих души моей. Но как всё это было нужно! Как всё это было нужно! Я и подумать не мог, [еще не мог] как много во мне еще осталось гордости, самона-

деянности, самолюбия, самонадменности и высокомерия. Да будет благословен бог, раскрывающий перед нами нашу душу. Мне кажется, как будто после всего этого я стал теперь проще и как будто ровнее: сужу по тому, что мне теперь тяжело взглянуть на мою книгу, мне кажется в ней всё так напыщенно, неумеренно, невоздержно, что от стыда закрываю вперед обеими руками лицо. О, как мне трудно управляться в моем душевном хозяйстве! Именье дано в управленье большое, а управитель [сам управитель] еще слишком плох и слишком не научен, как привести именье в стройность. Как мне трудно достигнуть той простоты, которая уже при самом рожденьи влагается другому в душу, и до которой я должен достигать трудными путями всякого рода поражений!

От Плетнева я получил извещение, что назад тому два года был послан ко мне, точно, вексель от Прокоповича во Франкфурт. Вексель этот, вероятно, получил вместо меня какой-нибудь другой Гоголь, потому что один из таковых завелся во Франкфурте во время

нашего пребывания вместе и получал весьма часто вместо меня мои письма. Надобно знать, что вексель этот был послан ко мне против желанья моего, тогда как я уже сделал совсем другое распоряжение из моих денег. Но хозяина, которому принадлежали деньги, не послушали, оттого, может быть, и постигнула такая участь этот вексель. Во всяком случае преследование по этому делу и особенно всякого рода взыскания следует оставить: тот, кто отважился взять эти деньги, был человек, вероятно, беспорядочный и неимуций, а потому и до сих пор остался таким же, то есть беспорядочным и неимуцим, а потом придется, может быть, содрать последнюю рубашку (если не самую кожу) или с его жены, или детей, или родственников, от чего боже сохрани, а потому дело это [мое дело] оставить. Разузнать можно, но, Христа ради, никаких взысканий ни в каком случае! Что же касается до меня самого, то мне теперь деньги [деньги, даже и следуемые мне не нужны. Деньги теперь ползут ко мне со всех сторон, именно потому, что я перестал о них заботиться. Безденежье приходит только тогда,

когда человек хлопочет о деньгах. Но обнимаю всех вас, мою до<рог>ую прекрасную семью, [становящуюся] с каждым днем ближайшею моему сердцу. Бог да хранит вас всех. Всего...

Гоголь.

Теперь я должен буду для укрепления нервов моих проездиться в Швальбах и потом на морское купанье, а после этого в Неаполь и оттуда на Восток. Стало быть, в июне, если будет бог так милостив, мы встретимся во Франкфурте. Видно, недаром было написано в записной книжке, данной мне во Франкфурте на дорогу: «до свиданья» и вслед за этим прибавлено: «Франкфурт».

На обороте: Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

М. П. ПОГОДИНУ

Марта 4 <н. ст. 1847>.

Неаполь

От Сергея Тим<офеевича> Аксакова я получил письмо и в нем извещение, что ты был глубоко оскорблен моими словами о тебе, напечатанными в моей книге (явившейся в обезображенном и неполном виде). Он сказал, что ты даже плакал и потом, успокоившись, хотел писать мне следующее: «Друг мой! Иисус Христос учит нас, получив <в> ланиту, подставляя со смирением другую; но где же он учит давать оплеухи?» Друг мой, зачем же ты остановился и не написал мне этого сам? Или почувствовал, что укорить за это есть уже неуменье подставить другую ланиту? Между нами всеми есть недоразумение. И С. Т. Аксаков, и Шевырев, и ты сам уверены, что я на тебя сержусь, и под этим углом смотрят на все слова мои, привыкши по чувству нежного участия щадить человека в миролюбное время и высказывать ему правду только в гневе. Вы и в моих словах увидели

гнев и, что еще хуже, долговременную мстительность. Но ни гнева, ни мстительности у меня тут не было. Первый давно прошел, второй же никогда не питал ни <к> кому, даже как бы он ни оскорбил меня. Напротив, меня всегда веселила впереди мысль примиренья [мысль, что я, наконец, примирюсь] и с самым непримиримым [В подлиннике: с самим непримеревшим <описка?>] и наиболее противу меня ожесточенным неприятелем. Минута прощенья и примиренья мне всегда казалась праздником и лучшей минутой в жизни. Вот тебе истинная правда моего сердца. Но меня всегда изумляло твое беспамятство. Я долго думал и придумывал, как бы дать тебе почувствовать, что ты оскорбляешь человека, никак не думая оскорбить его. Не думал бы я об этом так постоянно и долго, если бы не случилось такое дело, где ты чуть-чуть не был причиной страшного события, которое отравило бы на всё время твою жизнь и сделало бы твою совесть мучительницей твоей. Итак, я долго думал о том, как бы дать тебе это почувствовать, и постоянная мысль об этом, может быть, была причиною, [заставила, может

быть] что я, говоря о тебе, выразился более резко, чем следовало, желая не скрыть твоих недостатков. Какие бы ни были причины слов моих о тебе в книге моей, но слова мои — правда, ты рассмотри их сам, в них нет лжи. Неужели правда стала так уже неуважительна в глазах наших, что ею мы должны потчевать только врагов своих, а не друзей? Правда о тебе выразилась словами неприличными, неосмотрительными, потому что говорю [даю] тебе честное слово: я не имел в виду [не имел в виду произвести] так оскорбить тебя, но смотри, как странно случилось: ты, который не наблюдал доселе так часто приличий в словах и выражениях твоих, являвшихся в печати, и тем невольно оскорблял других, получил именно толчок сам в этом же самом, потому что, вновь тебе повторяю, здесь больше всего прочего была виной просто неосмотрительность. Но для меня произошло от этого радостное [то радостное] явление, которого я, признаюсь, совсем не ожидал. Ты огорчился и, может быть, доселе огорчен (но нет, этого не может быть: ты великодушен и умеешь прощать), а я обрадовался и доселе

рад, обрадовался тому, что с этой минуты поселилась у меня к тебе такая любовь, какой никогда доселе не было. Увидеть тебя, говорить с тобой, глядеть на тебя мне стало так теперь желательно, как никогда доселе. И мне кажется, что дружба наша с этих только пор начнется, а доселе был один ее обманчивый призрак, условленный шаткими светскими понятиями о дружбе; я чувствую, что отныне только между нами установятся те любовные родные речи, которые должны быть по-настоящему между всеми людьми, те речи, на языке которых и самый упрек кажется приятным. Мне теперь так хочется знать всё о тебе: и что ты делаешь у себя в доме, и где сидишь, и что читаешь, и в каком расположении духа, и с кем говоришь, и что говоришь. И я бы много дал теперь за то, чтобы прочитать хотя короткий журнал дня твоего. Друг мой или, лучше, брат (в названии брата есть что-то лучшее, нежели в названии друга, да и Христос велит нам быть братьями), пиши ко мне просто, всё, что ни есть на душе твоей, всё оно будет мне равно приятно, как бы ты ни выразился. Письма твои будут теперь

усллада мне, я так думаю, потому что мысль о тебе стала теперь мне усладой. Признаюсь тебе, что я было уже несколько изнемог и от недугов, и от многих тяжелых испытаний (и у меня есть, [они есть] как у тебя, тяжелые испытания, и я не знаю, что тяжелее — получить ли неприличное нападение от близкого человека в печатной книге или получать письменные упреки от самых близких друзей в лицемерии, ханжестве, надувании других и скорбные упреки в игрании комедии там и в том, что было священнейшею мыслью [В подлиннике: мыслей] и любовью души). Много нужно сил, чтоб это вытерпеть, но я теперь вытерпливаю с большим мужеством. Любовь к тебе стала сладким чувством, утешающим и освежающим силы мои, и мне чувствуется, что и в твоей душе что-нибудь да произошло в это время, и строки мои найдут в ней отклик. Напиши же мне и не медли.

Весь твой Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокородию Михаилу Петровичу По-
годину.

В Москве. Близ Девичьего монастыря, на
Девичьем поле, в собствен<ном > доме.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Марта 4 <н. ст. 1847>.
Неаполь

Долго я не постигал причины твоего молчания в такое время, когда мне больше всего были нужны твои письма. Наконец, из письма [Из письма от] Серг<ея> Тим<офеевича> Аксакова (исполненного упреков самых жестких и даже не совершенно справедливых, но притом нужных душе моей) я догадался, что ты должен быть сердит на меня за Погодина. Я и позабыл было, что в книге моей есть слова о Погодине, которые и он и вы приняли в другом смысле. Вы твердо убедили себя, что я питаю гнев и неудовольствие против Погодина, под углом этого убежденья смотрите на все мои слова о Погодине, а потому и увидали дело в большем виде, чем оно есть. Вот вся правда дела: когда я, точно, сердился на Погодина, от меня никто не слышал тогда дурного слова о Погодине; я представляю вам свидетелей, которые, слава богу, еще живы. Когда прошел гнев, явилось в душе моей [у меня

произошло сильное желание] сильное желание оправдаться перед Погодиным, показать ему, как он невинно стал виноват и как заблудился обо мне. Желаньем этим я страдал и томился и в то же время видел, что для этого нужно обнаружить донага всю свою душу и принести непритворную исповедь во всем том, что творилось в душе моей незримо от всех; без этого было бы объяснение мое непонятно. А принести своей исповеди полной я был тогда не в силах, да и теперь вряд ли в силах. Гнев на бессилие свое объясниться отозвался болезненным стоном в тех моих письмах, в которых я вам упоминал о Погодине. Этот болезненный стон вы приняли за гнев мой против Погодина. Я не хотел вас разуверять, зная, что вы не поверите словам моим. Потом и самое это желание объясниться и оправдаться во мне угаснуло. Я стал думать только о том, каким бы образом дать ощутительнее [сильнее] почувствовать Погодину его вину вообще, [вообще против многих] а не против меня, и показать, как можно без желанья нанести поражение человеку, поразить его, потому что едва было не случилось

такое дело, за которое замучила бы его совесть. Содержа беспрестанно в голове мысль о том, как указать Погодину недостатки его, поставляющие его в неприятные отношения с людьми, я, может быть, выразался о нем сильнее, чем выражается обыкновенно приятель о приятеле. И это вас поразило в статье, напечатанной в моей книге, которую я, может быть, исправил бы и облегчил, если бы рассмотрел ее перед печатаньем, но, занятый другими, более меня тогда занимавшими, я о ней просто позабыл. Во всяком случае, в статье о Погодине нет лжи, я говорил то, в чем был убежден, и как бы ни были слова и выраженья неприличны, но в основании их лежит правда, — этого и ты не можешь отвергнуть. Что же касается до слов Сергея Тимофеевича, что будто я обесчестил Погодина публично, то это совершенно несправедливо. [Далее начато было: Статьи] Моей ненависти против Погодина никто не отыскал в этих словах [статьях] о Погодине из людей, которым незнакомы наши отношения. Их увидели вы потому, что взглянули уже глазами предубежденными и потому, что вам известны многие такие

обстоятельства, которые не могут быть известны читателю. Если ж кто я отыщет в них следы ненависти и озлобленья моего противу Погодина, тогда бесчестье мне, а не Погодину. Кто ж тут выиграл, я или Погодин? Кому слава, мне или ему? Разве и теперь не называют меня даже близкие мне люди лицемером, Тартюфом, двуличным человеком, играющим комедию даже в том, что есть святейшего человеку. Или, ты думаешь, легко это вынести? Это еще бог весть, какая из оплеух посильнее для того, чтобы вынести, эта ли или та, которую я дал, по вашему мнению, Погодину. Оплеуха Погодину случилась как-то сама собою, так что, уверяю честным моим словом, я даже сам не знаю, в какой степени я в ней виноват, и ожидаю еще формального обвиненья; [Далее начато: потому что] целой половины наших грехов мы не видим, а потому и нужно, чтобы другие нам помогали, указывая их вполне. Знаю я только то, что я обрадовался тому, что эта оплеуха случилась, хотя вначале было испугался. С этих пор любовь к Погодину, которую, говорю тебе нелицемерно, я хотел насильно приобрести, вошла вдруг са-

ма собою в мою душу, — любовь, которой я никогда прежде к нему не имел в такой степени. Прежде я только уважал его, любил его великодушные мысли и благородство его высших стремлений, но не его самого. Я не подавал ему руки на тесную дружбу. Он первый начал меня называть ты. У нас не было никаких сходств в наших характерах и тех симпатических маленьких наклонностей, которые делают то, что люди вдруг делаются друзьями и никогда не могут между собой поспорить. Но теперь чувствую, что между нами завяжется дружба, которой никто уже на земле не разорвет, потому что Христос станет между нами и поможет нам объясниться. В одно время [Вместе] с этим письмом моим к тебе я написал и к нему письмо. А потому ты спроси его, получил ли он. Что же касается до тебя, то тебе во всяком случае <грех>; если сердит, выскажи, но не молчи. Если ж хочешь наказать меня молчанием, то тебе вдвойне грех, потому что я просил в предисловии к моей книге простить меня и за то, что отыщется в моей книге. Если я поступил не как христианин, то разве это дает право посту-

пить и тебе не по-христиански? Уведоми меня обо всем о моей книге, ничего не скрывая, иначе дашь отчет за это богу, потому что ради господина Христа я прошу об этом. При сем письмо к сестре моей Ольге, которое я прошу тебя отправить в Полтаву, в д<еревню> Василевку, вместе с проповедями Иннокентия, которые потрудись купить на мои деньги. И если деньги накопились, то отправь немедленно две тысячи сто рубл<ей> ассигнациями, 2100 р., к моей матери, адресуя так: «Марье Ивановне Гоголь в Полтаву, а оттуда в д<еревню> Василевку. Ее высокобл<агородию>». Обнимаю тебя.

Твой Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Профессору импер<аторского> Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. В Дегтярном переулке близ Тверской. В собствен <ном> доме.

О. В. ГОГОЛЬ
<Около 4 марта н. ст. 1847.
Неаполь.>

Любезная сестра моя Ольга, из посылаемых при сем денег (двух тысяч ассигнац<иями>) сто рублей принадлежат тебе, прочие же, как я писал в письме к маминьке назад тому неделю, должны быть распределены таким образом: 100 р<ублей> Анне, 100 Елисавете, 200 маминьке, 500 в пансион за вашего племянника, а 1000 в уплату процентов, которых ни на что другое не трогать, даже и в таком случае, когда бы хотелось оттуда занять на время. Сверх того, я посылаю тебе 50 р<ублей> моих на раздачу бедным тем, которых ты найдешь в наибольшей нужде и которые возымеют намерение истинное вести порядочную жизнь. [Далее начато: сверх того, посылаю тебе] От времени до времени будут тебе присылаться из Москвы деньги на бедных. Посылаются тебе также проповеди Иннокентия, которые ты прочти и скажи мне, как они тебе показались и чем именно для те-

бя полезны. На остальные пятьдесят рублей нужно будет сделать от меня какой-нибудь подарок племяннику. Или купить хорошее ружье, если он охотник, или что-нибудь такое, что он наиболее любит. В прежнем моем письме я сделал ошибку, которую хотел тотчас исправить, но не успел. А именно: поверяя счета, веденные Лизой, я счел не так. [я счел за два года, вместо того] Вместил в один год ту сумму, которая приходится за два года. А потому и выставил 20 000 дохода, тогда как следовало выставить 10 000. Но и это я не знал тогда, в какой степени верно, потому что отчетов за два месяца тогда не получал. Письмо, в котором были заключены эти счета, где-то долго странствовало [было на время запропастилось] и пришло ко мне гораздо позже. А потому, пожалуйста, поверь вместе с сестрами хорошенько приход и расход за весь год и напиши мне итог за весь год, чтобы я знал наверно, сколько получено всего. Еще прошу вас поверять всякий месяц счета именно таким образом, как я просил, взвешивая всякую вещь и сравнивая, во сколько мер одна другой нужнее. Затем будьте здоровы.

Напишите каждая о том, что ни услышите о моей книге, и свои собственные впечатления, толки [и толки] других, и добрые и дурные, и что говорят в Полтаве. Никакими толками и замечаньями не следует пренебрегать, особенно дурными: они заставляют нас все-таки лишний раз на себя оглянуться. Сначала кажется неправда, а как всмотришься получше, увидишь, что дыма без огня не бывает, на дне лежит и правда. Но прощайте! Бог да хранит вас всех.

На обороте: Ольге Васильевне Гоголь в д<еревне> Васильевке.

С. Т. АКСАКОВУ

6 марта <н. ст. 1847>. Неаполь

Благодарю вас, мой добрый и благородный друг, за ваши упреки; от них хоть и чихнулось, но чихнулось во здравие. Поблагодарите также доброго Дмитрия Николаевича Свербева и скажите ему, что я всегда дорожу замечаньями умного человека, высказанными откровенно. Он прав, что обратился к вам, а не ко мне. В письме его есть, точно, некоторая жесткость, которая была бы неприлична в объяснениях с; человеком, не очень коротко знакомым. Но этим самым письмом к вам он открыл себе теперь дорогу высказывать с подобной откровенностью мне самому всё то, <что> высказал вам. Поблагодарите также и милую супругу его за ее письмецо. Скажите им, что многое из их слов взято в соображение и заставило меня лишний раз построже взглянуть на самого себя. Мы уже так странно устроены, что по тех пор не увидим ничего в себе, покуда другие не наведут нас на это. Замечу только, что одно обстоятельство не при-

нято [выш<ло>] ими в соображение, которое, может быть, иное [многое] показало бы им в другом виде, а именно: что человек, который с такой жадностью ищет слышать всё о себе, так ловит все сужденья и так умеет дорожить замечаньями умных людей даже и тогда, когда они жестки и суровы, такой человек не может находиться в полном и совершенном самоослеплении. А вам, друг мой, сделаю я маленький упрек. Не сердитесь: уговор был принимать, не сердясь, взаимно друг от друга упреки. Не слишком ли вы уже положились на ваш ум и непогрешительность его выводов? Делать замечания — это другое дело, это имеет право делать всякий умный человек и даже, просто, всякий человек. Но выводить из своих замечаний заключение обо всем человеке — это есть уже некоторого рода самоуверенность. Это значит признать свой ум вознесшимся на ту высоту, с которой он может обозревать со всех сторон предмет. Ну, что если я вам расскажу следующую повесть? Повар вызвался угостить хорошим и даже необыкновенным обедом тех людей, которые сами не бывали на кухне, хотя и ели доволь-

но вкусные обеды. Повар сам вызвался; ему никто не заказывал обеда. Он [он сам] сказал только вперед, что обед его иначе будет приготовлен, и потому потребуются больше времени. Что следовало делать тем, которым обещано угощение? Следовало молчать и ожидать' терпеливо. Нет, давай кричать: «Подавай обед!» Повар говорит: «Это физически невозможно, потому что обед мой совсем не так готовится, как другие обеды, для этого нужно поднимать такую возню на кухне, о которой вы и подумать не можете». Ему в ответ: «Врешь, брат!» Повар видит, что нечего делать, решился, наконец, привести гостей самих на кухню, постаравшись, сколько можно было, расставить кастрюли и весь кухонный снаряд в таком виде, чтобы из него хотя какое-нибудь могли вывести заключение об обеде. Гости увидели множество таких странных и необыкновенных кастрюль и, наконец, таких орудий, о которых и подумать бы нельзя было, чтобы они требовались для приготовления обеда, что у них закружилась голова. [Далее начато было: Подумывали ранее <?>, что это значит, повар [их <?>] нас моро-

чит или иное что] Ну, что, если в этой повести есть маленькая частица правды? Друг мой! вы видите, что дело покуда еще темно. Хорошо делает тот, кто снабжает меня всеми замечаниями, всё доводит до ушей моих, упрекает и склоняет других упрекать, но сам в то же время не смущается обо мне, а, вместо того, тихо молится [молится обо мне] в душе своей, да спасет меня бог от всех обольщений и самоослеплений, погубляющих душу человека. Это лучше всего, что он может для меня сделать, и, верно, бог за такие чистые и жаркие молитвы, которые суть лучшие благодеяния, какие может сделать на земле брат брату, спасет мою душу даже и тогда, если бы, невидимому невозвратно, одолели ее всякие обольщения. Но покуда прощайте. Передавайте мне все толки и сужденья, какие откуда ни услышите, и свои, и чужие, — первые, вторые, третьи и четвертые впечатления. Душевный поклон доброй Ольге Семеновне и всем вашим.

Весь ваш Г.

Насчет Погодина есть также недоразумения, но, вероятно, он уже с вами об этом объяснился, потому что я ему писал подробно третьего дня, т. е. 4 марта. К Шевыреву было также послано письмо от 4 марта. При сем письмецо Надежде Николаев<не> Шереметьевой.

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Сергею Тимофеевичу Аксакову.

В Москве. В Мокриевском переулке.

В доме Рюмина.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ
<6 марта н. ст. 1847.
Неаполь.>

Друг мой Надежда Николаевна, вы ко мне ничего не пишете. Но я понимаю ваше молчанье. Вы, верно, молитесь обо мне. О! да благословит вас бог за это! Чего не может сделать у бога молитва, возносимая от чистого сердца за ближнего нашего и брата? Верю, что ради молитв тех праведников, которые обо мне молятся, бог спасет меня, — даже и тогда, когда бы душа моя была опутана со всех сторон теми оболъщеньями лукавыми, которые подозревают во мне ныне. Пишите ко мне. Со смерти прекрасного Языкова нашего, которого душа теперь ликует в селениях небесных, вы не прислали ко мне ни одной строчки. Но прощайте. Бог да воздаст вам сто-рицею за ваши молитвы обо мне.

Ваш Г.

На обороте: Надежде Николаевне Шереме-

тьевой.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Неаполь. 6 марта <н. ст. 1847>

Письмо от 6/18 февраля, пущенное из Франкфурта тобою с известием о книге моей, получено мною только третьего дни, то есть четвертого марта. Появление книги моей разразилось точно в виде какой-то оплеухи: оплеуха публике, оплеуха друзьям моим я, наконец, еще сильнейшая оплеуха мне самому. После нее я очнулся точно как будто после какого-то сна, чувствуя, как провинившийся школьник, что напроказил больше того, чем имел намерение. [Далее начато: [и] Я чувствую только то, что] Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в нее. Но тем не менее книга эта отныне будет лежать всегда на столе моем, как верное зеркало, в которое мне следует глядеться для того, чтобы видеть всё свое неряшество и меньше грешить вперед. При всем том книга моя полезна. [Далее начато: Теперь даже этой самой заносчивости] В одну неделю исчезнули все экземпляры ее (хотя печат-

тано было два завода). Все дотолє бывшіє во-
просы в литературе вдруг заменились други-
ми, и все предметы разговоров умных людей
наших обществ заменились другими предме-
тами. Я ожидаю, что после моей книги явится
несколько умных и дельных сочинений, по-
тому что в моей книге есть именно что-то, за-
рывающее на умственную деятельность чело-
века. Несмотря на то, что сама по себе она не
составляет капитального произведения на-
шей литературы, она может породить многие
капитальные произведения. Но, признаюсь,
радостней всего мне было услышать весть о
благодатном замысле твоем писать письма
по поводу моих писем. Я думаю, что появле-
ние их в свет может быть теперь самым при-
личным и нужным у нас явлением, потому
что после моей книги всё как-то напряжено,
все более или менее, как противники, так и
защитники, находятся в положении неспо-
койном, а многие недоумевают просто, куды
пристать, не умея согласить многих, по-види-
мому, противоположных вещей, от той резко-
сти, с какою они выражены. Появление твоих
писем может теперь произвести благотвор-

ное и примиряющее действие. Но как мне стыдно за себя, как мне стыдно перед тобою, добрая душа! Стыдно, что воз<о>мнил о себе, будто [что] мое школьное воспитанье уже кончилось и могу я стать наравне с тобою. Право, [истинно] есть во мне что-то хлестаковское. А ты кротко, без негодованья подаешь мне братскую руку свою, которой посылаю заочный поцелуй. Прощайте, мои дорогие!

Бог да хранит вас всех целых и невредимых!

Твой Г.

Назад тому дня два, я отправил уже одно — письмо к тебе, занумерованное 4-м мартом, в котором содержится мой маршрут. Ночи мои всё по-прежнему без сна; я слаб телом, но духом, слава богу, довольно свеж.

На обороте: Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Sachsenhausen. Salzwedelsgarten
vor dem Schaumeinthor.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
<6 марта н. ст. 1847.
Неаполь.>

Прости меня, добрый друг, за те большие неприятности, которые я, может быть, нанес тебе моими неугодными просьбами о восстановлении моей книги в ее прежнем виде. Прости меня, если у меня вырвалось какое-нибудь слово, тебя оскорбившее, в том письме моем, в котором вложено было письмо к доброй А. О. Ишимовой. Думаю так потому, что писал его в тревожном состоянии, среди одолевших меня недугов и печальных известий. Одолевал меня также и страх за мою книгу, которая могла быть не понята [понята только в таком случае] от выпуска многих статей, потому что в ней было всё в связи и последовательности, в которой, только опираясь на предыдущее, <я> позволял себе сказать последующее, и в которой, при выпуске одних статей, следовало непременно выбросить и многие другие или же, по крайней <мере>, переделать вовсе. Ты, разумеется, это-

го не мог приметить, [понять] потому что в голове содержал эту связь и потому что истины, заключенные в книге, были тебе уже знакомы и без книги моей, но каково же вообще читателю, которому всякую истину нужно подносить уже в доказанном и хорошо объясненном виде? А у меня в других статьях заключились практические объяснения, более доступные, [и более доступные] того же, что впереди сказано вообще. Вот почему сверх пользы, которую я думал принести этими непропущенными статьями, я так хлопотал о них. Не ради достоинства самих статей, но ради важности самого предмета, [предмета, о котором] мне хотелось, чтобы по поводу их было сказано другими умней и лучше моего, и от этого распространилось бы у нас большее знание земли своей и народа своего. [Далее начато: но теперь вижу сам, что нужно отложить, не торопиться с этим делом] Я был уверен, и теперь в этом уверен, что статьи мои не могли напечататься от неприличия тона речи, что, облегчивши и уничтоживши многое, они придут в такой вид, в каком могут быть пропущены. Я писал к князю Вязем-

скому [Далее начато: умоляя его р<ассмотреть>] и графу М. Ю. Вьельгор<скому> рассмотреть строго мою книгу. К князю Вяземскому писал потом еще письмо, [письмо о том] умоляя уничтожить сначала заносчивые выходки, неприличные выраженья, все места, показывающие самонадеянность, самоуверенность и гордость того, кто писал их, и попробовать прочесть всю книгу сплошь в исправленном виде, чтобы увидеть еще раз, можно ли ее представить. Я не упрям. Я верю, [я им верю] что они лучше знают меня многие вещи и приличия, и если скажут, что и тогда нельзя, то ни слова не скажу я и покорюсь. Но, друг мой, мне бы хотелось, чтоб хоть два-три человека прочли мою книгу в связи, всю сплошь. Это мне очень нужно потому, что этими статьями я хотел не столько учить других, но самому многому научиться, потому что — говорю тебе не ложь — мне нужно слишком многого набраться [многому научиться] от умных людей, чтобы написать как следует мои «Мертвые души», которые, право, [право, говорю тебе] могут быть очень нужная у нас вещь и притом дельная вещь.

Мне нужно много [нужно было много] практических и положительных сведений, которые я думал вызвать этими статьями, — именно затем, чтобы быть так же ясно и просто в «М<ертвых> д<ушах>», как неясен и загадочен в этой книге моей. Нужно взять из нашей же земли людей, из нашего же собственного тела [материала] так, чтобы читатель почувствовал, что это именно взято из того самого материала, из которого и он сам составлен [Далее начато: Вот почему мне] Иначе не будут живы образы и не произведут благотворного действия. А потому, бог весть, может, по прочтении моей книги сплошь, придет князю Вяземскому благая мысль [на <ум> благая мысль] подарить и русскую литературу, и меня такими письмами, которые, разумеется, в несколько раз будут лучше моих, прямей и ближе к делу, и могут быть [могут даже быть] напечатаны отдельной книгой. Может быть, и добрейший [добрый мой] граф М. Ю. Вьельгорский снабдит меня такими замечаниями, за которые всю жизнь свою буду ему благодарен. Я не знаю, как перед ним извиняться, не смею даже и писать к нему. Я ду-

маю, что я его слишком огорчил моими всеми докуками. Покажи им лучше это письмо мое, то есть и ему, и князю Вяземскому. Может быть, они, прочитавши его, сколько-нибудь извинят меня и простят меня. Мне кажется, что всё семейство его, мною нежно любимое, мною недовольно, потому что с появления моей книги никто из них не писал ко мне. Скажи им, что все мои проступки, в которых видят и самонадеянность, и самолюбие, и самоослепление, происходят просто от глупости, от нетерпенья переждать немного, пока придешь в такое состояние, что сможешь заговорить [заговорить обо всем] просто и без напыщенности о том, что теперь выражается грубо, неотесанно и напыщенно. Так бывает со всяким юношей, который не созрел: он всегда хватит нотой ниже или выше того, чем нужно. Итак, желанье мое, чтобы граф М. Ю. Вьель<горский>, князь Вяземск<ий> и да<же> В. А. Перовский, если захотят, [если захотят они] были моими судьями, и для этого мне бы хотелось, чтобы вся книга была переписана сплошь, с включением [с выключеньем] всего (кроме двух статей — «К близорук<ому> прия-

телю» и «Страхи и ужасы», которые совсем не для печати и на место которых у меня готовились другие, под тем же заглавием). Скажи, что никакое решение их не огорчит меня, что увидеть свет эти статьи должны были только затем, чтобы доставить мне замечанья (хотя я вместе с тем и питал [питал по самолюбию моему] сокровенное желание доставить ими пользу), что, если мне сделают они замечанья и наградят меня, я тогда помирюсь совершенно с судьбой моих писем. Друг мой, не сердись на меня и ты ни за что и употреби с своей стороны всё, чтобы подвигнуть их к сему последнему делу. Дело это будет истинно христианское, потому что обратится в добро. [обратится мне в добро и уму и душе моей] Уведомляю тебя, что отъезд мой на Восток, по случаю расклеившегося моего здоровья, позднего получения пашпорта (его получил только вчера, стало, я бы не успел в Иерусалим к светлому празднику, если бы и мог ехать) и, наконец, по случаю всякого рода препятствий, случившихся с теми моими приятелями, которые должны были также ехать в Иерусалим (я же один, по немощи и душев-

ной и телесной, не мог пуститься в такую дорогу), — итак, по случаю всего этого и вместе с тем по случаю надобности ехать на железные воды и на морское купанье, отъезд мой отодвинут. А потому мне всякие письма следует до мая первых чисел отправлять еще в Неаполь, а от мая до сентября во Франкфурт, на имя Жуковского, а с сентября вновь в Неаполь, откуда, если бог благословит, на Восток, а с Востока — на нашу русскую сторону. Уведомляю также тебя, что книг до сих пор не получил ни одной. Я полагаю, это оттого, что, вероятно, они были адресованы на мое имя, а так как сам по себе я человек не велик, несмотря на великую возню, которая идет обо мне теперь в литературе, но курьер их и оставил в какой-нибудь канцеля<рии> по дороге. Всего бы лучше адресовать или на имя посланника, или, по крайней мере, секретаря посольства. Что касается до векселя Прокоповича, то он, вероятно, получен кем-нибудь другим. Надобно тебе знать, что во Франкфурте, во время нашего пребывания вместе с Жуковским, завелся другой Жуковский и другой Гоголь. Эти господа весьма часто получали

наши письма. Какого бы рода ни был этот другой Гоголь или не-Гоголь, воспользовавшийся деньгами, но он, без сомненья, был человек беспутный и безденежный, стало быть, и теперь остался беспутным и безденежным, а потому взыскивать пришлось бы или с несчастной семьи, или <с> родственников, чего боже сохрани. Жуковского я просил разузнать, если можно, но не взыскивать. Ты видишь сам: деньги эти были посланы против моего желанья, когда уже было сделано им другое распоряжение, а потому и не судьба была прийти <им> в мои руки. Прокоповичу скажи, чтобы он об этом не сокрушался: что случилось, то случилось. Скажи ему также, что у меня на душе не только нет против него какого-нибудь неудовольствия, но, напротив того, самое дружески-товарищественное расположение, [расположение к нему] а потому грех будет ему, если он [В подлиннике: и он] питает против меня какое-нибудь неудовольствие. Про тебя также сделать мне истинно дружескую услугу: посылать прямо по почте в письме, вырвавши из журналов, листки, где [все листки, где будет] говорится о моей кни-

ге, в каком бы ни было смысле и кем бы ни были они сказаны. Я хочу лучше заплатить подороже за пересылку, чем совсем не получить их или получить тогда, когда они не будут мне нужны. Деньги, я полагаю, у тебя для этого будут от второго издания, которое я просил (в письме, вероятно, доставленном уже тебе от Ар<кадия> Россети) напечатать сходно с первым, как можно поскорее, если настоят требования от книгопродавцев. Жуковский, который получил мою книгу, пишет, что в ней множество опечаток. Пожалуста, похлопочи об исправлении.

Весь твой.

От Жуковского я получил письмо с известием, что prima [что первая] вексель, как оказалось по банкирским справкам, не уплачена, а потому, как только получу эти деньги, то немедленно препровожу их Прокоповичу для известн<ого> дела.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству ректору императорского С. П. Бургского университета Петру Александровичу Плетневу.

В С — Петербурге, на Васильевском острове, в университете.

П. Я. УБРИ
<8 марта н. ст. 1847.
Неаполь.>

Милостивый государь Петр Яковлевич!

Не знаю, как благодарить вас за вашу доброту и те хлопоты, которыми вы обременили себя по поводу моего векселя. Все получено мною в исправности. Отъезд мой в Палестину (по случаю расклеившегося вновь моего здоровья и надобности ехать на железные воды и морское купанье) несколько отодвинут. А потому очень может быть, что я буду иметь удовольствие проездом через Франкфурт принести вам лично мою признательность. Прошу вас также при этом случае передать мой искреннейший поклон всему вашему милому и мной весьма уважаемому семейству.

С совершенным почтеньем и такою же преданностью остаюсь

вашим покорнейшим слугою

Николай Гоголь.

Марта 8. Неаполь.

На обороте: Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur

monsieur d'Oubril, envoyé extraordinaire et
ministre

plénipotentiaire de Russie.

Francfort s/M.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Март<a> 10 <н. ст. 1847>.
Неаполь

Письмо твое от 30 января со вложением Векселя (ценою 182 р<убля> серебр<ом>) получил. Деньги, выручаемые за «М<ертвые> д<уши>», держи у себя и не посылай до моего извещения. В прежнем письме моем (от 4 марта) я просил тебя выслать матери моей две тысячи сто рублей ассигнациями и проповеди Иннокентия сестре Ольге. Будь по-прежнему добр ко мне и не замедли этой отсылкой, если деньги есть налицо. Насчет поступка моего с Погодиным ты уже, вероятно, получил объяснение, если получил мое письмо от 4 марта; Погодин также введен в загадку этого дела, поэтому что и к нему было отправлено письмо того же числа. В письме твоем мало слов о моей книге, но благодарю и за немного. Ты прав, отыскавши в моей книге следы состоянья переходного. Скажу тебе в утешенье только то, что состоянье, во время которого писалась она, миновалось. [это ми-

новалось] Мне было страшно самому за многое в моей книге, когда она печаталась, и поверь мне, что книгой моей я дал себе самому гораздо сильнейшую оплеуху, нежели друзьям моим. Но много было причин к ее изданию, а между прочим [между тем] и та, чтобы увидали наконец читатели и почитатели мои (увы! и самые друзья), что не следует торопить меня к печатанью, когда я сам чувствую, что не пришел еще в силы выражаться ясно и просто (до простоты надобно вырасти). По моим прежним письмам, которые я писал к вам, по тому болезненному стону, который был в них слышен всякий раз, когда приходилось мне отвечать на понуканья выступить на поприще литературное, можно бы, казалось, смекнуть, что незачем торопить меня. О, если бы Погодин с самого начала поверил мне на честное слово, не произошло бы между нами этих загадочных явлений. Но что сделано, то сделано. Всё делается не без воли божией. Не явись моя книга, [Далее начато было: не была мне дана публичная оплеуха и] не сделаны были бы мне упреки, заставившие меня гораздо строже оглянуться на самого себя.

Ускользнуло бы от меня ведение моего собственного состояния душевного; я бы остался в предположеньи, даже, может быть, в уверенности, что я совершеннее, чем я есть, и что Я почти готов на умное дело. В других твоих замечаниях о моей книге есть сторона и справедливая и несправедливая. Последнее произошло не от ошибочного твоего взгляда, но оттого, что книга моя ужасно обезображена цензурой, так, что во многих местах осталась одна половина мысли. Частица если, хоть и небольшая частица, но если всё выбросишь, если вымарашь фразу, условливающую сказанную мысль, дело может предстать совсем в другом. Скажу тебе, что мне слишком [так] было тяжело слышать об этих по-марках, что я [и я] очень сердился на бедного Плетнева за то, что он, не дождавшись, что я скажу в ответ на непропущение целой половины книги, поторопился выпустить [ее выпустить] остаток ее. Но теперь я помирился и с этим. Слышу ощутительней, что свыше всё распоряжается лучше, чем мы думаем. На меня бы, может быть, не напали так много, если бы многие вещи сказаны были умней и осто-

рожней, а через это и толков было бы меньше. Но эта резкость, дикость заносчивость многого в моей книге расшевелит [расшевелит многих] и заденет за живое многих умных людей. Что ж делать, если такова натура русского человека, что его не заставишь до тех пор говорить, покуда не выведешь его из терпения, зацепя за самую живую струну. [и не зацепишь его за самую живую струну] Поверь, что без этой книги мне бы не узнать всего того, что мне необходимо знать для того, чтобы мои «Мертвые души» вышли то, чем им следует быть. По поводу моего неведения многих вещей, [Далее начато: [многие] выданных] которые у меня выдаются с такою дерзостью за знание, многие невольно будут заставлены выказать свое ведение, которого я добиваюсь. Друг мой, не сердись на меня за темноту слов и выражений моих, если и теперь покажется тебе что неясным или неискренним. [Далее начато: Мое желание] Вспомни только, что я слишком долго страдал от неумения высказать [В подлиннике: рассказать] себя. Прими просто, на веру эти слова мои: «Покуда не заговорит [не заговорит вооб-

це] общество о тех предметах, о которых говорится в моей книге, мне физически невозможно двинуть свою работу». Прости меня, добрая душа моя, за все [за все мои] неудовольствия, которые я нанес тебе, за тяжесть тех хлопот, которыми я обременил тебя по поводу дел моих, за мое грубое подчас обращение с тобою, за оскорбление [за то оскорбление] того, что близко твоему нежному сердцу, словом — за всё прости меня и, в заключение благодеяний твоих, сделай еще одно благодеяние, которое будет теперь значительней для меня всех прежних. Собирай все толки, все замечанья, всё, что ни будет сказано обо мне и о книге моей и преимущественно о предметах, заключенных в моей книге, даже хотя бы, по-видимому, иные из них были и незначительны. Это уж мое дело будет разобрать и взвесить. Передавай самые жесткие, самые язвительные слова. Говорю тебе истинно, что от всего этого такая польза уму, сердцу и душе моей, как ты и представить себе не сумеешь. Что ж делать, если мне таким, а не другим образом определено добратся до зрелости и разума! Проси и других записывать в

простоте и бесхитростно все слова, какие ни услышат, именно, как их услышат. Мне кажется, что даже некоторые из студентов, которые поумнее и побойчее и к тому же имеют случаи побольше обращаться с людьми, могли бы записать многие слова и мненья, слышанные от людей всякого сословия, к которым принадлежат и сами, — хоть, положим, в виде тебе подаваемых упражнений в словесности по части приобретения простого слога и искусства передавать природу просто, как она есть. Право, труд мой больше полезный и существенный, чем думают многие, и он сто́ит того, чтобы друзья мои, всё мне простивши, все мои несправедливости, поработали бы грудью за меня. Ты, Погодин и Аксаков, как люди, более других долженствующие быть близкими мне и отныне соединенные со мною неразрывней, [более] чем когда-либо прежде (потому что именно с этих пор только должно начаться прямое познание друг друга), можете много для меня сделать. Говорю для меня, тогда как по-настоящему следовало бы сказать для добра, потому что, видит бог, работаю для добра и себя хочу сделать луч-

шим затем, чтобы быть в силах сделать добро. Погодин, мне кажется, бы многое мог записать, что услышит от простых людей и купцов, с которыми ему весьма часто случается говорить. Прочти им эти строки. Почему знать? Может быть, бог вразумит их сделать что-нибудь такое для меня, что будет мне [им] наиболее полезно. Им подскажет это любящее [их любящее] и всепрощающее сердце, которое находчиво. Мне бы очень нужно было иметь всегда у себя в ящике один-другой портрет, набросанный ловкою рукою, хоть и бегло, с человека, которого бы можно было назвать типом и представителем своегословия [Далее начато: котор<ое>] в его современном, нынешнем виде. Прощай, моя добрая душа! Обнимаю тебя крепко...

Твой Г.

Ради бога, пиши почаще.

На обороте: В Москве. Moscou. Russie.

Г. профессору импер<аторского> Москов-

ского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. В Дегтярном переулке, близ Тверской, в собственном доме.

Д. К. МАЛИНОВСКОМУ
<Около 10 марта н. ст. 1847.
Неаполь.>

Я читал листки вашей исповеди со вниманием и любопытством. Многое [Всё еще] в них разбросано и не пришло в тот порядок, в каком должно быть, но добрые начала бродят и в самом хаосе. И если только тот, кто устроит всё, поможет и вам устроиться сообразно силам вашим — из вас выйдет человек полезный и нужный земле своей. Мысль ваша описывать современный окружающий вас люд, по поводу моих «Мертвых душ», очень умна, и я уверен, что это принесет пользу обоюдную как мне, так и вам, а может быть, даже и самой публике, если окажется в ваших записках кое-что приличное знать и другим и по этому случаю стоящее быть опубликованным. Посещайте сколько возможно меньше те публичные места, о которых вы упоминаете в листках ваших, как-то б. и трактиры (разве в смысле наблюдателя, тогда ступайте хоть в тюрьмы и воровские шайки). Берегите здоро-

вье ваше, его же так немного дано людям позднейшего поколения; поэтому я бы вам не советовал также много заниматься по ночам и вообще делать что-нибудь привалом и запоем, хотя бы самое наиболее полезное дело. Наблюдайте разумную ровность во всем и блюдите за чистотой сердца своего, потому что без нее невозможно полное и совершенное развитие сил наших.

Искренно желающий вам успехов во всяком добре.

Н. Гоголь.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
12 марта <н. ст. 1847>.
Неаполь

Едва только успел я отправить ответ на добрейшее письмо твое (от 6/18 февраля), как принесли мне вновь твои строчки с извещением о высылке мне денег и векселя. Вслед затем я получил письмо от Убриля (которого не знаю, как благодарить за его доброту и хлопоты обо мне) со вложением секунды векселя. Я известил его тот же час о получении моем как письма, так и векселя, назад тому два дни (письмом от 10-го марта). В бестолковщине по части этого векселя и его чудных странствий я совершенно не виноват, потому что не получал из Петербурга никакого предварительного предуведомленья о том, что мне будет выслан вексель, ниже извещения последующего о том, что мне послан вексель. Узнал я об этом случае, весьма недавно: встретившись с одним знакомым Прокоповича и разговорившись с ним о самом Прокоповиче, я узнал неожиданно и нечаянно, что им были

посланы ко мне деньги, и в ту же минуту дал об этом знать Плетневу, и Плетнев, уже вследствие моего отзыва, сделал разыскание. [Далее начато: Вексель этот] Надобно знать, что этот вексель был послан ко мне уже тогда, когда я не просил денег и назначил совершенно другое употребление тем деньгам, из которых он мне был послан. Оттого-то и не судьба ему была прийти в мои руки. И как странно! И теперь, в ту самую минуту, [даже тогда] когда здешний неаполитанский Ротшильд уже дал было повеление своей кассе выдать мне по нем деньги, им овладело вдруг сомнение. Ни удостоверение гамбургского Гейне, ни ручательство франкфуртского кровного брата не могло его успокоить. Еврейская душа почувствовала в эту минуту только то, что дело идет о деньгах, стало быть, о предмете, священнейшем всего на свете, а потому просила меня дать ему время сделать еще от себя разыскания и снестись с Гамбургом. А потому я распорядился [про<сил>] так, чтобы он всё взял на свои руки, как разъяснение по делу векселя, так и доставку его обратно к барону Штиглицу для выдачи [переда<чи>] денег

Плетневу на употребление, уже назначенное, что всё взялся он исполнить в непродолжительное время. Денег мне теперь не нужно. Я богат. Но в сторону об этом и поговорим о том, что поближе. Меня очень занимает теперь здоровье Елисаветы Алексеевны. Мне кажется, ей лучше бы всего помогли морские купанья. Из всех женщин, страдающих нервами, я не знаю ни одной, которой бы не помогли удивительно морские купания. Это лечение так безвредно, так просто и вместе с тем так приятно! Мы бы тогда все вместе отправились в Остенде, потому что мне море необходимо. Это я вижу сам: из всех других оно более всего прочего [более других] помогало, и я сделал только в том оплошность, что не два или три года сряду купался, как мне советовали непременно, а понадеялся на достаточность одного раза. В июне месяце, если даст бог, я буду во Франкфурте, и мы потолкуем о многом, о чем бы следовало мне давно потолковать, но бог отнимал у меня язык, и я не мог самого простого дело рассказать просто. Как я рад, что отъезд мой на Восток немного отодвинулся: для этого путешествия

нужно хоть сколько-нибудь лучше приготовиться, не говоря уже о том, чтобы и самому несколько поопрятней принарядиться. А покуда обнимаю тебя заочно, добрая душа моя, и да хранит вас бог всех здравых и невредимых!

Весь ваш Г.

При сем следует расписочка в получении денег.

На обороте: Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Sachsenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

16 март <н. ст. 1847>. Неаполь

Я получил приятное [приятное душе моей] письмоце ваше, моя добрейшая Анна Миха<й>ловна, письмоце от 7/19 февр<аля> с изъявленьем [приложень<ем>] вашего мнения о моей книге. Строчки ваши были мне нужны. Я уже начинал было думать, что весь дом ваш сердит на меня за что-нибудь и наказывает меня молчаньем, наказанием тягостнейшим для меня всех других наказаний. Но, слава богу, этого нет. Вы сказали мне очень вообще и очень в обширном смысле о мнениях, раздающихся в обществе о моей книге, но я бы желал слышать это с бóльшими подробностями, характеризующими личность [и самые лица] тех, которые произносят мнения [эти мнения] Я знаю, что раздаются в обществе мнения, невыгодные насчет меня самого, которые оскорбительно слышать людям, меня любящим и меня более других знающим, как-то: о двусмысленности моего характера, о поддельности моих правил, о моем действо-

вании из каких-то личных выгод и угождений некоторым лицам. Всё это мне нужно знать, нужно знать даже и то, кто именно как обо мне выразился. Не бойтесь, я не вынесу из избы сору. Всё это послужит, к добру и мне, и тем, которые обо мне каким бы то образом ни выразились. Книга моих писем выпущена в свет затем, чтобы пощупать ею и других и себя самого, чтобы узнать, на какой именно степени душевного состояния стоит теперь каждый из нашего нынешнего современного общества и на какой степени душевного состояния стою теперь я сам, потому что себя трудно видеть, а когда нападут со всех сторон и станут на тебя указывать пальцем, тогда и сам отыщешь в себе многое. Книга моя вышла не столько затем, чтобы распространить какие-либо сведения, сколько затем, чтобы добиться самому многих тех сведений, которые мне необходимы для труда моего, чтобы заставить многих людей умных заговорить о предметах [о ну<жных> предметах] более важных и развернуть их [свои] знания, скупно скрываемые от других. Не скройте от меня также отзывов того человека, который нам

близок обоим. Я не знаю, почему ваш папилька скрывал от меня его мнение о «Мертвых душах», которое я узнал уже случайно большим крюком, пять лет спустя после появления моей книги. Если это скрыто было от меня затем, чтобы не огорчить меня, то вновь вам повторяю, что никакие жесткие слова человека мной любимого не в силах смутить меня или уменьшить моей любви к нему, что слов неблагоприятных, жестких я теперь жажду, потому что — истинно вам говорю — они какой-то чудный бальзам для души моей, сверх того, что заставляют меня строже взглянуть на себя самого и умней взглянуть на другого. А всё это вместе учит меня той мудрости, которой мне необходимо надобно приобрести побольше затем, чтобы уметь, наконец, заговорить потом просто и доступно для всех о тех вещах, которые покуда недоступны. Поверьте мне, что мои последующие сочинения произведут столько же согласия во мнениях, сколько нынешняя моя книга произвела разноголосицы, но для этого нужно поумнеть. Понимаете ли вы это? А для этого мне нужно было непременно выпустить эту книгу и вы-

слушать толки о ней всех, особенно толки неблагоприятные, жесткие, как справедливые, так и несправедливые, оскорбительные для самых нежных сердечных струн, словом, все те толки, от которых отворачивает уши человек неопытный, несведущий в науке жизни и в науке души человеческой. Итак, не скрывайте от меня ничьих мнений [никаких мнений других людей] о моей книге и ради меня дайте себе труд узнавать их, поручайте также другим узнавать их повсюду. Мне [Для меня] всякий человек интересен, а потому и мнение его для меня имеет цену. От вашей приятельницы до слуги и горничной девушки вашей всяк может сказать мне что-нибудь нужное. Поработайте же теперь для меня, если у вас нет другой работы, и это будет с вашей стороны истинно-христианский подвиг. Не пропускайте также хотя в нескольких беглых чертах изображать мне портрет [характер] того лица, которому принадлежат слова, если лицо его мне неизвестно. Меня огорчило ваше известие о том, что вы болеете и телом, и душою. Но уверенность в пользе всего нам посылаемого, уверенность, дознанная соб-

ственным опытом, заставила меня возблагодарить перед божьею волею, которая насылет вам это испытание затем, чтобы новыми сокровищами украсить вашу душу и заставить [заставить вас] потом благодарить вечно за время испытания. Я думаю, что здесь также примешалась и болезнь просто физическая. Эти необъяснимые недуги нервные, которые как бы именно посылаются ныне затем, чтобы умягчить природу человека и сделать душе его доступные вещи, с трудом понимаемые и самыми высшими умами. Мои нервы теперь тоже всколебались и расстроились. Ночи мои без сна. Здоровье мое так расшаталось, что я должен прежде поездки моей в Иерусалим укрепить мое тело железными водами и морскими купаньями. Придется опять навестить Остенде, который для меня так дорог по воспоминаньям. О, если бы привел мне бог вновь ощутить такую радость, как назад тому три года, когда после долгих моих ожиданий привезла вас вдруг железная дорога и я увидел всех, всех милых сердцу моему. Поездка из Петербурга в Остенде так легка: всё морем, не нужно даже экипажа. Но бог

да устрояет всё, как угодно его воле. Да хранит он вас! Прощайте. Перецелуйте всех ваших и пишите ко мне.

Весь ваш Г.

Напишите мне, как вам показался Апраксин. Он на- мои глаза показался совсем не похожим на других молодых людей, исполнен намерений благих и намерен заняться не шутя благосостоянием истинным своего огромного имения и людей, ему подвластных.

Передайте при сем следуемое письмо к<нязю> Одоевскому, а княгиню О<доевскую> поблагодарите много за ее доброту.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Ее сиятельству графине Анне Михайловне Вьельгорской.

В Санк<т>-Петербурге. У Михайловск<ого> дворца, на Михайловской площади. В доме графа Вьельгорского.

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

16 март <н. ст. 1847>. Неаполь

Прежде я бы на тебя рассердился, несмотря на то, что любил всегда добрую твою душу и знал, что никому в жизнь свою ты не нанес еще никакой неприятности. Но я бы на тебя рассердился за твое молчание в такую минуту, когда тягостней всего было получить мне от друзей моих молчание. Я думал, что по поводу выхода книги моей друзья мои поставят себе в непрременную обязанность передать мне свои ощущения, указать мне мои заблуждения, ошибки или промахи, довести до моего сведенья замечанья умных людей, — словом, дать мне случай оглянуться на самого себя и построже рассмотреть себя. И хоть бы какое-нибудь слово от кого-нибудь из Петербурга! [И хоть бы какое-нибудь слово из всего Петербурга!] Я могу только догадываться, что есть обо мне слишком много невыгодных толков, к которым подал я сам повод темнотой, неясностью слов и выражений (которыми страдал долго и следы которых остались

слишком ощутительны в моей книге), неполным [и неполным] развитием тех истин, [мыслей] которые следовало подать в виде, доступном для читателя; но какие именно эти толки — я не знаю. Тогда как мне следует знать, потому что, может бы<ть>, я впал в такие ошибки, в каких и не думаю подозревать себя. Ради самого Христа, передай мне хотя важнейшие из них. Ты видишь много умных людей. У тебя ж они притом и собираются всякую неделю. Что тебе стоит передать мне мнения их всех и прибавить в заключение свое? Не бойся, я не вынесу из избы сору [В подлиннике: ссору] и ни на кого не рассержусь, хотя бы он выразился обо мне, как об наипрезреннейшем человеке. Грех будет тебе, если ты не исполнишь этого, потому что это дело души моей, и душа моя требует во спасенье свое осуждений. Передай мой душевный поклон княгине. Скажи ей, что мне слишком совестно, что я дерзнул было наложить на нее одно хлопотливое дело. Я после увидел сам, что это было неумно, а она, добрая душа, несмотря на всё, изъявила готовность великодушную исполнить мою просьбу. Бог ее да на-

градит за то, и тебя, если ты также великодушно исполнишь мою нынешнюю просьбу.

Весь твой Г.

Спроси у Вяземского, получил ли он письмо через Россети Арк<адия> Осиповича. Я до сих пор еще не получил никакой книги из Петербурга, ни моей, ни чужих.

На обороте: Князю Владимиру Федоровичу Одоевскому.

С. М. СОЛЛОГУБ
16 марта <н. ст. 1847.
Неаполь>

Наконец от вас письмо. Как я ему обрадовался! Давно вы меня не дарили вашими строчками. В строчках ваших светится по-прежнему жемчужина — душа ваша, то же самое младенческое радушие и та же братская любовь ко мне. Бог да наградит вас за всё это. Скажу вам, что мне скучно было без писем от людей, любящих меня, особенно теперь, когда мне так дорого всякое слово из России и когда мне желалось бы всё знать, что ни говорят обо мне. Душе моей было тоже нужно несколько освежительное слово, потому что я было изнемог. Передайте при сем следующее письмецо Владимиру Александровичу и попросите его также и от себя исполнить мою просьбу. Обнимите всех ваших и перецелуйте их, а у графини, вашей маминьки, и у г<рафа> Михайла Юрьевича попросите мне прощенья за все мои докуки, которыми я наскучал им, за мою неотесанность и всякие

грубые поступки, которых за мною водится в достаточном количестве, хотя по доброте своей вы смотрите на многое сквозь пальцы. И не забывайте пуще всего вашими добрыми и подчас мне очень нужными письмами.

Весь ваш Г.

В одно время с письмом к вам я отправляю также письмо к Анне Михайловне. Скажите Плетневу или лучше Ар<кадию> О<сиповичу> Россети, что я до сих пор не получил из Петербурга никаких книг и не знаю, отправлены ли они и куда.

В. А. СОЛЛОГУБУ
<16 марта н. ст. 1847.
Неаполь.>

Хотя вы человек (как все мы, грешные русские люди мужеска пола) несколько ленивый на подъем, но авось доброе расположение ваше ко мне пересилит лень и заставит вас не только отвечать на письмо мое, но даже выполнить мою просьбу. Просьба эта очень убедительна. Вы живете в свете, видите людей [светских людей] всех кругов и сортов, какие ни водятся в Петербурге, будьте так милостивы и аккуратны, передайте мне их толки о моей книге. Выберите из каждого круга такого человека, который побойчее и может назваться его представителем, спросите его и передайте мне его суд и определение. Теперь таких представителей и кругов много, потому что мнения, как я слышал, страшно разделились, и пребывает разногласица, какой доселе не бывало. Особенно не скрывайте от меня мнений неблагоприятных, как бы они жестки ни были. Они мне теперь

так же нужны, как носу табак, после которого хоть и чихнется, но во здравие и голове свежей. Итак, жду от вас доказательств вашего доброго расположения ко мне, за которое останусь вам вечно благодарен.

Ваш Г.

На обороте: Графу Владимиру Александровичу Соллогубу.

А. С. и У. Г. ДАНИЛЕВСКИМ
Неаполь. Марта 18 <н. ст.>,
1847

Я получил ваши строчки, милые друзья мои. Пишу к вам обоим, потому что вы составляете одно. Хотя письма ваши коротеньки, но я глотал с жадностью подробности жизни вашего и перечитал их не один раз. Хотел бы вам заплатить тем же, то есть повестью о себе, но повесть эта так чудна, так необыкновенна, что нужно слишком собраться с духом и привести себя в очень спокойное расположение, в то расположение, в каком находится старый инвалид, уже поместившийся дома, на родине, среди детей и внучат, когда ему легко рассказывать о прошедших битвах. После, когда приведет меня бог побывать в Киеве (который еще заманчивей от вашего в нем пребывания), я, может быть, сумею вам рассказать просто и ясно многое, но теперь во внутреннем доме моем происходит еще столько мытья, уборки и всякой возни, что хозяину просто невозможно быть толкову в

речах даже и с ближайшим другом. Покуда скажу тебе вот что, мой добрый Александр. Ты никак не смущайся обо мне по поводу моей книги и не думай, что я избрал другую дорогу писаний. Дело у меня то же, какое и было всегда и о котором замышлял еще в юности, хотя не говорил о том, чувствуя бессилие свое выражаться ясно и понятно (всегдашняя причина моей скрытности). Нынешняя книга моя есть только свидетельство того, какую возню нужно было мне поднимать для того, чтобы «Мертвые души» мои вышли тем, чем им следует быть. Трудное было время, испытанья были такие страшные и тяжелые, битвы такие сокрушительные, что чуть не изнемогла до конца душа моя. Но, слава богу, всё пронеслось, всё обратилось в добро. Душа человека стала понятней, люди доступней, жизнь определительней, и чувствую, что это отразится в моих сочинениях. В них отразится та верность и простота, которой у меня не было, несмотря на живость характеров и лиц. Нынешняя моя книга выдана в свет затем, чтобы пощупать ею, во-первых, самого себя, а во-вторых, других — узнать посредством ее,

на какой степени душевного состоянья своего стоит теперь каждый из нашего современно-го общества. Вот почему я с такою жадностью собираю все толки о ней. Мне важно, кто и что именно сказал, важна и самая личность того человека, который сказал, его черты характера. Итак, знай, что всякий раз, когда ты передашь мне мысли какого-нибудь человека о моей книге, прибавя к тому и портрет самого человека, то этим ты сделаешь мне большой подарок, мой добрый Александр. А вас прошу, моя добрая Юлия, или по-русски Улинька, что звучит еще приятней (вашего отечества вы не захотели мне объявить, желая остаться и в моих мыслях под тем же именем, каким называет вас супруг ваш), вас прошу, если у вас будет свободное время в вашем доме, набрасывать для меня слегка маленькие портретики людей, которых вы знали или видите теперь, хотя в самых легких и беглых чертах. Не думайте, чтоб это было трудно. Для этого нужно только помнить человека и уметь его себе представить мысленно. Не рассердитесь на меня за то, что я, еще не успевши ничем заслужить вашего распо-

ложения, докучаю вам такую просьбою. Но мне теперь очень нужен русский человек, везде, где бы он ни находился, в каком бы звании и сословии он ни был. Эти беглые наброски с натуры мне теперь так нужны, как живописцу, который пишет большую картину, нужны этюды. Он, хоть, невидимому, и не вносит этих этюдов в свою картину, но беспрестанно соображается с ними, чтобы не напутать, не наврать и не отдалиться от природы. Если же вас бог наградил замечательностью особенною и вы, бывая в обществе, умеете подмечать его смешные и скучные стороны, то вы можете составить для меня типы, то есть, взявши кого-нибудь из тех, которых можно назвать представителем его сословия или сорта людей, изобразить в лице его то сословие, которого он представитель, — хоть, например, под такими заглавиями: Киевский лев; Губернская femme incomprise; Чиновник-европеец; Чиновник-старовер, и тому подобное. А если душа у вас сердобольная и состраждет к положенью других, опишите мне раны и болезни вашего общества. Вы сделаете этим подвиг христианский, потому что из

всего этого, если бог поможет, надеюсь сделать доброе дело. Моя поэма, может быть, очень нужная и очень полезная вещь, потому что никакая проповедь не в силах так подействовать, как ряд живых примеров, взятых из той же земли, из того же тела, из которого и мы. Вот вам, мои добрые, моя собственная повесть и подробности того, что составляет нынешнюю жизнь мою, в отплату вам за ваши тоже весьма коротенькие известия о себе. Но вы, однако же, не забывайте себя показывать мне почаще и не пренебрегайте этими, по-видимому незначительными, подробностями, но которые, однако ж, для меня драгоценны. Сами посудите: если мне теперь дорог и близок всякий человек на Руси, то во сколько крат должен быть мне дороже и ближе человек, связанный узами дружбы со мной? Ведь я вас не вижу, а эти маленькие, по-видимому пустые, подробности делают то, что вы рисуетесь перед моими глазами, и я как бы ощущаю в малом виде радость свиданья.

Вот вам мой маршрут: до мая я в Неаполе, а там отправляюсь на воды и морское купа-

ные, по случаю вновь пришедших недугов и расстроившихся нерв моих. Укрепивши мои нервы, проберусь разными дорогами по Европе вновь в Неаполь к осени, с тем, чтобы оттуда двинуться на Восток. Всю зиму и начало весны проведу на Востоке, а оттуда, если бог благословит, пущусь в Русь, на Константинополь, Одессу и, стало быть, на Киев, а в Киеве, около июня месяца, обниму вас, что имеет быть, по моему расположению, в будущем году.

В. В. ЛЬВОВУ
Неаполь 1847. Марта 20 <н.
ст.>

Благодарю вас за письмо ваше, исполненное такого искреннего участия. Я рассматривал долго вашу подпись. Одного князя Львова я знал, но тот, кажется, в Петербурге. Вы спрашиваете, зачем вышла книга моих писем. На это никак не в силах отвечать: было столько причин разного рода, что описать их понадобились бы бесконечные листы и страницы, которые произвели бы, может, новые недоразумения. Что сделано, то сделано. Ничего не происходит в мире без воли божией. Есть святая сила в мире, которая всё обращает в добро, даже и то, что от дурного умысла сделал человек. Но книга моя была не от дурного умысла, на ней только лежит печать неразумия человеческого или, лучше, — моего, а потому я верю в божью милость, что не допустит он, дабы из книги моей почерпнули вред. Покуда я могу сказать только, что появление этой книги полезно мне самому боль-

ше, чем кому-либо другому. Одно помышление о том, с каким неприличием и самоуверенностью сказано в ней многое, заставляет меня гореть от стыда. (Я не видал моей книги в печати; знаю только, что она выпущена в обезображенном виде, с пропуском и исключением больше половины статей и мест. В статьях и в размещении их была некоторая связь, а в связи все-таки некоторое объяснение дела). Стыд этот мне нужен. Не появившись моя книга, мне бы не было и вполонину известно мое состояние душевное. Все эти недостатки мои, которые вас так поразили, не выступили бы передо мною в такой наготе; [Далее начато: потому что] мне бы никто их не указал. Люди, с которыми я нахожусь ныне в сношениях, уверены не шутя в моем совершенстве. Где же мне было добыть голос осуждения? Без появления этой книги моей я бы, точно, остался в самоослеплении насчет многого в себе. Без появления этой книги не устремилось бы за мою душу столько чистых молитв, с такою святою мыслью — молить бога о спасеньи моем. Молитвы эти мне нужны; я верю в их силу. Нет, не допустит бог впасть

меня в ту прелесть, в которую подозревают меня впадшим; ради молитв тех праведников, которые о мне молятся, он спасет меня. Сколько могу судить о толках, до меня дошедших, читатели мои находятся еще под влиянием первых впечатлений. Я бы очень желал услышать мнения тех, которые прочли мою книгу не один раз, но несколько, в различные часы и в различные расположения душевные: там есть некоторые душевные тайны, которые не вдруг постигаются и которые покуда приняты (может быть, от неумения моего просто и ясно выражаться) совсем в другом смысле. Так как вы питаете такое искренно-доброе участие ко мне и к сочиненьям моим, то считаю долгом известить вас, что я отнюдь не переменал направленья моего. Труд у меня всё один и тот же, всё те же «Мертвые души». И одна из причин появления нынешней моей книги была возбудить ею те разговоры и толки в обществе, вследствие которых непременно должны были выказаться многие мне неизвестные стороны современного русского человека, которые мне очень нужно взять к соображенью, чтобы не попасть в раз-

ные промахи при сочинении той книги, которая должна быть вся природа и правда. Если бог даст сил, то «Мертвые души» выйдут также просты, понятны и всем доступны, как нынешняя моя книга загадочна и непонятна. Что ж делать, если мне суждено сделать большой крюк для того, чтобы достигнуть той простоты, которою бог наделяет иных людей уже при самом рожденьи их. Итак, вот вам покуда посильное изъясненье того, зачем вышла моя книга. Не знаю, будете ли вы довольны им, но во всяком случае приношу вам еще раз душевную благодарность за доброе письмо ваше, за которое да наградит вас бог всем тем, что есть наижелательнейшего и наинужнейшего вашей душе.

Истинно признательный вам Н. Гоголь.

На обороте: Moscou. Russie.

Его сиятельству князю Владимиру Владимировичу Львову.

В Москве. В Новой Басманной, в дом

ген<ерал>-ад<ъютанта> Перовского.

А. А. ИВАНОВУ
<25 марта н. ст. 1847.
Неаполь.>

Пишу к вам несколько строчек с граф<ом> Иван<ом> Петр<овичем> Толстым, который есть родной брат моего закадычного приятеля, Ал<ександра> Петр<овича>, стало быть, с тем вместе родной брат и Софье Петровне, вам довольно знакомой, а потому вы, если вам не будет это в тягость, позвольте взглянуть им на вашу картину. Граф и графиня (урожд. графиня Строганова) очень добрые люди, а потому вы можете им даже объяснить ваше положение. Они же едут, не останавливаясь, в Россию, стало быть, будут иметь случай заговорить и с другими о вашем положении. Мне кажется, что непременно нужно, дабы всем сделалось известно и очевидно ваше положение. Теперь же, я думаю, <вы> больше спокойны, чем прежде, а потому можете рассказать всё, что претерпели, покойно, не жалуясь ни на кого, не обвиняя никого, изобрази только верную, картину

испытаний, через которые провел вас бог. Не нужно скрывать ничего в своей истории, ни даже черных несправедливостей, вам оказанных (в словах должно быть всегда справедливо), но нужно рассказать так, чтобы слушающий вас оставил в сторону суд над врагами вашими (подобно вам самим) и проникнулся бы в такой степени участием к тому положению, [участием к художни<ку>] в каком может очутиться всякий истинный художник, [художник, исполненный] взглянувший на труд, как на святое дело, [Далее начато: что уж ничем бы не мог заняться по тех пор] что стал бы горой за вас и употреблял бы с тех пор всё, чтобы образумить тех, кому следует взглянуть разумно на все эти вещи. От Чиждова я получил письмо с известием о том, что он оставляет внезапно Рим. Это мне прискорбно: я бы желал очень о многом переговорить с ним лично. Передайте ему при сем следующее письмо. Затем будьте здоровы, и бог да помогает вам работать вашу картину! Нечто, как о вашей картине, так и о положении вашем, как художника, сказано мною в, одном из моих писем, напечатанных отдель-

ною книгою. Книги этой я не получил. Знаю только, что она обезображена и обрезана жестоко цензурой, а потому и не могу знать, что из этого письма оставлено, а что выброшено. А было бы хорошо, если бы это письмо было доведено [было напеч<атано>] целиком до сведения всей публики. Советую вам также не гневаться на те мои жесткие письма, которые я писал к вам из Неаполя. Поверьте, что их полезно перечитывать, несмотря даже и на то, если бы они были совершенно несправедливы. Говорю вам это по опыту. Если имете что сказать мне, обратитесь [скажите] к графу или, лучше, графине Соф<ье> Сергеев-не, и она мне это передаст.

Желающий успехов вам Г.

На обороте: Александру Андреевичу Иванову.

Ф. В. ЧИЖОВУ
Неаполь. 25 марта <н. ст.
1847>

Мне было очень прискорбно узнать из письма вашего (от 20 марта) о вашем решении так рано оставить Италию. А я думал было с вами увидаться в Риме, в первых числах мая. Мне хотелось о многом с вами переговорить лично, и это была единственная причина тому, что я не отвечал на ваше прежнее, очень доброе и милое письмецо. Объяснения письменные вообще меня сильно затрудняют: я просто боюсь теперь выражать мысли свои на бумаге, хотя вообще люблю читать всё выраженное другими. Столько недоразумений случалось мне производить!.. но оставим об этом речь. Повторяю вам вновь, что мне очень жаль, и я бы возрадовался не шутя внезапному повороту ваших обстоятельств, который заставил бы вас остаться май месяц в Риме. Во всяком случае, вы не позабудьте меня, по крайней мере вашими письмами, и если вы хотите получать

и от меня также письма, и притом толковые, а может быть, даже и нужные, то не поспу-чайте прежде познакомить меня обстоятель-но и подробно с вашими мыслями, намерени-ями и даже движеньями доброй души вашей. Тогда мне будет легко говорить с вами и на письме. Никак не смущайтесь тем, если не получите сначала ответа (кроме разве самого короткого). Это будет значить только то, что я еще не умею вам отвечать, что я еще недоста-точно введен во всё то, что касается до ваших намерений, занятий и помышлений, и желал бы писем, еще обстоятельнейших и чистосер-дечнейших относительно такого предмета. Но как только разоблачится передо мною че-ловек со всеми изгибами его особенностей и наклоненьями его взгляда на вещи, мне тогда так же с ним свободно, как с товарищем, с ко-торым росли и воспитывались вместе. Но прощайте. Бог в помощь вам!

Искренно вас любящий Н. Г.

М. Ю. ВЬЕЛЬГОРСКОМУ

Марта 27 <н. ст. 1847>.

Неаполь

Я страдаю душой при одном помышлении о том, сколько нанес вам хлопот и тревог, мой наидобрый граф Михаил Юрьевич; но, вероятно, вы уже знаете из письма моего к Плетневу, о котором он, вероятно, уже вам сообщил, что мои искания гораздо умереннее. Желанье мое, чтоб и вы и князь Вяземский прочли раза два непропущенные статьи и выбросили бы из них все жесткие, дикие и оскорбляющие выражения. Я полагал и даже полагаю доныне, что почти все главные мысли могут удержаться и могут быть представлены на рассмотрение высшее, если смягчить некоторые резкости выражений кое-какими умягчающими и приличными оговорками. Я думал и думаю доныне, что нужно, во-первых, выбросить заносчивое я, которое вышло во многих местах почти против моей воли и подало случай многим приписать многое во мне самолюбию моему, тогда как это

просто моя юношеская незрелость, которая во мне пребывает рядом с моей зрелостью и с моими уже немолодыми годами. Чтобы лучше заметить во мне всё то, что следует умягчить и оговорить, я просил князя Вяземского не забывать при чтении писем моих, что их пишет чиновник маленького чина. Тогда само собой будет очевидно, как сказать ту же мысль незаносчиво. От этого книга моя значительно выиграет и в публике. Не поскучайте, мой добрый и великодушный Михаил Юрьевич, этим чтением. У вас есть много того прекрасного и тонкого чутья, которое может заметить всякую малейшую неприличность. Не поскучайте и выправить; я верю вперед в разумность и необходимость всего того, что вы придумаете выправить вместе с князем Вяземским. И если после этого дела (за которое не придумаю, как возблагодарить вас) вы найдете, что лучше обождать или даже отменить представление этих статей, тогда это решение будет для меня совершенно удовлетворительно. Еще раз считаю долгом повторить вам всё это и еще раз прошу вас простить меня. А добрую графиню прошу не

беспокоиться и не тревожить себя мыслью, что она в чем-нибудь не исполнила моей просьбы. Скажу вам искренно, что мною одолевала некоторая боязнь за неразумие моего поступка, но в то же время какая-то как бы неестественная сила заставила [заставляла] его сделать и обременить графиню смутившим ее письмом. Скажите ей, что в этом деле никак не следует торопиться, что я слишком уверился в том, что для полного успеха нужно очень повременить и очень всё обдумать. Затем, целуя вас и целуя ее добрые ручки и ручки бесценных дочерей ваших остаюсь весь ваш

Г.

П. А ПЛЕТНЕВУ
Марта 27 <н. ст. 1847>.
Неаполь

Давно не имею от тебя известий, добрый друг мой. (Я писал к тебе еще не так давно, именно 6 марта). Если тебя затруднили дела по моей книге, то, повторяю тебе вновь, торопиться с представленьем рукописных статей не нужно, — тем более, что, во всяком случае, полное издание книги не поспело бы [не поспело бы к] прежде лета. Лучше получше [слитком] выправить эти статьи, выбросить из них всё резкое и оскорбляющее. Я просил князя Вяземского в письме к нему, [в письме к нему через Ро<ссета>] которое, вероятно, вручил ему Росетти (оно было от 28 февр<аля>), чтобы он, читая эти статьи, имел неотлучно в своих мыслях то, что писавший их [эти статьи] есть не более, как чиновник 8 класса, чтобы чрез то видеть лучше, где нужно облегчить жесткое выражение помещением необходимой оговорки, а где уничтожить вовсе иное заносчивое, ни в каком случае не

приличное. Всё можно сказать, что есть правда, и тем более та правда, которую я хочу сказать, но нужно созреть для того, чтобы уметь ее сказать. И настоящей виной того, что вооружает против меня людей, есть не другое что, как незрелость моя. Я получил от Жуковского секунду векселя и в то же время от нашего посланника из Франкфурта, Убриля, известие, что мне будут выданы по нем от здешнего банкира Ротшильда все деньги, вследствие его переговоров с его братом, франкфуртским Ротшильдом. Но как странно и как видно, что мне не судьба получить эти деньги! Ротшильдом здешним овладело вдруг сомнение (хотя он уже приказал было мне выдать деньги). Все справки, сделанные во Франкфурте и в Гамбурге относительно незаплаты по первому векселю, показали ему недостаточны, и он попросил у меня времени вновь списаться с Гамбургом, вследствие чего я и просил его распорядиться так, чтобы этот вексель был из Гамбурга препровожден обратно к Штиглицу, а Штиглиц выдал бы деньги эти тебе. Ты их держи у себя. У Прокоповича денег моих достаточно. Но об этом деле мы

поговорим с тобой потом: дело, которое должно остаться между нами, совсем, не так глупо, как кажется с виду, но я не надлежащим образом объяснил свою мысль. Не могу постигнуть, почему я до сих пор не получил ни одной книги, ни моей, ни чужих, тогда как в прошлом году мне случилось получить несколько книг весьма скоро. Я помню, что получил через Любимова, на имя Апраксиной, несколько книжек в полтора месяца изворота. Теперь пишет Любимов Апраксиной, что он был у тебя именно с тем, чтобы взять книги для меня, но не получил их. [не получил от тебя] Видно, не судьба мне видеть мою книгу и вообще читать вышедшие теперь у нас книги. Пожалуста, посылай хотя в письмах листки тех мест, [листки из тех мест] где говорится о чем-нибудь по поводу моей книги. Не жалея на это денег: они скоро должны у тебя вновь накопиться от второго издания книги, которое я просил тебя произвести в скорости по первому изданию, если проволочка по поводу включения невключенных статей окажется долгой, и которое просил тебя возложить на Россети, если тебе окажется

невозможность заняться им самому. Но удивляет меня то, что ни от Россети, ни от всех тех людей и друзей, которые обещали мне сообщать всё, что ни услышат из толков о моей книге, не получил почти ни строки. Маршрут мой тебе уже известен из письма моего от 6 марта. Всё, что ни будет высылаться ко мне с первых чисел мая, следует адресовать во Франкфурт, на имя посольства [посольства нашего] или Жуковского. Кстати: советуй тем, которые страдают нервами, ехать на морское купанье в Остенде, которое решительно лучшее из всех прочих и помогает чудесно, а самая поездка туда необыкновенно легка: из Петербурга можно прямо морем, не бравши с собою экипажа, в одну неделю достигнуть Остенде или вплоть морем, или с пересестом на железную дорогу, что не требует тоже экипажа и хлопот. Из Остенде день езды в Париж, по железной дороге, и день езды в Лондон, с пароходом. А мне бы хотелось очень переговорить, будучи в Остенде, со многими из русских, и особенно с теми, которые поумней и могли бы мне сообщить многое интересное. Прежняя моя дикость исчезла, и мне теперь

не трудно разговариваться. Обнимаю тебя, добрая душа моя.

Твой весь Г.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству г. ректору С.-Петербургск<ого> император<ского> университета Петру Александровичу Плетневу.

В С. П. Бурге. На Васильев<ском> о<строве>, в университет.

С. Н. МОЛЧАНОВОЙ
<Февраль-март н. ст. 1847 г.
Неаполь.>

Вы просите молиться о Прасковье Ивановне, но она так жила на земле, что мы должны теперь просить ее о нас молиться. Во всяком случае я упомяну ее имя при святом гробе. А вас прошу помолиться о том, чтобы бог не возгнушался принять от грешных уст моих мои молитвы. Если встретите кого-нибудь из тех, чья жизнь и молитва угодны богу, попросите их также помолиться обо мне. Я очень помню доброе выражение' лица вашего и ласки ваши сестре моей.

Рад буду, если приведет бог нам встретиться в Москве.

Весьма признательный вам

Николай Гоголь.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ
<20 марта/1 апреля 1847.
Неаполь.>

Я получил доброе письмо ваше, бесценный друг мой Надежда Николаевна, сегодня, в страстн<ой> четверг, и сегодня же вам отвечаю. Я было уже начинал думать, скучая долгим молчанием вашим, что и вы негодуете [сердитесь] на меня за мою книгу, как вдруг получаю два листа вашего письма и какого письма! Бог да наградит вас за него! Оно мне было — как благодатная роса. Я было уже утомился от упреков слишком тяжелых и жестких, отовсюду и уже почти со страхом распечатывал письмо ваше. Но в письме вашем та же любовь, те же молитвы обо мне и. о бедной душе моей! Весьма мало вы себе позволили замечаний на мою книгу и даже и за них просите у меня извинения. Друг мой, если б вы даже сделали и самые тягостные, самые суровые, самые жесткие мне упреки и сопроводили бы их не голосом ангела, состраждущего о человеке, но голосом строгого судьи,

да прибавили бы только, в заключение письма вашего, что вы с той же любовью обо мне молитесь и помните, как о своем возлюбленном сыне, данном вам богом, — облобызал бы. я тогда ваши [и самые] строки, в которых начертались эти упреки. Упреки мне нужны, упреками воспитывается моя душа, и упреки составляют теперь мою пищу, которою питаюсь. Как ни несправедливы многие из них, но в основании их лежит всегда какая-нибудь правда, и это меня заставляет [заставляет меня] всякий раз построже оглянуться на себя, и внутренний глаз мой становится после того светлее, точно как будто бы слетает с него какая-нибудь шелуха. Главной виной того множества упреков, которым подвергнулась моя книга, есть незрелость моя. Те же самые вещи можно было сказать гораздо обдуманнее, точнее, определительней, проще, скромнее и смиреннее — и книга моя имела бы больше защитников. Но зато я бы не достал бы себе этого множества упреков, которые мне нужны, и мне бы не было средств поумнеть, как следует, для того, чтобы уметь заговорить, как следует. Бóльшая часть упреков родилась

от всяких недоразумений, к которым я подал сам повод неясностью слов моих, в том числе и самое дело о портрете. Поступки Погодина относительно меня были совершенно неумышленны. Он действовал, вовсе не думая оскорбить меня. Надобно вам знать по-лучше Погодина. Это добрейшая душа и добрейшее сердце. Великодушие составляет главную черту его характера. Но с тем вместе некоторая грубость, незнание приличий, беспамятство и рассеянность (по причине множества [от множества] разных дел, которыми он всегда был опутан) поставляли его беспрестанно в неприятные отношения с людьми, в возможность огорчать их, без желания огорчить. Я долго думал о том, как объяснить ему всё это и заставить его оглянуться на себя, как вдруг моя книга без моего ведома нанесла ему поражение (я совершенно позабыл слова и фразы статей, [слова свои и фразы книг] и если бы сам печатал, то, вероятно бы, ослабил их, имея намерение более объяснить неприкосновенность прав собственности писателя). Скажу вам, что я этому даже обрадовался, имея случай чрез это с ним прямо объяснить-

ся. Я писал к нему письмо (от 4 марта), которым, вероятно, он удовлетворен. Скажу вам еще, для полного успокоения вашего, что я никогда еще не любил так Погодина, как люблю его теперь. Человек этот, кроме того, что всегда был достоин всякого уважения, в последнее время значитель<но> изменился. Несчастья и разные душевные потрясен<ия> умягчили его душу до того, что она теперь способна понимать [принимать] многое из того, к чему прежде была менее чувствительна. И я чувствую, что отныне у нас с ним будет [установится] дружба бóльшая и здесь, и там. Вот вам, мой друг, непритворный отчет по этому делу!

Поездка моя в Иерусалим несколько отодвинулась, по причине [как по причине] всяких хлопот, переписка по поводу печатания книги, по причине [как по причине также] несколько вновь порасстроившегося моего здоровья, а наконец [так равно] и по той причине, что я не отважился отправиться один. Почти со всеми, имевшими то же [это] намерени<е> отправиться в этом году в Иеруса-

лим, случились непредвиденные препятствия. А мне — надобно вам знать — необходимо для этой дороги товарищество близких сердцу душ. Я не так крепок и душой и телом, я не так живу в боге, чтобы обойтись без помощи людей, и мне братская помощь человека еще более нужна в этом путешествии, которое для меня есть важнейшее из событий моей жизни. Кроме того, мне необходимо также лучше подготовиться, побольше утвердиться в здоровьи, и душевном и телесном. Летом, по причине расстроившихся нервов моих, я должен буду ехать на воды в Германию и на морское купанье, а потому ответ на это письмо вы адресуйте уже во Франкфурт — или, по-прежнему на имя Жуковского, или же на имя нашего посольства. Не забывайте писать ко мне. Письма друзей моих теперь мне очень нужны. Со времени смерти незабвенного моего Языкова никто ко мне теперь не пишет часто. Он да вы только умели меня так любить, что, не смущаясь ничем — ни долгим молчанием моим, ни неумением моим быть признательну за такую нежную дружбу — писали ко мне всегда и не забыва-

ли меня никогда в мыслях и молитвах ваших.

Итак, прощайте до следующего письма вашего. Поздравляю вас с преддверием светлого воскресения Христова.

Весь ваш Гоголь.

М. И. ГОГОЛЬ
<6 апреля н. ст. 1847.
Неаполь.>

Христос воскрес!

Поздравляю вас всех от всей души с радостным для всего мира праздником. Благодарю вас за письма ваши от 18 февр<аля> и преимущественно вас, маминька, за ваше довольно обстоятельное письмо. Не оставляйте меня и впредь подобными известиями как о книге, так и о прочем. Не думайте только, что после этой книги моей будут все примирены со мной. Напротив, может быть, никогда еще не раздавались [не будут раздаваться] в таком большом количестве против меня крики и осуждения, как будут раздавать<ся> отныне. Но вы этим не смущайтесь: всё делается не без воли божией. Мне нужны несравненно строжайшие упреки, чем какие когда-либо доселе мне были деланы. Они будут казаться с виду вовсе несправедливы, но, в основании их будет по зернышку правды. Эти зернышки

мне нужно все собрать, чтобы поумнеть так, как следует, затем, чтобы уметь сказать точно умное. Мне нужно строже, чем когда-либо, теперь оглянуться на себя, а потому мне нужно всё выслушать. Итак, не смущайтесь никакими неприятными заключениями обо мне, но передавайте их мне просто так, как их услышите. А между тем помолитесь обо мне и просите всех молиться. Молитесь о том, чтобы прогнал милосердный бог далеко от меня духа [всяко<го> духа] самоуверенности, гордости, самоослепления, который ежеминутно может овладеть нами, так что мы и сами не можем того заметить. Молитесь, чтобы осенил меня бог светом разума своего и действовал бы я по святой его воле, чтобы здраво и ясно глядел я и на себя, и на других и мог бы видеть даже издали приближение нечистого духа искушений, от которого одна только небесная милость божия может избавить нас да чистые, усердные молитвы, призывающие эту милость на нас. Передайте мой искренний душевный поклон доброй Софье Васил<ьевне> Скалон и вообще поклонитесь от меня всем, которые помнят меня. А сами пи-

шите обо всем и обо всех, потому что мне всё интересно, и я бы хотел знать обо всех. На это письмо ответ адресуйте уже во Франкфурт, по прежнему адресу. Обнимаю вас всех.

Г.

Лизе при сем следует письмецо.

Апреля 6.

На обороте: Poltava. Russie.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Го-
ГОЛЬ.

В Полтаве. Оттуда в д<еревню> Василевку.

Е. В. ГОГОЛЬ
<6 апреля н. ст. 1847.
Неаполь.>

Христос воскрес, добрая моя Лиза! Отвечаю тебе на твои два письма. Ими я гораздо больше доволен, чем всеми твоими прежними письмами, хотя в них заключается грустное известие о смерти Прасковьи Ивановны Раевской, которой безмятежная и чистая душа уже ликует теперь на небесах. Не грусти о ней, но молись, чтобы и она помолилась о тебе потом на небесах. Известие твое о бедственной судьбе твоей крестницы также трогательно. Но зачем же ты не возьмешь ее к себе? Или места нет в доме, что ли? И зачем тебе уступать свою комнату? Можно особенно определить для этого комнату и назвать ее просто детскою, потому что, бог весть, может быть, опять отыщется какая-нибудь сиротка, которой негде приютиться на свете. Прежде я тебе отсоветовал это единственно потому, что ты была немножко ветрена и глядела на это занятие, как на игрушку. Теперь, когда ты

глядишь на это, как на христианскую обязанность, — другое [совсем другое] дело. А о невозможности содержать не стоит говорить, эти слова пустяки: девочка немного съест и немного сносит платья. Одевать ее можно очень просто; чем проще, тем лучше. Воспитывать тоже можно очень просто. Нужно только, чтобы она была добра душой и сердцем, хозяйка, услужлива, приветлива, ласкова, как ласточка, и готова на всякую работу и труд как для себя, так и для других. По-моему, я бы не отдавал и в институт, потому что дома можно лучше выучиться всему тому, что нужно для девушки для того, чтобы сделаться хорошей хозяйкой, хорошей женой и хорошей матерью. Девушке бедной вовсе не нужны те таланты, которые приобретаются для того, чтобы блистать в обществе. Иначе она себе не сыщет и мужа, потому что мужчины теперь сделались сметливей и начинают выбирать себе просто добрых хозяек. А потому больше всего старайся возлагать маленькие порученности по домоводству. Они найдутся и для ребенка. В домашнем быту есть каждому кое-что по силам. (Лучше такие избирать

заняться по этой части, которые бы заставляли девочку поболее двигаться на воздухе. Это будет полезнее для здоровья да и для ней самой приятнее.) Что же касается до ученья, то не делай из этого ничего педантского и не заставляй долго сидеть за книгой: напротив, реже сколько можно. Старайся лучше всё полезное внушать посредством рассказов; это будет гораздо действительнее. Прочитай прежде сама, что найдешь нужным для ребенка, и потом подумай о том, как бы рассказать ему таким образом, как самую занимательную сказку, так, чтобы твой урок был ему как бы в награду. Поверь, что это будет так нравиться детям, что они будут приступать к тебе ежеминутно с просьбой рассказать что-нибудь, и [так что] посредством этого ты можешь [можешь им] внушить в немного времени много того, чего в целые годы не внушат учителя. Ум [И ум] твоей воспитанницы будет чрез это гораздо больше развит, чем у той, которая выходит из института. Поэтому я тебе советую читать самой особенно такие книги, из которых можно извлечь что-нибудь хорошее для детей по части истории, путеше-

ствий по разным землям, по части естественной истории и вообще всего того, что знакомит с мудростью творений божьих. Из повестей избирай [вы<бирай>] в свои рассказы такие, где изображено, как сделалась какая-нибудь девочка отличною хозяйкой и заслужила от всех похвалу, как привела себя в возможность делать всем добро и всюду благотворить. Всё это будет и для тебя гораздо приятнее, и для твоих воспитанниц, которых ты сможешь без труда учить разом всех, потому что, как только они почувствуют приятность твоих рассказов, то обсядут тебя кучкой и не сведут с тебя глаз. Не говори им только, что это урок, но что это рассказ и повесть им в награду за исправность, услужливость, прилежанье и внимательность. Воспитанье производится очень легко, если только хоть сколько-нибудь прежде воспитает себя тот, [тот самый] который воспитывает других. Уже достаточно присутствовать [быть] только в обществе воспитанных и добросердечных людей, чтобы от них нечувствительно набраться и себе самому того же. Я [Когда я] поместил тебя к Прасковье Ивановне совсем не затем,

чтобы чему-нибудь выучиться, но чтобы нечувствительно сделаться и самой доброю, находясь [бу<дучи>] ежеминутно окруженной кроткими [такими кроткими] и незлобивыми людьми, тогда как если бы ты осталась тогда в доме, ты бы еще более раздражилась в характере от беспрестанных ссор и споров с сестрой. Но, [А между тем] живя там и видя пред собой беспрестанно светлое, исполненное доброты лицо Прасковьи Ивановны, ты и сама стала нечувствительно выражать на лице своем больше светлости и спокойствия. Так [Всё равно] достаточно даже и немного времени пробыть в той комнате, где приготавливаются ароматы, чтобы пахнуть потом и самой. Итак, будь светла и добра, как Прасковья Ивановна; умеи только привязать к себе воспитанниц своих так, чтобы они любили тебя без памяти, и они воспитаются сами собою. Тебя же бог не обидел умом, а потому ты еще более можешь сделать, если только наполнишь свой ум таким запасом, который будет пригоден в рассказы детям. Чего нельзя передать тому, кто нас любит? Чего не примет от нас тот, [он] кто нас любит? Путем

любви можно всё передать человеку. Но довольно об этом предмете. Обратимся к другому. Я тебя пожурил за неумение вести аккуратно счет и в то же время [в то же самое время] дал промах сам, счевши за два года вместо одного, так что, наместо десяти, у меня вышло почти двадцать тысяч. Пожалуста, сверь хорошенько за весь год, то есть подведи точный итог всему расходу и всему приходу в продолжение года. У меня двух месяцев недостает. Насчет ведения приходов и расходов прочитай еще раз всё, что ни было мною писано в письмах. Статья эта вовсе не маловажная, и от нее зависит много всяких улучшений и возможностей умней [ра<зумней>] распорядиться во всем. От упреков моих не приходи в сокрушение: ты видишь — я сегодня попрекну, завтра похвалю. Таков уж человек; в нем пребывает рядом одно с другим: и то, что достойно похвалы, и то, что достойно порицанья. Хотя я тебе кажусь гораздо совершеннее тебя, но во мне также пребывают они рядом, а потому я не смущаюсь ни от какого упрека, но благодарю за него, потому что он заставляет меня построже взглянуть на себя.

Но покаместь довольно. Обними за меня обеих сестер. Христос с тобой! Пиши чаще и больше.

Тв<ой> б<рат>.

На обороте: Доброй сестре моей Елисавете.

А. О. РОССЕТУ
Неаполь. Апреля 15 <н. ст.
1847>

Не знаю, как благодарить вас, добрейший мой Аркадий Осипович, за ваше письмо и сообщенье разных мнений. Если бы мне почаще случалось получать такие письма, даже без сопровождаенья этого доброго вашего участия и любви ко мне, я бы давно уже поумнел гораздо больше, чем я есмь теперь. Но что делать, если ничем и никак не могу я до сих пор никого уверить, [если ничем и никак нельзя мне уверить] что мне слишком нужны всякие толки обо мне, что эта единственная школа моя, что [и что] есть наконец один такой человек, которому следует говорить правду, как бы она жестка ни была, и которому нужны даже те грубые, жесткие слова, которые умеют произносить только ненависть и нелюбовь. Одна из причин печатания моих писем была и та, [также и та] чтобы поучиться, а не поучить. А так как русского человека по тех пор не заставишь говорить, покуда не рассер-

дишь его и не выведешь совершенно из терпения, то я оставил почти нарочно много тех мест, которые заносчивостью способны задраить за живое. Скажу вам не шутя, что я болею незнанием многих вещей в России, которые мне необходимо нужно знать. Я болею незнанием, что такое нынешний русский человек на разных степенях своих мест, должностей и образований. Все [Все эти] сведения, которые я приобрел доселе с невероятным трудом, [хотя я изо всех сил старался приобретать] мне недостаточны для того, чтобы «Мертвые души» мои были тем, чем им следует быть. Вот почему я с такою жадностью хочу знать толки всех людей о моей нынешней книге, не выключая и лакеев. Собственно не ради книги моей, но ради того, что в суждении о ней высказывается сам человек, произносящий суждение. Мне вдруг видится в этих суждениях, что такое он сам, на какой степени своего душевного образования или состоянья стоит, как проста, добра или как невежественна или как развращена его природа. Книга моя в некотором отношении пробный оселок, [камень] и поверьте, что ни на какой

другой книге вы не пощупали бы в нынешнее время так удовлетворительно, что такое нынешний русский человек, как на этой. Не скрою, что я хотел произвести ею вдруг и скоро благодетельное действие на некоторых недугующих, что я ожидал даже большего количества толков в мою пользу, [я ожидал даже толков более в мою пользу] чем как они теперь, что мне тяжело даже было услышать многое и даже очень тяжело. Но как я благодарю теперь бога, что случилось так, а не иначе! Я заставлен почти невольно взглянуть гораздо строже на самого на себя, я имею теперь средство [возможность] взглянуть гораздо верней и ближе на людей, и я, наконец, приведен в возможность уметь взглянуть на них лучше. Что же касается до того, что при этом деле пострадала моя личность (я должен вам признаться, что доныне горю от стыда, вспоминая, как заносчиво выразился во многих местах, почти à la Хлестаков), то нужно чем-нибудь пожертвовать. Мне также нужна публичная оплеуха и даже, может быть, более, чем кому-либо другому. Но дело в том, что обстоятельствами нужно пользоваться:

бог высыпал вдруг целую грудю сокровищ, их нужно подбирать обеими руками. Если вы хотите сделать мне истинно <e> добро, какое способен делать христианин, подбирайте для меня эти сокровища, где найдете. Что вам стоит понемногу, в виде журнала, записывать всякий день хотя, положим, в таких словах: «Сегодня я услышал вот какое мнение; говорил его вот какой человек; жизни он следующей; характера следующего (словом, в беглых чертах портрет его); если ж он незнакомец, то: жизни его я не знаю, но думаю, что он вот что, с вида же он казист и приличен (или неприличен); держит руку вот как; сморкается вот как; нюхает табак вот как». Словом, не пропуская ничего того, что видит глаз, от вещей крупных до мелочей. Поверьте, что это будет совсем не скучно. Тут не нужно ни плана, ни порядка, просто две-три строчки перед тем, как идти умываться. Я даже уверен, что это будет вам приятно, потому что вас будет улаждать постоянно мысль, что вы это делаете для человека, вас очень любящего, которому это будет так радостно, [приятно] как радостно [приятно] ребенку получать перед

праздником наиболее любимую игрушку. Что ж делать, если эта, по-видимому, игрушка в глазах других для меня совсем не игрушка; это в такой степени не игрушка, что если я не наберусь в достаточном количестве этих игрушек, у меня в «Мертвых душах» может высунуться на место людей мой собствен<ный> нос, и покажется именно всё то, что вам неприятно было встретить в моей книге. Поверьте, что без выхода нынешней моей книги никак бы я не достигнул той безыскусственной [высокой] простоты, которая должна необходимо присутствовать [быть] в других частях «М<ертвых> д<уш>», дабы назвал их всяк верным зеркалом, а не карикатурой. Вы не знаете того, какой большой крюк нужно [мне нужно] сделать для того, чтобы достигнуть этой простоты. Вы не знаете того, как высоко стоит простота. Об этом предмете лучше и не рассуждать, а просто помогите.

Что касается до печатания писем, то мое решение [Измерение] вот какое. Издавать ради не пропущенных писем новый том, как советует Плетнев, мне невозможно; у меня есть

занятия, о которых не нужно забывать, а время у меня всё рассчитано; к тому ж появление вторично сочиненья в том же роде не произведет даже и шума. Мне нужно только, чтобы Вяземский снабдил своими замечаниями и поправками. Я потом пересмотрю и выправлю их так, чтобы и без высших рассмотрении простой цензор их пропустил. Поверьте, что всё можно сказать, если только сумеешь умно сказать. Неуспех самых великодушных и благодетельных действий происходит собственно от неразумия нашего. Именно от того, что беспрестанно позабываем умную половицу: «Тех же щей, да пожиже влей». Если на место самоуверенного и гордого совета, произносимого с тоном человека, не думающего, что он может ошибиться, явится просто скромное мнение, [мнение человека, чувствующего, что ему самому нужно многому учиться, изъявленного с чувством собственной неважности чина] — та же мысль пойдет в ход и даже будет принята многими из читающих. Итак, что просто не у места, то выбросится; что умно, то скажется в другом виде; где высунулась собственная моя личность,

там не только ей щелчка, но даже вставится такое место, которое и прежнему уже напечатанному сообщит некоторый тон умеренности. Но во всяком случае эти письма нужно включить в книгу, а не издавать отдельно. Они все-таки возвысят ее [книги] значение, напомнив русскому о России, а не о мне. Не нужно, чтобы эта книга была заброшена. Как она ни исполнена недостатков, но она печаталась [[соста<влялась>] издавалась] не для впечатлений минутных. Ее нужно перечитать несколько раз не только тем, которые ее совсем не поняли, но даже и тем, которые поняли ее лучше других. Там есть несколько [много] душевных тайн, которые не вдруг постигаются. Много принимается совсем не в том смысле, в каком хотел я сказать, даже и людьми весьма умными. [Далее начато: [Итак, вот] Итак, второе] Хорошо, если бы издание в полном виде могло быть отпечатано к сентябрю. [в сентябре] Книга разойдется, потому что можно кое<-что> выпустить, спешествующее к обращению надлежащему (сколько-нибудь) на нее взгляда. Письмо это дайте прочесть Плетневу. Вы меня благодарите

те за то, что я вам доставил случай (хлопотами о моей книге) узнать получше прекрасную душу Плетнева. А я вас благодарю также за сообщение некоторых известий о нем, которые заставили меня полюбить его еще более, чем когда-либо прежде, и заставили меня дорожить еще более его дружбой, которую мне послал бог в виде какого-то прекрасного, тихого утешения, очень нужного в эту эпоху. Я не знаю, с какой бы радостью я теперь обнял его и чего бы не дал за то, чтобы увидеть его, поговорить с ним и обнять его лично. Затем обнимая и его и вас, бесценный мой Ар<кадий> Осипович, и несколько раз благодаря вас за ваши милые строки, остаюсь ваш

Г.

Не могу постигнуть, отчего не пришла ко мне до сих пор ни одна из книг, которые, вы говорите, мне посланы. Всем прочим привозят курьеры всё, даже крупу гречневую, вязигу и икру на кулебяки, а мне ни газетного листочка.

Не позабудьте уведомить <0> получении
этого письма. Адресуйте отныне всё во Франк-
фурт, на имя Жуковского. А ему на имя по-
сольства нашего.

На обороте: S. Pétersbourg. Russie.

Его высокоблагородию Аркадию Осипови-
чу Россети.

В С. Петербург. У Пантелеймона. В доме Бы-
кова.

В. А. ЖУКОВСКОМУ
Неаполь. 17 апреля <н. ст.
1847>

Приятное и грустное письмо твое, бесценный друг мой, я получил. Но прежде всего поговорим о моей неаккуратности. Право, я не так неаккуратен сам, сколько неаккуратны обстоятельства и вокруг меня ворочающиеся происшествия. Я, не медля ни мало, вслед за письмом к Убрилю, написал другое к тебе, с обстоятельным уведомлением о векселе и с приложением расписки в получении третьей тысячи. [части] Прилагаю, на всякий случай, еще раз расписку, если [если что] письмо мое как-нибудь пропало. Но обратимся к сладостно-грустной стороне письма. Разумею высокохристианский подвиг семейства Рейтернов. О, дай бог многим тем (если не всем), которые тщеславятся православием своим и истиною церкви своей и тем, что одни они только спасутся, такую высокую добродетель! Я другого ничего не мог придумать в изъявление моего участия Рейтерну, как послать ему отрывок

из Златоуста, который потрудись им изъяснить как-нибудь по-немецки. Выписываю еще, на всякий случай, из Тертуллиана о воскресении тел. Мне кажется, истина воскресения тел недостаточно объяснена и признана у лютеран. Статья эта покажется Рейтерну очень усладительной, особенно после прочтения Златоуста. Вот она.

Обнимаю вас всех, милые сердцу моему, и через месяц питаю удовольствие обнять вас лично. [обниму вас, может быть, лично]

На обороте: Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

Г. РЕЙТЕРНУ
<17 апреля н. ст. 1847.
Неаполь.>

От Василья Андреевича Жуковского я узнал только недавно, [теперь] что одна из милых дочерей ваших уже не присутствует более с вами в смысле вещественном. Я взял в руки перо с тем, чтобы писать к вам и показать мое участие. Но меня вдруг остановил вопрос: что могу я сказать вам? и чем могу показать свое участие? Кто принял с такою высокою радостью [с таким великодушием] созревшего христианина божье посещение, какие речи можно сказать такому человеку? Ничего не придумал я сделать лучше, как послать вам отрывок из Златоуста. Я уверен, что он придется вам более по сердцу, чем все те слова, какие мог бы я сказать вам. Прощайте. Обнимаю вас от всей души и, если даст бог, через месяц обниму вас лично.

Передайте душевный поклон мой всему вашему милому семейству.

Весь ваш Гоголь.

На обороте: A monsieur

monsieur Reitern.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Апреля 17 <н. ст. 1847.
Неаполь>

От Арк<адия> Осип<овича> Россети я узнал кое-что из тех неприятностей, которые случилось тебе потерпеть от некоторых людей, тебя не знающих и не умеющих ценить. Друг мой, прости им всё. От него же [От Арк<адия>] я узнал о том, что ты много натерпелся из-за меня, слушая всякие толки обо мне. Не знаю, как благодарить за доброту твою. Поверь, что умею ценить бесценную дружбу твою теперь более, нежели когда-либо прежде. А толками не смущайся. Говорю тебе откровенно, что я теперь ежеминутно благодарю бога за то, что книга моя произвела именно эти толки, а не такие, которые были бы в мою пользу. От этих толков я значительно поумнею, как даже и не думают те, которые обо мне толкуют; уже и теперь я заставлен ими гораздо строже взглянуть на самого себя. Без этих толков передо мною не раскрылось бы так общество [и общество] и

люди, которых мне нужно непременно знать; [Далее начато: иначе] у меня долго еще будет всё невпопад, и язык мой не будет доступен для всех, покуда не узнаю так людей, как мне хочется узнать. Поверь, что без этой книги не было бы на чем испробовать ныне<го> человека. А проба эта нужна, и в этом отношении книга моя, несмотря на все ее недостатки, сокровище. Ты сам это испытываешь, если будешь на ней пробовать человека. Он от тебя не скроется в своих сокровенных [даже в своих сокровенных] и главнейших помышлениях, и состояние души его выступит перед тобой как раз. А через это самое ты будешь иметь возможность оказать благодеяние мне, тебя любящему, сообщая наблюдения свои, которые многому меня научат. О делах по книге [по печ<атанию>] я уже писал от 15 апреля Арк<адию> Ос<иповичу>. Письмо это, вероятно, он уже тебе сообщил. Мне кажется, что ты теперь несколько устал, изнурился от хлопот и дел; тебе нужно освежиться. [освежиться и на время отправиться] Удаление летом на дачу или даже в Финляндию не удалит тебя совершенно от того, от чего на время сле-

дует удалиться. Мне кажется, ты бы лучше сделал, если бы взял на месяц или на два отпуск за границу и прилетел бы ко мне морем, в семь дней в Остенде. Переезд морем действует удивительно на силы и на дух. Ты бы тогда привез сам статьи, просмотренные [просмотренные и выправленные] князем Вяземским, с его замечаньями, И захватил бы с собою журналы и книги, потому что я до сих пор не получил ни печатного листка. Мы бы о многом переговорили с тобою и перетолковали, съездили бы вместе даже в Лондон. Из Остенде день езды в Лондон и день езды в Париж. Ни экипажей, ни дорожных запасов [ни дорожной возн<и>] не нужно; везде пароходы и железные дороги, даже к Жуковскому можно съездить по железной дороге. Мне кажется, что ласки дружбы и родные речи о том, что есть родное душам нашим, много бы тебя освежили, и ты с новой бодростью начал бы полезную свою деятельность по возвращении [по приезде] в Петербург. Но соображайся во всем с твоими собственными обстоятельствами и возможность<ми>. Как мне ни радостно было бы с тобой свидание, но я бы не хотел

его купить гиеною пожертвова<ний>. Будь здоров! Христос с тобой! Напиши на это письмо ответ не медля и адресуя [адресуя в] на имя Жуковского. Я подоспею к его получен<ию> во Франкфурт. В Остенде я полагаю пробыть июль и август. Во всяком случае отныне всё следует присылать на имя Жуковского.

Весь твой Г.

На обороте: S. Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству ректору С.-Петербур<гского> императорск<ого> универси<те>та Петру Александровичу Плетневу.

С. П. Бург. На В<асильевском> о<строве>, в университет.

А. О. СМИРНОВОЙ
Апреля 20 <н. ст. 1847>.
Неаполь

Я получил ваши бесценные строчки, моя добрейшая Александра Осиповна. Не бойтесь, я не смущаюсь. Всё, что ни творится относительно меня, творится мне в науку, а потому не смущайтесь и вы и, пожалуйста, не верьте никаким рассказам обо мне, кроме разве тех, которые услышите от меня самого. В письме к Аксакову вовсе не было изложено мысли или опасений моих, что общество, дескать, не созрело для моих писем: ее вывели умники сами собою. Вы видите, что они из книги [даже из книги] моей выводят тоже не то, что в ней есть, а то, что им хочется вывести. Всякому хочется основать свою точку взгляда затем, чтобы красно поговорить и самому порисоваться; отсюда католицизмы, формализмы и всякие измы. Таким образом вам тоже кто-то наврал, что я в Риме, тогда как до сих пор из Неаполя я никуда [до сих пор никуда] ноги не заносил. Держитесь тех

адресов, которые я вам даю, и если не получите нового, продолжайте по старому. Мне жалко, что ваше милое письмецо скиталось почти два месяца. [Далее начато: Что касается] Еще одна к вам просьба: [усердная просьба] не спорьте обо мне никогда ни с кем из людей умных (разумею особенно тех, которые живут в уме своем, а не преимущественно в душе и сердце) и никогда не сердитесь ни на кого из-за меня, и боже вас сохрани с кем-нибудь поссориться из-за меня! Лучше собирайте всё, что ни говорится обо мне, и всё мне передавайте. Меня ничто не смутит, если бог меня не оставит, а бог милостив, — ему ли оставить меня, если я искренно молюсь ему, молясь о том, чтобы уметь ему вечно молиться, и если много людей ему угодных и лучших возносят за меня грешного жаркие молитвы? Но мне нужно непременно всех выслушать, чтобы поступить умно. Путь мой тверд, и я до сих пор один и тот же, с некоторыми улучшениями (по милости божией). Но я так уже устроен, что мне нужны нападения, брани и даже самые противоположные толки обо мне, чтобы взгляд мой на самого себя был ясен и

чтобы дорога моя была передо мною ясна и не только ничем не потемнилась, но даже прояснялась бы, чем дальше, больше. Все эти брани, толки, противуречия обо мне еще также нужны [мне также нужны] затем, чтобы показать мне гораздо [так] ближе общество, как никому другому оно не может показаться. Заметили ли вы одно необыкновенное свойство моей книги, какое вряд ли имела доселе какая-нибудь книга? Именно то, [Именно то свойство] что она, несмотря на все бесчисленные свои недостатки, может служить пробным камнем для узнания нынешнего человека? В сужденьях своих о ней обнаружится перед вами весь человек, даже позабывши свою осторожность. [осторожность насчет многого] Это весьма не безделица для писателя, а особливо такого, для которого предметом стал не шутя человек и душа человека. Бог недаром отнял у меня на время силу и способность производить произведения [прекрасные произведения] искусства, чтобы [затем, чтобы] я не стал произвольно выдумывать от себя, не отвлек<ался> бы [не отвлек<ался> никак] в идеальность, а держался

бы самой существенной правды. И правда Руси передо мной теперь выступила, [выступила так] как никогда прежде. Не нужно только зевать, а подбирать всё, потому что другой такой благоприятной минуты, заставившей даже многих, скрытных людей расстегнуться нараспашку, не скоро дождешься. Вот почему мне так дороги все толки, даже и людей, по видимому, самых простых и глупых: они мне открывают [они мне все-таки хоть сколько-нибудь открывают] их душевное состояние. Ответ на это письмо вы адресуйте во Франкфурт, на имя Жуковского. Мая первых чисел я отсюда выезжаю. Лето провожу на водах, июль и август в Остенде на морском купаньи, [Далее начато: кото<рое>] а оттуда на осень в Италию, дабы оттуда в Иерусалим. А у гроба господня укреплюсь и духом, и телом, да и может ли быть иначе? Бог милостив. Не он ли сам внушил стремленье поработать и послужить ему? Кто же другой может внушить нам это стремленье, кроме его самого? Или я не должен ничего делать на прославление имени его, когда всякая тварь его прославляет, когда и бессловесные слышат силу

его? Мне ставят в вину, что я заговорил о боге, что я не имею права на это, будучи заражен и самолюбием, и гордостью, доселе неслыханною. Что ж делать, если и при этих пороках все-таки говорится о боге? Что ж делать, если наступает такое время, что невольно говорится о боге? Как молчать, когда и камни готовы завопить о боге? Нет, умники не смутят меня тем, что я недостойн и не мое дело, и не имею права: всяк из нас до единого имеет это право, все мы должны учить друг друга и наставлять друг <друга>, как велит и Христос и апостолы. А что не умеем выражаться мы хорошо и прилично, что иногда выскочат слова самонадеянности и уверенности в себе, за то бог и смиряет нас, и нам же благодетельствует, посылая нам смирение. Если бы книга моя сделала успех и много бы людей было на моей стороне, тогда бы, точно, могла бы овладеть мною гордость и все те пороки, которые мне приписывают. Теперь, вследствие всех этих толков осмотревшись со всех сторон на себя, я могу [могу теперь] заговорить таким взвешенным и умеренным голосом, что трудно будет им придрататься ко мне. Но я загово-

рился с вами, друг мой. Прощайте, не позабывайте меня: Пишите почаще. Будем молиться — и всё будет хорошо. Просите обо мне молиться по-прежнему всех умеющих молиться людей. Просите молиться именно о том, чтобы отогнал от меня бог духа обольщения, гордости и всех тех пороков, которыми попрекают меня, и чтобы не отходил от меня мой ангел-хранитель. Да содержит [поставит] <его> [Это слово в подлиннике вырвано] бог и при вас неотлучно.

Весь ваш Г.

На обороте: Kalouga. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В Калуге.

А. А. ИВАНОВУ
Неаполь. Апреля 22 <н. ст.
1847>

Благодарю вас, мой добрый Александр Андреевич, за ваше скорое доставленье моего письма Чижову. Если будете писать к нему, то уведомите, что я послал ему ответ в Венецию сегодня. На адресе выставил по-итальянски Cigioff, не зная, так ли или нет пишется, а потому пусть он попросит почтового чиновника пошарить в букве С. А вы будьте покойны и не страшитесь больше никаких от меня писем. Упреков от меня больше не будет. Будьте беззаботны [будите покойны] насчет будущего: оно в руках того, кто всех нас умнее. Мы с вами переговорим и перетолкуем на словах обо всем тихо, рассудительно и так, что останемся оба довольны друг другом. Затем обнимаю вас и вместе с вами и доброго вашего братца. Если будет время, напишите что-нибудь о Риме: кто теперь там сидит и кто остается до 10 мая из приезжих? Я полагаю около этого времени — и даже скоро по-

сле 5-го мая — быть в Риме. Федору Ивановичу передайте также поклон, если он не позабыл меня посреди упоений от лицезрения того предмета, [от лицезрения наконец того предмета, к которому] ради которого был надолго позабыт гравчик и который, как я слышал, находится теперь в Риме.

Весь ваш Г.

На обороте: Roma. Al signore Alessandro Iwanoff (Russo).

Roma. Antico Caffè Greco nella via Condotti, vicina alla piazza di Spagna.

А. А. ИВАНОВУ
22 апреля <н. ст. 1847.
Неаполь>

Едва только я написал [полу<чил>] к вам письмо, как получил от вашего братца извещение о том, что вы сделались больны. В тот же час я отправился к Циммерману и передаю вам всё, что он объявил. Он полагает, что это явление чисто геморроидальное. Пластыря к груди не нужно, но к заднему проходу необходимо нужно приставить побольше пьявок, принять несколько слабительных и несколько ванн с отрубями. Призвать можете Аллерса и ему всё это сообщить. Ехать теперь он вам полагает ненужным. Если ж и ехать, то не прежде, как поправитесь; дорога вас теперь взволнует. Ради бога, успокойтесь и не смущайте себя ничем. Мне очень прискорбно, если и я участвовал также неуместными моими письмами к вашему огорчению. Но возложите несокрушимое упование на бога. Он вас вынесет повсюду. Обо всем прочем переговорим лично.

Прощайте.

Весь ваш.

На это письмо дайте ответ хотя через вашего доброго братца, которого благодарю много за то, что он мне сообщил немедля о вас.

На обороте: Roma.

Al Signore

signore Alessandro Iwanoff (Russo).

Roma. Caffè Greco nella via Condotti, vicina alla piazza di Spagna.

А. О. РОССЕТУ
Апреля 24 <н. ст. 1847.
Неаполь>

Уведомляю вас, бесценный Аркадий Осипович, что, наконец, книги [книги мои] получены сего апреля 23 числа. Именно следующие: 2 номера «Соврем<енника>» и два номера «Отечественных Записок», два охалка «Северной Пчелы» и биография Крылова. Зачем не пришли мои «Выбранные места» и в каких местах они теперь пребывают, этого никак не могу понять. Скажите Плетневу, что я читаю биограф<ию> Крылова с таким удовольствием, с каким давно не читал никакой русской книги. Она имеет интерес даже для ребенка и, вероятно, сделается у нас книгой народной. Теперь, как вижу я, он остался в большом выигрыше, сдавши с рук «Современник». Он теперь гораздо больше усредоточится в своих собственных силах. Кто созрел для книги, тому нечего издавать журнал. Это дело молодости. Я писал к нему от 17 апреля вслед за благодарственным письмом вам от 15 апреля.

Уведомьте меня о получении как вашего, так и его письма. Теперь, я полагаю, много отправляется за границу, а потому вы можете упросить свезти для меня несколько книг или в Остенде, или во Франкфурт. Я бы желал получить ныне вышедшие повести Даля и две части «Петербургских вершин» Буткова. Вообще всё, что только зацепило хоть сколько русского человека и его жизни, мне теперь очень нужно. Обнимаю вас от души и жду вновь приятных ваших строчек.

Весь ваш Г.

Адресуйте к Жуковскому.

На обороте: Pétersbourg. Russie.

Его высокоблагородию Аркадию Осиповичу Россети.

Петербург. Против Пантелеймона, в доме Быкова.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Апреля 27 <н. ст. 1847>.
Неаполь

Благодарю очень за милое письмецо твое от 22 марта. Мне было так приятно читать его! Прежде всего поговорим о Погодине, то есть о моем печатном отзыве о Погодине. По-забыл я <о> моих словах [словах о Погодине] потому, что, право, [совсем] не думал писать их в том смысле, в каком они кажутся тебе (хотя я сам изумился резкости слов моих, когда прочел в печати). Причиной неверности твоего вывода моя же статья. Таково действие всякого сочинения, в котором рассматривается половина дела, а не всё дело. Умолчавши о достоинствах, вывести недостатки — всегда будет казаться отверженьем и непризнаньем достоинств. Я вовсе не хотел попрекнуть [не хотел сказать] Погодина за то, что он работал тридцать лет, как муравей, но за то, что он не умел поступить так, чтобы увидали все, что он тридцать лет, как муравей, работал для добра. Статьи этой не нужно уничтожать, но

вслед за ней я помещу письмо к тебе, под заглавием: «О достоинстве сочинений <и> литературных трудов Погодина» — и мы увидим, в состоянии ли эти [все эти] недостатки затмить те его достоинства, которые принадлежат ему одному и которых никто другой не имеет. Мы рассмотрим также и то, умеет ли теперь кто-нибудь из нас так любить Россию, как любит он. Поверь, что статья эта теперь будет гораздо полезней для сочинений Погодина. Тем более, что после моих жестких слов о Погодине меня никто не станет упрекать в лицеприятии. Я не отрекусь от моих нападений, но рядом с ними выставлю только, что следует взять на вески, когда произносишь полный суд над человеком. Скажу тебе также несколько слов о замечании [о прежнем замечании] твоём в прежнем письме на статью мою «О лиризме русск<их> поэтов» и о всем, что ни сказано о монар<хической> власти по поводу стихотвор<ения> Пушкина. Я не отвечал на это потому, что, не имея моей книги, не знал, в каком виде напечатана эта статья. Теперь, скрепясь духом, пробежал [пробежал духом] Это просто бессмыслица. Статья эта

[Она] и у меня в рукописи выходила довольно темна, а с этими, непонятными даже для меня, обрезываньями цензуры даже таких мест, которых непропуск можно только приписать к какому-нибудь особенному умыслу самой цензуры, — просто путаница. Не говоря о разных вещах [Не говоря уже о том] поважнее, прилагаю тебе здесь непропущенный листок, служащий ответом на твой запрос о стихотворении Пушкина. Несмотря на всю неприятность, которую с первого раза нанес мне жалкий вид статьи моей и толки, разнесшиеся в публике, о моем низкопоклонстве, я потом не только успокоился, но даже обрадовался и жду только того, чтобы на меня побольше напали со всех сторон за эту статью и, если можно, даже в Европе. Тогда только я получу голос и, в виде оправданья, могу заговорить, наконец, о том, каким образом богатством милости и всепрощающей любви может уподобиться монарх богу. Много есть вещей, которых по тех пор не найдешь, как сказать, покуда не нападут на тебя. Мысль статьи этой была добрая. Поверь, что нам всем следует уметь прощать и помнить ежеминутно о том,

что уменьем прощать мы более всего можем уподобиться богу.

Слово о моем отречении от искусства. Я не могу понять, отчего поселилась эта нелепая мысль об отречении моем от своего таланта и от искусства, тогда как из моей же книги можно бы, кажется, увидеть было, хотя некоторые, какие страдания я должен был выносить из любви к искусству, желая себя приневолить и принудить писать и создавать тогда, когда я не в силах был, когда из самого предисловия моего к второму изданию «Мертв<ых> душ» видно, как я занят одною и тою же мыслью и как алчу забрать тех сведений, которые мне нужны для моего труда. Что ж делать, если душа стала предметом моего искусства, виноват ли я в этом? Что ж делать, если заставлен я многими особенными событиями моей жизни взглянуть строже на искусство? Кто ж тут виноват? Виноват тот, без воли которого не совершается ни одно событие.

Появление моей книги, несмотря на всю ее чудовищность, есть для меня слишком важ-

ный шаг. [Далее начато: может быть] Книга моя имеет свойство пробного камня: поверь, что на ней испробуешь как раз нынешнего человека. В суждениях о ней непременно выскажется человек со всеми своими помышлениями, [со всеми своими сокровенными помышлениями] даже теми, которые он осторожно таит от всех, и вдруг станет видно, на какой степени своего душевного состояния он стоит. Вот почему мне так хочется собрать все толки всех о моей книге. [Далее начато: эти толки где нужней] Хорошо бы прилагать при всяком мнении портрет того лица, которому мнение [оно] принадлежит, если лицо мне незнакомо. Поверь, что мне нужно основательно и радикально пощупать общество, а не взглянуть на него во время бала или гулянья. Иначе у меня долго еще будет всё невпопад, хотя бы и возросла [возвратилась] способность творить. Я очень жалею, что не попали в мою книгу письма к разным должностным и государственным людям. Меня бы, конечно, тогда разобрали бы еще больше. Сказали бы еще более: не в свое дело залез и впутался, но тем не менее по поводу этих ста-

тей обнаружилось бы передо мною многое внутри России. И многие, в желании доказать мне мои ошибки, стали бы рассказывать те вещи, которые именно мне нужны. А этих вещей никакими просьбами нельзя вымолить. Одно средство: выпустить заносчивую, задирающую книгу, которая заставила бы встретиться всех. Поверь, что русского человека, покуда не рассердишь, не заставишь заговорить. Он всё будет лежать на боку и требовать, [ожидать] чтобы автор попотчевал его чем-нибудь примиряющим с жизнью (как говорится). Безделица! как будто можно выдумать это примиряющее с жизнью. Поверь, что какое ни выпусти [ни выпусти я теперь] художественное произведение, оно не возымеет теперь влиянья, если нет в нем именно тех вопросов, около которых ворочается нынешнее общество, и если в нем не выставлены те люди, которые нам нужны теперь в [и в] нынешнее время. Не будет сделано этого — его убьет первый роман, какой ни появится из фабрики Дюма. Слова твои о том, как чорта выставить дураком, совершенно попали в такт с моими мыслями. Уже с дав-

них пор только о том и хлопочу, чтобы после моего сочинения насмеялся вволю человек над чортом. Я бы очень желал знать, откуда происхождением тот старик, с которым ты говорил. Судя по его отзыве о чорте, он должен быть малороссиянин. Жду с нетерпением всех печатных критик. [Далее было: чтобы увидеть, в чем именно меня обвиняют] Отныне адресуй всё к Жуковскому. Из Неаполя отправляюсь на днях. Июнь буду близ Франкфурта на водах. Конец июля, весь август и начало сентября буду на морском купаньи в Остенде, которое одно доселе мне помогало. Осенью вновь в Неаполь затем, чтобы оттуда на Восток. Не забудь прислать с какой-нибудь оказией те книги, о которых я просил, то есть русские летописи и «Русские праздники» Снегирева. А если [если бы] накопятся деньги, то памятники раскрашен<ные> Москвы Снегирева. При сем отдай письмо Щепкину и напиши мне, что он скажет на него в ответ. Обнимаю тебя от всей души. Ради бога, не забывай меня и пиши ко мне. Письма ко мне любящих меня — сущие для меня благодеяния, почти то же, что милостыня нищему.

Не сердись на мой дурной почерк, изломанный слог, недописки и поправки. Не забывай, что это неотлучные приметы человека, который еще строится и хлопочет около своей постройки.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ
Неаполь. Апрель <я> 28 <н. ст.
1847 >

Давно уже я не писал к тебе. Ты также давно не писал ко мне. Если ты думаешь (особенно после прочтения моей книги), что я переменялся или стал не тот, что был прежде, то скажу тебе, что я всё тот же и почти то же самое люблю, что любил в юности моей, хотя и не открывал никому многих сокровенных чувств; разница вся в том, [разница только в том] что теперь многое во мне стало проще (по книге не суди) и что я больше, чем когда-либо, люблю старинные мои связи и прежних друзей моих, особенно тех, с которыми от незабвенного Нежина началась моя дружба. А потому напиши мне хоть несколько словечек о себе: что ты теперь делаешь? что приходит тебе на мысли? как тебе живется и как всё, что составляет домашний круг твой, и всё, что вокруг тебя? Этим ты меня очень порадуешь, если тебе приятно меня порадовать. Письма адресуй на имя Жуковско-

го, в Франкфурт. От Данилевского я получил письмо, который также о тебе спрашивает. Он также о тебе не знает ничего. [Далее начато: А если ты распишешься] Уведоми меня также о всех изустных толках, какие тебе случается слышать о моей книге. Я бы очень желал знать, что говорят о ней разные чиновники средней руки, всех сортов учителя, равно как и люди нам обоим с тобой знакомые. Прощай! Более не распространяюсь, потому что пишу наугад, не зная, по-прежнему ли ты живешь в 9 линии и придет ли к тебе в руки письмо мое. Не поскупись и пиши побольше.

Обнимаю тебя.

Твой Г.

На обороте: Pétersbourg. Russie.

Его высокоблагородию Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В С. Петербурге, на Васильевском острове, в 9 линии, между Большим и Средним про-

спект<ами>, в собствен<ном> доме.

Ф. А. МОЛЛЕРУ <?>
29 апреля <н. ст. 1847.
Неаполь>

Я получил от брата Александра Андреевича Иванова известие, что сам Ал<ександр> Андр<еевич> болен стесненъем в груди, с просьбой, чтобы я посоветовался по этому поводу с Циммерманом. Я отправился тот же час к Циммерману и всё, что получил от него в ответ, написал в письме, пущенном отсюда третьего дня. А потому прошу вас убедительно — немедленно навеститься к Иванову и узнать, получил ли он это письмо вместе с другим, предыдущим, отправленным того же дни. Оба были адресованы в кафе Gresco. Если ж, на случай, он их не получил, то вот вам вновь предписанье Циммермана. Стесненье и боль в груди и сердце есть явленье геморроидальное, а потому следует не к груди прикладывать какие-либо средства, но оттянуть кровь к противоположным частям, именно, приставивши изрядное количество пьавок к заднему проходу, принять в то же время

несколько слабительных и несколько успокоительных ванн с отрубями, умеренной температуры, то есть от 26 до 27 градусов и никак не выше, потолковавши обо всём этом с доктором Аллерсом. [Далее начато: Теперь] Так я написал и в письме. Теперь же подвертывается под руку обстоятельство еще лучшее. Сам Циммерман едет завтра вместе с кн<язем> Волконским и, вероятно, в понедельник вечером они будут оба в Риме. А потому объявите об этом Иванову. Скажите также, что и о нем, то есть относительно его дела, кое-что переговорено. Но самое лучшее с его стороны даже и не помышлять и не расспрашивать никого об участи его дела. Я хотя человек сам по себе и не очень важный, но устрой так, что в Петербур<ге> всем обнаружилось производительное дело — картина Иванова — и теперь смекнули даже и недалёкие умом, что Иванова торопить никак не следует. Я это ему давал знать и в письмах, которые так огорчили его (что для меня до сих пор загадка), прося его положиться хоть сколько-нибудь на меня и не беспокоиться. Но я не знаю, почему он не поверил моим словам, тогда, когда после ме-

ня Апраксин, молодой человек, почти ему незнакомый, сказал ему те же слова, не объясня даже причин, [не объясня ему и причин] на которых он их основал, и он ему поверил и успокоился. Правда, в письмах моих были жесткие слова, но я их нарочно поставил с тем, чтобы дать ему случай этими же самыми словами попрекнуть себя самого за свое малодушие. Слова эти были те же самые, которые я употреблял весьма часто в разговоре и за которые он никогда не сердился. Но теперь только вижу, какая разница сказать то же самое в письме и на словах. Скажите ему, что я прошу у него прощенья. Я не только не думал оскорбить его, но даже хотел излечить от беспокойства и, как плохой доктор, не попал, как следует, в болезнь. Но до свидания.

Весь ваш Г.

Около 10 мая, а может и прежде, надеюсь, увидимся. На письмо это ответ, однако ж, напишите немедленно, чтобы я знал, что оно вами получено.

М. П. ПОГОДИНУ
Апреля 30 <н. ст. 1847>.
Неап<оль>

Благодарю тебя за твои усладительные строки, хотя их было очень много. Пожалуста, пиши ко мне. Не избирай для этого времени. Но пиши на небольших лоскутках, какие тебе попадутся под руку, — всё, что ни просится в тебе излиться. Поверь, что ты найдешь сердце, способное разделить всякое сердечное движение твое. Чувствую, что только теперь начинаю быть достойным дружбы и могу быть полезным другу. Вот тебе покуда известие о моих местопребываниях: отсюда я отправляюсь первых, чисел мая. Весь июнь и начало июля во Франкфурте (то есть на водах близ Франкфурта). Август и начало сентября — в Остенде на морском купаньи, которое доселе было единственным средством, мне помогавшим. На осень — в Италию, чтобы отсюда отправиться к святым местам. Если ты еще не переменял своего намерения, как бы нам хорошо было теперь отправиться вместе.

Мы [Мы бы] были бы очень теперь нужны друг другу. Помощь брата, необходимая на всяком пути в нашей жизни, становится еще необходимей, когда путь этот — богомолье. Передай при сем приложенные два письмаца твоим матушкам. Затем от всей души тебя обнимаю и целую твоих деток.

Твой Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокородию Миха<и>лу Петровичу Погодину.

В Москве. Близ Девичьего монастыря, в собствен<ном> доме.

А. М. ПОГОДИНОЙ
<30 апреля н. ст. 1847.
Неаполь.>

Здравствуйте, моя добрая Аграфена Михайловна! Хотя очень много времени прошло с тех пор, как мы с вами расстались, но я не позабыл ни доброты вашей, ни вашего радушного гостеприимства и помышляю с удовольствием о том, когда приведет нас бог опять увидеться. Уведомляю вас, что если любезный сын ваш Михаил Петрович отправится к святым местам, то он найдет во мне верного попутчика. Я в дороге человек очень расторопный, умею заpastись и съестными припасами, и всем, что нужно для пути, а потому вы на этот счет будьте совершенно покойны. Мы за вас помолимся у гроба господня, а вы за нас помолитесь в Москве. Во всяком случае, желая вам полученья всего того, о чем вы молитесь, остаюсь всегда признательный вам

Н. Гоголь.

А. А. ИВАНОВУ
<Конец апреля н. ст. 1847.
Неаполь.>

Александр Андреевич! Циммерман не будет в Риме, а потому исполните все его предписания, посоветовавшись с Аллерсом.

Весь ваш Г.

До свиданья!

М. И. ГОГОЛЬ
Неаполь. Мая 3 нов. стиля
<1847>

Я получил письмо ваше от 12 марта, исполненное упреков. Простите меня: я перед вами виноват. Виноват также и перед моими добрыми сестрами, которые меня искренно и нелицемерно любят и которым я показал, как бы вовсе не замечаю любви их. У меня был некоторый свой умысл: получая сам отсюда упреки, любя упреки и находя [находя в них] неоцененную пользу для души моей от всяких упреков (даже и несправедливых), я хотел прислужиться и вам тем же. Я хотел попрекнуть вас, и особенно сестер, с тем, чтобы уже никогда [никогда не давать] ни в чем не попрекать. [не попрекать вас] Я не имел намерения оскорбить их. Поверьте, что я совсем не думаю, чтобы кто-нибудь из них [из вас] был бестолков в делах жизни. Если бы я вам сказал откровенно, что я о каждой из вас думаю, то слова мои могли бы даже оскорбить вашу скромность. Скажу вам искренно, что я

горжусь вами: вами горжусь, что вы — мать моя, сестрами — что они сестры мои. Но, зная по себе, как способны мы задремать, когда окружающие нас люди говорят нам [видят в на<с>] об одних только наших достоинствах и ни слова не упоминают о недостатках наших, я принял на себя на время мне не принадлежащую должность, видя, что никто другой, кроме меня, не отважился бы взять ее. [не взял бы ее] Упрек мой в распоряжениях и расходах экономических был совершенно несправедлив. Это я увидел ясно из вашего письма, где вы означили обстоятельно, на какие именно потребности забираются товары у разносчиков и в лавках. Если бы отчеты Лизы были несколько аккуратней и подробней, как я просил, то я бы, может быть, вовсе не сделал его. Я имел в виду не столько попрекнуть сестер за сделанное [сделанное уже] дело, сколько напомнить вообще об аккуратности впредь, которой вообще у всех нас, грешных русских людей, очень мало, начиная с меня. Еще раз прошу прощения, как у вас, маминька, так равно и у всех сестер. Отныне не только вы, которой, как матери, я не имею

права давать упреков, но даже никто из моих сестер не получит от меня они за что выговора. И скажу вам искренно, что я очень рад, сложивши с себя наконец эту неприятную и мне не принадлежащую должность. Не сердитесь же на меня. Помните только то, что перед вами вновь стоит вам благодарный и признательный сын ваш. А сестры пусть вспомнят вновь то, что я говорил им всегда: что они мне все равно дороги сердцу моему и всех их люблю с равной любовью, и если покажется которой-нибудь из них, что я лучше люблю другую, то она может вдруг сама стать на ее место и быть завтра же мне еще ближайшей. Также никто из них не должен смущаться тем, если я пишу к одной, а к другой не пишу: завтра же я напишу к другой. Вновь повторяю вам, если вы думаете, что я уверен в совершенстве моем и в том, что я могу учить других, вы впадете в то же самое заблуждение, в которое впали и другие. Никогда еще я не чувствовал так живо, что я ученик, что мне нужно многому учиться, и никогда еще не сгорал я таким желанием учиться. Письмо ваше, исполненное мне выговоров, я

принял с благодарностью. Говорю вам это искренно и перечитаю его несколько раз, потому что мне это очень нужно. Не сердитесь же на меня. Меня это очень огорчит, тем более, что я и без того неспокоен. [несколько неспокоен] Я [И] чувствую уже и без того упрёки совести на душе своей. Я надеюсь, вы уже получили письмо мое от 6-го апреля, в котором было вложено письмо к Лизе. В нем я также писал вам о моем маршруте. Письма адресуйте во Франкфурт-на-Майне, по прежнему адресу. Обнимаю вас всех от всей души.

Г.

О получении этого письма меня уведомьте. Отсюда я выезжаю на днях.

На обороте: Poltava. Russia.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.

В Полтаве. Оттуда в д<еревню> Василевку.

Russia.

А. А. ИВАНОВУ

<6 мая и. ст. 1847. Неаполь.>

Уведомляю вас, Александр Андреевич, что я выезжаю из Неаполя во вторник 11 мая, стало быть скоро, пополудни на другой день, как уверяют управляющие конторою дилижансов, буду у вас в Риме. А потому, если пожелаете встретить меня, то приходите между двенадцатью и часом в догану [контору] (в среду, 12-го). Но помните, что случается дилижансу иногда и опоздать, а потому не смущайтесь замедленьем. До свиданья!

Ваш Г.

На обороте: Roma.

Al signore Alessandro Iwanoff (Russo).

Roma. Caffè Greco. Via Condotti. Vicina alla piazza di Spagna.

М. А.

КОНСТАНТИНОВСКОМУ Неаполь. 9 мая <н. ст. 1847>

Что могу сказать вам в ответ на чистосердечное письмо ваше? Благодарность! Вот первое слово, которое я должен сказать вам, хотя очень хотелось бы мне иметь от вас не такое письмо. Все слова ваши, как о евангельском значении милостыни, так и о прочем — святая истина. В них я убежден, против них не спорю, а между тем в книге моей изложено так, как бы я был против этого. Как изъяснить это явление? Скажу более: статью о театре я писал не с тем, чтобы приохотить общество к театру, а с тем, чтобы отвадить его от развратней стороны театра, от всякого рода балетных плясавиц и множества самых страннных пиес, которые в последнее время стали кучами переводить с французского. Я хотел отвадить от этого указанием на лучшие пиесы и выразил всё это таким нелепым и неточным образом, что подал повод вам думать, что я посылаю людей в театр, а не в цер-

ковь. Храни меня бог от такой мысли! Никогда я не имел ее даже и тогда, когда гораздо меньше чувствовал святынню святых истин. Я только думал, что нельзя отнять совершенно от общества увеселений их, но надобно так распорядиться с ними, чтобы у человека возрождалось само собою желание после увеселения идти к богу — поблагодарить его, а не идти к черту — послужить ему. Вот была основная мысль той статьи, которую я не сумел хорошо написать. Скажу вам нелицемерно и откровенно, что виной множества недостатков моей книги не столько гордость и самоослепление, сколько незрелость моя. Я начал поздно свое воспитание, в такие годы, когда другой человек уже думает, что он воспитан. Обрадовавшись тому, что удалось в себе победить многое, я вообразил, что могу учить и других, издал книгу и на ней увидел ясно, что я — ученик. Желание и жажда добра, а не гордость, подтолкнули меня издать мою книгу, а как вышла моя книга, я увидел на ней же, что есть во мне и гордость, и самоослепление, и много того, чего бы я не увидал, если бы не была издана моя книга. Эта строптивость,

дерзкая замашка, которая так оскорбила вас в моей книге, произошла тоже от другого источника. Воспитывая себя самого суровою школою упреков и поражений и находя от них пользу существенную душе, я был не шутя одно время уверен в том, что и другим это полезно, и выразился грубо и жестко. Я позабыл, что голосом любви следует говорить, когда хочешь чему поучить других, и чем святее истина, тем смиреннее нужно быть тому, который хочет возвещать о ней. Я попался сам в тех самых недостатках, в которых попрекнул других. Словом, всё в этой книге обличает невоспитанье мое. Бог дал большое именье, множество в нем всяких угодий и удобств, земли не окинешь глазом, а сам управитель, которому поручено это именье, еще не умеет управлять им. Вот вам портрет мой! Сил много, но уменья править этими силами мало, — может быть, от того самого, что слишком много дано сил. Не могу скрыть от вас, что меня очень испугали слова ваши, что книга моя должна произвести вредное действие и я дам за нее ответ богу. Я несколько времени оставался после этих слов в состоянии упасть ду-

хом, но мысль, что безгранично милосердие божие, меня поддержала. Нет, есть хранящая святая сила, которая не дремлет в мире, которая направляет к хорошему даже и то, что от дурного умысла произвел человек. А книга моя не от дурного умысла: мое неразумие всему причиною; зато бог и наказал меня, наказал меня тем, что все до единого вопиют против моей книги, хотя и разнообразны до бесконечности причины этих криков. Но как милостиво и самое наказание его! В наказание он дает мне почувствовать смирение — лучшее, что только можно дать мне. Каким бы другим образом я мог взглянуть <на> себя, если бы не посыпались на меня градом со всех сторон упреки и обвинения? (Если бы кто увидал те жесткие письма, исполненные упреков, которые я получаю во множестве отовсюду, и прочитал бы те статьи, которые теперь печатаются во множестве против меня, у него б закружилась на время голова). Вы сами, верно, знаете, что от людей близких и всегда с нами живущих не услышишь осуждения: за наши небольшие им услуги, иногда даже просто за одну ровность нашего харак-

тера, они уже готовы почитать нас за совершеннейшего человека. Но когда раздадутся со всех сторон крики по поводу какого-нибудь публичного нашего действия и разберут по нитке всякую речь нашу и всякое слово, и когда, руководимые и личными нерасположениями, и недоразумениями, станут открывать в нас даже и то, чего нет, тогда и сам станешь искать в себе того, чего прежде и не думал бы искать. Есть люди, которым нужна публичная, в виду всех данная оплеуха. Это я сказал где-то в письме, хотя и не знал еще тогда, что получу сам эту публичную оплеуху. Моя книга есть точная мне оплеуха. Я не имел духу заглянуть в нее, когда получил ее отпечатанную: я краснел от стыда и закрывал лицо себе руками при одной мысли о том, как неприлично и как дерзко выразился о многом; отсутствие мест, выпущенных цензурою и не замененных ничем другим, разрушивши связь и сделавши темным, почти бессмысленным многое, еще более увеличило недостатки ее в глазах моих. Итак, книга моя, прежде чем быть полезной для других, полезна и для меня, и это считаю знаком ко мне милости бо-

жией. Мне нужно зеркало, в которое я должен глядеться всякий день, чтобы видеть мое неряшество. Что же до влияния на других, то мне как-то не верится, чтобы от книги моей распространился вред на них. За что богу так ужасно меня наказывать? Нет, он отклонит от меня такую страшную участь, если не ради моих бессильных молитв, то ради молитв тех, которые ему молятся обо мне и умеют угрождать ему, ради молитв моей матери, которая из-за меня вся превратилась в молитву. Теперь я собираю весьма тщательно толки о моей книге со всех сторон, равно как и отчет о всех впечатлениях, ею производимых. Сколько могу судить по тем, которые доселе имею, книга моя не произвела почти никакого впечатления на тех людей, которые находятся уже в недре церкви, что весьма естественно: кто имеет у себя дома лучший обед, тот не станет по чужим домам искать худшего; кто добрался до самого родника вод, тому незачем бегать за полугрязными ручьями, хотя бы и они стремились в ту же реку. Напротив, из тех, которые находятся в недре церкви и действительно веруют, многие даже вооружи-

лись против моей книги! и стали еще бдительнее на страже собственной своей души. Книга моя подействовала только на тех, которые не ходят в церковь и которые не захотели бы даже выслушать слов, если бы вышел сказать им поп в рясе. Если это правда и если, точно, некоторые пошатнулись в неверии своем и пошли хотя из любопытства в церковь, то это одно уже может меня успокоить. Там, то есть в церкви, они найдут лучших учителей. Достаточно, что занесли уже ногу на порог дверей ее. О книге моей они позабудут, как позабывает о складах ученик, выучившийся читать по верхам. Причину этого для вас, может быть, странного явления я могу объяснить тем, что в книге моей, несмотря на все великие недостатки ее, есть, однако же, одна только та правда, которую заметили немногие. В ней есть душевное дело, исповедь человека, который почувствовал сильно, что воспитанье наше начинается с тех только пор, когда кажется, что оно уже кончилось. Там изложен отчасти и процесс такого дела, понятный даже и не для христианина, несмотря на неточность моих слов и

выражений, непонятных для не страдавшего теми недугами, какими страждут неверующие люди нынешнего времени. Мне кажется, что если кто-нибудь только помыслит о том, чтобы сделаться лучшим, то он уже непременно потом встретится со Христом, увидевши ясно, как день, что без Христа нельзя сделаться лучшим, и, бросивши мою книгу, возьмет в руки Евангелие. И потому-то, я думаю, напрасно не обратили внимания на эту сторону моей книги все те, которые имеют дело с душою человека. Мне кажется, что следовало бы даже, отбросивши на время в сторону все оскорбляющие слова, резкие выражения и даже целиком те статьи, на которых отразилось мое несовершенство, недостатки и невежество, прочитать внимательно и даже несколько раз некоторые статьи, особенно те, где ум не может быть вдруг судьей и которые проверить можно только собственной душой своей. Как бы то ни было, но если вы заметите, что книга моя произвела на кого-нибудь вредное влияние и соблазнила его, уведоьте меня, ради самого Христа, обстоятельно и отчетливо, не скрывая ничего. Мне нужно

знать это. Бог милостив: если он попустил меня сделать злое дело, то он же поможет мне и исправить его. Хотя я положил себе долгом не писать по тех пор, пока не поучусь лучше делу и не приобрету языка более кроткого и никого не оскорбляющего, но некоторые необходимые объяснения на мою книгу, равно как и сознание в том, в чем я ошибся, я должен буду сделать непременно, чтобы не соблазнились юноши и люди неопытные. Мне пришло при этом случае на мысль, что, может быть, вы опасаетесь какого-нибудь влияния с моей стороны на Александра Петровича (спасение очень естественное для вас, так его любящего!), а потому долгом считаю известить вас, что он теперь не со мной. Я давно уже не видал его. Во время же нашего пребывания вместе разговоры у нас были совсем не о тех предметах, о которых помещены письма. Видя его тоскующую душу и безотрадные жалобы на жизнь, потерявшую для него цену, которой конца он ожидал с каким-то нетерпением, я старался подвигнуть его на деятельность и на взятие должности внутри России, мысля, что должность, взятая в смысле по-

прища для подвигов христианских, может дать пищу душе его. К этому побуждала меня и любовь к родине, которая страждет много оттого, что слишком мало в ней таких должностных людей, которые заключали бы <в себе> все качества и способности Александра Петровича. Об этом я писал к нему действительно письма, которые, я не знаю почему, не попали в мою книгу и не пропущены, тогда как, по моему убеждению, они гораздо полезнее и нужнее всех помещенных. О театре и о тому подобных вещах мы с ним, кроме каких-нибудь двух-трех слов, не имели разговоров. Этот предмет ни его, ни меня не мог занимать. Письмо о театре я писал, имея в виду публику, пристрастившуюся к балетам и операм, пожирающим ныне страшные суммы денег, и в то же самое время имел в виду издателя журнала «Маяк», С. А. Бурачка, который, судя по статьям его, должен быть истинно почтенный и верующий человек, но который, однако ж, слишком горячо и без разбора напал на всех наших писателей, утверждая, что они безбожники и дейсты, потому только, что те не брали в предмет христианских сюже-

тов. Я вовсе не хотел оскорбить издателя «Маяка». Я хотел только напомнить ему самому, как христианину, о смирении, но выразился так, что словами моими действительно он мог быть обижен. Из некоторых слов вашего письма мне показалось, что вы его знаете. Скажите ему, что я умоляю его простить меня. Попросите за меня и вы также. Наконец, простите меня и вы сами, добрая и молящаяся о всех нас душа! Очень понимаю, что для вас оскорбительнее, чем для многих, появление такой книги, от которой соблазняются те, за спасение которых вы молитесь. Еще раз повторяю вам, что цель моей книги была добрая, но вы видите сами, что обо мне нужно молиться более, чем о всяком другом человеке. Если бог меня не вразумит своим разумом, что я буду тогда? Участь моя будет страшнее участи всех прочих людей. Молитесь же обо мне, ради самого Христа. Всё прочее, чего не вместит письмо, передаст вам лично Александр Петрович, с которым, если даст бог, надеюсь увидеться в Париже и который стремится к вам, как птица из клетки на волю (и, верно, не даром стремится). Еще раз прося мо-

литв ваших, прошу вас уведомить меня, хотя двумя строчками, что письмо это вами получено, без чего я не буду спокоен. Адресуйте во Франкфурт-на-Майне — или на имя нашего посольства, или просто надписавши: «poste restante».

Признательный вам много за вашу откровенность

Н. Гоголь.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Неаполь. Мая 9 <н. ст. 1847>

Я получил милое письмо твое (от 4/16 апреля) перед [за] самым моим отъездом из Неаполя; спешу, однако ж, написать несколько строчек. Ответ на твои запросы ты, вероятно, уже имеешь отчасти из письма моего к Россети (от 15 апреля), отчасти из письма к тебе (от 17 апреля). Благодарю тебя также за приложение [за два приложения] двух писем, для меня очень значительных. Вигелю я написал маленький ответ, при сем прилагаемый, который, пожалуста, передай ему немедленно. Что касается до письма Брянчанинова, то надобно отдать справедливость нашему духовенству за твердое познание догматов. Это познание [Оно] слышно во всякой строке его письма. [этого письма] Всё сказано справедливо и всё верно. Но, чтобы произнести полный суд моей книге, для этого нужно быть глубокому душеведцу, нужно почувствовать и услышать страданье той половины современного человечества, с которою даже не

имеет и случаев сойтись монах; нужно знать не свою жизнь, но жизнь многих. Поэтому никак для меня не удивительно, что им видится в моей книге смешение света со тьмой. Свет для них та сторона, которая им знакома, тьма та сторона, которая им незнакома; но об этом предмете нечего нам распространяться. Всё это ты чувствуешь и понимаешь, может быть, лучше моего. Во всяком случае, письмо это подало мне доброе мнение о Брянчанинове. Я считал его, основываясь на слухах, просто дамским угодником и пустым попом.

Несколько слов насчет изумленья твоего моему любопытству знать все толки, даже пустые, обо мне и о моей книге. Друг мой, как ты до сих пор не можешь почувствовать, что это мне необходимо! В толках этих я ищу не столько поученья себе, сколько короткого знания тех людей, которых мне нужно знать. В сужденьях о моих сочинениях обнаруживается сам человек. Говорит журналист, но ведь за журналистом стоит две тысячи людей, его читателей, которые слушают его ушами и смотрят на вещи его глазами. Это не бездели-

ца! Мне очень нужно знать, на что нужно на-
пирать. [напирать особенно] Не забудь, что
я, хоть и подвизаюсь на [и на] поприще искус-
ства, хотя и художник в душе, но предметом
моего художества современный человек, и
мне нужно его знать не по одной его внеш-
ней наружности. Мне нужно знать душу его,
ее нынешнее состояние. Ни Карамзин, ни Жу-
ковский, ни Пушкин не избрали этого в пред-
мет своего искусства, потому и не имели на-
добности в этих толках. Будь покоен на мой
счет: меня не смутят критики и ни в чем не
заставят меня пошатнуться, что здраво и
крепко во мне. Из всех писателей, которых
мне ни случилось читать биографии, я еще не
встретил ни одного, кто бы так упрямо пре-
следовал раз избранный предмет. Эту твер-
дость мою я чту знаком божьей милости к се-
бе. Без него как бы мне сохранить ее, сообразя
то, что редкому довелось выдержать такие
битвы со всякими отвлекающими от избран-
ного пути обстоятельствами! После всех этих
толков у меня только лучше очищаются
глаза на то же самое, на что я гляжу, и больше
рвения к делу. Повторяю тебе, что я слишком

тверд в главных моих убеждени<ях>. Но у меня правило: всех выслушай, а сделай по-своему. И что я сделаю по-своему, всех выслушавши, то уже трудно поднять будет на публичное посмешище, даже и временное.

Россети прав насчет письма к его сестре. Совершенно в таком виде, как оно есть, ему неприлично быть в печати. Попроси его, чтобы он назначил карандашом все места, по его мнению, и неловкие. Их очень легко умягчить, — тем более, что я чувствую а уже и сам, как следует чему быть. Вексель секунду я послал обратно к тебе через Штиглица, потому что здесь не взялся по нем выдать деньги банкир. Стало быть тут [здесь] уж не мое распоряжение. Такова судьба его. Деньги эти береги у себя. Прокоповичу не следует ничего говорить. Письма адресуй все во Франкфурт, как я уже и писал в прежнем письме с изложением всего моего маршрута. Обнимаю тебя крепко. Бог да хранит тебя! Ради бога, хоть несколько слов о самом себе! Я собственно о тебе почти ничего не знаю: все письма твои наполнены мной. Книга твоя о Крылове пре-

красна во всех отношениях. Это первая биография, в которой передан так верно писатель. Журнал я наконец получил за январь и за февраль, но моя книга не дошла. [пропала]

Весь твой Г.

На обороте: S. Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству г. ректору С.-Петербургск<ого> императорск<ого> университета Петру Александровичу Плетневу.

В С.-Петербурге, на Васильев<ском> о<стро-
ве>, в университете.

Ф. Ф. ВИГЕЛЮ
<Около 9 мая н. ст. 1847.
Неаполь.>

Мне было очень чувствительно ваше доброе участие ко мне. Благодарю вас много за ваше письмо! Вы, не оскорбившись ни дерзким тоном моей книги, ни неизвинимой самонадеянностью ее автора, обратили внимание на существенную ее сторону. За алканье добра, которое прозрели вы в страницах ее, вы умели простить мне все ее недостатки. Нет, я не ослеплен собой в такой мере, как думают. Даже и ваша оценка моей книги (слишком высокая) меня не наполнила той гордостью, которую мне приписывают теперь вообще, хотя, признаюсь вам чистосердечно, я всегда вас почитал за очень умного человека и, стало быть, имел бы право от вашего мнения возгордиться. Книга моя есть отчет в моей внутренней возне. В ней видно, что строился человек, точно, для чего-то доброго, хотя и не состроился; оттого и все эти заносчивые замашки, неряшество, неосмотрительность,

темнота и проч. и проч. Зрелость и юность вместе! То состояние, которого представитель моя — книга, уже во мне миновалось. Доказательством этого служит мне то, что я краснею от стыда за многое, в ней выраженное. Но без этой книги, может быть, мне трудно было бы достигнуть той простоты, которая мне необходима. Она, точно, есть для меня какое-то очищение. После нее я стал проще и яснее духом, и мне кажется, что я теперь могу заговорить таким образом, что меня выслушают без гнева. Не могу вам изъяснить, как мне было приятно прочесть те строки вашего письма, где мельком показали вы мне вашу душу и дали мне случай познакомиться с вами ближе. Не питать негодования против личных врагов — это уже очень много! Это начало любви. Любить же добро земли своей, как любили его всегда вы, есть еще более необщее всем качество и сто́ит многих громких заслуг и выслуг. Я уверен, что в ваших записках есть много того, что способно сообщить это качество и другим. Ваше имя не будет позабыто в России, хотя, может быть, теперь на время и позабыли о вас. Это одно уже должно уте-

шить вас в минуты грустные, но кажется, что бог пошлет вам минуты сладкие, описанием которых вы увенчаете искреннюю исповедь вашу, которая, как я слышал, находится в ваших записках.

Но прощайте. Бог да хранит вас. Еще раз благодарю вас.

Весь ваш Н. Гоголь.

А. О. СМИРНОВОЙ

Май 10 <н. ст. 1847>. Неаполь

Сейчас, накануне моего выезда из Неаполя, получил бесценное письмо ваше, добрейший друг мой Александра Осиповна. Очень благодарю вас за него. (Оно от 22 марта). Вы и среди болезни вашей, среди тоски, среди немощи не позабываете меня. Как возблагодарить вас! Не могу объяснить себе причин вашей болезни, не могу понять, зачем вы так долго болеете. Не затем ли, чтобы оставить вновь на время Россию? Не нужны ли вам морские купанья [морские ванны и купанья] — единственное средство в нервических недугах, которые всем равно помогают? Не проездиться ли вам в Остенде? Как бы мы вновь провели прекрасно время вместе! и как бы поблагодарили бога за самые недуги наши, заставившие нас вновь увидеться! Прекрасна встреча с родными и с старыми товарищами нашего детства, но встреча с теми, с которыми породнились душами во имя Христа, еще прекрасней. А там — почему

знать? — если самая дорога вам станет помогать и езда, почему вам не съездить в одно время со мною в Иерусалим? Может быть, после этого путешествия всё бы отлегло тоскливое от души вашей. По крайней мере, в Остенде всегда можно проездиться. Езда морем; экипажа брать с собой не нужно; из Петербурга прямо на корабль — и в неделю с небольшим вы в Остенде. Если ж из Остенде захотите отправиться подальше, [куда-нибудь подальше] то теперь везде железные дороги, и все-таки не нужно экипажа. Если только отложить в сторону все русские барские замашки, то можно так дешево съездить, как не съездите по России. Письма покуда адресуйте ко мне на имя Жуковского во Франкфурт. Не могу понять, почему вы так сильно беспокоились насчет моего местопребыванья и адреса, тогда как я вам не писал ни слова о том, что оставляю Неаполь. От октября прошлого года до 10 мая нынешнего сижу в Неаполе и никуда ноги не заносил отсюда. Уже в двух письмах подтвердил я вам, что я в Неаполе. Но не знаю, или не доходят мои письма? Поверьте, что я ни в каком случае не замедлил бы вас

уведомить, если бы только переменял местопребыванье мое. Неужели вы думаете, что мне легко обходиться без ваших писем? Итак, вот вам мои нынешние маршруты: май в дороге; июнь во Франкфурте или в окружности его, на водах, словом — где будет Жуковский; конец июля, август и сентябрь (половина, если не весь) в Остенде. А потом опять в Неаполь, дабы отсюда уже в Иерусалим. Но прощайте... как бы хотелось сказать: «до скорого свидания!» Тороплюсь укладываться. Бог да пошлет вам облегчение и благополучные роды! Молитесь ему: он милостив, он всё совершит по вашей молитве. Отвечайте хоть двумя строчками на это [на ваше <описка?>] письмо.

Весь ваш Г.

На обороте: Kalouga. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В Калуге.

А. П. ТОЛСТОМУ
<Около 10 мая н. ст. 1847.
Неаполь.>

Что с вами происходит, мой добрейший Александр Петрович? Почему от вас до сих пор ни строчки, ни словечка? Я всё ожидал, что вы по обещанию вашему напишете мне, как сказали вы сами в письме вашем, не далее, как через неделю, обо всем, и вот уже прошло с тех пор два месяца — и от вас ни строчки! Так что я намереваюсь (скучая неизвестностью) заглянуть к вам в Париж, и Софья Петровна о вас также беспокоится, тем более, что Наталья Владимировна писала весьма длинное письмо к графине Анне Егоровне, ожидала с нетерпением на него ответа и не дождалась. Бог да хранит вас от всего огорчающего! Прощайте, обнимаю вас. На днях выезжаю из Неаполя и, если даст бог, обниму вас лично в Париже.

Весь ваш Г.

Ha o6opote: Paris. Son excellence m-r le c-te
Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, № 9 (Hôtel Westminster).

С. А. СОБОЛЕВСКОМУ
<Май, до 13-го н. ст. 1847.
Неаполь.>

Очень сожалею, что не застал дома. Зайду
ввечеру.

Н. Гоголь.

А. С. и У. Г. ДАНИЛЕВСКИМ
Флоренция. Маия 18 <н. ст.
1847>

Хотя следовало бы мне, по примеру благо-
разумных людей, прежде дожидаться от вас
ответа, добрые друзья мои (на мое письмо от
18 марта), а потом уже писать к вам, но так
как желание знать о вас велико, так как в то
же время страх за исправное получение вы-
шеозначенного письма прокрадывается тоже
в мои помышления, то решаюсь лучше бро-
сить лишний раз с дороги записочку вам с по-
вторением в другой раз моего адреса. До июля
последних чисел я во Франкфурте (то есть в
окружностях его), а потом весь август
нов<ого> стилиа и большую половину сентяб-
ря в Остенде, а оттуда — в Италию. А потому
адресуйте в Франкфурт-на-Майне, на имя по-
сольства. С октября же месяца по-прежнему в
Неаполь. А как будет дальше, уведомя вас
потом. Не забывайте же меня, милые и доб-
рые друзья мои. Уведомляйте о себе как мож-
но почаще и побольше. Всякая строчка о вас

будет мне драгоценна. Обнимаю вас.

Весь ваш Г.

На обороте: Kiew. Russie. Russia.

Его высокоблагородию инспектору 2 Благород<ного> пансиона при Киевской I гимназии Александру Семеновичу Данилевскому.

В Киеве.

А. О. СМИРНОВОЙ
Генуя 20 мая <н. ст. 1847>

Хотя не более десяти дней тому назад, как я писал к вам последнее мое письмо из Неаполя (от 10 мая) в ответ на ваше милое письмо из Калуги от 22 марта, в день светлого воскресен<ия>, но так как мои письма, может быть, вас хоть на две минуты развлекут в часы болезненных томлений ваших, напомнив вам о том признательном человеке и друге, [друге вашем] который благодарит бога ежеминутно за нежную дружбу вашу и молит о вашем выздоровлении так, как только в силах он молиться, то я пишу к вам еще раз с дороги. Да не смущается сердце ваше: молитесь покойно и тихо и веруйте в беспредельную божью любовь к нам. Недуги ваши пройдут, и самое страданье обратится во благо. Если же вам после родов окажется необходимым укрепиться и восстановить расстройство нервов ваших, то повторяю вам вновь то же предложение, которое вы уже прочли в моем прежнем письме, то есть, посоветовав-

шись с умным доктором, пуститься морем в Остенде. Для нерв морское купанье действительнее всего, как я увидел это и на себе, и на других. Поездка самая покойная. В Петербург в 7 дней, с помощью пароходов или железных дорог, как хотите на выбор, <и> вы в Остенде. Мне всё кажется, как будто для вас дорога, воздух, другие небеса и вообще временная перемена места могут послужить необходимым освежением. Не смею вас уговаривать, чувствуя, что, может быть, сюда примешивается сильное желание вас видеть, и оно-то заставляет меня убеждаться [видеть] в необходимости для вас такой поездки, но во всяком случае прошу вас иметь это в виду, посоветоваться и потолковать с умным доктором в Москве или в Петербурге. Бог весть, может быть, и телесно, и душевно это вам будет полезно. Может быть, опять придется нам оказать друг другу ту кроткую помощь, освежающую силы душевные, которую способны оказать возлюбившие друг друга во имя Христа. Будьте покойны насчет меня относительно моей книги. Я совершенно тверд и больше ничего, как только благодарю бога именно за те толки,

которые она производит, хотя, конечно, сначала многие из них мне были очень неприятны. Чем далее, тем более вижу, что без этих толков мне бы не узнать, как следует, людей и нашего общества, и в то же самое время без них мне бы никак не поумнеть в такой мере, в какой нужно мне поумнеть для моего дела. Что касается до слов ваших, чтобы я не смущался изменою друзей моих, то на это замечу вам, что измены с их стороны нет никакой. У некоторых из них нехватило разумения, они спутались — вот и всё. Впрочем, я на многих из них вовсе не надеялся и не называл их никогда своими друзьями: они себя [они меня] считали моими друзьями, но не я их. Вы знаете, что я несколько недоверчив и, зная слабость человеческую, вообще не охотник понадеяться чересчур на какого-нибудь человека. Об Аксаковых, как вы можете себе припомнить, я даже и не говорил вам никогда. Хотя я очень уважал старика и добрую жену его за их доброту, любил их сына Константина за его юношеское увлечение, рожденное от чистого источника, несмотря на неумеренное, излишнее выражение его, но я всегда, однако

ж, держал себя вдали от них. Бывая у них, я почти никогда не говорил [Далее начато: Из них мне] ничего о себе; я старался даже вообще сколько можно меньше говорить и выказывать в себе такие качества, которыми бы мог привязать их к себе. Я видел с самого начала, что они способны залюбить не на живот, а на смерть. Это не та разумная, неизменно-твердая любовь во Христе, возвышающая человека, но скорее чувственная, родственная любовь, делающая малодушным человека, дрожащим, как робкий лист, за предмет любви своей, так что сама старушка, жена Аксакова, которая в душе своей гораздо больше христианка, чем все они вместе, два года не могла утешиться о смерти одного из одиннадцати детей своих, так что два года никто в целой семье не смел упомянуть при ней имени умершего сына. Словом, я бежал от их любви, ощущая в ней что-то приторное; я видел, что они способны смотреть распаленными глазами на предмет любви своей. Эту распаленную любовь к моим сочинениям почувствовал их сын, потому что в душе его заключено действительно чувство высокой по-

этической красоты. Эту распаленную любовь сообщил он и отцу своему, который без того, может быть, был бы умереннее и не пришел бы в такое отчаянье от мысли, что я погиб для искусства. Почувствовать, что всё, совершающееся в нас, совершается не без воли божией и что событие, во мне случившееся, случилось не во вред искусству, но к возвышению искусства, почувствовать этого из них никто не в силах, ни отец, ни сын, а потому вы не смущайтесь также их речами против меня. Речи эти пройдут. Но довольно. Не оставляйте меня покуда известиями об вашем здоровье. [только об одном вашем здоровье] Это для меня теперь нужнее всего. Прощайте, мой бесценный и неизменный друг! Адресуйте во Франкфурт, на имя Жуковского.

Июнь и почти весь июль пробуду в окружностях Франкфурта. В конце июля переезжаю в Остенде, где пробуду август и большую половину сентября.

На обороте: Kalouga. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В Калуге.

С. П. ШЕВЫРЕВУ

Марсель. 25 мая <н. ст. 1847>

Перед самым выездом из Неаполя получил твои два пакета, со вложением двух критик из газет и маленькой твоей записочки. Благодарю тебя за всё это много, бесценный друг мой, Переписывать статьи прежние не трудись. Некоторые я получил, то есть те, которые напечатаны в первых двух номерах «Современника» и «Отечественных Записок». Я бы очень желал, однако ж, знать, что сказано обо мне в «Библиотеке для Чтения» и во второстепенных журналах, как-то: «Иллюстрации», «Литературных Прибавлениях» и не было ли чего в «Инвалиде». Всё это мне важно не ради толков о мне самом, но ради желанья знать, на какой высоте собственного мышления своего стоит ныне действительно всяк из пишущих, а за ним, разумеется, часто и публика, его читающая. Книга моя, несмотря на все ее грехи, есть удивительный оселок для испробования нынешнего человека. Повторяю это тебе вновь и советую проверить

истину слов моих на всех тех людях, с которыми тебе ни случится столкнуться. И потому, как ни пусты означенные критики, ты все-таки постарайся переслать мне их. Теперь же это можно с оказией: с весной подымается, вероятно, много людей из Москвы. Передать они могут во Франкфурте или Жуковскому, или мне самому, а я до июля последних чисел в Остенде.

Заплачено за оба твои письма, если не ошибаюсь, два пиастра с чем-то. Вышло несколько дороже оттого, что письма ко мне пришли посредством банкира. Впрочем, если бы стоило впятеро больше, я заплатил бы охотно. Деньги эти для меня совсем не потеряны. Напротив, я остаюсь только в больших барышах. Статья Григорьева, довольно молодая, говорит больше в пользу критика, чем моей книги. Он, без сомнения, юноша очень благородной души и прекрасных стремлений. Временный гегелизм пройдет, и он станет ближе к тому источнику, откуда черплетась истина. Статья Павлова говорит тоже в пользу Павлова и вместе с тем в пользу моей кни-

ги. Я бы очень желал видеть продолжение этих писем: любопытно знать, к какому результату приведут Павлова его последние письма. Покуда для меня в этой статье замечательно то, что сам же критик говорит, что он пишет письма свои затем, чтобы привести себя в то самое чувство, в каком он был пред чтением моей книги, и сознается сам невинно, что эта книга (в которой, по его мнению, ничего нет нового, а что и есть нового, то ложь) сбила, однако же, его совершенно с прежнего его положения (как он называет) нормального. Хорошо же было это нормальное положение! Он, разумеется, еще не видит теперь, что этот возврат уже для него невозможен и что даже в этом первом своем письме сам он стал уже лучше того Павлова, каким является в своих трех последних повестях. Пожалуйста, этого явления не пропусти из виду, когда восчувствуешь желанье сказать также несколько слов по поводу моей книги. Когда же будешь писать критику, то обрати внимание на главные предметы книги, о которых рассужденья только и могут доставить пользу обществу, а не какие-нибудь

пункты завещания, относящиеся к моей личной оригинальности, бесполезной для публичных трактатов. Имей в виду не защиту меня, но защиту добра, и тогда статья твоя сделает гораздо более добра мне самому. Ты можешь уже и сам, я думаю, почувствовать, что, каков я ни есть, но любовь к добру все-таки у меня сильнее, чем любовь к собственной личности моей, несмотря на то, что последняя выразилась у меня, по мнению многих, весьма ярко в моей книге. Относительно последнего обстоятельства скажу тебе всю правду. (Правды этой, однако ж, не надобно пускать в ход; она пусть будет между нами). Я разъял себя анатомически, рассмотрел себя строго и расспросил себя еще раз, поставляя себя мысленно как бы пред суд самого того, кто будет судить меня, и вижу, что этой личной любви нет; виной всему моя твердая вера в свое будущее, которое произошло от сознания сил своих. Я чувствовал всегда, что я буду участник сильный в деле общего добра и что без меня не обойдется примиренье многого, между собою враждующего. Об этом следовало бы молчать, — тем более, что я всегда чув-

ствовав, что это последует только тогда, если я воспитаю себя так, как следует; но что ж, если у молодых сил нет столько благоразумия, чтоб уметь до времени не похвастаться? Но как бы то ни было, когда будешь писать критику, имей в виду дело общего добра, а не меня; гляди на то, чтобы не сказать чего-либо противного добру, а не мне, и умей обратить внимание на важное и главнейшее, на то, что более нужно в полезно обществу. Пусть критика будет не длинна и не охватывает много, но пусть скажет о некотором, но многозначительном. Скажи об этом и Хомякову, если он захочет что написать. Напечатать, по-моему, следует непременно в двух газетах: в «Московских Ведомостях» особенно, а потом и в «Листке», а подписать: «Из такой-то газеты». Нужно всячески стараться о том, чтобы значительные и полезные статьи разошлись не только в равном числе с теми, которые легко расходятся, но даже в большем.

Я получил известие, что Вяземский, который принимает участие большое в моей книге, готовит также письмо. Я это отчасти пред-

чувствовал. Обыкновенно заваривают сражение прежде мальчишки, а потом выходят тузы, обсмотревшие хорошенько и спокойно, с кем и против чего следует воевать...

М. П. ПОГОДИНУ
<1 июня н. ст. 1847. Париж.>

Я получил твои два письма вдруг. В них так много грусти, что у меня не поднялось даже перо оправдываться в твоих обвинениях по поводу книги, [Далее начато: несправедливых] исполненных, впрочем, противуречий. Друг мой, ради Христа, утешься, оставь на время и книгу и меня; [утешься и оставь хотя на время и книгу и меня самого] то и другое выбрось из памяти своей: [Далее начато: Состояние души] это подымает, как я вижу, целый лабиринт мыслей, предположений, заключений, которым конца нет, и притом о таких предметах, где может решить только глубокий сердцеведец и душезнатель. Один бог может быть судьею в иных делах и никто кроме. Состояние души твоей нервически-тревожно, как почти у всех нас в нынешнее время, а потому все оскорбления, огорчения растут в глазах наших и кажутся большими, чем в самом деле. Друг мой, поверь мне, что страданья твои мне чувстви-

тельные слишком, тем более когда подумаю, [когда я подумаю] что я сам причиною многих. Страдания твои слишком мне понятны, потому что я сам исстрадался весь, а страждущему понятен страждущий. Но [но, друг мой] весь мир страдает. Всё люди, с которыми я ни сходилась и с кем ни знакомилась коротко, все страдают, даже и те самые, о которых по виду меньше всего можно заключать, чтобы они были несчастны, [страдали] так что даже и решить не могу, чьи страдания сильнее. Мне кажется, что тягостнее всех других страданий страдания, происходящие от взаимных недо-разумений, а эти страдания теперь стали решительно повсеместны. Только и слышишь со всех сторон, как расходятся друзья, как люди, созданные затем, чтобы любить друг друга, невозвратно отторгнулись друг от друга. Только и слышишь теперь, как скорбно кричит человек: «Меня не понимают!» О! как страшно теперь произносить суд над каким бы то ни было человеком, не опустившись в самую глубину его души. Ради бога, утешься и вспомни, что есть среди нас Христос, всех нас утешитель, что есть ковчег среди колебанья

всеобщего — святая церковь, в которую можно ежеминутно укрыться. Ты в Москве, где и утром и вечером отверсты двери церковные, где несколько раз в день обедня и всякий вечер всенощная, где наконец есть и духовники, кому исповедать свою душу. Ты говоришь в письме твоём, что тебя режут, пилят, колот из-за моих неосторожных слов о тебе. Рассмотрим хорошенько, не кажется ли это тебе в преувеличенном виде. Как я ни несправедлив перед тобою, но я сказал только о неряшестве твоём и торопливости. [Далее начато: Но я] Я не отвергал в тебе достоинств твоих, я о них только не упомянул, потому что речь была не о тебе. Ради бога, утешься: я не хотел у тебя просить извиненья [в этом извиненья] и оправдываться перед тобою в поступке моём, потому что готовил статью о твоём литературном поприще, где, не скрывая ни одного из твоих недостатков, только намеревался вычислить [только выставил твои] и поименовать твои достоинства, перед которыми, слава богу, могут побледнеть твои недостатки. Я и прежде думал о такой статье, но не знал, каким образом сказать так, чтобы

не попрекнули меня товариществом и связями с тобой. Теперь можно это сделать так, что станет стыдно тем людям, которые, мимо высоких достоинств человека, спешат посмеяться над его недостатками. Итак, бога ради, утешься в этом отношении. Поверь, что еще не так тяжело слышать, [слышать несправедливые] когда охуждают труд наш и судят его, как слышать, когда судят нашу душу и над ней произнесут такой суд, от которого содрогнется вся внутренность. Будто — ты думаешь — легко выслушать от близких, прекрасных душой, даже, может быть, святых людей, обвинения и улики в том, за что бесчестье на земле, а в будущей жизни мука вечная: это еще потяжелее, чем презренье от презренных людей. Не с тем это говорю, чтобы упомянуть кое-что о себе. (О себе я теперь страшусь и слова произносить, потому что под каждое слово мое подкапываются и отыскивают [отыскивают, как] в нем такое значение, что меня обдает холодным потом). Но с тем говорю тебе, чтобы ты не позабывал ни на минуту, что никогда, как в нынешнее время, [что есть множество в нынешнее время] еще не

страдало такое множество от недоразумений. Это всеобщее переходное состояние, которому подвержено теперь [подвержено [тем] теперь более или менее] всё, что ни стоит впереди, что ни есть [и что ни есть, так сказать] цвет современного человечества, усиливает еще более эти недоразумения. Все это, [Всё совершается это] может быть, затем, чтобы не осмелился человек слишком полагаться ни на кого и почувствовал бы сильнее, что один только Христос есть его друг в минуты несчастий. Будем же в таком случае покорны такому голосу и станем же чаще обращаться к самому Христу при малейшем нашем огорчении. К нему же доступ так прост: двери церковные открыты; стоит войти, покорно сложить руки крестом и выслушать первые слова, какие ни скажет служитель Христов: они все придутся кстати. Но прощай. Пиши ко мне в минуты скорбные и болезненные, и ты, может быть, узнаешь [а. и ты меня, может быть, узнаешь больше б. узнаешь, что мне слишком знакомы] меня, потому что в такие только минуты узнает человек человека. Знание же человека, [его] приобретенное други-

ми путями, будет больше предположительное, чем верное и несомненное. Адресуй в Франкфурт или на имя посольства, или в poste restante. О прочем после.

Твой Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокородию Михаилу Петровичу Погдину.

В Москве. На Девичьем поле. В доме Погдина.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
10 июня <н. ст. 1847>.
Франкф<урт>

Письмецо твое от 16/28 мая получил. Жуковский, как ты уже, вероятно, знаешь, отложил отъезд в Россию по причине болезни жены, заставляющей его провести вместе с нею всё лето в Интерлакене, в Швейцарии. Жаль, конечно, что празднованье юбилея его не состоится, но, по мне, в юбилеях здешних есть что-то грустное. Не оттого ли, что приходишь в такие лета, когда чувствуется сильнее, чем прежде, что следует помышлять о юбилее небесном? Во всяком случае, хорошо бы нам хотя половиною мыслей стремиться жить в иной, обетованной истинно стране. [земле] Блажен, кто живет на этой земле, как владелец, [кто живет здесь так, как тот готовый к переселению владелец.] который купил уже себе имение в другой губернии, отправил туды все свои пожитки и сундуки и сам остался налегке, готовый пуститься вслед за ними. Его не в силах смутить тогда ника-

кая земная скорбь и огорченья от всякого мелкого дрызга жизни. Я рад, что ты, как вижу из письма твоего, спокоен. Я сам тоже спокоен. Путь мой, слава богу, тверд. Хотя тебе кажется, что я несколько колеблюсь и как бы недоумеваю, чем заняться и какую избрать дорогу, но дорога моя всё одна и та же. Она трудна, это правда, скользка и не раз уже я уставал, но сила святая, о нас заботящаяся, воздвигала меня вновь и становила еще крепче на ноги. Даже и то, что казалось прежде как бы воздвигавшимся впоперек пути, служило к ускоренью шагов, а потому во всем следует довериться провиденью и молиться. Очень понимаю, что некоторых истинно доброжелательных мне друзей — в том числе, может быть, и самого тебя — несколько смущает некоторая многосторонность, выражающаяся в моей книге, и как бы желанье заниматься многим наместо одного. Для этого-то я готовлю теперь небольшую книжечку, в которой хочу, сколько возможно яснее, изобразить повесть моего писательства, [авторства] то есть в виде ответа на утвердившееся, неизвестно почему, мнение, что я возгнушался ис-

кусством, почел его низким, бесполезным и тому подобное. В нем скажу, чем я почитаю искусство, что я хотел сделать с данным мне на долю искусством, развивал ли я, точно, самого себя [его в себе] из данных мне материалов или хитрил и хотел переломить свое направление, — ясно, сколько возможно ясно, чтобы и не литератор мог видеть, я ли виновен в недейтельности или тот, кто располагает всем и против кого идти трудно человеку. Мне чувствуется, что мы здесь сойдемся с тобой душа в душу относительно дела литературы. Молю только бога, чтобы он дал мне силы изложить всё просто и правдиво. Оно разрешит тогда и тебе самому некоторые недоразумения насчет меня, которые все-таки должны в тебе еще оставаться. Покамест это да будет еще между нами. Книжечка может выходом своим устремить [обратить] внимание на перечтение «Переписки с друзьями» в исправленном и пополненном издании. А потому, пожалуста, перешли мне не медля статьи, снабженные вашими замечаньями, для переделки, адресуя во Франкфурт, на имя посольства. В следующем письме я пришлю тебе

свидетельство о моей жизни для взятия денег из казначейства, которые держи у себя вместе с прежними, к тебе посланными чрез Штиглица. Они, может быть, мне понадобятся к концу года. На Восток будет пересылать мне трудно, а остаться там, бог весть, может быть, придется долее рассчитываемого времени. Стало быть, нужно будет деньгами запастись. Путешествие это, доселе откладываемое с года на год, становится чрез то самое мне более желанным и заманчивым. Точно как бы душа моя говорит мне, что я там найду искомое издавна [тайно] и лучшее всего того, что находил доньше. Но прощай! Обнимаю тебя. Христос с тобой!

Твой Г.

При сем письмецо к Вяземскому. Передай от меня поклон Балабиным. Особенно Марье Петровне. Напиши мне хоть несколько строчек о том, как она живет своим домом. Я слышал, что она просто чудо в домашнем быту, и хотел бы знать, в какой мере и как она всё делает. [в какой мере это истина] А. О. Ишимову

поблагодари за книжечку [маленькую книжечку] «Розенштраух». [В подлиннике: «Розенштрауф»] Я нашел, что она очень хороша. Письмо же о легкости ига Христова — сущий перл.

На обороте: Russie. St. Pétersbourg.

Его превосходительству ректору император<ского> СПб. университета Петру Александровичу Плетневу.

В С.-Петербурге. На Васильев<ском > острове. В университет.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ
Франкфурт. Июня 11 <н. ст.
1847>

Благодарю вас, добрейший князь, много и много за ваше участие. Ваша статья в «Санктпетербургских Ведомостях» о Языкове и обо мне, кроме всех тех достоинств и свойств, которые принадлежат особенности собственно вашего ума, меня очень тронула тем чувством соучастия, которое принадлежит только одной нежной и любящей душе. Одно только меня остановило: мне кажется, что выразились вы несколько сурово о некоторых моих нападателях, особенно о тех, которые прежде меня выхваляли. Мне кажется вообще, мы судим их слишком неумолимо. Бог знает, может быть, в существе многие из них добрые люди и влекутся даже некоторым, хотя отдаленным, желанием добра; но кого не увлекает самолюбие, некоторый успех и множество разных соблазнов, окружающих со всех сторон человека? Бог знает, может быть, и нам будет сделан упрек в гор-

дости за то, что мы несколько жестоко оттолкнули их, оскорбясь какою-нибудь их дерзостью, тогда как наш совет, может быть, им был бы нужен и спас бы их от многого того, за что их укорять теперь справедливо. Скажите мне искренно, что вы об этом думаете? Мне же становится теперь жалок решительно всяк человек, потому что, право, положенье всех в нынешнее время страшно трудно и, к кому ни приглядишься ближе, всяк порождает к себе состраданье. Вся эта история по поводу моей книги (испытанье на собственном теле многого того, что приходится испытывать людям в большем и меньшем размере на всех почти поприщах, от всякого рода недоразумений, которыми наполнился в избытке нынешний век) усиливает во мне эту жалость со дня на день, так что не имеется духу обвинить или осудить какого-нибудь человека. Мне кажется, как будто еще недостаточно любви у всех нас (хорошо, по крайней мере, то, что мы это более или менее чувствуем); мне кажется, как будто мы всё еще действуем не собственно против нечистой силы, подталкивающей на грехи и на заблуждения людей,

но против самих людей, которых подталкивает на грехи нечистая сила. Самые наиболее любящие из нас еще не исполнены любовью к людям в такой степени, в какой исполнены ненавистью к их заблуждениям. Оттого и все статьи наши, подвигнутые самым искренним желанием добра, не вносят надлежащего примирения. Мне кажется, что теперь, в нынешнее время, более нужны не статьи нападетельные или защитительные, которые невольным образом обратятся на чью-нибудь личность и выставят на сцену нас самих, сколько статьи уяснительные многих важных вопросов, относящихся к тем вечным истинам, которые хотя покуда еще и не раздаются в обществе, но к которым поворот, однако же, неминуемо должен наступить. Я разумею здесь собственно те истины, о которых могут сказать только люди государственные. Если о них не раздадутся теперь здравые определения, годные укрепить хотя некоторых или дать им знать, по крайней мере приблизительно, чего держаться, то их пойдут скоро коверкать вовсе негосударственные люди и могут сбить всех с толку. Вы видите, что

некоторое поползновение к тому же обнаруживается. Даже и я, человек вовсе негосударственный, заговорил о том. Итак, есть какое-то поветрие, которому все подвергаются равномерно. Тем более теперь нужен голос мастеров того ремесла, в которое впутываются люди посторонние. Я, признаюсь, ожидал и даже теперь ожидаю от вас статьи, в которой бы и я, и книга остались в стороне, а выступил бы на сцену предмет, для которого вам даны такие орудия. У вас есть всё, что нужно для государственного мужа; притом любви к России, слава богу, довольно; любви к добру также, а если к этому еще присоединится всеми нами искомая, истинная любовь в Христе ко всем братьям, вы отыщете скорее всех ту верную законную середину, к которой мы стремимся, и голос ваш будет доступен многим сердцам и умам; а покуда я жду с нетерпением листков моей рукописи, снабженных вашими замечаниями, потому что с моей стороны все-таки нужно что-нибудь сказать, хотя, разумеется, поприличней и в такой мере, в какой позволительно сказать негосударственному человеку. Нужно, чтобы мы все-та-

ки питали любовь к своей государственности, а не летали мысленно по всем землям, говоря о России; чтоб чувствовали, по крайней мере, что строенье нового исходит из духа самой земли, из находящихся среди нас материалов. Но прощайте, добрейший князь мой! Благодарю вас и не знаю, как достойно возблагодарить за дружбу вашу и участие. Бог вас да наградит за то и другое.

Весь ваш Гоголь.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ
Франкфурт. Июня 20 <н. ст.
1847>

Благодарю тебя за письмо. Оно мне принесло особенное удовольствие именно по следующей причине: я начинал уже было думать, что ты от должностных своих занятий, несколько черствых, заклёкнул и завял. Но слог письма бодр, мысль свежа. Почему тебе не попробовать пера? Что ни говори, способности не даются нам даром, и взыщется строга за неупотребление их. У тебя же, судя по твоим школьным, еще писанным в Нежине, повестям, есть [были] все свойства повествователя. Речь [Пр<авильная> речь] твоя лилась плодovито и свободно, твоя проза была в несколько раз лучше твоих стихов и уже тогда была гораздо правильной нынешней моей. Нет разве предмета о чем писать? Но разве ты не жил? Разве не видел людей? Разве не открывалась перед тобою душа человека? Разница в том, что она перед тобою раскрывалась, начиная с нежнейшего возраста. Или

мир, тобою узнанный, считаешь ничтожным, непривлекательным, нелюбопытным для других? Но в таком случае нужно прежде [Но прежде нужно] доказать, что человек на тех мест<ах>, где ты его находил, не способен для высоких ощущений. Но мы с тобой знаем, что кадетский учитель имеет [что скромный учитель даже имеет] такие минуты, каких не доводится иметь и чиновнику, который неизвестно зачем стал преимущественным предметом пера. Может быть, точно, виноват в этом несколько и я. Как бы то ни было, но всё это такого рода вещи, о которых следовало бы тебе подчас подумать очень сурьезно. Тебя удивляет, зачем я так жаден слышать толки о моей книге. Затем, что я очень жаден знать людей, [и людей] а в толках о моей книге все-таки более или менее обрисовывается передо мною человек со всем своим знанием [вежеством <?>] и невежеством и, что всего важнее, открывает мне свое собственное душевное состояние, которое для меня еще важней его характеристики внешней, и которого, согласи<сь> сам, я бы никак не мог узнать без моей книги. Кстати о толках. Я прочел на днях кри-

тику во 2 № «Современника» Белинского. Он, кажется, принял всю книгу написанною на его собственный счет и прочитал в ней формальное нападение на всех разделяющих его мысли. Это неправда; в книге моей, как видишь, есть нападение на всех и на всё, что переходит в крайность. Вероятно, он принял на свой счет козла, который был обращен [обращен решительно] к журналисту вообще. Мне было очень прискорбно это раздражение не по причине жесткости слов, которых будто бы я не умею переносить: ты знаешь, что я могу выслушивать самые жесткие слова. Но потому, что, как бы то ни было, человек этот говорил обо мне с участием в продолжение десяти лет. Человек этот, несмотря на излишества [излишества свои в возвышенной и даже великодушной и] и увлечения, указал справедливо, однако ж, на многие такие черты в моих сочинениях, которых не заметили другие, считавшие себя на высшей точке разума перед ним. И я заплатил бы этому человеку неблагодарностью, когда я умею отдавать справедливость даже тем, которые выставляют на вид и отыскивают во мне одни

недостатки! Напротив, я в этом случае только обманулся: я считал Белинского возвышенней, [возвышенней и даже великодушной и] менее способным к такому близорукому взгляду и мелким заключениям. Я не знаю, почему так тяжело вынести упрек в неблагодарности, но для меня этот упрек был тяжелее всех упреков, потому что в самом деле душа моя благодарна, и я люблю благодарить, потому что чувствую от этого собственное наслаждение. Пожалуста, переговоры с Белинским и напиши мне, в каком он находится расположении духа ныне относительно меня. Если в нем кипит желчь, пусть он ее выльет против меня в «Современнике», в каких ему заблагорассудится выражениях, но пусть не хранит ее против меня в сердце своем. Если ж в нем угомонилось неудовольствие, [угомонилось против меня неудовольствие] то дай ему при сем прилагаемое письмецо, которое можешь прочесть и сам.

По всему вижу, что мне придется сделать некоторые объяснения на мою книгу, потому что не только Белинский, но даже те люди,

которые гораздо больше его могли бы знать меня относительно моей личности, выводят такие странные заключения, что просто недоумеваешь. Видно у меня темноты и неясности несравненно больше, чем я сам вижу. Еще одна просьба. Разузнай, пожалуйста, какой появился другой Гоголь, будто бы мой родственник. Сколько могу помнить, у меня родственников Гоголей не было ни одного, кроме моих сестер, которые, во-первых, женского рода, а во-вторых, в литературу не пускаются. У отца моего были два двоюродных брата священника, но те были просто Яновские, без прибавления Гоголя, которое осталось только за отцом. [Далее начато: как происходившим по прямой линии] Если полнивший<ся> Гоголь есть один из сыновей священника Яновского, из которых я, однако ж, до сих еще <пор> не видал своими глазами никого, то в таком случае он может [может быть] действительно мне приходиться троюродным братом, но только я не понимаю, зачем ему похищать название Гоголя. Не потому я это говорю, чтоб стоял так за фамилию Гоголя, но потому, что в самом деле от этого могут произойти какие-нибудь

гадости, истории с книгопродавцами, [истории с книгопродавцами и тому подо**<бное>**] обманы и подлоги в книжном деле. Я потому и прошу тебя для избежания всяких печатных огласок [чтобы не делать каких-нибудь печатных огласок] известить лично книгопродавцев, чтобы они были осторожны, и если кто явится к ним под именем Гоголя и станет что-нибудь предлагать или действовать от моего имени, то чтобы они помнили, что собственно Гоголя у меня родственника нет, и я до сих пор [и я не имею до сих пор] его и в глаза не видал А потому чтобы обращались в таких случаях за разоблачением: дела или к тебе, или к Плетневу. Тому же, кто выступает под моим именем, не худо бы как-нибудь дать знать стороной, чтобы он выступал под собствен**<ным>** именем. Всякое [В подлиннике: всякую] имя и фамилию можно облагородить. Верно же будет ему неприятно, если я сделаю какое-нибудь печатное объявл**<ение>**. Но прощай! Обнимаю тебя от души!

Твой Г.

Пожалуйста, не забывай меня и пиши. Адресуй в Франкфурт-на-Майне, poste restante.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Его высокоблагородию Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В С. П. Бурге. На Васильевск<ом> острове. Между Большим и Средним проспектом, в 9 линии. В доме Прокоповича.

В. Г. БЕЛИНСКОМУ
<Около 20 июня н. ст. 1847.
Франкфурт.>

Я прочел с прискорбием статью вашу обо мне во втором № «Современника». Не потому, чтобы мне прискорбно было то унижение, в которое вы хотели меня поставить в виду всех, но потому, что в ней слышится голос человека, на меня рассердившегося. А мне не хотелось бы рассердить даже и не любившего меня человека, тем более вас, о котором я всегда думал, как о человеке меня любящем. Я вовсе не имел в виду огорчить [Далее начато: в] вас ни в каком месте моей книги. Как это вышло, что на меня рассердились все до единого в России, этого я покуда еще не могу сам понять. Восточные, западные и нейтральные — все огорчились. [пр<иняли>] Это правда, я имел в виду небольшой щелчок каждому из них, считая это нужным, испытавши надобность его на собственной своей коже (всем нам нужно побольше смирения), но я не думал, чтоб щелчок мой вышел так грубо

неловок и так оскорбителен. Я думал, что мне великодушно простят и что в книге моей зародыш примирения всеобщего, а не раздора. Вы взглянули на мою книгу глазами рассерженного человека и потому почти всё приняли в другом виде. Оставьте все те места, которые покамест еще загадка для многих, если не для всех, и обратите внимание на те места, которые доступны всякому здравому и рассудительному человеку, и вы увидите, что вы ошиблись во многом.

Я очень не даром молил всех прочесть мою книгу несколько раз, предугадывая вперед все эти недоразумения. Поверьте, что не легко судить о такой книге, где замешалась собственная душевная история человека, не похожего на других, и притом еще человека скрытног<о>, долго жившего в себе самом и страдавшего неумением выразиться. Не легко было также решиться и на подвиг выставить себя на всеобщий позор и осмеяние, выставивши часть той внутренней своей клетки, [Далее начато: а. смы<сл> б. которой] настоящий смысл которой не скоро почувствуется.

Уже один такой подвиг должен был бы заставить мыслящего человека задуматься и, не торопясь подачей собственного голоса о ней, прочесть ее в разные часы своего душевного расположения, более спокойного и более настроенного к своей собственной исповеди, потому что в такие только минуты душа способна понимать душу, а в книге моей дело души. Вы бы не сделали тогда тех оплошных выводов, которыми наполнена ваша статья. Как можно, например, из того, что я сказал, что в критиках, говоривших о недостатках моих, есть много справедливого, вывести заключение, что критики, [все критики] говорившие о достоинствах моих, несправедливы? [Далее начато: А почему вы зн<аете>] Такая логика может присутствовать в голове только раздраженного человека, продолжающего искать уже одно то, что способно раздражать его, а не оглядывающего предмет спокойно со всех сторон. Ну а что, если я долго носил в голове и обдумывал, как заговорить о тех критиках, которые говорили о достоинствах моих и которые по поводу моих сочинений принесли много прекрасных мыслей об искус-

стве? И если я беспристрастно хотел определить достоинство каждого и те нежные оттенки эстетического чутья, которыми своеобразно более или менее одарен был из них каждый? И если я выжидал только времени, когда мне можно будет сказать об этом, или, справедливей, когда мне прилично будет сказать об этом, чтобы не говорили потом, что я руководствовался какой-нибудь своекорыстной целью, а не чувством беспристрастия и справедливости? Пишите критики самые жесткие, прибирайте все слова, какие знаете, на то, чтобы унижить человека, способствуйте к осмеянию меня в глазах ваших читателей, не пожалев самых чувствительнейших струн, может быть, нежнейшего сердца, — всё это вынесет душа моя, хотя и не без боли и скорбных потрясений. Но мне тяжело, очень тяжело (говорю вам это истинно), когда против меня питает личное озлобление даже и злой человек, не только добрый, а вас я считал за доброго человека. Вот вам искреннее изложение чувств моих!

Н. Г.

На обороте: В. Г. Белинскому.

А. О. СМИРНОВОЙ
Франкфурт. Июня 20 <н. ст.
1847>

Я получил ваше маленькое, но очень милое письмоце от 22 мая. Благодарю вас очень, бесценный друг мой, что вы не позабыли уведомить меня о себе в это время, когда мои мысли были заняты вами и душа моя молилась, как могла, о вас. Бог милостив; я надеюсь, что он и без моих [и без моих нич<тожных>] бессильных и вялых молитв восстановит вас и что, вероятно, вы уже разрешились, по его милости, благополучно. От вашего братца, Арк<адия> Осиповича, я получил такое прекрасное и такое нужное письмо, что не знаю, как благодарить его. Он собрал в нем все толки, какие случилось ему слышать о моей книге, и прибавил в конце собственные свои. Я бы очень желал, чтобы вы упросили и другого вашего братца, Клементия Осиповича, сделать то же, то есть собрать все толки тех лиц, которых суждения случилось ему слышать, присоединивши к тому и портреты

их самих, и присоединить в заключение и свой собственный вывод как о книге моей, как о толках на мою книгу, так равно и людях, поднимающих толки. Это бы у него вышло, без всякого сомнения, очень умно и, стало быть, мне нужно. Вы же никак не огорчайтесь всякими печатными статьями вроде Павлова, в которых, как вы пишете, слышна лакейская натура. Какова бы ни была натура того, который пишет (это его дело, и за это он даст ответ, а не я), но тем не менее мне нужно после всякой такой статьи осмотреться получше на самого себя и замотать, как говорится, многое себе на ус. И это уже совершенно мое дело, за это я дам ответ, а не кто другой. Я не знаю ни одной статьи, которая бы чему-нибудь меня не научила, так что, чем далее, тем более вижу истину слов: «Всё может нас учить, если только захочешь сам учиться». Я знаю только одного моего приятеля, очень почтенного во всех отношениях человека, от которого одного я ничему не научился. Этот приятель мой есть бедный Погдин. Всё, что ни говорил он обо мне и мне, всё было невпопад. Ни разу во всю жизнь свою не

определил мне справедливо ни одного моего действия. Вы можете сами постигнуть, каково было положение мое с этим человеком в те поры, когда я сердился на всякую напраслину, особливо [особливо возводимую] когда эта напраслина возводится на нас любящим нас человеком. А человек этот, точно, любил меня, но по-своему, [[вроде того медведя] так что] но от этой любви мне приходило до слез. Теперь, разумеется, всё это прошло. Я сам пришел в положение человека, могущего о себе слышать всё хладнокровно. Он, кажется, сам почувствовал, что я его не отталкиваю и что я хочу стать с ним в прямые отношения, но при всем том (изумительное дело!), как только заговорит он обо мне или о моей книге, по мере того, как он отыскивает в ней меня, — всё до последне<го> слова невпопад, так что Булгарин, Сенковский, Павлов и наконец все щелкоперы и наездники, которые налетают в еженедельных газетах [налетают на мою книгу] затем, чтобы порисоваться самому и показать, что и у него есть чем боднуть, словом — самый несправедливейший и бранчивый из них сказал мне что-нибудь нужного

принять к сведенью, один он ничего, — кроме разве той истины, которою мне, без сомнен<ия>, следовало бы воспользоваться, а именно: уметь вынести полное исковерканье себя, смолчать всё, — принять на свой счет и не хотеть оправдаться. Я бы очень желал, чтобы вы познакомились с ним, расспросили бы его сами, каких он мыслей обо мне, не сердясь ни на что и руководствуясь изрядным запасом терпения. Оправдывать меня перед ним не нужно. Лучше всего, если бы его можно было возвести до христианского сознания, что он может ошибиться, что весьма трудно судить о таком человеке, который еще строится, но не состроился, и потому весь внутри, что здесь можно всякое действие принять ошибочно, истолковав его в другую сторону, что такого человека может понять разве один такой, который сам тоже строится. Словом, если бы могли его убедить хотя в справедливости этой мысли, то это было бы уже доброе дело. Положение подобных людей, точно, жалко. Как бы то ни было, но они должны страдать обо мне, если только меня любят. Они теперь точно малые дети, [Они, как ма-

лые дети] и у них бог весть что в голове: они, например, думают, что я имею необыкновенную страсть к знатым, знакомлюсь только с ними, что для меня незнатный человек, будь благороднейший и высоких добродетелей, нипочем; словом, такие вещи, что мне сделалось даже стыдно писать о себе, не только разуберять. Не позабудьте при этом, что Погодин, сверх того, еще истинный христианин, который очень расположен видеть собственные недостатки. Но он до такой степени позабывчив, что его [что ему] во всяком деле и действии нужно приводить ко Христу. Ставши лицом к самому Христу, он вдруг опомнится и увидит как следует вещь. На миг отнесешь от него образ Христа — он вдруг отдастся от справедливого воззрения на житейское дело. И думает уже обо всем вновь как Погодин, а не как христианин. Если вы будете когда-либо в Москве, не позабудьте также познакомиться с Шевыревым. Человек этот стоит на точке разумения, несравненно высшей, чем все другие в Москве, и в нем зреет много добра для России. Я вам также писал несколько о Вигеле в прежнем письме и просил вас

не позабыть его также в ваш проезд. Я всегда о нем думал, что он умный и притом честный и благородный человек, в чем согласны были все знавшие его недостатки и грехи, [все его недостатки и грехи] но я никогда не думал, чтобы он так высоко чувствовал и умел понимать вещи, как увидел теперь из его письма, и мне стало очень грустно за его одиночество. Но прощайте. Будьте бодры духом! Не смущайтесь ничем и предоставьте всё богу, который так умно всё делает, как нам и во сне не может привидеться. Недуги ваши, верно, дело свое сделали: душа ваша стала, верно, еще лучше и колебалась затем, чтобы сделаться [стать] чрез то тверже и крепче, а от нее окрепнет и тело, которое зависит всё от состояния души. Во мне тоже было несколько смущался и колебался дух, затем, чтобы стать покрепче: [Далее начато: подоб<но>] недаром говорят, что деревья, шатаемые ветром, пускают глубже в землю корни. Зато теперь яснее передо мною путь мой, и никогда еще не хотелось мне так в Иерусалим, как теперь. Но прощайте до следующего письма. Адресуйте по-прежнему в Франкфурт.

Ваш весъ Г.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ
Июнь 20 <н. ст. 1847>.
Франкфурт

Благодарю вас, добрейший друг мой, за письма, которыми вы меня не оставляете. Ваши слова, что упреки, даваемые кому бы то ни было, должны сопровождаться любовью искренней к тому, кого попрекаешь, очень справедливы. Нужно слишком много любви, чтобы уметь сделать истинно полезным другому упрек наш. И притом какой любви! нежной, сострадательной, полной снисхожденья к бедной и слабой нашей природе, ничего не умеющей переносить, как нужно. Отныне постараюсь это иметь в виду неотлучно во всех сношеньях с кем бы то ни было, если придется в чем попрекнуть. Покуда же вижу, что больше всего приходится попрекать самого себя. И все эти упреки, которые посыпались на меня со всех сторон, — не без воли божией. Хотя и очень заболела от много<го> душа, и тяжела была эта [эта ду<шевная>] операция для моих еще очень щекотливых струн, но да

будет благословенна мудрость божия, всё строящая! Мне очень нужно смотреть строго и во все глаза на себя. Если и нет многого из того, что мне приписуют, — всё нужно приостеречься, чтобы оно не вошло. Дух мой, который, признаюсь, по немощи моей, было уже немного поупал и поколебался, воздвигну лея вновь и как бы еще сильнее стал. И верю я твердо, что бог не оставит того, кто молится, как бы ни слабы и ничтожны были его молитвы. С другой стороны меня радует то, что после этих тревог хочется сильнее в Иерусалим, и сердце как бы говорит мне, что там найду искомое. Но да хранит вас бог! Не позабывайте меня; по-прежнему пишите и молитесь обо мне. Ваши молитвы теперь еще нужней, чем прежде. Не ради их ли укрепил меня бог и хранит? Адресуйте во Франкфурт-на-Майне.

Весь ваш Гоголь.

На обороте: Moscou. Russie.

Надежде Николаевне Шереметьевой.

В Москве. На Воздвиженке. В доме графа
Шереметьева.

А. П. ТОЛСТОМУ

Франкфурт. Июнь 22 <н. ст. 1847>

Ожидал, ожидал извещенья вашего о том, куда вы и как, и когда, и — по обыкновенью — вновь не дождался, а между тем истек уже почти месяц с тех пор, как мы с вами расстались, мой наидобрейший и наилюбезнейший Александр Петрович, которому хотел бы я от души вставить в уста наипрекраснейшие зубы, а в душу, которая, слава богу, и без того хороша, наижеланнейшее спокойствие и веселие. Но как быть! ничего нам не дается по тех пор, пока, отказавшись от собствен<ных> желаний, не благословим, сложа руки крестом, именно то самое состоянье, какое послал нам бог. Если б только мы отважились и решили это сделать, всё бы к нам пришло потом в награду. Но мы не верим в это, зато и дается нам в удел долгое томленье. Но авось бог вам помог уже. Во всяком случае, все-таки хоть строчку, мне бы не хотелось не дожидаться здесь от вас извещенья верного о вашем

маршруте, чтобы не разминуться как-нибудь, а этого я бы никак не хотел. Посылаю вам, между прочим, счет, по которому я заплатил за вас в Hôtel d'Angleterre (будто бы незаплаченный прежде). Вы, пожалуйста, его берегите, не то вас как раз заставят заплатить еще раз. Здесь, как я заметил (да и вообще везде во всех как просвещенных, так и непросвещенных землях), это в обычае. До свиданья, прощайте. Графине душевный поклон.

Весь ваш Г.

Скурыдину передайте также поклон.

На обороте: Paris.

Son excellence monsieur m. le comte
Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, № 9. (Hôtel
Westminster).

М. И. ГОГОЛЬ

Франк<фурт>. Июль 7 <н. ст.
1847>

Приехавши во Франкфурт, я нашел ваши письма. Вы удивляетесь, почему я вас всех вознес похвалами в последнем письме. Я сам не знаю, как это случилось. Отчасти, может быть, оттого, что я заметил в вас какое-нибудь уныние от несовершенств, [от своего несовершенства] отчасти, может быть, оттого, что вы показали сами в ваших письмах какие-нибудь хорошие черты свои, отчасти, может быть, я оттого, что я почувствовал вину свою, попрекнувши вас [попрекнувши вас несправедливо] в том, в чем не имел права попрекать, и вследствие этого приписал больше цены вашим достоинствам, чем [неже<ли>] приписывал прежде. Как бы то ни было, но верно то, что мы все бываем прекрасны и все бываем безобразны [дурны] Прекрасны бываем тогда, когда чувствуем истинно, что мы безобразны, [дурны] и безобразны тогда, когда подумаем, что мы прекрас-

ны. Безобразные от нас самих, но красота наша от бога, и по мере только того, как мы пребываем в нем, мы бываем прекрасны. Упреки же, равно как и советы мои, я прекратил потому, что увидел получше свое собственное безобразие и почувствовал, что мне необходимой делать себе самому упреки и давать себе самому советы. Поверьте, что это гораздо лучше, если человек начнет сам себе самому давать упреки, а не ожидать их от других. Одна из сестер моих сказала, что советы мои нужны, [но просила] чтобы я подавал их, как брат и друг, щадя немощь человеческую. Дело в том, что я теперь не нахожусь и не знаю, какой и в чем может быть от меня совет. Самая наименьшая из сестер моих находится уже в том возрасте, который в женщине есть возраст полной зрелости ума. Стало быть, всякая может очень хорошо знать, в чем дело. Никто не может так определить, что нам нужно, как мы сами себе, если только дадим себе труд рассмотреть наши способности и все те орудия, которые нам дал бог затем, чтобы ими работать. Которой же захочется упреков и советов, та может перечесть мои прежние пись-

ма, где множество и того и другого, и из этого множества выберет себе тот, который ей приятнее. Но до следующего раза. Повторяю вам еще, что отныне я буду реже писать к вам. Некогда, да и меньше предметов. О себе уведомляйте по-прежнему почаще. [довольно <часто>] Кто любит кого во Христе, тот не скучает и разлукой, да и вряд ли есть для того человека слово разлука: во Христе все вместе, все живы, все неразлучны. Стало быть нам нужно стремиться к нему, если хотим стремиться друг к другу. Но бог да хранит вас. Прощайте.

Н. Г.

На обороте: Poltava. Russie.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь-Яновской.

В Полтаву, оттуда в д<еревню> Василевку.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Франкфурт. 7 июля <н. ст.
1847>

Два письма твои, со вложением писем и двух критик Павлова, получил. Не знаю, как благодарить тебя за всё, что ты для меня делаешь. Мне, просто, становится даже совестно. Ты так добр, а я еще ни в чем не показал тебе свою признательность. Обе критики Павлова значительно слабее первых, а главное, как мне показалось, в них не слышна необходимая потребность душевная писавшего или даже какая-нибудь иная цель, кроме желанья несколько порисоваться самому перед публикою. Изо всех отзывов я вижу только то, что мне следует отвечать на один вопрос, который, кажется, есть всеобщий: зачем я оставил поприще писателя или переменил направление его? На это мне следует сделать чистосердечное изъяснение моего авторского дела, чтоб читатель видел сам, оставлял ли я поприще, переменял ли направление, умничал ли сам, желая изменить себя, или есть по-

сильнее нас общие законы, которым мы подвержены, все бедные люди...

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

**Франк<фурт>. Июль 8 <н. ст.
1847>**

Очень вас благодарю, добрейшая Анна Михайловна, за ваше письмо и все известия. Бог да поможет вам за это самое ровное и спокойное расположение духа, какое бывает только в раю, где, по выраженью простолюдинов, ни холодно, ни жарко, а самая середина. Оно и не мудрено, потому что бог есть [есть действительно] середина всего, а покой — та высшая минута состоянья душевного, к которой всё стремится. Благодарю за ваши дружеские советы и за ваши заботы. Я, слава богу, покоен довольно и, мне кажется, даже здоровьем несколько получше. О толках, на мою книгу я заботился потому, что мне нужно знать необходимо, в каком состоянии находятся у нас головы и души. Это нужно знать нашему брату для того, чтобы речь писателя попала в надлежащий тон — ни выше, ни ниже нотой [ни на одной [одну] нотой ни полното<й>] противу того, как следует

быть, чтобы большее количество людей нас поняло. В моей же книге, как вы знаете, слог речи очень поднялся. Это, может быть, и лучше для четырех-пяти человек, но для других дико. То же можно бы выразить попроще, но до этой простоты нужно вырасти самому — вот беда! Это всегда бывает с теми, которые строятся и воспитываются. [Далее начато: Им простота Я теперь во Франкфурте. Отсюда еду в Остенде, где пробуду до первых чисел сентября, после чего в Италию, а там на Восток. Перецелуйте всех ваших от мала до велика и скажите им, что мысли мои не расстанутся с ними, что это бывает что-то вроде маленькой рюмочки драгоценного вина, какое выпивается только в праздники после обеда. И Софья Миха<й>ловна, и вы, и графиня, ваша маминышка, в этом, вероятно, не сомневаетесь. Уведомьте меня, на что вы решились и где проводите лето. Александра Осиповна приобрела сына Михаила, о чем, вероятно, уже знаете. Известие об этом меня очень обрадовало, тем более, что и самое здоровье ее от того не расстроилось. Вы, кажется, летом с нею увидите? Думал было и я ее увидеть, так же как

и вас, особенно когда услышал, что доктора предписывают морские ванны. Но кажется, что еще не скоро определено мне увидаться с друзьями; видно для того, чтобы я приучался довольствоваться [приучался их любить] их образом, не подверженным осязанию пяти чувств наших; видно затем, чтобы мы помнили, что если хотим увидеться, то должны стремиться к тому, в котором все увидимся и где нет разлуки. Но прощайте.

Весь ваш Г.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Ее сиятельству графине Анне Михайловне Вьельгорской.

С.-Петербург. На Михайловской площади, близ дворца.

В доме графа Вьельгорского.

М. П. ПОГОДИНУ
Франкфурт. 8 июля <н. ст.
1847>

Друг мой, упреки твои жестоки. Почему не проходит ни одного письма, в котором бы ты не попрекнул меня какими-то знатными друзьями? «Ты угождаешь одним знатным», «тебе дороги одни знатные». Стыдно тебе! Вот тебе вся правда о моих знакомствах, о которых ты судишь понаслышке, ничего не зная наверное: я, точно, знакомств наделал очень много в последние четыре года, но большею частью с людьми умными и всякого рода практическими людьми, которые могли мне какие-нибудь сообщить сведения о том, что делается внутри Руси, сведения, которые я вот уже четыре года собираю жадно. Из прочих я познакомился с весьма немногими, и то вовсе не потому, что они были знатны, но потому, что встретил добрую, любящую душу. [точно, прекрасную] И странное дело — не в веселые часы, но в минуты тяжких душевных страданий приходилось мне сходиться с

людьми. Бог знает, если б мы и с тобой сошлись в такое время, [в это время, а не прежде] и притом — теперь, а не прежде, — может быть, [может быть, ты] между нами никаких бы не было недоразумений, и тебе всё было бы понятно из того, что теперь мутит тебя. Во всяком случае помни, что ты в мыслях и заключеньях [в сужденьях] твоих обо мне можешь скорее ошибиться, чем я о тебе. Ты передо мною был всегда открыт, а я пред тобою закрыт. Ты занят был всегда почти науками и развлечен множеством разнообразных занятий по разным предметам, у меня же предметом был всегда человек и душа человека. А теперь еще более, чем когда-либо прежде, это сделалось моим предметом. — Притом не позабудь, что между нами случилось дело, которое поставило нас в фальшивые отношения. Я припомню тебе все обстоятельства, потому что ты несколько забывчив. [Далее начато: Я писал] Перед приездом моим в Москву я писал еще из Рима Серг<ею> Тим<офеевичу> Аксакову, что я нахожусь в таком положении моего душевного состояния, во время которого я долго не буду

писать, что писать мне решительно невозможно, что я не могу ничего этого объяснить, а прошу мне поверить на слово, что прошу его изъяснить это тебе, чтобы ты не требовал от меня ничего в журнал, что я буду просить об этом у тебя самого на коленях и слезно. [Далее начато: Словом, я знал] Приехавши в Москву, я остановился у тебя со страхом, точно предчувствуя, что быть между нами неприятностям. В первый же день я повторил тебе эту самую просьбу. Я ничего не умел тебе сказать и ничего не в силах был изъяснить. Я сказал тебе только, что случилось внутри меня что-то особенное, которое произвело значительный переворот в деле творчества моего, что сочиненье мое от этого может произойти слишком значительным. Я сказал, что оно так будет значительно, что ты сам будешь от него плакать и заплачут от него многие в России, тем более, что [оно] [тем более оно будет значительно] явится во время несравненно тяжелейшее [тяжелейшее прежнего] и будет лекарством от горя. Ничего больше я не умел сказать тебе. Знаю только: я просил со слезами тебя во имя бога поверить

словам моим. Ты был тогда растроган и сказал мне: «Верю». Я просил тебя вновь не требовать ничего в журнал. Ты мне дал слово. На третий, на четвертый день ты стал задумываться. Тебе начали сниться черти. Из моих бессильных и неясных слов ты стал выводить какие-то особенные значения. Я потихоньку скорбел, но не говорил ничего, — знак, что я ничего не смогу объяснить, [ничего не выражу] а только наклеплю на самого себя. Но когда ты через две недели после того объявил [напомнил] мне, что я должен дать тебе статью в журнал, точно как будто бы между нами ничего не происходило, это меня изумило и в то же время огорчило сильно. А когда ты потом, еще недели через три, напомнил вновь, говоря, что я должен дать [сказал мне, что все-таки должен дать] тебе статью, потому что, как бы то ни было, я живу в твоём доме и тебя твои родственники спрашивают о том, что ж я, в самом деле, у тебя живу, а для тебя в журнале не тружусь. Это напоминанье показалось мне так низким, неблагородным и неделикатным. (Прости меня. Это было уже давно. Я сам дивлюсь моей щекотливости. У

меня на тот раз ушло [пропало] из виду, что у тебя жесткие слова вырываются иногда вовсе без намерения.) Мне казалось так, низким напомнить у себя живущему человеку, что он должен быть за это благодарным. Мне показалось так неблагородным, давши честное слово, от него отступить. Мне показалось так недостойным для высокой души не поверить слезам умоляющего человека или — еще хуже сказать: «верю» — и усумниться. Словом, мне это представилось так малодушным и неблагородным, что я стал презирать тебя. (Друг мой, прости меня, это чувство давно прошло.) Я не старался скрывать пред тобой презренья. Напротив, я тебе показывал его при всяком случае почти явно. Не понимая, из какого источника оно происходит, ты принимал его просто за гордость и, встречая гневное [досадное] выражение лица при всяких, даже небольших случаях, ты заключил, что во мне поселился сам демон гордости во всем сатанинском своем виде, и думал, что это уже моя натура, что я непременно со всеми так обращаюсь, тогда как, признаюсь тебе поистине, ни с кем в мире я не обращался так

дурно, как с тобою. Мне стыдно, как я припомню только некоторые свои поступки. Я сердился на тебя даже за то, что ты меня заставил рассердиться, [на тебя рассердиться] потому что я было уже начинал о себе думать, что трудно [что я не в <силах>] кому-нибудь человеку рассердить меня. С этих пор всё пошло у нас [у нас с тобой] навыворот. Видя, как ты обо мне путался и терялся в заключениях, я говорил себе: «Путайся же, когда так!» И уж на зло тебе начал делать иное, мне вовсе не свойственное, ни моей натуре, с желаньем досадить тебе. Друг мой, за всё это я заплатил и тяжело заплатил. Целые два года я томился потом желаньем оправдаться перед тобою. Целые два года я почти ничего не в силах был делать: так меня занимало желанье излить перед тобою чистосердечную исповедь свою. Я принимался за перо и всякий раз изнемогал над ним. Исписывались кругом листы, и я видел, что всё это недостаточно [еще недостаточно] дать тебе точное понятие о деле. [о себе] Я видел, [Далее начато: что уже всё так странно] что нужно поды-мать для этого всё, что ни соединилось с мои-

ми самыми тайными и сокровенными<ыми> помышлениями<ми>; я видел, что нужно для этого подымать самые «Мертвые души»... Словом, это была страшная работа. Ничем другим я не в силах был заняться, кроме этого, и всякий раз, изнувшись, выбившись [и выбившись] из сил, видя, что изъяснениям конца нет, потому что затем, чтобы объяснить одну струну, надо было поднимать другую, — всякий раз я давал себе слово оставить это и не объяснять себя. И всякий раз вновь тянуло с непреодолимой [неестественной] силой перед тобой изъясниться. [оправдаться] Я писал и рвал тогда же исписанное. Это были просто муки Тантала и окончились страшным нервическим расстройством. Но в сторону всё это. Привел это я теперь не для оправдания себя, но для того только, чтобы ты уверился сам, что взгляд твой на меня не может быть верен. А потому и замечания твои о мне относительно моего характера будут больше невпопад, чем замечания твои о всяком другом человеке. Оставим теперь всё. Я прошу у тебя искренно прощенья во всем, в чем огорчил тебя. Я прошу тебя также простить и за мой

неуместный печатный отзыв о тебе, который так огорчил тебя без всякого желанья с моей стороны огорчить тебя. Отзыв этот был писан в то время, когда я воспитывал себя упреками, отовсюду требовал себе указаний и упреков и раздавал также всем указания и упреки. У меня вышло из головы, что позволительное в письмах между собою нельзя выносить на свет перед публику, по крайней мере не объяснивши ясно, в каком смысле следует принимать и разуметь. Еще раз прошу у тебя прощения и обращаюсь по очень важному пункту письма твоего. Ты намереваешься жениться. Мне кажется самому, что это тебе нужно во всех отношениях. Но не забывай, что трудно найти другую Лизу. [Далее начато: Во всяком случае] Мне кажется, с твоей стороны будет благоразумней жениться на немке, нежели на русской. Во всяком случае избирай такую, которая была <бы> характера сколько возможно хладнокровного и покойного, у которой бы или были усыплены, или вовсе не действовали все щекотливые струны сердечные и нервические. Никак не забывай того, что ты можешь сильно оскорбить, вовсе

не думая оскорбить, и ударить невпопад по таким чувствительным местам, которых боль потом ничем не уймешь. Выбирай такую, которая бы уже создалась в характере, а не следовало бы ее тебе воспитывать самому, потому что, как сам знаешь, в тебе [у т<ебя>] нет того хладнокровья и терпенья, какие необходимы воспитателю). Здесь я тебе почитаю приличным сказать, что на тебя сердились собственно не за грубость и жесткость твоих упреков (упреки и пожестче переносятся), но за то, что они бывали невпопад, что более всего сердит. У тебя не было достаточного снисхождения к природе того человека, с которым ты имел дело. Странное дело! Нельзя сказать, чтоб ты не знал людей. Вообще ты понимаешь, что такое человек. Ты признаешь даже, что у всякого есть свои особенности, которые нужно принять к соображению. Но всякий раз, когда ты имел какое-нибудь дело с каким-нибудь человеком, у тебя вдруг всё это выходило из головы, и тебе воображалось, [казалось] что перед тобою стоит такой же, как ты, Погодин, и ты от него можешь требовать того самого, что от себя самого. От-

сюда все эти истории, доставившие тебе так данного в жизни неприятностей всякого рода. Всё это особенно прими теперь к соображению и проси также не выпускать из виду этого пункта [из виду всего] тех, которые будут для тебя отыскивать невесту. Но да устроит бог это дело к наилучшему, от меня же куда прими желанье искреннейшее и от всего сердца: да не почувствуешь ты во второй жене никакого отличия от прежней и кажется тебе всю жизнь, как бы в ней ты обнимаешь свою первую жену. В конце своего письма ты, давши мне маленький урок, как оно и следовало, говоришь: «нужно любить, любить и любить», и вслед за этим с чувством огорченного человека негодуешь на Строганова за неприглядную и злую колкость. [за новую колкость] Что оказать на это: «Надо любить и Строганова!» С тех-то именно нужно начать, которые нас огорчают, а иначе когда же мы выучимся любить? Мы будем только повторять, что нужно любить, и больше ничего. Я не понял, в каком смысле и к чему собственно нужно отнести твои последние слова, которыми ты совершенно неожиданно заклю-

чил твое письмо без всякого отношенья к предметам предыдущим, разумею следующий обращенный ко мне совет: «Откажись от ума своего; он тебя заводит бог весть куда». Если это относится к моим двум письмам к тебе, то я их писал, как писалось, без всякого умничанья; [просто] прости, если чем оскорбил; [Далее начато: тем более, что] я, писавши [писавши их] к тебе, именно думал о том, как бы не оскорбить тебя, сознаваясь, что я без того много оскорбил тебя. Если ж ты вновь вспомнил о моей книге и к ней их отнес, то на ней скорей видно, что я отказался от ума своего. Ум мой был не глуп. Ум мой советовал мне хорошо. Он мне советовал делать свое дело, не смущаясь ничем, ни с кем не входить в изъяснения, не выдавать ничего в свет, пока не придешь в такое состояние, когда твои строки будут стоять печати и никого не введут в соблазн. Ум мой говорил мне быть скрытным, всё перенести и всё вытерпеть и ни на какие вопросы не отвечать никому, кто бы ни спросил о том, что ты теперь делаешь. Я не послушал моего ума, и плодом этого непослушанья есть моя нынешняя книга. Но,

впрочем, что я говорю? Как будто мы в силах распоряжаться сами собой. Как будто не всеми нами правит высшая нас сила. Как будто не она попустила явиться и книге моей. Чем я виноват, что выдал ее в свет? Она была моей душевной потребностью. В ней изливанье меня. Разве было бы тогда лучше, если бы все эти недостатки мои, которые так всех поразили, что уже несомненно стали говорить о союзе моем с дьяволом, оставались бы скрытыми во мне, — что ж бы от того я выиграл? Нет, не держаться ума также плохо. Лучше молиться богу, но работать всеми способностями и силами. Бог не оставит на дороге заблужденья того, кто ему молится и от всех сил хочет ему работать, хоть бы и заставил его лукавый поколесить несколько в сторону. Бог выведет его вновь на дорогу. Это невозможно: молящегося бог никогда не оставит. А тебе скажу, что нельзя давать таких советов, которых смысл так обширен, что не знаешь, какой стороной обратить его к делу. «Откажись от ума!» Над этим вопросом иной, стоящий не крепко на своем месте, станет думать, да потом и точно сойдет с ума. [Далее начато:

Прежде нужно] Он скажет, что [что уже] же собственно во мне ум? и где именно он у меня? в чем? Всё это нужно мне указать. [Далее начато: Это] Здесь, например, сказала во мне душа, а другому [вам] кажется, что это сказал ум. Это сказал, может быть, во мне ум, а другому кажется, что это сказала душа. Нет, храни бог от таких советов, которые могут неопределенностью сбить и спутать. По мне, пусть себе идет человек, по какой хочет дороге, да пусть только не позабывает молиться, а что в нем просятся на свет какие-нибудь силы и способности, значит, что в нем, точно, они есть. Но если он сам достаточно не вызрел, они явятся сначала в преувеличенном, мутном виде, потом понемногу станут изливаться ясней [стройней] и наконец примут законный вид и войдут в свои границы. Но зачем и к чему я это всё пишу? Может быть, тебе покажутся вновь какие-нибудь ухищрен<ия> ума. Вижу, что мне ни о чем не следует писать, даже и от писем следует отказаться, — тут могу также наговорить праздных слов. Да и к чему такое письмо, которое может смутить? Если это письмо тебя чем

огорчило, то прости, потому что на всяком шагу нам нужно друг друга прощать. Что же касается до ума, то не только от него, но даже от многого отказался. Еще за месяца два перед сим кипело сильное желанье видеть родину, теперь и оно ослабело, как и всё прочее. Утомился ли дух мой от этого вихря недоразумений и войны, [борьбы] происшедшей оттого с друзьями, но сердце мое просит покоя, и ни о чем другом не думается, как о том, чтобы как-нибудь добратся до Иерусалима. Затем бог да хранит тебя.

Твой Г.

Пожалуста, отправь прилагаемое при сем письмо Иннокентию, которому я очень благодарен и за искренность и за доброту вместе.

О Шафарике: богачей во Франкфурте не случилось мне видеть никаких. Однако ж я просил одного человека. Мне обещано кое-что послать. Скажу Шафарику, чтобы он дал тебе знать, получил ли он какой-нибудь вексель. Если нет, я что-нибудь пошлю ему от се-

бя.

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокородию Миха<и>лу Петровичу
Погодину.

В Москве. На Девичьем поле. В собствен-
ном доме.

**АРХИЕПИСКОПУ
ИННОКЕНТИЮ
<Около 8 июля н. ст. 1847.
Франкфурт.>**

Погодин мне доставил замечание ваше о моей книге. Благодарю вас много и от всего сердца моего за то, что вы не скрыли от меня мнения вашего. Очень вижу, и не без сильного стыда, свои грехи, выступившие в этой книге. Книга вышла точно затем, чтобы я имел зеркало [Далее начато: в которое] глядеться. Повремени я немного и дай устояться тому состоянию души, какое у меня было во время печатанья книги, может быть, она бы не вышла совсем в свет, но тогда бы не было и зеркала. А я до сих пор еще не знаю, хорошо ли было бы, если бы всё то, что теперь обнаружилось так ярко, было бы во мне скрыто. Самая цель книги была добрая. Внутреннюю клеть свою я вовсе выставляю не затем, чтоб себя выставлять, но думал, что это послужит в добро тем, которые подобно мне, не получивши надлежащего воспитания в юности и

В школе, спохватились потом и в те года, когда человеку кажется странным начинать воспитанье. Парадировать набожностью я тоже не хотел. Я хотел чистосердечно показать некоторые опыты над собой, именно те, где помогла мне религия в исследованьи души человека, но вышло всё это так неловко, так странно что я не удивляюсь этому вихрю недоразумения, какой подняла моя книга. Многие в ней вышло нечаянностью для меня самого [В подлиннике: своего <описка?>] Многие вырвалось почти против воли моей. Уверю вас что многое из того, что кажется высокомернейшею гордостью есть просто ребячество и незрелость юности, которая всегда выражается заносчиво и высокомерно, но здесь, натурально, она получила другой смысл, потому что дело коснулось такого предмета, к которому юноше не следовало бы касаться. Вы можете почувствовать, что я находился в том состоянии, во время которого следовало молчать и изъясняться только с одним духовником. Но, на беду, я писатель, а писатель болтлив и говорит о том, что посильней его тербит. Притом мне было трудно достать та-

кого духовника, которому бы я мог исповедаться.

Природа у меня во многом слишком не похожа на других людей. Я был издавна скрытен от неумения изъясниться. Нужно было мне встретиться с глубоким душевидцем, потому что всё во мне, даже и самые сочинения, так тесно соединились с душой, что вряд ли бы это было понятно обыкновенному человеку, даже и тогда, если бы я умел лучше изъясниться. А потому эта книга, имеющая вид учить других, может быть, <была> необходимым извержением того, что стремилось во мне излиться. Я не думаю, чтобы книга моя произвела вред. Бог милосерд, и, мне кажется, он не накажет меня так страшно за мое неразумие. Путаница от нее будет только покуда больше в словах и суждениях, чем на деле; как бы то ни было, но я ведь указываю на церковь, как на высшую инстанцию и разрешение всего, — стало быть, сомневающийся обратится к церкви, а не к какому-нибудь писателю светскому. Во всяком случае это для меня урок. Я дал себе слово остановиться пи-

сать, видя, что нет на это воли божией. Говорить о мелком и ничтожном в жизни не хочется; говорить же о высоком, — но тут на всяком шагу встретишься со Христом и можешь наговорить нелепостей. Словом, нужно мне в это время притихнуть, исполнять просто какую-нибудь должность, самую незаметную, не видную, [теперь мне не видную] но взятую во имя божие, где бы я был обязан больше исполнять, больше молиться и меньше мыслить. Так мне кажется. Вы меня очень порадуете, если мне скажете в ответ на это хоть одно словечко. Простите мне всё и вспомните, что на вас освящение высшее и что вас может вразумить чрез это бог сказать мне слово, очень нужное моему сердцу; вспомните и то, что положение мое, может, было в несколько раз труднее положения всякого другого человека и не легка моя дорога, и что я, может, больше других имею чрез это право на сострадательно-братское участие служителя Христова. Адресуйте в Франкфурт, на имя Жуковского или на имя посольства, или просто: *poste restante*.

Весь ваш Николай Гоголь.

Если ж вы найдете, что вам приличнее не дать мне никакого ответа, то уведомьте хотя одним словечком об этом Погодина, чтобы я знал, что письмо мое пришло в ваши руки. Но нет, вы можете мне сказать, [сказать только] что вы молитесь обо мне, и это уже будет мне утешительно.

На обороте: Высокопреосвященнейшему Иннокентию.

А. О. СМИРНОВОЙ
Июль 8 <н. ст. 1847>.
Франкфурт

Очень меня обрадовало появление на свет Михаила, которого уже одно имя, переводя с еврейского на русский, значит: «Кто равен богу?» Вероятно, он и родился затем, чтобы доказать вам самим рождением своим, как богу всё возможно и как он не выдаст того, кто обратится к нему. Помните, как всегда боялись вы родов, как самое ваше болезненное состояние говорило вам, что вы никаким образом не в силах будете родить. И вот теперь у вас сын, и вы сами, слава богу, едва ли стали еще не крепче. Итак: кто равен богу? Думал было с вами увидаться, но мисс Овербек пишет, что вам путь назначен в Гельсингфорс. Недурно и то: вы повидаетесь с Вьельгорскими, с Аркади<ем> Оси<повичем>, с Плетневы<м> и Вяземским. А мне следует, видно, приучаться жить заочно с вашим милым образом, — тем более, что нам обоим это возможно. И вы, и я хотим жить во Христе, а жи-

вущие во Христе видятся вечно между собою. [имеют уже одну душу и] Николаю Миха<йло-вичу> передайте поклон, мис<с> Овербек благодарность за известие, [за письмо] а деток всех перецелуйте.

Весь ваш Г.

На обороте: Kalouga. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В Калуге.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Франкфурт. Июль 10 <н. ст.
1347>

Посылаю тебе свидетельство о жизни. Деньги возьми, но храни их у себя до времени отсылки их в Константинополь, что нужно будет сделать в начале весны будущего года. Если какой-нибудь можно получить в это время на них нарост, что, как говорит Жуковский, будто бы делается, то, конечно, не дурно; если ж это пустяк, то, разумеется, не стоит из-за него хлопотать. Ожидаю от тебя известия о том, где проводишь лето и когда к тебе посылать небольшую вещь, которую бы мне хотелось напечатать в виде отдельной небольшой книжки, в которой я уже тебе сказывал. Можно ли тебе будет прислать ее через месяц от сего дня? Хочу послать к тебе также переделанную «Развязку Ревизора», которая вышла теперь, кажется, ловче. Спроси у того художника, который предлагал мне издание «Мертвых душ» с рисунками: не хочет ли он издать с виньетками «Ревизора», с при-

соединен<ием> означенной заключительной пьесы, [Далее начато: то ест<ь>] разумея по виньетке к голове и к хвосту всякого действия, на той же странице, где и слова. Я отсюда еду в Остенде. Впрочем адрес по-прежнему: во Франкфурт. Обнимаю тебя от всей души моей, и бог да сохранит тебя во всем.

Твой Г.

При сем следует письмецо к Ишимовой.

На обороте: St. Pétersbourg. Riussie.

Его превосходительству ректору С. П. Бургского император<ского> университета Петру Александровичу Плетневу.

В Петербурге. На Васильевск<ом> острове. В университете.

С. Т. АКСАКОВУ
Франкфурт. Июнь <июль> 10
<н. ст. 1847>

Погодин мне сделал запрос: отчего я так давно не писал к вам и не сердит ли я на вас, Сергей Тимофеевич? Я к вам не писал потому, что, во-первых, вы сами не отвечали мне на последнее письмо мое, а во-вторых, потому, что вы, как я слышал, на меня за него рассердились. Ради самого Христа, войдите в мое положенье, почувствуйте трудность его и скажите мне сами: как мне быть, как, о чем и что могу я теперь писать? Если бы я и в силах был сказать слово искреннее [В подлиннике: искренное] — у меня язык не поворотится. Искренним языком можно говорить только с тем, кто сколько-нибудь верит нашей искренности. Но если знаешь, что пред тобою стоит человек, уже составивший о тебе свое понятие в нем утвердившийся, тут у наискреннейшего человека онемееет слово, не только у меня, человека, как вы знаете, скрытного, которого и скрытность произошла от неуменья

объясниться. Ради самого Христа, прошу вас теперь уже не из дружбы, но из милосердия, которое должно быть свойственно всякой доброй и состраждущей душе, — из милосердия прошу вас взойти в мое положение, потому что душа моя изныла, как ни креплюсь и ни стараюсь быть хладнокровным. Отношения мои стали слишком тяжелы со всеми теми друзьями, которые поторопились подружиться со мной, не узнавши меня. Как у меня еще совсем не закружилась голова, как я не сошел еще с ума от всей этой бестолковщины [от таких друзей моих] — этого я и сам не могу понять! Знаю только, что сердце мое разбито и деятельность моя отнялась. Можно еще вести брань с самыми ожесточенными врагами, но храни бог всякого от этой страшной битвы с друзьями! Тут всё изнеможет, что ни есть в тебе. Друг мой! я изнемог. Вот всё, что могу вам сказать теперь. Что же касается до неизменности моих сердечных отношений, то скажу вам, что любовь, более чем когда-либо прежде, теперь доступнее душе. Если я люблю и хочу любить даже тех, которые меня не любят, то как могу я не любить

тех, которые меня любят? Но я прошу вас теперь не о любви. Не имейте ко мне любви, но имейте хотя каплю милосердия, потому что положение мое, повторяю вам вновь, тяжело. Если бы вы вошли в него хорошенько, вы бы увидели, что мне трудней, нежели всем тем, которых я оскорбил. Друг мой, я говорю вам правду. Обнимаю вас от всей души.

Весь ваш Г.

Передайте поклон мой добрейшей Ольге Семеновне, а за нею Константину Сергеевичу и всем вашим. Не знаю сам, хорошо ли делаю, что пишу; может быть, и это письмо приведет вас в неудовольствие. Я теперь раскаиваюсь, что завел переписку с Погодиным. Хотя я только и думаю, принимаясь за перо, как бы не оскорбить его, но однако же замечаю, что письма мои не приносят ему никакого успокоенья. При тех же понятиях, какие у него обо мне, ныне всякое слово с моей стороны обо мне самом может только его еще больше спутать. Друг мой, тяжело очутиться в этом вихре недоразумений! Вижу, что мне

нужно надолго отказаться от пера во всех отношениях и от всего удалиться.

Адресуйте во Франкфурт, poste restante.

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Сергею Тимофеевичу Аксакову.

В Москве. В Мокриевском переулке, в доме Рюмина.

М. С. ЩЕПКИНУ
<Около 10 июля н. ст. 1847.
Франкфурт.>

Письмо ваше, добрейший Миха<и>л Семенович, так убедительно и красноречиво, что если бы я и точно хотел отнять у вас городничего, Бобчинского и прочих героев, с которыми, вы говорите, [как вы говорите] сжились, как с родными по крови, то и тогда бы возвратил вам вновь их всех, может быть, даже и с наддачей лишнего друга. Но дело в том, что вы, кажется, не так поняли последнее письмо мое. Прочитать «Ревизора» я именно хотел затем, чтобы Бобчинский сделался еще больше Бобчинским, Хлестаков Хлестаковым, и словом — всяк тем, чем ему следует быть. Переделку же я разумел только в отношении к пиесе, заключающей «Ревизора». Понимаете ли это? В этой пиесе я [я в ней] так неловко управился, что зритель непременно должен вывести заключение, что [будто] я из «Ревизора» [из всего «Ревизора»] хочу сделать аллегорю. У меня не то в

виду. «Ревизор» — «Ревизором», а примененье к самому себе есть непременно вещь, которую должен сделать всяк зритель изо всего, даже и не «Ревизора», но которое приличней ему сделать <по> поводу «Ревизора». Вот что следовало было доказать по поводу слов: «разве у меня рожа крива?» Теперь осталось всё при своем. И овцы целы, и волки сыты. Аллегорья аллегор<ией>, а «Ревизор» — «Ревизором». Странно, однако ж, что свиданье наше не удалось. Раз в жизни пришла мне охота прочесть как следует «Ревизора», чувствовал, что прочел бы действительно хорошо, — и не удалось. Видно, бог не велит мне заниматься театром. Одно замечанье насчет городничего примите к сведению. Начало первого акта несколько у вас холодно. Не позабудьте также: у городничего есть некоторое ироническое выражение в минуты самой досады, как, например, в словах: «Так уж, видно, нужно. До сих пор подбирались к другим городам; теперь пришла очередь и к нашему». Во втором акте, в разговоре с Хлестаковым, следует гораздо больше игры в лице. Тут есть совершенно различные выраженья сарказма.

Впрочем, это ощутительней [ощутительней будет тогда, когда «Ревизор» будет играть в] по последнему изданию, напечатан<ному> в «Собрании сочинений». Очень рад, что вы занялись ревностно писанием ваших записок. Начать в ваши годы писать записки, [свои записки] это значит жить вновь. Вы непременно помолодеете и силами и духом, а чрез то приведете себя в возможность прожить лишней десяток лет. Обнимаю вас. Прощайте.

Н. Г.

На обороте: Михаилу Семеновичу Щепкину.

А. А. ИВАНОВУ
Остенде. Июль 24 <н. ст.
1847>

Не знаю, будет ли впопад мой ответ. Ваше письмо несколько темновато. Не забывайте, что вы находитесь в состоянии того нервного размягчения, когда всё чувствуется сильнее и глубже: и удовольствия [и радость] и неприятности. Прежде всего нужно благодарить за это состояние бога; оно не даром; оно посылается избранникам затем, чтобы умели они выше почувствовать многие вещи, чем они есть, — затем, чтобы быть в силах потом и других возвести на высоту, высшую той, на которой пребывают люди; [обыкновенные люди] равно как и горести даются нам почувствовать сильнее затем, чтобы мы были сострадательней прочих к страждущим положеньям других. Но нужно помнить, что творец высших ощущений [высших ощущений в сердцах наших] есть бог, возвышающий наше сердце до них, а не самый тот предмет, который, по-видимому, произвел их. Я не

понимаю также хорошо, зачем именно вы привели слова евангелиста Луки. Если вы подумали о каком домашнем очаге, [угле] о семейном быте и женщине, то, сами знаете, вряд ли эта доля для вас! Вы — нищий, и не иметь вам так же угла, [угла на этом <свете>] где приклонить главу, как не имел его и тот, которого пришествие дерзаете вы изобразить кистью! А потому евангелист прав, сказавши, что иные уже не свяжутся никогда никакими земными узами. Но оставим речи о том, что в разговоре может [не совсем может] объясниться, а не в письме. Наследник, узнавши о вашем болезненном состоянии, принял в вас участие. От Олсуфьева, вероятно, вы получите бумагу, может быть, даже вместе с деньг<ами>. Все вам советуют заботиться о здоровье. Принуждать же вас оканчивать картину никто не будет. Жуковский хотел писать также от себя к Лейхтенбергскому. Стало быть, на этот счет будьте покойны. Не забывайте также и того, что посольство в Риме составлено большею частью из благородных людей. Если бы они имели возможность лучше вас узнать, они бы сами постарались о

вас. Но всё на этом свете опутано недоразумениями, всё в облаке взаимных недоразумений, — может быть, затем, чтобы напомнить человеку сильней, что жить он должен в божестве, даже и тогда, когда вся жизнь его, невидимому, отдана людям, В октябре, [В конце сентября или в октябре] вероятно, вас увижу. Прощайте.

Г.

На обороте: Александру Андреевичу Иванову.

С. М. СОЛЛОГУБ
Остенде. 26 июля <н. ст.
1847>

От Миха<и>л<а> Миха<й>л<ови>ча узнал я о появлении на свет Елисаветы Александровны. От всей души вас поздравляю. Теперь вы стали вполне мать семейства. Двое детей всё еще как-то не составляют семьи, но три уже семья; и мне теперь очень приятно представлять себе, что буду сидеть или обедать с вами уже не за коротеньким столом, а за длинным. Напишите мне словечка два о вашем здоровья; эти два словечка мне покуда нужней всего. Меня же, несмотря на всю бурю всякого рода потрясений, бог еще хранит. Вот уже три дня почти, как я в Остенде. Моря еще почти не пробовал. Немножко нужно отдохнуть и дать всему во мне успокоиться. С Миха<и>л<ом> Миха<й>л<ови>чем я виделся в Висбадене, где он пьет воды и. купается. Он, мне показалось, как будто похорошел и помолодел; черты лица его сделались тонее. По мне, это признак, что золотушность в нем

уменьшилась. Анне Михайловне я писал письмо недавно, назад тому недели две. Попросите ее, чтобы, она попросила Матвея Юрьевича (сами также попросите его) об Иванове. Этого несчастного человека просто вгонят в гроб. Он находится в величайшем нервическом расстройстве и не в состоянии держать кисти в руках, а его смущают какими-то, бог весть откуда приходящими, приказаниями оканчивать картину как можно скорее. Попросите, чтобы было устроено так, чтобы пришла от Лейхтенбергского бумага, в которой было бы ему предписано, чтобы он прежде позаботился об излечении себя, а потом уже об окончании картины; что торопиться его никто не просит, что, напротив, уверены, что он, как человек благородный, употребит все усилия исполнить ее наилучшим образом и без понуканий, тем более, что его картина не нужна, ни для какого строящегося здания. Она не заказ, а для нее нужно еще придумывать место, где поместить ее, когда она будет кончена. Похлопочите об этом. Вы сделаете истинно-христианское дело. Уведомьте меня, что делает теперь Владимир

Александрович. А равным образом напишите хоть что-нибудь из того, что у вас теперь делается в Павлине. Выберите один день и изобразите его от раннего утра до позднего вечера. Пусть мне покажется, что я с вами, и расстояние, нас разделяющее, исчезло. Бог да хранит вас. Прощайте, моя близкая моей душе Софья Михайловна!

Весь ваш Г.

А. П. ТОЛСТОМУ
Июль 28 <27 н. ст. 1847.
Остенде>

Пишу к вам несколько строчек из Остенде, куды приехал на прошлой неделе и где прежде всего [межд<у прочим>] расклеился в здоровьи. Сделайте милость, спросите у Груби, приняться ли мне за тот порошок, который был предписан назад тому год? Потому что припадки несколько похожи на прежде бывшие. В месте, где сердце, урчанье и бурлыканье, как в животе; во рту точно как бы поднимаются крошки съеденного хлеба, так что нужно беспрестанно глотать, — словом, как бы пища не сварилась. Слабость заметная во всем теле, прекращенье... [Пропущены три слова, не употребляющиеся в печати.] и заметное исхуденье в немного дней. Я посылаю на всякий случай копию с прежнего рецепта, [Далее начато: так <что>] и если он скажет, что он годится, или на место его даст другой, или найдет нужным кое-что прибавить к прежнему, то во всяком случае прошу вас по-

слать в аптеку и, заказавши две порции, послать с железной дорогой [по почте] сюды, в Остенде, потому что здесь, как вы знаете, в аптеках нельзя [нельзя почт<и>] найти никаких медикаментов. Этим меня много одолжите, а впрочем пора бы вам, как мне кажется, и самому заглянуть сюды. Дорога в Лондон через Остенде. Через неделю или полторы придет сюды Хомяков, который собирается также в Лондон; мне бы также хотелось взглянуть. Хомяков может, по моему мнению, больше, чем кто-нибудь другой, поговорить с англичанами толково о православии. Он в продолжение последних пяти лет, как мы с ним не видались, имел множество новых диспутов с раскольниками в разных местах и везде славно побеждал, так что имя его пронеслось по Руси. Уведомьте меня [Уведомьте меня такж<е>] хотя двумя словечками о графине, уехала ли она из Парижа и благополучно <ли>, то есть без хлопот, при надлежащем состоянии здоровья и без печальных приключений с девушками. От всей души желаю ей самого благодатного пути и благодатного прибытия на родину. Напишите ей, что я помню

ее доброту и радушие и буду просить всех, кого ни встречу во святой земле молящихся, помолиться о ней и о вас вместе. Но прощайте. Сильно желалось бы вас обнять еще раз в Остенде.

Весь ваш Г.

Скурыдину передайте поклон.

На обороте: Paris.

Son excellence monsieur le c-te Alexandre Tolstoy.

Rue de la Paix, № 9. (Hôtel Westminster).

С. П. ШЕВЫРЕВУ

**<Июль н. ст. 1847. Франкфурт
или Остенде.>**

Несколько слов о Малиновском. В нем, несколько могу судить из длинного письма его, должно быть очень много хорошего. А судя по толстой серой бумаге, на которой писано письмо его, он должен быть не богат. Купи на мой счет стопу самой тонкой почтовой бумаги и подари ему от себя на описанья современного народа, проходящего перед его глазами по поводу «Мертвых душ». Если в его записках, которые не позабывай присылать ко мне аккуратно по почте (на оказию и комиссии не надейся), окажется что-нибудь такое, что можно напечатать, то прикажи наскоро списать [то выпиши наскоро] его и напечатать потом в «Москвитянине» или другом журнале. Тогда весьма кстати можно будет прицепиться к оказанью денежного вспомоществования в виде платы за статью от журналиста или от тебя, как соучастника и сотрудника в журнале. Таким же образом

можно поступать и с другими талантливыми студентами, заставляя их охотнее сочинять, переводить и даже наблюдать жизнь и дух общества. Сообщаю всё это тебе только для соображения, в твердой уверенности, что ты лучше моего сумеешь сделать умней и лучше. При сем передай следующее письмецо Малиновскому.

Определи из моих денег, выручаемых за «Мертвые души», сумму на пересылку мне по почте всякого рода писем. Около 500 рублей ассигнациями назначь для этого непременно и никак не позабывай присылать мне всякую статью из журнала обо мне, приказавши переписать мелким шрифтом [В подлиннике: штрифтом] на мои деньги, и всё высылай по почте.

Д. К. МАЛИНОВСКОМУ

<Июль н. ст. 1847. Франкфурт или Остенде.>

Я прочел ваши письма. Мне кажется, что покаместь вы делаете то, что, вероятно, вам следует делать. Если мысли ваши так жаждут изливаться, пусть они изливаются; сам человек все-таки от того в выигрыше, становясь или лучше, или понятнее себе самому. План вашей философии слишком огромен, но если мысль о нем так шевелит вас и не дает покою, то, вероятно, у вас для этого есть какие-нибудь силы; иначе неоткуда бы взяться и самой мысли. Осуществление его (не целиком, а отчасти) возможно только от частого обращения с человеком на жизненном поприще. Вам следует прежде попробовать самому на каком-нибудь служебном месте исполнить таким образом долг, как бы, вам казалось, следовало всякому. Иногда на время бывает нам нужно перебить мыслительную жизнь нашу просто [само<й>] деятельной жизнью в прозаическом смысле. Мне кажется, что для

вас не бесполезно, хоть на малое время, звание учителя с некоторым самопожертвованием, то есть, отказавшись от всяких улучшений и новых методов, которые будут беспрестанно представляться (потому что, слава богу, голова у вас не без изобретательности), придерживаться метод прежних учителей и в это время наблюдать попристальней над теми, которых вы наставляете. Чем тише вы будете действовать вначале и чем постепенней будете наблюдать за человеком, начиная с самых, нежнейших возрастов, тем у вас будет полнее познание человека. Во всяком случае деятельность нам нужна вначале почти механическая, [машинальная] в определенной колее, уже известной. Открытия же покуда передавайте бумаге, не торопясь применением. Так мне кажется. А впрочем да наведет вас бог на то, что вам лучше и для вас удобнее.

Искренно желающий вам успехов <Н. Гоголь>.

На обороте: М. И. Малиновскому.

А. П. ТОЛСТОМУ
Остенде. Август 2 <н. ст.
1847>

Не отвечал вам тотчас по той причине, что поджидал порошка, который, как вы пишете, мне послали. Порошок не пришел; я получил только письмо, а на письме не выставлено, чтобы следовала при нем посылка. Чиновники уверили меня, что не было посылки, а потому я вновь к вам <с> просьбой взять порошок в парижской аптеке, потому что здесь аптекари, как вам известно, ничего не имеют. Ответы на вопросы Груби, которого не знаю, как благодарить, при сем прилагаю. Мне кажется, что мне как будто стало несколько лучше. Но всё, однако же, я не смею купаться иначе, как в самый теплый день и когда нет совсем ветра. Ветер необыкновенно сильно действует на кожу я чувствую слабость большую. От небольшого ветра меня то бросает в пот, то знобит. [то в озноб] Спросите Груби, не будут ли для меня теперь чересчур сильны волны. Ваши известия о бедной нашей России

не утешительны. Я тоже имею много неутешительных: к кровопролитьям на Кавказе прибавилась еще и холера в тех местах. Но как подумаю, ведь нам прежде всего нужно жить в божге, а не в России. Ведь мы знаем, что без божьей воли ничего не делается. А воля божья разумна, воля божья знает, что нам нужно. [Далее начато: Не должны ли мы во всяком случае говорить: да будет воля твоя] Будем исполнять [исполнять тщательно] закон Христа относительно тех людей, с которыми нам придется столкнуться (закон этот можно исполнять всюду), а о России бог позаботится и без нас. Как ему оставить ее, если есть столько людей, которые о ней молятся? Помолимся и мы о ней крепко, как только можем молиться, а потом палку в руки и вновь в путь-дорогу, по примеру всякого помышляющего о душе своей человека. Мне кажется, на вас неаполитанская зима может подействовать благотворно; там было хорошо и мне, и я согрелся. Очень было бы приятно встретиться с вами в Италии. Почему знать, может быть, случилось бы так, что и в Россию пришлось бы возвратиться в одно время... По-

куда в Остенде немного русских. Из знакомых вам, кажется, один только Глебов да ваша родственница Сен-При Долгорукая, которую я видел всего один раз и не дальше, как вчера. Но прощайте. Передайте мой усердный поклон графине, если она еще в Париже. Доброму Миха<и>лу Сергеевичу также поклон; книги он может подарить первому встречному, всего лучше которому-нибудь из наших парижских попов, они же охотники собирать книги. На адресе прибавляйте: Rue de Saracins, № 16, выставьте: «При сем следует посылка». Затем всею душою моей вас обнимаю.

Весь ваш Г.

Приложение

Ответы на вопросы Груби:

1. Причина благоприятного состояния здоровья, может быть, отчасти волнение после дороги. В первый день я много ходил по городу, особенно сейчас после обеда, чего прежде

не делывал.

2. Сон порядочен.

3. После обеда бывают небольшие отрыжки, часа через три после еды бывает иногда тяжесть в желудке.

4. Аппетиту большого не бывает даже и после купанья.

5. Бурчанье около сердца бывает больше перед обедом, ввечеру и на другой день перед завтраком.

6. Крошки во рту чувствуются также гораздо спустя после еды.

7. Во рту горьковатый вкус.

После доброго приема зейдлицких порошков (двойного) прослабило и с тех пор имею... [Пропущено 8 слов, не употребляющихся в печати.] но почти каждодневно.

Чувствуется (особенно по утрам и лежа в постеле) боль вверху спины, между двумя лопатками, немного пониже первого позвонка, как бы внутри.

На обороте: Son excellence monsieur le c-te
Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, 9. (Hôtel Westminster).

А. П. ТОЛСТОМУ
<6 августа н. ст. 1847.
Остенде.>

Уведомляю вас, что порошок приехал. Он меня несколько изумил своею белизною. Сначала я думал, что не по ошибке ли прислан мне чужой, прежний был темносерый, а рецепт не изменился. На вкус магнезия вместо перчиковки, а на поверхности воды, в которой принимал порошок, показался голубой цвет я по нем струи как бы меди (разумею [гов<орю>] о случайно оставшейся до другого дни рюмке). Хомяков приехал также. О тульском дворянстве говорит он, что тульские помещики сами изъявили желание составить комитет. Мухановых и Тютчева еще нет. Впрочем всё покуда обстоит благополучно. Прощайте. Тороплюсь отправить письмо.

Скажите Груби, что порошки во рту, как я заметил, чувствуются особенно после выхода из морской ванны, и грудь бывает в состоянии стесненном.

Ваш Г.

На обороте: Son excellence monsieur le c-те
Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, № 9. Hôtel Westminster.

Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
Остенде. 8 августа <н. ст.
1847>

Не могу вам изъяснить, как меня приятно
Низумило ваше письмо, возвестившее о
близости вашего присутствия. Так как вы не
подписали вашего имени, то я прочел его ра-
за два, желая удостовериться, точно ли оно от
вас, и точно ли это вы — та самая графиня Лу-
иза Карловна, с которой мы так приятно ссо-
рились и так приятно мирились, как дай бог
всем людям так ссориться и так мириться.
[так приятно ссориться и так приятно ми-
риться] Дай бог, чтобы помог вам Висбаден в
таком случае я готов благодарить Юнке от ду-
ши за то, что разлучил нас на три недели. Я
буду вас здесь дожидаться. Скажите, какой
Апраксин в Нордерне? Вы написали:
Вик<тор> Степ<анович>. Если это сын Софьи
Петровны, Вик<тор> Владимирович, то я ему
просто напишу, чтобы он приезжал свдда. За-
чем ему сидеть там, где, вероятно, никого у
него нет знакомых, а здесь будет, без сомне-

ния, и дядя его, гр<аф> Алек<сандр> Петро<вич> Толстой, хоть на две недели, Хомяков, Муханов, и с вами, вероятно, также будет ему приятно встретиться. — Напишите мне хоть две строчки о том, как вы проводите время в Висбадене, и передайте об этом же просьбу мою Анне Михайловне, добрейшей и незлобивейшей из всех Анн Миха<й>ловн, какие когда-либо были на свете. Я уже, признаюсь, хотел было ехать к вам в Висбаден, но, опасаясь бестолковщины, которая могла бы произойти, не столько по части моего здоровья, сколько по части некоторых распоряжений, ради которых нельзя было подняться раньше недели, призадумался. Здоровье мое на нынешний раз не получает значительной поправки от ванн. Сделались было такие недуги, вследствие которых я должен был прекратить на время ванны, но здоровье духа моего довольно крепко. [кажется мне, довольно крепко] Начинаю вновь понемногу купаться. Мне кажется, что для глаз ваших морское купанье особенно будет целебно. Вы помните, как в виду вас граф Толстой, Алек<сандр> Пет<рович>, который перед при-

ездом в Остенде не мог читать, к концу одного месяца начал читать без очков самую мелкую печать. Но прощайте. Спешу переслать вам эти строки поскорее, потому что почты стали неизвестно почему медленны. Ваше письмо из Берлина шло сюда ровно неделю. До свиданья!

Прощайте. Весь ваш, любящий вас всех еще более, чем когда-либо прежде.

Н. Гоголь.

На обороте: Son excellence madame la c-tesse Wielhorsky à Wiesbaden.

А. П. ТОЛСТОМУ
8 августа <н. ст. 1847.
Остенде>

Письмо ваше от 5 августа получил; порошков еще нет, но, вероятно, они скоро придут вслед. Благодарю вас много за доброту и попечение о здоровьи моем. Дай вам бог за это и здоровья, и блаженной участи творить то, что угодно ему. Насчет черкесов я с вами совершенно согласен; мы совершенно не умели из них сделать нашу силу и крепость и бог весть из-за чего задумали истреблять то, что послужило бы к добру нашему. Только, мне кажется, вряд ли удастся и модному просвещению одолеть этот народ. Бог не даром берегает простоту некоторых народов и хранит в ущельях и горах остатки патриархального быта. Напишите мне заглавие той испанской истории, которую вы читаете; мне хотелось бы также прочесть ее. Она, как видно, написана хорошо и толково. Старая Испания, точно, всё могла бы иметь и всё потеряла. Но новая Испания в ее нынешнем виде стоит того, чтоб

ее рассмотреть: это начало чего-то. Я пробежал на днях напечатанные в «Современнике» письма русского там бывшего, Боткина, которые, во многих отношениях, очень интересны, особенно там, где обнаруживают свежесть сил народа и характер, очень похожий на характер добрых, простых народов, образовавшийся, однако ж, в это время смут, которые не допустили воцариться там ни новой гражданственности, ни новой роскоши. Хомяков, между прочим, привез с собой катихизис, отысканный им на греческом языке в рукописи, и перевод его на русский, тоже в рукописи. Катехизис необыкновенно замечательный. Еще нигде не была доселе так отчетливо и ясно определена церковь, ее границы, ее пределы. Всё в таком виде и в такой логической последовательности, что может сильно подействовать на немцев и англичан. По моему мнению, на французский язык его не следует вовсе переводить. Французов могут познакомить с ним немцы и англичане своими собственными сочинениями, которые, без сомнения, появятся не в малом количестве по поводу этой книги в той и другой земле. Нако-

нец вот вам новости остендские. Сюда собирается графиня Вьельгорская, с Анной Михайловной и Михаилом Михайловичем. Они уже в Висбадене, где графиня-мать лечится от глаз, а сын от небольшой ранки на ноге, которая, однако ж, почти совершенно прошла. Анна Михайловна, кажется, здорова, — по крайней мере ни от чего не лечится. В то же самое время я узнал, что племянник ваш Виктор Владимирович Апраксин находится в Нордернеу, где берет морские ванны. Я написал ему письмо, в котором прошу его заглянуть в Остенде, где, может быть, он встретит вас, что, без сомненья, и вам, и ему будет приятно, и признаюсь, в то же время подумал: хорошо, если бы он познакомился и узнал Ан<ну> Ми<ха>й<ло>в<ну>. Почему знать? Может быть, они бы понравились друг другу. У Виктора Вл<адимировича> желанье сильное сделаться помещиком и заняться не шутя 'благоустройством крестьян. В таком случае вряд ли ему во всей России найти где лучшую помощницу, которая дейс<твует и> рассуждает так умно об этом деле, как я не встречал никого из нашей братии мужчин. Впрочем да

будет всё так, как угодно богу! А нам во всяком случае следует искать тех знакомств и встреч, от которых хотя сколько-нибудь может похорошеть душа. Сами мы не можем дойти ни к чему без помощи других. И к богу мы можем доходить только посредством частых обращений с людьми, тоже к нему стремящимися. Но прощайте! Очень бы хотелось вместо этого слова обнять вас лично. Графине передайте самый душевный поклон.

Весь ваш Гоголь.

В. Г. БЕЛИНСКОМУ
Остенде. 10 августа <н. ст.
1847>

Я не мог отвечать скоро на ваше письмо. Душа моя изнемогла, всё во мне потрясено, [В подлиннике: потрясение] могу сказать, что не осталось чувствительных струн, [Далее начато: на] которым не был<о> бы нанесено поражения еще прежде, чем получил я ваше письмо. Письмо ваше я прочел почти бесчувственно, но тем не менее был не в силах отвечать на него. Да и что мне отвечать? Бог весть, может быть, и в ваших словах есть часть правды. Скажу вам только, что я получил около пятидесяти разных писем по поводу моей книги: ни одно из них не похоже [Вписано и вычеркнуто: даже] на другое, нет двух человек, согласных во мненьях об одном и том же предмете, что опровергает один, то утверждает другой. И между тем на всякой стороне есть равно благородные и умные люди. Покуда мне показалось только то непреложной истиной, что я не знаю вовсе России,

что многое изменилось с тех пор, как я в ней не был, что мне нужно почти сызнова узнавать всё то, что ни есть в ней теперь. А вывод из всего этого вывел я для себя тот, что мне не следует выдавать в свет ничего, не только [не представлять пред глаза читателя] никаких живых образов, но даже и двух строк какого бы то ни было писанья, по тех пор, покуда, приехавши в Россию, не увижу многого своими собственными глазами и не пощупаю собственными руками. Вижу, что укорявшие меня в незнании многих вещей и несоображении многих сторон обнаружили передо мной собственное незнание многого и собственное несоображение многих сторон. Не все вопли услышаны, не все страданья взвешены. Мне кажется даже, что не всякий из нас понимает нынешнее время, в котором так явно проявляется дух построенья полнейшего, нежели когда-либо прежде: как бы то ни было, но всё выходит теперь внаружу, всякая вещь просит и ее принять в соображенье, старое и новое выходит на борьбу, и чуть только на одной стороне перельют и попадут в излишество, как в отпор тому переливают и на другой. На-

ступающий век есть век разумного сознания; не горячась, он взвешивает всё, приемля все стороны к сведенью, без чего не узнать разумной середины вещей. Он велит нам оглядывать многосторонним взглядом [иметь многосторонний взгляд] старца, а не показывать горячую прыткость рыцаря прошедших времен; мы ребенки перед этим веком. Поверьте мне, что и вы, и я виновны равномерно перед ним. И вы, и я перешли в излишество. Я, по крайней мере, сознаюсь в этом, но сознаетесь ли вы? Точно так же, как я упустил из виду современные дела и множество вещей, которые следовало сообразить, [принять к <сведению>] точно таким же образом упустили и вы; как я слишком усредоточился в себе, так вы слишком разбросались. Как мне нужно узнавать многое из того, что знаете вы и чего я не знаю, так и вам тоже следует узнать хотя часть того, что знаю я и чем вы напрасно пренебрегаете.

А покаместь [Но прежд<е всего>] помните прежде всего о вашем здоровьи. Оставьте на время современные вопросы. Вы потом воз-

вратитесь к ним с бóльшею свежестью, стало
быть и с бóльшею пользою как для себя, так и
для них.

Желаю вам от всего сердца спокойствия
душевного, первейшего блага, без которого
нельзя действовать и поступать разумно ни
на каком поприще.

Н. Гоголь.

В одно время с письмом к вам отправил я
письмо и к Анненкову. Спросите у него, полу-
чил ли он его. Я адресовал в Poste restante.

На обороте: A monsieur

monsieur Bellinsky.

Paris. Poste restante.

П. В. АННЕНКОВУ
Остенде. Августа 12 <н. ст.
1847>

Узнавши, что вы в Париже, пишу к вам. Я получил письмо от Белинского, которое меня огорчило не столько оскорбительными словами, устремленными лично на меня, сколько чувством ожесточенья вообще. Последнее сокрушительно для его здоровья. Вы теперь при нем: отводите от него всё возмущающее дух его. Убедите его прежде всего в той непреложной истине, что излишество теперь удел всех, кто только сколько-нибудь имеет сердце не бесчувственное к делам мира, какой-нибудь характер и какое-нибудь убеждение. Все переливают через край, потому что никто не спокоен. Я, более других спокойный и хладнокровный, впал в излишество более других: писавши мои письма, я был истинно убежден в той мысли, что все звания и должности могут быть освящены человеком и что чем выше место, тем оно должно быть святее; я хотел рассмотреть все места

и звания в их чистом источнике, а не в том виде, в каком они являются вследствие злоупотреблений человеческих; я начал с высших должностей; я хотел напомнить человеку о всей святости его обязанностей, а выразился так, что слова мои приняли за куренье человеку. Не увлекись я духом излишества, который раздувает теперь всех, я бы выразился, может быть, так, что со мною во многом бы согласились те, которые оспаривают теперь меня во всем, хотя чувствую, что и тогда видна была бы во мне односторонность: занявшись своим собственным внутренним воспитанием, проведя долгое время за Библией, за Моисеем, Гомером — законодателями веков минувших, читая историю событий, кончившихся и отживших, наконец, наблюдая и анатомируя собственную душу в желаньи узнать глубже душу человека вообще и встретясь на этом пути с тем, который более всех нас знал душу человека, я весьма естественно стал на время чужд всему современному. Зато теперь проснулось во мне любопытство ребенка знать всё то, чего я прежде не хотел знать. Точно как бы на то была уже

такая воля, [воля нами управляющего] чтобы я не прежде приступил к узнанию мирских дел, [дел мира] как узнавши получше самого себя. И мне кажется, что я теперь далее всякого другого могу уйти на пути разведыванья: ни раздраженья, ни фанатизма во мне нет, ничьей стороны держать не могу, потому что везде вижу частицу правды и много всяких преувеличиваний и лжи. Не знаю только, достанет ли на то сил физических: здоровье мое, которое началось было уже поправляться и восстанавливаться, потряслось от этой для меня сокрушительной истории по поводу моей книги. Многие удары так были чувствительны для всякого рода щекотливых струн, что дивлюсь сам, как я еще остался жив, и как всё это вынесло мое слабое тело. Но в сторону всё это. Недавно я прочел ваши письма о Париже. Много наблюдательности и точности, но точности дагеротипной. [дагеротипической] Не чувствуется кисть, их писавшая; сам автор — воск, не получивший формы, хотя воск первого свойства, прозрачный, чистый, именно такой, какой нужен для того, чтобы отлить из него фигуру. Словом, в письмах не

видно, зачем написаны письма. В то же время прочел я письма Боткина. Я их читал с любопытством. В них всё интересно, может быть, именно оттого, что автор мысленно занялся вопросом разрешить себе самому, что такое нынешний испанский человек, и приступил к этому смиренно, не составивши себе заблаговременно никаких убеждений из журналов, не влюбившись в первый выведенный им вывод, как делают это люди с горячим темпераментом, не рассматривающие того, что выведен вывод только из двух, из трех сторон дела, а не изо всех, как случается это с Белинским, со многими людьми на Москве, со мною грешным и вообще со всеми теми, [теми людьми] в которых много гордости и убеждения, что они [они одни] стоят на высшей точке воззрения на вещи. В ваших же письмах мне показалось, как будто вы не задавали самому себе сурьезного [какого-нибудь сурьезного] вопроса. Я подумал: что если бы на место того, чтобы дагеротипировать Париж, который русскому известен более всего прочего, начали вы писать записки о русских городах, начиная с Симбирска, и так же

любопытно стали бы осматривать всякого встречного человека, как осматриваете вы на мануфактурных и всяких выставках всякую вещицу? Если при этом описании зададите себе внутреннюю [В подлиннике: внутреннюю] задачу разрешить самому себе, что такое нынешний русский человек во всех условиях, на всех местах, начиная от высших до низших, и, держа внутри себя этот вопрос, будете глядеть на всякое событие и случай, как бы они ничтожны ни были, как на явление психологическое, ваши записки вышли бы непременно интересны. Тем более, что у вас, как мне кажется, нет пристрастия и сильной уверенности в истине своих выводов и заключений. Я очень помню одно ваше письмо, которое вы писали мне из Симбирска в ответ на кое-какие упреки с моей стороны. Оно меня тронуло этим отсутствием гордой самоуверенности в себе; я вам [ему] искренно позавидовал. Но заговорился [Но я с вами заговорился] ... Вы бы сделали хорошо, если бы заглянули в Остенде. Это так близко от Парижа. По железной дороге день езды. Мы бы вспомнили старину. Скажу вам, что мне теперь

сильней, чем когда-либо, хочется видеть всех, с кем я давно знаком. Люди, с которыми я повстречался в юности моей, становятся мне теперь с каждым годом как бы родственней и ближе — оттого ли, что способность воспоминания, которая была всегда во мне живая, при повороте дней моих к старости стала еще живей или оттого, что в самом деле любовь к человеку во мне увеличилась. Как бы то ни было, но я благодарю бога за это чувство. Оно так умиряет, так успокоивает душу даже и среди помышлений о судьбах человечества, общества и всего мира. Но прощайте. Если увидите Боткина, поклонитесь ему. На адресе письма сверх Остенде можете вставить: Rue de Capucins, 16. — Белинскому ответ я написал, адресуя в *poste restante*.

Ваш Н. Г.

На обороте: A monsieur

monsieur Annenkoff. Павлу Васильевичу Анненкову.

Paris. Poste restante.

Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

**Остенде. 1847. Августа 14 <н.
ст.>**

Письмо Луизы Карловны было расцеловано за неимением налицо ее ручки. Я, точно, чуть было не уехал в Лондон с Хомяковым и жалею, что этого не сделал, потому что к вашему приезду в Остенде успел бы возвратиться всячески. Но я так боялся, что в отсутствие мое может быть от вас получено письмо, в котором вы как-нибудь перемените план свой, и, не будучи в возможности сообразиться с ним, я могу потерять с вами несколько дней свидания, что это навело беспокойство на дух мой, и я думаю, что я не в силах был бы спокойно рассматривать Лондон, как ни велико было мое желание осмотреть многое мне нужное. Я и теперь не могу себя приучить к той мысли, что вы так близко от меня и я вас не вижу. Уведомьте меня сей же час, если вы раздумаете ехать в Остенде: я его сей же час брошу и приеду к вам. Мне бы хотелось перед моим большим, предстоящим мне путеше-

ствием на вас наглядеться вдоволь. Квартира будет вам отыскана, как только вы напишете утвердительное письмо и означите в нем день вашего приезда. Здесь из ваших знакомых покуда Муханов и Глебов-Стрешнев, очень добрый человек, который отчасти вам и родственник. Есть еще несколько русских, но самое главное то, что в Остенде можно почти никого не видать, если — захотите. Несмотря, на маленькое место, занимаемое городом, люди никак не встречаются и не сталкиваются, именно потому, что по причине морского ветра всяк отворачивает свое лицо в сторону и прижмуривает глаза. На это письмецо напишите хоть две строчки — или вы, или Анна Миха<й>ловна, или Миха<и>л Миха<й>лович, а я покуда обнимаю вас всех мысленно, как ближайших моему сердцу и душе. Христос с вами! Спешу отнести скорей это писанье на почту.

Ваш Н. Г.

На обороте: Son excellence madame la c-sse Wielhorsky.

Wiesbaden.

А. П. ТОЛСТОМУ
Остенд<е>. Август 14 <н. ст.
1847>

Уведомьте меня хотя двумя строчками, получили ли мое письмо от 2 августа, в котором я извещал вас о Вьельгорских и о том, что они едут в Остенде? Уведомьте меня также о том, в какой степени вы довольны дантистами, и владеете ли вы хорошо теми зубами, которые вставлены, и как много вы их себе вставили? Наконец, словечка два о вашем маршруте. На днях, я получил письмо от Матвея Александровича — ответ на мое (итак, вы можете копию, находящуюся у вас, изорвать). В письме этом многое пришлось [пришлось мне] очень кстати моему душевному состоянию. Я уверен, что если бы я умел изъяснить ему и прочее, что он покуда принял в другом смысле, он бы мне и там сказал много нужного. Письмо это имело отраднo-успокоительное на меня действие: душа ангельская слышна в его строках. Я верю, что он обо мне молится, как брат молится о брате, и не знаю,

как благодарить за это бога. За эти молитвы я обязан также вам, как и за многое другое. Но прощайте. Мысль, что проведу с вами ползими в Неаполе и наговоримся обо всем, очень радостна, а покуда на это письмо хоть две строчки! [Далее начато: Не откладывая]

Весь ваш Н. Гоголь.

На обороте: Son excellenece m. le c-te
Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, № 9. Hôtel Westminster.

А. П. ТОЛСТОМУ
<Около 14 августа н. ст. 1847.
Остенде.>

Я несколько замедлил отвечать вам, добрейший Александр Петрович. Вы спрашиваете о письме Матвея Александровича: оно скорее длинно, чем коротко. Видно, что сердце в нем разговорилось и что он, точно как купец, [добрый купец] рад от всей души продать товар свой. Тексты, приводимые из св. писания, показывают в нем полного хозяина, который знает, где, в каком месте нужно что брать. Говорит он о том, как все мы — церкви живого бога и должны слушаться духа, в нас живущего, а не земной телесности нашей; что никому из нас не прожить столько, как мы прожили, и потому, оставивши все хлопоты и вещи мира, следует нам поворотить во внутреннюю жизнь. Почти половина письма пришлась мне кстати, другая потому не пришлась, что он не в том смысле взял некоторые слова мои, но тем не менее и эта половина справедлива. Мне чувствуется, что следую-

Ще письмо, которое получу от него, может уже прийти целиком к душе моей. Скажу, что вследствие письма его я больше осмотрелся и хочу снова перечитать всё мною читанное для души, начиная с Ефрема [В подлиннике: Еврема <описка?>] Сириянина, Златоуста и Макария Египетского, как советует он, тем более, что я замечал, что после всякого такого чтения становится яснее взгляд на Евангелие, и многие места в нем становятся доступнее. Впрочем обо всем этом, равно как и прочем, [о всяком] поговорим при свидании. А покамест сделаете недурно и вы, если займетесь таким же чтеньем хоть по главе в день, разумеется, с обращеньем на себя и припоминаньем себе всей прежней жизни своей. Вам станет тоже потом доступнее Евангелие и яснее всякое слово Спасителя.

О делах римских и кардинале Вентур<е> не могу судить, потому что не знаю, в каком именно смысле разумеет он сам сказанные слова. Демон излишества так теперь раздувает речи всех, так всяк почти против собственного желания переливает через верх, что мне

покамест звучит в ушах: «Не судите, да не осуждены будете». Если бы я всю речь прочел, тогда, может быть, что-нибудь [что-нибудь еще] сумел сказать.

О Вьельгорских не могу сказать, когда будут. Кажется, не раньше 1-го сентября. Стало быть, графиня Анна Егоровна [В подлиннике: Егорьевна] может их встретить еще, проезжая Франкфурт. О племяннике вашем я подумал [подумал при этом случае] потому, что в нем есть большая ревность к хозяйству и забота об устройении судьбы крестьян. Вот почему мне подумалось о том, что ему нужна была бы умная помощница в таком деле. Вообще же насчет женитьбы я думаю, [думаю то] что тем, которые ездят на воды, не следует вступать в брак, а лучше бы подумать о том, как служить богу, предоставляя браки тем, которые здоровы и еще годятся на расплод.

Я уже вам писал, что мне стало лучше еще до приниманья порошков, тем не менее я стал принимать порошки. Теперь начал принимать второй номер; что будет от этого, не

знаю. Немножко было вновь началось бурчание около сердца, но теперь прошло. Зато, мне кажется, стали больше охладевать оконечности, то есть руки и ноги.

Муханов мне сказывал, что вас смущает множество русских, наехавших в вашу гостиницу, в числе которых находится даже и литератор Белинский. Кстати о Белинском: я получил от него недавно письмо, которое, по словам его, само просилось вследствие моего приглашения всем говорить мне правду. Письмо, действительно, чистосердечное и с тем вместе изумительное уверенностью в непреложность своих убеждений. Он видит совершенно одну сторону дела и не может даже подумать равнодушно о том, что существует и может существовать другая сторона того же дела. Я написал ему в ответ только то, что мы все еще плохо понимаем те вещи, о которых говорим, что [и что] прежде всего следует нам излечить себя от самоуверенности в себе и торопливости выводить заключения. Если вы встретите Анненкова, того самого, который — помните? — был у меня в Па-

риже при вас, то, пожалуйста, спросите его, получил ли он мое письмо к нему, адресованное в poste restante вместе с письмом к Белинск<ому>, с которым он в дружеских отношениях. [с которым он зн<аком>]

Но прощайте. Тороплюсь отправить и царапаю так, что вы едва ли прочтете. Хомякова до сих пор еще нет из Лондона.

Графине душевный поклон.

Ваш Н. Г.

А. П. ТОЛСТОМУ
Остенде. Август 21 <н ст.
1847>

От вас давно нет вестей, наилюбезнейший мой Александр Петрович. Муханов тоже на это жалуется. Вчера приехал сюда ваш племянник Викт<ор> Владим<ирович> Апраксин. Он поправился здоровьем. Вам надобно его узнать. Он очень умный и очень желающий действовать полезно; только и думает, чтобы заняться деревней, хозяйством и благосостоянием крестьян. От Вьельгорских я получил на днях известие. Они едут к 1 сентября. Обнимаю вас от всей души. Напишите хоть словечка два или, еще лучше, приезжайте сами. Право, люди, которые ждут вас и любят вас, и хотят вас видеть — не безделица. Оставьте в сторону дрянные ваши зубы, которые не стоят гроша. Даже и тогда, если б были хороши. Душа лучше зубов и всего на свете.

Ваш Г.

Ha o6opote: Son excellence monsieur le c-te
Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, 9 (Hôtel Wagram).

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
<24 августа н. ст. 1847.
Остенде.>

Ваше милое письмецо получил. Конечно, жалко, что не поехал я с Хомяковым в Лондон, но так как это уже прошло, и как без Хомякова мне не хочется там быть, а Хомякову уже время возвратиться назад, то я попеченье об этом отложил, тем более, что Лондон как-то в глазах моих побледнел, — может быть, оттого, что Висбаден стал заманчив и выгнал его из головы. Мне было очень приятно увидеть из ваших строк, что Висбаден, кажется, действует на вас благотворно. От Апраксина который теперь здесь, я покуда расспросил о вас; хоть известий было и немного и он вас видел мало, но мне приятно было услышать [видеть] о вас и немногое. Море здесь по-прежнему лижет остендскую плотину, издает фосфорический свет и греет спины купающихся, ожидая с нетерпением ваших. Дни были хорошие до вчерашнего дня. Со вчерашнего же дня начались ненастные, то есть те са-

мые, которые посреди земли называются дурными, для тех же, которые живут при море и купаются, очень хороши. Жду вас нетерпеливо и всех обнимаю мысленно.

Ваш Г.

На обороте: Son excellence mademoiselle la c-sse A. Wielhorsky.

Анне Миха<й>ловне Вьельгорской.

Wiesbaden.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Остенде. Августа 24 <н. ст.
1847>

Твое милое письмецо (от 29 июля/10 авг<уста>) получил. Оставим на время всё. Поеду в Иерусалим, помолюсь, и тогда примемся за дело, рассмотрим рукописи и всё обделаем сами лично, а не заочно. А потому до того времени, отобравши все мои листки, отданные кому-либо на рассмотрение, положи их под спуд [под спудом] и держи до моего возвращения. Не хочу ничего ни делать, ни начинать, покуда не совершу моего путешествия и не помолюсь, как хочется мне помолиться, поблагодаря бога за всё, что ни случилось со мною. Теперь только, выслушавши всех, могу последовать совету [словам] Пушкина: «Живи один» и проч. А без того вряд ли бы мне пришелся этот совет, потому что все-таки для того, чтобы идти дорогой собственного ума, нужно прежде изрядно поумнеть. Сообразя все критики, замечания и нападения, как изустные, так и письменные, вижу,

что прежде всего нужно всех поблагодарить за них. Везде сказана часть какой-нибудь правды, несмотря на то, что главная и важная часть книги моей едва ли, кроме тебя да двух-трех человек, кем-нибудь понята. Редко кто мог понять, что мне нужно было также вовсе оставить поприще литературное, заняться душой и внутренней своей жизнью для того, чтобы потом возвратиться к литературе создавшимся [воспитавшимся] человеком и не вышли бы мои сочинения [сочинения литературные] блестящая побрякушка.

Ты прав совершенно, признавая важность литературы (разумея в высоком смысле ее влиянья на жизнь). [разумея в ее высоком смысле] Но как много нужно, чтобы дойти до того, какое полное знание жизни, сколько разума и беспристрастия старческого, чтобы создать такие живые образы и характеры, которые пошли бы навеки в урок людям, которых бы никто не назвал в то же время идеальными, но почувствовал, что они взяты из нашего же тела, из нашей же русской природы! Как много нужно сообразить, чтобы создать

таких людей, которые были бы истинно нужны нынешнему времени! Скажу тебе, что без этого внутреннего воспитания я бы не в силах был даже хорошенько рассмотреть [рассмотреть, что такое нынешнее время] всё то, что необходимо мне рассмотреть. Нужно очень много победить в себе всякого рода щекотливых струн, чтобы ничем не раздражиться, ни на что не рассердиться и уметь хладнокровно выслушивать всех и взвесить [хладнокровно рассмотреть и взвесить] всякую вещь. Теперь я хоть и узнал, что ничего не знаю, но знаю в то же время, что могу узнать столько, сколько другой не узнает. Но обо всем этом будем толковать, когда свидимся. Постараюсь по приезде в Россию лучше разглядеть Россию, всюду заглянуть, переговорить со всяким, не пренебрегая никем, как бы ни противоположен был его образ мыслей моему, и словом — всё пощупать самому. Напиши мне о своих предположениях на будущий год относительно тебя самого, равно как и о том, расстаешься ли ты с университетом. Признаюсь, мне жалко, если ты это сделаешь. Оставить профессорство — это я понимаю, но оставить ректор-

ство — это, мне кажется, невеликодушно. Как бы то ни было, но это место почтенное. Оно может много возвыситься от долговременного на нем пребывания благородного, честного и возвышенного чувствами человека. Мне так становится жалко, когда я слышу, [слышу теперь] что кто-нибудь из хороших людей сходит с служебного поприща, как бы происходила какая-нибудь утрата в моем собственном благосостоянии. По крайней мере, уже если оставлять это место, так разве с тем только, чтобы променять его на попечителя того же университета. Важнейшая государственная часть все-таки есть воспитанье юношества. А потому на значительных местах по министерству просвещения все-таки должны быть те, которые прежде сами были воспитатели и знают опытно то, что другие хотят постигнуть [знают опытно такие дела, которые хотят постигнуть] рассуждением и умствованиями. А впрочем ты, вероятно, уже всё это обсудил и взвесил и знаешь, как следует поступить тебе. Во всяком случае об этом мне напиши. Письмо адресуй в Неаполь по-прежнему. Я пробуду там до февраля. Обнимаю те-

бя крепко.

Твой Н. Г.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

<Середина августа ст. ст. 1847.

Остенде.>

В Неаполе я пробуду еще до февраля. В
...**В** феврале отправляюсь на Восток, а отту-
да в Россию, и если бог устроит всё благопо-
лучно, то, может быть, будущим летом уви-
димся в Петербурге. Прощай.

Твой Н. Г.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Его высокоблагородию Николаю Яковлеви-
чу Прокоповичу.

В Петербурге. На Васильевском острове, в
9 линии, между Большим и Средним про-
спек<тами>, в собственном доме.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Остенде. 28 августа <н. ст.
1847>

Я уже давно не получал от тебя писем. Здоров ли ты? От Хомякова узнал несколько отрывочных о тебе известий. Книг покуда еще никаких от тебя не получаю. Пробежал некоторые номера русских журналов, которые попались мне в руки и которых в силу можно было держать в руках по причине толщины. Взгляд на них мне был нужен. Все-таки в них выражается часть того общества, которое больше всех других читает книги. Это нужно принять к сведению всякому, кто ни заводит речь с обществом. Своя собственная речь сделается доступнее. Не снизойдя к другим, нельзя их возвести к себе, а теперь, право, всяк из нас требует снисхождения: как ему не заблудиться в это время брожения и смешенья всего!

Что касается до объяснений на мою книгу, то я решился дело это оставить. Покуда не

съезжу в Иерусалим, не предприму ничего, а до того и другие от многого очнутя.

Прилагаю тебе при сем письмо к Сергею Тимофеевичу Аксакову, которое ты можешь прочесть, во-первых, потому, что тут есть кое-что, относящееся до меня лично, а во-вторых, потому, что ты должен читать все мои письма, рад или не рад, потому что ты должен меня знать лучше других, имея все-таки больше противу других данных узнавать со всех сторон человека...

С. Т. АКСАКОВУ
Остенде. Август 28 <н. ст.
1847>

В любви вашей ко мне я никогда не сомневался, добрый друг мой Сергей Тимофеевич. Напротив, я удивлялся только излишеству ее, — тем более, что я на нее не имел никакого права: я никогда не был особенно откровенен с вами и почти ни о чем том, что было близко душе моей, не говорил с вами, так что вы скорее могли меня узнать только как писателя, а не как человека, и этому, может быть, отчасти способствовал милый сын ваш Конст<антин> Сергеевич. В противность составившейся в Москве обо мне сказке, которой вы так охотно верите, что я, т. е., люблю угождения и похвалы каких-то знатных Маниловых, скажу вам, что я скорее старался отталкивать от себя, чем привлекать всех тех, которые способны слишком сильно любить; я и с вами обращался несколько не так, как бы следовало. Обольстили меня не похвалы других, но я сам обольстил себя, как обольщаем

себя мы все, как обольщает себя всяк, кто сколько-нибудь имеет свой собственный образ мыслей и слышит в чем-нибудь свое превосходство, как обольщает себя, в великодушных мечтах своих, и любезный сын ваш Конст<антин> Сергеевич, как обольщаем мы себя все до единого, грешные люди; и чем кто больше получил даров и талантов, тем больше себя обольщает. А демон излишества, который теперь подталкивает всех, раздует так наше слово, что и смысл, в котором оно сказано, не поймется.

Не сердитесь на Смирнову; не называйте ее безрассудною женщиною. Женщина эта почтена была короткою дружбой Пушкина и Жуковского, которые любили ее именно за здравый рассудок и за добрую душу. Она меня знала еще прежде, чем вы меня знали, — знала как человека, а не как писателя, видела меня в те душевные состояния мои, в которые вы меня не видели. С ней мы были издавна, как брат и сестра, и без нее бог весть, был ли бы я в силах перенести многое трудное в моей жизни; а потому и не мудрено, что,

несмотря на пристрастие ее ко мне, многое в моей книге она почувствовала полней и не перетолковала в такую превратную сторону, как перетолковали вы.

Да, книга моя нанесла мне поражение, но на это была воля божия. Да будет же благословенно имя того, кто поразил меня! Без этого поражения я бы не очнулся и не увидел бы так ясно, чего мне недостает. Я получил много писем очень значительных, гораздо значительнее всех печатных критик. Несмотря на всё различие взглядов, в каждом из них, так же, как и в вашем, есть своя справедливая сторона. Но вывести вполне верного заключения о всей книге вообще никто не мог, и не мудрено: Осудить меня за нее справедливо может один тот, кто ведаёт помышления и мысли наши в их полноте. Из нас же, грешных людей, может справедливее других произнести ей окончательный суд только тот, кто имеет полный ум, способный обнимать все стороны дела и не влюбился еще сам ни в какую свою собственную мысль, потому что, как бы то ни было, несмотря на всё ребяче-

ство и незрелость этой книги, в ней видны следы взгляда, более полного, чем у тех, которые делают на нее замечания и критики, несмотря на то, что в авторе ее и нет тех знаний, какие могут быть по частям у всякого критика.

К чему вы также повторяете нелепости, которые вывели из моей книги недальнозоркие, что я отказываюсь в ней от звания писателя, переменяю призвание свое, направление и тому подобные пустяки? Книга моя есть законный и правильный ход моего образования внутреннего, нужного мне для того, чтобы стать писателем, не мелким и пустым, но почувствовавшим святость и своего звания, как и всех других званий, которые все должны быть святы. Выразилось всё это заносчиво, получило торжественный тон от мысли приближения к такой великой минуте, как-то смерть. А дьявол, который надмевает всякого из нас самоуверенностью, раздул до чудовищности кое-какие места. Невоздержание заставило меня издать мою книгу. Видя, что еще не скоро я совладаю с моими «Мертвыми

душами», и скорбя истинно о бесхарактерности направления и совершенной анархии в литературе, проводящей время в пустых спорах, я поспешил заговорить о тех вопросах, которые меня занимали и которые готовился развить или создать в живых образах и лицах. Опрометчивая, а по-вашему несчастная, книга вышла в свет. Она меня покрыла позором, по словам вашим. Она мне, точно, позор, но благодарю бога за этот позор, благодарю за то, что попустил он явиться ей в свет. Не увидел бы я без ней ни неряшества моего, ни самоослепления, ни многого того, чего не хочет видеть в себе человек; не изъяснилось бы без нее много того, что мне необходимо нужно знать для моих «Мертвых душ», и не узнал бы <я> ни в каком состоянии находится наше общество, ни какие образы, характеры, лица ему нужны, и что именно следует поэту-художнику избрать ныне в предмет творчества своего.

Друг мой! не будьте и вы также самоуверенны в непреложности своих заключений. Повторяю вам вновь: по частям разбирая мою

книгу, вы можете быть правы, но произнести так решительно окончательный суд моей книге, как вы произносите, это гордость в уме своем. Мне показалось даже, как бы в устах ваших раздалась не ваши, а какие-то юношеские речи, как бы в этом месте вашего письма сказал, несколько понадеясь на себя, Конст<антин> Сергеевич, а не вы. В них отзывается такой смысл: «Твоя голова не здрава, а моя здрава; я вижу ясно вещь и потому могу судить о тебе». Друг мой, теперь такое время, что вряд ли у кого из нас здрава, как следует, голова. Глядеть на меня, как на блудного сына, и ожидать моего возвращения на путь истинный может только тот, кто сам стоит уже на этом истинном пути. А это один только бог ведает, кто из нас на каком именно месте стоит. Лучше всем нам иметь больше смирения и меньше уверенности в непреложной истине и верности своего взгляда. Что касается до меня, я буду от всех моих сил, сколько их есть во мне, молиться богу на тех самых местах, которые зрели его в образе Христа, чтобы простил мне за всё, на что подтолкнула меня моя самоуверенность, гордость и самоослепление.

За ваше гостеприимно-дружеское приглашение остановиться у вас во время приезда моего в Москву благодарю от души, но не воспользуюсь им только потому, что в рассуждении помещения своего гляжу просто на материальные удобства. Во всяком случае, у кого бы то ни остановился, вы этого никак не считайте знаком какого-нибудь предпочтения или чего другого, тому подобного. Притом, если бог благословит возврат мой в Россию, я в Москве не думаю пробыть долго. Мне хочется заглянуть в губернии: есть много вещей, которые для меня совершенная покуда загадка, и никто не может мне дать таких сведений, как бы я желал. Я вижу только то, что и все другие так же, как и я, не знают России.

Что касается до зимнего моего пребывания, то я еще не уверен, останусь ли на зиму в России. После моей последней тяжелой болезни во мне осталась такая зябкость, что даже Рим стал для меня холоден, и я должен был переехать в Неаполь. Последняя зима, проведенная мною в Москве, мне была очень тяже-

ла и оставила грустное воспоминание. Натура моя сделалась несколько похожею на стариковскую, требующую юга: крови мало, и та движется медленно, а нервы в то же время так чувствительны, что малейшая северная мгла действует сильно, от морозного же дня у меня захватывает дух в груди. Вы говорите, что воздух родины подействует благотворно на мое здоровье, и сами надеетесь тоже себе возобновления сил. Друг мой, не позабудем того, что вы находитесь уже в тех летах, когда не возможен, совершенный возврат прежнего здоровья, а я, будучи слабым и болезненным от дня рождения моего и перешедши за лучшую половину жизни моей, не могу тоже быть тем, чем был прежде. Будем лучше просить бога о том, чтобы остальные дни наши помог нам провести в полном мире с совестью нашей, где бы ни случилось нам провести их, и чтобы хоть чем-нибудь дал нам возможность загладить часть прежнего, искупя хоть чем-нибудь бесполезность и праздность нашей жизни.

Мне кажется, что, если бы вы стали дикто-

вать кому-нибудь воспоминания прежней жизни вашей и встречи со всеми людьми, с которыми случилось вам встретиться, с верными описаниями характеров их, вы бы усладили много этим последние дни ваши, а между тем доставили бы детям своим много полезных в жизни уроков, а всем соотечественникам лучшее познание русского человека. Это не безделица и не маловажный подвиг в нынешнее время, когда так нужно нам узнать истинные начала нашей природы, которые покуда мы рассматриваем только в мужике, да и то плохо.

Но прощайте. Бог да хранит вас! Благодарю Ольгу Семеновну: мне кажется, что она обо мне молится. Это лучшая услуга, какую только на земле мы можем оказать своему брату.

Ваш Н. Г.

П. В. АННЕНКОВУ
Остенде. Августа <31 н. ст.
1847>

Очень был рад вашему доброму письму. Прежде всего замечу вам, что вы ошиблись, принявши голос изнеможения и некоторой скорби, которая должна была слышаться в письме моем, за нечто похожее на отчаяние. Слава богу, отчаянью я не предавался даже и в минуты, несравненно более тяжкие. Я слишком уверен в том, что тот, кто распоряжается делами мира, им созданного, несравненно умнее всех нас и знает, что делать, а потому ни в каком случае упасть духом не могу без его воли. Но я изнемог. Это понятно: я человек. И не знаю, кто бы на моем месте, как бы он крепок и силен ни был, избегнул скорби. Чтобы вам сделалось сколько-нибудь понятно мое положение, скажу вам, что в небольшое время [последнее время] прожитой мной жизни мне случилось сделать много тесных душевных [прекрасных] связей, основанных не на каких-нибудь расчетах жи-

тейских, но на познании души человеческой, связей, доставивших мне случай вкусить высшее наслаждение — любоваться красотой души, которая есть перл и жемчужина божьих творений, Я ловил все оттенки ее и движенья, разбросанные по частям во многих из тех людей, с которыми я встречался душевно. (Плод этого наблюдения вы, может быть, встретите в «Мертвых душах», если бог поможет как следует им написаться.) Не мудрено, что связи с людьми стали для меня очень чувствительны, и сердце мое, заключа более нежных оттенков в себе самом, стало чутко и способней любить людей вообще. А потому можете почувствовать сами, каково мне было получить вдруг множество писем, ударивших по многим таким струнам, которые и не существуют в другом человеке, увидеть вихорь недоразумений, обуявших всех и многих во все сбивши с толку, услышать упреки такие, которыми я бы не имел духу попрекнуть и наипрезреннейшего человека, и увидеть такое грубое незнанье души даже и у тех, которые имели сами нежную и добрую душу. Скорбь моя была велика, но вы, я думаю, не

можете почувствовать этой скорби. Самолюбие, честолюбие не в тех грубых [несколько грубых] видах, в каких принимают их в свете, [светские] но в тех тонких оттенках, в каких они пребывали во мне, были потрясены и поражены сильно; но вы, я думаю, этих слов не поймете. Что же касается до публики и до суда общественного, то скажу вам откровенно, что, несмотря на небольшую почувствованную вначале неприятность, это не могло меня сильно поразить. Авторскому честолюбию давно уже нанесены были изрядные щелчки, и я сам даже давал их себе не мало, как вы это можете видеть из самой книги моей, где все-таки есть часть моей собственной душевной истории. Скажу вам даже, что в каком бы ни было виде осталось [было] лицо мое в глазах публики, хотя бы имя мое в оклеветанном виде достигнуло [достигнуло бы] потомства и осталось таковым до конца мира, меня теперь это не смущает, так я уверен, что судить меня будет тот, кто повелел быть и миру, и нам, и ведает мысли наши в их полноте, не сбиваясь темнотой выражений наших и неумением нашим определительно изъяс-

няться. Скажу вам истинно и откровенно, что этот прием моей книге для меня в несколько раз лучше приема благосклонного, и если бы у меня спросили, не хочу ли я, чтобы всё это было сон, [и если бы мне сказали, что всё это было сон] и, поражение моей книги было во сне, я бы не согласился. В издании моей книги я никак не раскаиваюсь и благодарю бога, ее допустившего. Без этой книги не пощупать бы мне ни самого себя, ни людей и не пополнить бы никогда всех тех сведений даже в психологическом отношении, которые мне необходимы для «Мерт<вых> душ». И цель моего путешествия к святым местам теперь уже та, чтобы поблагодарить бога прежде всего за всё со мной случившееся. Вот вам чистая правда моего состоянья душевного. Напишите мне в отплату что-нибудь о себе; я бы очень хотел знать, что вас занимает в Париже в настоящую минуту и что именно вы приобрели в познании современных вещей. Нельзя, чтоб вы какой-нибудь стороны не изучили или не изглубили, [или (как выражаются) не изглубили] стало быть, нельзя, чтобы не было возможности [В подлиннике: в

возможности] чему-нибудь поучить меня. Скажите мне также, где вы намерены провести зиму. Сколько мне помнится, вы хотели [изъявляли желание] тоже проездиться по другим землям и заглянуть даже на Восток. Если это будет в наступающем году, то я этому очень рад и уведомляю вас, что я зиму, [всю зиму] то есть ее начало, проведу в Неаполе, а в феврале сажусь на корабль и странами восточными проберусь в Россию, то есть на Константинополь. Во всяком случае напишите мне несколько строк на это письмо, чтобы я знал, что оно вами получено.

Н. Г.

Я еще пробуду недели две в Остенде.

На обороте: Paris.

Monsieur

monsieur Paul Annenkoff.

Paris, Rue Caumartin, 41.

М. П. ПОГОДИНУ
Остенде. Август <31 н. ст.
1847>

Что-то странное делается между нами: тебе кажется по моим письмам, что я нахожусь в беспокойном состоянии духа; мне кажется по твоим письмам, что ты находишься в беспокойном состоянии. Тебе кажется, что я толкую криво все твои слова и вижу вещи не в том виде; мне кажется, что ты даешь превратный смысл всякому моему слову и видишь их не в том виде. Какой-то нечистый дух нас путает. Открестимся от него! И положим между собой: не оправдываться ни в чем друг пред другом. Судить ведь нас будет бог, а не люди и не мы сами себя, а потому — что нам в оправданиях перед собой! Уважим лучше несхожие друг на друга особенности наших характеров и вследствие этого не будем спешить выводить [не будем выводить] друг о друге заключения. От Хомякова я узнал очень приятную для меня новость: именно, что ты пишешь серьезно русскую историю.

Бог да благословит тебя в этом труде; это твой настоящий труд. Здесь ты соберешься весь в себя и будешь собой. Доне ты был весь разбросан, а потому и не в силах был быть собой. Оттого легко было и нападать на тебя и поражать тебя. Тут же в этом деле соберутся твои силы в плотную твердыню и на тебя трудно будет напасть кому бы то ни было. Труд твой доставит тебе много сладких минут и забвенье всего того, что способно смущать нас [ва<с>] и повергать в малодушие. Охота же тебе была пустые мелочи принимать к сердцу [глядеть на пустые мелочи, принимать их к сердцу] и выводить подозрительные заключения из всякого обыкновенного дела. Что тебе, например, из того, что я поручил некие [В подлиннике: некои] дела по моей книге «М<ертвые> д<уши>» Шевыреву? В этом деле я такой же хозяин, как и ты в деле издания книг своих. У меня это было сделано вовсе не из предпочтения к кому бы то ни было, но просто из расчета: Шевырев аккуратнее тебя в сведении счетов, меньше твоего занят, меньше твоего забывчив, меньше обременен изданием всякого рода других книг. Всё это я

принял в расчет и поручил ему, и в этом не раскаиваюсь, потому что это дело он обделал так аккуратно, как [что] тебе не сделать; мне известен стал всякий рубль и копейка — куда что пошло. Если глядеть на всякие подобные мелочи и выводить из них такие важные заключен<ия>, какие выводишь ты, тогда можно вовсе затеряться и вечно не узнавать людей. Ведь тебе же становится досадно, если станут тебя мерять подозрительным и близоруким аршином и принимают сурьезно и к сердцу всякое твое слово; ты говоришь сейчас, что это слово вырвалось у тебя так, простодушно, без размышления, в гневе, в шутку, не разглядев, и тому подобное, [Далее начато было: Зачем] что слов твоих вовсе не следует принимать в таком сурьезном смысле. Зачем же и относительно другого не поступаешь ты таким же точно образом, каким хочешь, чтобы и с тобой поступали? Зачем не допускаешь, что и другой может также сказать [поступать] или сделать что совсем в другом смысле и вовсе не с тем намереньем, в каком увидела твоя торопливость, горячность, недалезоркость или опрометчивость? Гля-

ди поменьше на все эти пустяки и мелочи, иди себе своей дорогой. Думай непрерывно о том главном деле, для которого дал тебе бог способности и силы, молись ему, и всё будет хорошо. Затем обнимаю тебя. Прощай!

Твой Н. Г.

Если будешь писать, адресуй в Неаполь.

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокородию Михаилу Петровичу По-
годину.

В Москве. На Девичьем поле, в собствен-
ном доме.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ

<Август н. ст. 1847>. Остенде

Ваши письма, одно через Хомякова, другое по почте, получил одно за другим. По-прежнему изъявляю вам благодарность мою за них: они почти всегда приходятся кстати, всегда более или менее говорят моему состоянию душевному, сердце слышит освежение, и я только благодарю бога за то, что он внушил вам мысль полюбить меня и обо мне помолиться. Только сила любви и сила молитвы помогли вам сказать такие нужные душе [душе моей] слова и наставления. Они одни только могли направить речь вашу ответно на то, что во мне и пролить целенье в тех именно местах, где больше болит. Теперь я нахожусь в Остенде. Здесь буду купаться в море в продолжение месяца с лишком. Ответ на это письмо адресуйте во Франкфурт, лучше на имя посольства, потому что Жуковский еще не уверен, остается ли он во Франкфурте: жене его предписывают провести осень в Швейцарии. В половине сентября я выезжаю

в Италию. Думаю, пробуду по-прежнему в Неаполе до времени отправления в Иерусалим. Путешествие это хочу устроить так, чтобы недели за две до пасхи быть в Иерусалиме. Друг мой Надежда Николаевна, молитесь бога, чтоб он удостоил меня так поклониться святым местам, как следует человеку, истинно любящему бога, поклониться. О, если бы бог, со дня этого поклоненья моего, не оставлял меня никогда и утвердил бы меня во всем, в чем следует быть крепку, и вразумил бы меня, как ни на один шаг не отступаться от воли его! Мысли мои доныне были всегда устремлены на доброе, желанье добра меня всегда занимало прежде всех других желаний, и только во имя его предпринимал я действия свои. Но как на всяком шагу способны мы увлекаться! как всюду способна замешаться личность наша! как и в самоотвержении нашем еще много тщеславного и себялюбивого! как трудно, будучи писателем и стоя на том месте, на котором стою я, уметь сказать только такие слова, которые действительно удобны богу! как трудно быть благоразумным, и как мне в несколько раз трудней, чем всяко-

му другому, быть благоразумным! Без бога мне не поступить благоразумно ни в одном моем поступке, а не поступлю я благоразумно — грех мой несравненно больший противу всякого другого человека. Вот почему обо мне следует, может быть, больше молиться, чем о всяком другом человеке. Итак, благодарю вас много за всё, за ваши письма и молитвы, и вновь прошу вас так, как и прежде, не оставлять меня ими.

Бог да хранит вас и да исполнит всё по желанию вашему.

Весь ваш Гоголь.

П. В. АННЕНКОВУ
Остенде. Сентябрь 7- <н. ст.
1847>

Понятие мое о божестве не так узко, как вы думаете, но, по крайней мере, оно гораздо пространнее того смысла, который вы придали словам моим. Но это предмет долгих речей и толков, а потому отложим его. Покаместь дело в том, что мы все идем к тому же, но у всех нас разные дороги, а потому, покуда [покаместь] еще не пришли, мы не можем быть совершенно понятными друг другу. Все мы ищем того же: всякий [всякий, кто сколько-нибудь] из мыслящих ныне людей, если только он благороден душой и возвышен чувствами, уже ищет законной желанной середины, уничтоженья лжи и преувеличенностей во всем и снятья [желал бы снятья] грубой коры, грубых толкований, в которые способен человек облекать самые великие и с тем вместе простые истины. Но все мы стремимся к тому различными дорогами, смотря по разнообразию данных нам способностей и

свойств, в нас работающих. Один стремится к тому путем религии и самопознания внутреннего, другой — путем изысканий исторических и опыта (над другими), третий — путем наук естествознательных, четвертый — путем поэтического постигновенья и орлиного соображенья вещей, не обхватываемых взглядом простого человека, словом — разными путями, смотря по большему или меньшему в себе развитию преобладательно в нем заключенной [данной] способности. Анатомируя человека, видишь, что в мозгу и голове особенно устроены для этого орган<ы> возвышенья и шишки на голове. Органы даны — стало быть, они нужны затем, чтобы каждый стремился своей дорогой и производил в своей области открытия, никак невозможные для того, кто имеет другие органы. Он может наговорить много излишеств, может увлечься своим предметом, но не может лгать, — увлечься фантомом, потому что говорит он не от своего произволения: говорит в нем способность, в нем заключенная, и потому [и потому несмотря] у всякого лежит какая-нибудь правда. [Далее начато: Что в нем именно и

действительно есть правда] Правду эту усмотреть может только всесторонний и полный гений, который получил на свою долю полную организацию во всех отношениях. Прочие люди будут путаться, сбиваться, мешаться, привязываться к словам и попадать в бесконечные недоразумения. Вот почему всякому необыкновенному человеку следует до времени не обнаруживать своего внутреннего процесса, которые совершаются теперь повсеместно, и прежде всего в людях, стоящих впереди: всякое слово его будет принято в другом смысле, и что в нем состоянье переходное, то будет принято другими за нормальное. Вот почему всякому человеку, одаренному талантом необыкновенным, следует прежде состроиться сколько-нибудь самому.

Ваше желание следить всё, не останавливаясь особенно ни над чем, очень понятно, в нем слышится разумное стремление всего нынешнего века. Но непонятен для меня дух некоторого удовлетворенья [довольства] вашим нынешним состояньем, точно как бы вы уже нашли важную часть того, что ищете, и

как бы стали уже на верховную точку вашего разума и вашего воззрения на вещи. Вы уже поднимаете заздравный кубок и говорите: «Да здравствует простота положений и отношений, основанных на практической действительности, здравом смысле, положительном законе, принципе равенства и справедливости!» Смысл всего этого необъятно обширен. Целая бездна между этими словами и применением их к делу. Если вы станете действовать и проповедывать, то прежде всего заметят [Если выступите действовать в эту минуту, то <те>, которым вы захотите передать или истолковать что-нибудь, прежде всего ув<идят>] в ваших руках эти заздравные кубки, до которых такой охотник русский человек, и перепьются все, прежде чем узнают, из-за чего было пьянство. Нет, мне кажется, никому из нас не следует в нынешнее время торжествовать и праздновать настоящий миг [момент] своего взгляда и разума. Он завтра же может быть уже другим; завтра же можем мы стать умней нас сегодняшних. Несмотря на то, что взгляд мой на современность только что проснулся, и я еще

новичок в этом деле, но, сколько могу судить по тем результатам, которые отбираю теперь от всех людей, прилежно наблюдающих [от всех, как действующих в Европе, так и наблюдающих] лад действующими ныне силами в Европе, я, однако ж, заметил некоторую неполноту в ваших наблюдениях и упущенья, которые вы сделали на вашем пути. Это я приписываю тому, что вы сделали представителем всего для себя Париж и оставили совершенно в стороне Англию, где важная сторона современного дела. По моему разумению, вам [мне] почти необходимо туда [в Англию] съездить, и не то чтобы взглянуть только на Лондон, но именно прожить в Англии, затем избрать в предмет наблюдений не один какой-нибудь класс пролетариев, изученье которого стало теперь модным, но взглянуть на все классы, не выключая никого из них. Несмотря на чудовищное совмещение многих крайностей, до такой степени противоположных, что если бы кто из нас заговори о них обеих [о том и другом] вдруг, — могли бы подумать, что оратор хочет служить и богу, и чорту вместе; несмотря на это, местами явля-

ется такое разумное слитие того, что доставила человеку высшая гражданственность, с тем, что составляет первообразную патриархальность, что вы усумнитесь во многом, равно как и в том, действительно ли в вас отражается полно вся нынешняя современность. Мне кажется еще, что вы напрасно чуждаетесь специального труда. Какой-нибудь специальный труд должен быть непременно у каждого из нас. Сверх пребывания на боевой вершине [верхушке] современного движенья, нужно иметь свой собственный уголок, в который Можно было <бы> на время уходить от всего. Нельзя, чтобы каждый из нас не получил на долю свою какой-нибудь способности, ему принадлежащей; нельзя, чтобы не было ее и у вас. Иначе мы бы все походили друг на друга, как две капли воды, и весь мир был бы одна мануфактурная машина. Без этого специального труда не образуется характер индивидуала, из которых слагается общество, идущее вперед. Без этих своеобразно работающих единиц не быть общему прогрессу. Но... довольно и об этом.

В письме вашем вы упоминаете, что в Париже находится Герцен. Я слышал о нем очень много хорошего. О нем люди всех партий отзываются как о благороднейшем человеке. Это лучшая репутация в нынешнее время. [время смут и недоразумений] Когда буду в Москве, познакомлюсь с ним непременно, а куда известите меня, что он делает, что его более занимает и что предметом его наблюдений. [внимания] Уведомьте меня, женат ли Белинский или нет; мне кто-то сказывал, что он женился. Изобразите мне также портрет молодого Тургенева, чтобы я получил о нем понятие как о человеке; как писателя, я отчасти его знаю: сколько могу судить по тому, что прочел, талант в нем замечательный и обещает [обещает писателя] большую деятельность в будущем. На это письмо вы еще можете мне написать ответ. В Остенде я пробуду еще недели две. Здоровье мое несколько укрепилось от ванн, но наступившие холода действуют на меня крайне вредоносно. Кровь у меня стала стариковская, движется медленно и уж не только не кипит, но еле-еле может сама согреться, а потому требует непрерыв-

ной помощи юга. Прощайте, мой добрый Павел Васильевич, а по старому Жюль.

Н. Г.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Остенде. Сентября 8 <н. ст.
1847>

На прошедшей неделе отправил к тебе письмо (со вложением письма к С. Т. Аксакову). Теперь пишу вновь, именно по следующему случаю. Погодин [От Погодина] в удостоверение некоторого доброго влияния моей книги прислал мне письмо к нему Григорьева. Из этого письма, между прочим, видно, что Григорьев находится в большой нужде и занимает или, может быть, уже занял у Погодина деньги. Из этого непременно выйдет после какая-нибудь у них история, как случилось почти всегда со всеми, которые сталкивались с Погодиным денежно. Особенно теперь, когда Погодин сам не при деньгах. Устрой, пожалуйста, так, чтобы Григорьев заплатил Погодину теперь же деньги все сполна. Закажи ему статью для журнала, который хочет издавать с наступающим годом Чижов, и заплати за нее деньги ему вперед. К Чижову я пишу при сем письмо (которое ты вручи

ему лично), где рекомендую ему взять в со-
трудники Григорьева и Малиновского, как
людей очень способных и талантливых. По-
жалуста, ты замолвь за них доброе слово [ты
прибавь кое-что в их пользу и] с своей сторо-
ны. Еще прошу особенно тебя наблюдать за
теми из юношей, которые уже выступили на
литературное поприще. В их положение хо-
зяйственное стоит, право, взойти. [стоит вой-
ти] Они принуждены бывают весьма часто
из-за дневного пропитанья брать работы не
по силам и не по здоровью. Цена 5 рубл<ей>
серебром за печатный лист просто бесчело-
вечная. Сколько ночей он должен просидеть,
чтобы выработать себе нужные деньги, осо-
бенно если он при этом сколько-нибудь со-
вестлив и думает о своем добром имени! Не
позабудь также принять в соображение и то,
что нынешнее молодое поколение и без того
болезненно, расстроено нервами и всякими,
недугами. Придумай, [Пожалуста, придумай]
как бы прибавлять им от имени журналистов
плату, которые будто бы не хотя<т> сделать
этого гласно, словом — как ловче и лучше
придумается, это твое дело. Твоя добрая душа

найдет, как это сделать, отклоня всякую догадку и подозрение о нашем с тобою теплом личном участии в этих делах. Сейчас только что проводил Хомякова. Как мне приятно было с ним встретиться! Приезд его был точно божий подарок. Но он пробыл [пробыл со мной] так мало. Я не успел с ним наговориться и только по отъезде его почувствовал, что о многом не расспросил его. Напиши мне о себе; я соскучил, не имея так долго о тебе веста. Адресуй в Неаполь. Прощай! Бог да хранит тебя!

Твой Н. Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Профессору импер<аторского> Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собст<венном> доме.

А. П. ТОЛСТОМУ
Остенде. 10 сентября <н. ст.
1847>

Уведомляю вас, бесценнейший Александр Петрович, что я остаюсь в Остенде до 20 сентября. 20-го или 21-го отсюда выезжаю. Гр<афини> Вьельгорские тоже и, вероятно, того же числа оставят Остенде. А потому хорошо бы вы сделали, если бы по уезде из Лондона племянника вашего Вик<тора> Влад<имир>овича>, которому при сем прошу передать мой поклон, немедля приехали к нам. Теперь здесь довольно уединенно, всё почти разъехалось. Мы с вами здесь бы наговорились, а может быть, и отправились отсюда в одно время в Италию. Во всяком случае мне бы очень хотелось с вами увидеться теперь. От всей души вас обнимаю и жду несколь<ко> строк в ответ на это письмо.

Весь ваш Н. Г.

На обороте: à Londres. a son excellence

monsieur

monsieur le c-te Alexandre Tolstoy.

London, J. Brown's private hotel, № 23, Dober
Street Piccadilly.

П. В. АННЕНКОВУ
Остенде. 20 сентября <н. ст.
1847>

За разными помехами отвечаю вам немного поздно. Оно, впрочем, и лучше: я имел чрез это возможность прочесть еще раз ваше письмо, а это весьма не мешает в нынешнее смутное время взаимных недоразумений. В письме вашем есть много умных заметок, но они — не ответ на то, что говорю я. Они остались сами по себе, и письмо мое осталось [осталось тоже] само по себе. Та середина, которую вы прозрели, по мнению вашему — безошибочно, в словах моих, ведет человека, точно, к посредственности. Но дело в том, что я под словом «середина» [В подлиннике: середины] разумел ту высокую гармонию в жизни, к которой стремится человечество, которая слышится несколько вперед только людьми, преобладательно одаренными [только теми, в которых преобладательно заключился] поэтическим элементом, но никак не может обратиться в систему какого-нибудь

стремленья каждого [всякого] человека. К середине этой идут не по скабливанью того и другого в той и другой партии: напротив, к ней идет каждый своею дорогою; всякое усилие гениального человека в своей области усиливает приближение всего человечества к этой середине. Вы назвали мое стремление выслушивать с равным вниманием все работающие ныне силы стремлением уравнивать эти силы. Это довольно грубая ошибка. Это стремление есть просто желанье знать дело обстоятельней другого. Вот и всё!

За обвинение в самонадеянности прошу простить. Упрек этот я сделал вам больше по недоразумению моему; к такому заключению привела меня некоторая резкость ваших слов. Например, и теперь, говоря об Англии, вы говорите, что там нет никакой замечательной борьбы и движения, могущих занять человека, наблюдающего успехи строящейся ныне общественности. Выразиться таким образом может только тот, кто знает вдоль и поперек нынешнюю Англию. А точно ли вы ее знаете? Когда вы могли узнать ее, когда са-

ми говорите тут же, что вам даже не хочется узнавать ее? Были у нас на Руси еще не так давно два государственных мужа, [мужи] которые произнесли два разные изречения. [которые обрисовали<сь> весьма верно двумя изречениями насчет] Аракчеев сказал: «Что я знаю, то знаю, а чего не знаю, того и знать не хочу». Канкрин же, Егор Францович, выразился один раз так: «Милостиво государ, я все знаю, я даже не знаю, чего я не знаю». У нас с вами, слава богу, [[вероятно] обоим, разумеется] нет качеств и свойств этих государственных мужей, равно как и образа мыслей, им принадлежавших. Но не забывайте, что понемножку может находиться во всяком человеке всякой всячины, [всего] а потому иногда не дурно взвесить [пощупать] тон собственных слов, которыми мы выражаем наши мнения, чтобы пощупать ощутительно, сколько у [в] нас есть свойства канкринского или аракчеевского. Иногда, даже вовсе не имея самоуверенности в познаниях наших, мы выражаемся так, как бы были совершенно уверены в том, что знаем окончательно вещь. В Соединенных Штатах действительно вырабатыва-

ется теперь видней общественное дело, а потому не мудрено, что глаза наблюдающего большинства обращены теперь туды. Но и земля, в которой заключилось в громадных глыбах то, что уже уничтожено в других землях, и то, что еще и не начиналось в Европе, земля, которая, несмотря на дикие [чудовищные] крайности, вырабатывает, однако ж, безостановочно Байронов и Диккенсов, не может дремать в такое время, когда раздаются вопросы, так важные для человечества. По крайней мере, нужно заглянуть в те мины, где готовятся близкие взрывы.

Всё, что вы говорите по поводу пролетариев, умно, справедливо, местами глубоко. Но я напал в письме моем не на всеобщее устремление всех к этому вопросу, но на умных людей, которые предались исключительно пристально-близкому созерцанию [но на исключительно пристальное, близкое созерцание его умными] этого предмета, которого нельзя как следует рассмотреть вблизи. Это явление не на воздухе. Хвост и узлы этого дела скрыты во многих, по-видимому, побоч-

ных предметах. Нужно попристальней взглянуть всё вокруг. Для умного человека мало войти в один тот круг, в который введены публика и пренье журнальное. Ему нужно что-нибудь знать из того, о чем публика еще не говорит сегодня, чтоб знать хотя за два дни вперед о тех вопросах, о которых пойдет речь потом. [Далее начато: Положим, выше своего века] Иначе останешься в хвосте, а вовсе не наравне с веком. Идти выше своего века, положим, только возможно какому-нибудь необъятно-громадному гению, но стремиться быть выше журнальной верхушки своего века есть непрременный долг [долж<ен>] всякого умного человека, если только он одарен какими-нибудь действующими способностями. Но довольно обо всем этом. Вы всё, однако же, прочитывайте внимательнее мои письма. Никак не позабывайте, что теперь, когда всякий из нас более или менее строится и вырабатывается, никто не может быть совершенно понятен другому и употребляет такие слова и термины, которые у одного значат [значат одно, а др<угое>] не совсем то, [то, в чем его при<знаки>] что у другого. Всё, что вы за-

хотите теперь написать, адресуйте отныне в Неаполь, poste restante. Известия о вас [о вас собственно самих] мне всегда будут приятны. Прощайте! Желаю вам от души всего доброго.

Н. Г.

На обороте: Paris.

A monsieur

monsieur Paul Annenkoff.

Paris. Rue Caumartin, 41.

**М. А.
КОНСТАНТИНОВСКОМУ
Остенде. 24 сентября <н. ст.
1847>**

Бог да наградит вас за ваши добрые строки! Многие в них пришлось очень кстати моей душе; со многим я уже согласился еще прежде, чем пришло ваше письмо. Например, насчет тоге, чтобы не оправдываться пред миром. В самом деле, ведь судить нас будет бог, а не мир. Не знаю, сброшу ли я имя литератора, потому что не знаю, есть ли на это воля божия, но, во всяком случае, рассудок мой говорит мне не выдавать ничего в свет в продолжение долгого времени, покуда не созрею лучше сам внутренне и душевно. А покуда съезжу в Иерусалим, помолюсь у гроба господня, как только в силах помолиться. Помолитесь обо мне, добрая душа, чтобы я в силах был тепло и сильно помолиться. [Далее начато: Хотелось бы мне со дни этого поклоненья моего унести с собой повсюду] Просите бога, чтобы на самом том месте, где проходили бо-

жественные стопы едиnorodного сына его, сказало бы мне сердце мое всё, что мне нужно. Хотелось бы мне, чтобы со дня этого поклоненья моего понес бы я повсюду образ Христа в сердце моем, имея ежеминутно его пред мысленными глазами своими. Признаюсь вам, я до сих пор уверен, что закон Христов можно внести с собой повсюду, даже в стены тюрьмы, и можно исполнять его требования во всяком званьи и сословии. Его можно исполнять также и в званьи писателя. Если писателю дан талант, то, верно, недаром и не на то, чтобы обратить его во злое. Если в живописце есть склонность к живописи, то, верно, бог, а не кто другой, виновник этой склонности. Вольно было живописцу, на место того, чтобы изображать кистью предметы высокие, образа угодников божиих и высших людей, писать соблазнительные сцены развратных увеселений и униженья человеческого! Разве не может и писатель в занимательной повести изобразить живые примеры людей лучших, чем каких изображают другие писатели, — представить их так живо, как живописец? Примеры сильнее рассужденья;

нужно только для этого писателю уметь прежде самому сделать<ся> добрым и угодить жизнью своей сколько-нибудь богу. Я бы не подумал о писательстве, если бы не было теперь такой повсеместной охоты к чтению всякого рода [самых дурных, соблазнительных] романов и повестей, большею частью соблазнительных и безнравственных, но которые читаются потому только, <что> написаны увлекательно и не без таланта. А я, имея талант, умея изображать живо людей и природу (по уверению тех, которые читали мои первоначальные повести), разве я не обязан изобразить с равною увлекательностью людей добрых, верующих и живущих в законе божием? Вот вам (скажу откровенно) причина [была причина] моего писательства, а не деньги и не слава. Но... теперь я отлагаю всё до времени и говорю вам, что долго ничего не издам в свет и всеми силами буду стараться узнать волю Божию, как мне быть в этом деле. Если бы я знал, что на каком-нибудь другом поприще могу действовать лучше во спасенье души моей и во исполнение всего того, что должно не исполнить, чем на этом, я бы

перешел на то поприще. Если бы я узнал, что я могу в монастыре уйти от мира, я бы пошел в монастырь. Но и в монастыре тот же мир окружает нас, те же искушенья вокруг нас, так же воевать и бороться нужно со врагом нашим. Словом, нет поприща и места в мире, на котором мы бы могли уйти от мира, а потому я положил себе докуда вот что: теперь, именно со дня получения вашего письма, я положил себе удвоить ежедневные молитвы, отдать больше времени на чтение книг духовного содержания; перечту снова Златоуста, Ефрема Сирянина и всё, что мне советуете, а там — что бог даст. Нельзя, чтобы сердце мое, после такого чтения и такого распределения времени, не настроилось лучше и не сказало мне яснее путь мой. А вас прошу, так как вы стали уже богомолец мой и ведаете уже отчасти мою душу (о, как бы мне хотелось открыть вам всю мою душу, быть у вас во Ржеве, исповедаться и сподобиться причащенья тела и крови Христовой, преподанных рукою вашею!), прошу вас молиться тем временем обо мне, особенно во всё время путешествия моего в Иерусалим. Я отправлюсь туда ко вре-

мени пасхи. До того же времени пробуду в Неаполе. Если получу от вас несколько напутственных строк, буду очень, очень рад. Гр<афа> Александра Петровича я видел на один день во время проезда его в Англию для совещанья с зубными докторами. Он лишился зубов и должен был на место их вставлять другие. Это вместе с другими недугами было причиной того, что он должен был отложить возврат свой в Россию до весны. Он будет также в Неаполе для свиданья с своей сестрой Апраксиной, проводящей там зиму. Стало быть, я с ним опять увижусь. Я рад, по крайней мере, тому, что он останется эту зиму не в Париже, но будет у родных. [Далее начато: Это его успокоит] Он очень тоскует. В Неаполе же основалась [теперь основалась] русская церковь и очень хороший священник. Всё это в соединении с климатом, я думаю, подействует на него хорошо. Тоска его в том, что в недугах своих и в самом лишении зубов он видит гнев божий и наказание себе, и неутешен он оттого, что не в силах, как бы хотел, молиться. Он негодует на черствость свою и недостаток слез. На вас его единственная на-

дежда. Он думает, что ваши молитвы о нем действительней его молитв. Он обрадовался необыкновенно, узнавши, что я получил от вас письмо, будучи уверен, что вы, писавши ко мне, вспомнили и о нем и лишней раз за него помолились. Напишите ему хотя две строчки, какие скажет вам сердце ваше, и вложите их в виде особенного письмеца в письмо ко мне. Я уверен, что эти строчки придадут ему большую бодрость. Но прощайте? Бог да хранит вас! Не забывают меня грешного.

Очень, очень вам признательный

Николай Гоголь.

В непродолжительном времени, может быть, вы получите из С.-Петербурга деньги, которые попрошу вас раздать тем из страждущих, которые больше других нуждаются. Мне бы хотелось, чтобы они пришли в руки тех, которые усерднее других молятся богу. Впрочем вы лучше моего знаете, кому следует давать. Как я жалею, что я не богат [не так бо-

гат] и не могу теперь послать более!

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ
Ноября 20 <н. ст. 1847>.
Неаполь

Письмо твое от 4 октября я получил. Адрес мой я тебе выставил в Неаполь (в прежнем письме), но ты это позабыл, что с нами, грешными, случается. Подтверждаю тебе вновь, что я в Неаполе и остаюсь здесь, по крайней мере, до февраля. Потом в дорогу Средиземным морем, и если только бог благословит возврат мой на Русь, не подцепит меня на дороге чума, не поглотит море, не ограбят разбойники и не доконает морская болезнь, [морская болезнь, от которой доселе я страдал страшно] наконец, не задержат карантинны, то в июне или в июле увидимся. Писал я: «Побеседуем денька два вместе», потому что, сам знаешь, всяк из нас на этом свете — дорожный [В подлиннике: дорожный] человек, куда-нибудь да держащий путь, а потому [а потому баловство] оставаться на ночлеге слишком долго из-за того только, что уютно и тепло и попались хорошие тюфя-

ки, [Далее начато: попались на столе] есть уже баловство. У всякого есть дело, прикрепляющее его к какому-нибудь месту. Я же не зову тебя в Москву или в Петербур<г>, или в Неаполь, хотя <бы> мне и приятно было иметь тебя об руку. Я хотя и не имею никакой службы, собственно говоря о формальной службе, но тем не менее должен служить в несколько раз ревностнее [ревностнее на своем <месте>] всякого другого. Жизнь так коротка, а я еще почти ничего не сделал из того, что мне следует сделать. В продолженьи лета мне нужно будет непременно заглянуть в некоторые, хотя главные, углы России. Вижу необходимость существенную взглянуть на многое своими собственными глазами. А потому, как бы ни рад был прожить подоле в Киеве, но не думаю, чтобы удалось больше двух дней; столько полагаю пробыть и у ма-тушки. Осень — в Петербурге, зиму — в Москве, если позволит, разумеется, здоровье. Если же сделается хуже — отправлюсь зимо-вать на юг. Теперь я должен себя холить и ухаживать за собой, как за нянькой, выбирая место, где лучше и удобнее работается, а не

где веселей [лу<чше>] проводить время. Твое намерение перебраться в Одессу, вероятно, не без основания, иначе ты не стал бы так хлопотать о том. Но это дело такое, о котором, как мне кажется, следует потолковать лично. Писать же теперь в Петербург (к кому? и о чем?) это будет трата времени и ничего больше. Мне кажется, прежде следовало бы тебе списаться с кем-нибудь в Одессе, выгледеть себе место, узнать, хорошо ли оно [хорошо ли оно действительно] и не занято ли уже кем-нибудь, и потом уже хлопотать. Покамест советую тебе написать самому в Петербург к Плетневу, если только место по ученой части. Он лучше других может помочь здесь, тем более, что он и тебя самого знает, да и по дружбе ко мне о тебе особенно похлопочет, а я, пожалуй, прибавлю и от себя слово. Милую Ульяну Григорьевну благодарю много [благодарю от всего сердца] за приписочку и вести. Затем обнимаю мысленно вас обоих, и бог да хранит вас!

Ваш Н. Г.

Адресуй в Неаполь, poste restante.

На обороте: Russie. Kiew.

Его высокоблагородию Александру Семеновичу Данилевскому, инспектору 2-го Благородного пансиона при Первой киевской гимназии.

В Киеве.

А. О. РОССЕТУ
Неаполь. Ноябрь 20 <н. ст.
1847>

Вы меня совсем позабыли, добрейший мой Аркадий Осипович. Или за то, что я до сих пор еще не благодарил вас как следует за вашу дружбу и хлопоты обо мне? Но зачем вам моя благодарность? Вы должны сами знать, что слова — дрянь, а то, что чувствуется в душе, то не выражается. Я вам ужогу потом. Вы знаете, что я весь состою из будущего, в настоящем же есмь нуль. Вот отчего я так бываю нагл в своих требованиях от друзей, забираю у них всё, занимаю в долг и не плачù! Если только бог поможет, снабдя меня небольшим здоровьем еще на несколько лет, то всё будет выплачено. Всё смекнуто, соображено, замотано на ус и зарублено на стенке. Ни одно из суждений не пропущено и критики от здравых до не совсем здравых и самых нелепых были прочитаны недаром. Словом, вижу самыми хладнокровными глазами, что дело может пойти хорошо. А бы все-таки не остав-

ляйте меня. Всякая строчка, которая показывает мне какую-нибудь сторону нашего общества, сторону [или же сторону] русского или полурусского человека, — для меня сущая драгоценность. Не могу вам даже и объяснить, как всё это меня возбуждает, как светит и подымает на деятельность дух. Жизнь ведь перед вами все-таки движется, и люди проходят какие бы то ни было. Покуда не взглядишь в них пристально, они, кажется, не сто́ят наблюдения, а как взглядишь — станет открываться с каждым днем больше и больше вещей, поражающих наблюдателя души человеческой. Не позабывайте же меня. Уведомляйте меня хотя в нескольких строчках, в каких новых видах обнаруживается ныне гадость и достоинство человека на Руси. А остальные номера и книжки журналов все-таки пришлите мне в Неаполь. Я виделся с графиней Нессельрод, которая была очень добра ко мне в Остенде и, вероятно, не откажется пособить, если бы курьеры стали отказывать<ся> брать пакеты. Впрочем, [Впрочем, в следующем году] только в этом году на вас навьючена эта комиссия. Журналы на 1848

год (если бог даст) надеюсь читать [пр<очитывать>] в России. В том же году надеюсь обнять и вас самих, а до того времени остаюсь

очень вас любящий

Н. Г.

До февраля я ни в каком случае не выезжаю из Неаполя.

На обороте: Аркадию Осиповичу Россети.

В С. П. Бурге. У Пантелеймона. В доме Быкова.

А. О. СМИРНОВОЙ
Ноября 20 <н ст. 1847>.
Неаполь

Наконец от вас письмецо, добрая моя! Благодарю вас, милый друг, за ваши молитвы и всегдашнюю память. Я очень понимаю, что если я живу на свете и всё обращается мне в добро, то, верно, это делается силою молитв людей, любящих меня. Я теперь в Неаполе, затем, что здесь мне как-то покойнее и отсюда. Я ближе к выгрузке на корабль. [Далее начато: Раньше] Думаю пуститься в феврале. Но если слишком будет бурно, что (по словам моряков) случается особенно в феврале, то отложу до весны. Прежде у меня было в мысли говеть [и] быть во время пасхи в Иерусалиме, потом побывать [и побывать] во всех местах, ознаменованных святыми событиями. Теперь ничего другого не хочется, как только поклониться в тишине святому гробу, принеся на нем благодарность за всё, со мной случившееся, [Далее было: и помолиться о благополучном возврате в Россию] испросить сил и му-

жества на свое дело и потом возвратиться прямо в Россию. Прошу вас, добрый друг, попросить всех умеющих молиться — помолиться о моем благополучном возврате. О вас я постараюсь молиться, как сумею. Но, признаюсь вам, молитвы мои так черствы! Я прежде думал, что я лучше молюсь, что я почти умею молиться временами. Но теперь вижу, что если не захочет сам тот, которому молишься, никак нельзя помолиться. Но как бы то ни было, я произнесу мои слова, как бы ни были они бессильны, как бы ни было черство на душе и как бы ни был неповоротлив ленивый, грубый язык. Я попрошу, кого встречу из умеющих. А вы успокойтесь, моя страдальица. Сложите тихо руки крестом, как младенец, и предайтесь доверчиво воле того, кто посылает вам страданье. Страданья эти только затем, чтобы выработалась получше душа ваша, и когда это совершится, они потом удалятся. Так как вас всё еще занимает (судя по письму вашему) судьба моей книги, то я вам скажу еще раз: [скажу еще раз, что] не имейте ничего противу тех, которые против нее. Говорю вам искренно, что они мои благодетели.

Без них я бы никогда не осмотрелся пристально вокруг себя, не взвесил самого себя и не созрел бы для моего труда. Ничего не бывает без смысла у бога. И я очень благодарю бога за то, что допустил явиться моей книге в свет, а с тем вместе допустил вооружиться [и вооружил] против нее. Но довольно.

Напишите мне сколько-нибудь об образе жизни своей и об образе жизни тех, которые вас окружают теперь. Хоть маленький листочек из вашего дневника! В Остенде я виделся с графиней Вьельгорской и ее дочерью, умницей Анной Михайловной. Море им помогло обоим. Там же я видел графиню Нессельрод и Мухановых. Разумеется, была речь и о вас, они вас все любят. Затем бог да хранит вас. Прощайте и пишите, адресуя в *poste restante*.

Весь ваш Н. Г.

На обороте: Kalouga. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В Калуге.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Неаполь. Декабря 2 <н. ст.
1847>

Наконец от тебя письмо. Благодарю очень за вести. В них всё мне было любопытно. Весьма жалею, если моим письмом огорчил моего доброго Сергея Тимофеевича Аксакова. Но что делать? Ты видишь, что я именно уже как бы рожден на то, чтобы огорчать тех, которые меня наиболее любят. Уговор ведь у нас был — писать всё, что ни есть на душе. Я писал, что в ней было. В письмах С<ергея> Т<имофеевича> было тоже не мало того, от которого бы другой огорчился. Но зачем же один я только не вправе огорчаться ничем, а прочие вправе огорчаться? Слово размолвка напрасно ты употребил. Храни бог от размолвки даже с людьми, менее мне близкими, чем Аксаков! Что я меньше любил Аксаковых, чем они меня, это совершенная правда, и зачем мне это скрывать? Но дело в том, что я теперь больше люблю всё то, что достойно любви, чем когда-либо прежде; стало быть, неми-

нуемо должно быть, что и любовь моя к друзьям моим стала большею, чем когда-либо прежде. Это также правда, и ее ты передай Сергею Тимофеевичу, если только он действительно на меня в неудовольствии. Но довольно об этом.

Замечание твое, что мои нервы страдают именно от климата неаполитанского, я не думаю, чтоб было справедливо; по крайней мере, я здесь чувствую себя не только лучше, чем в Германии, но даже, чем в Риме. Впрочем, попробую прожить в России. Очень был бы рад и почел бы за особенную милость божию, если б климат наш пришелся мне теперь впору. Я очень соскучился по России и жажду с нетерпением услышать вокруг себя русскую речь. А тебя прошу заблаговременно отмечать для меня на особенной записочке всё то, что, по твоему мнению, мне нужно видеть и слышать, равно как и имена всех тех людей, с которыми мне следует познакомиться. Твой слепец, о котором ты упоминаешь, должен быть для меня очень потребный человек. Мне теперь особенно будут нужны бе-

седы с теми людьми, которые могут подать мне сведения верные и близкие обо всех со-словиях вообще, и особенно низших. Пожа-луйста, не забывай также отмечать и всякие книжки, выходящие по этой части. Снегирева я получил; дивлюсь, как этого человека раз-брасывает во все стороны! По дороге он никак не может идти, но, точно с похмелья, и впра-во, и влево, повторяя несколько раз одно и то же. Нужно иметь четыре головы, чтобы его читать. Даже эту малую толику, которую он собрал в своей книге, трудно увидеть из его же книги. Летописи также получил и благода-рю очень за всё это.

На замечанье твое, что «Мертвые души» разойдутся вдруг, если явится второй том, и что все его ждут, скажу то, что это совершен-ная правда; но дело в том, что написать вто-рой <том> совсем не безделица. Если ж иным кажется это дело довольно легким, то, пожа-луй, пусть соберутся да и напишут его сами, совокупясь вместе, а я посмотрю, что из этого выйдет. Мне нужно будет очень много по-смотреть в России самолично вещей, прежде

чем приступить ко второму тому. Теперь уже стыдно будет дать промах. Ты видишь (или, по крайней мере, должен видеть более прочих), что предмет не безделица и что беда, не будучи вполне готовым и состроившимся, приняться за это дело. Сделавши это дело хорошо, можно принести им большую пользу; сделавши же дурно, можно принести вред. Если и нынешняя моя книга, «Переписка» (по мнению даже неглупых людей и приятелей моих), способна распространить ложь и безнравственность и имеет свойство увлечь, то сам посуди, во сколько раз больше я могу увлечь и распространить ложь, если выступлю на сцену с моими живыми образами. Тут ведь я буду посильнее, чем в «Переписке». Там можно было разбить меня впух и Павлову, и барону Розену, а здесь вряд ли и Павловым, и всяким прочим литературным рыцарям и наездникам будет под силу со мной потягаться. Словом, на все эти ребяческие ожидания и требования 2 тома глядеть нечего. Ведь мне же никто не хотел помочь в этом самом деле, которого ждет! Я не могу ни от кого добиться записок его жизни. Записки совре-

менника, или, лучше, воспоминанья прежней жизни, с окруженьем всех лиц, с которыми была в соприкосновении его жизнь, для меня вещь бесценная. Если б мне удалось прочесть биографию хотя двух человек, начиная с 1812 года и до сих пор, т. е. до текущего года, мне бы объяснились многие пункты, меня затрудняющие. Но довольно обо всем этом. Бог милостив, и у него всё возможно. Может быть, мне будет дано здоровье, силы и возможность не полагаться ни на кого, высмотреть всё самому.

Я еще остаюсь в Неаполе до половины февраля, а в феврале думаю сесть на корабль, хотя, признаюсь, по малодушию моему сильно боюсь моря. Я страдаю ужасно от морской болезни, а пути почти одиннадцать дней, включая туда остановки по одному дню в Мальте, Александрии и Афинах. Со мной ни души: всё, что и собиралось прежде в Иерусалим, отложило поездку. Погодин даже не отвечал мне на мой запрос: едет ли он или нет в этом году? А потому я думаю, что он не едет. Признаюсь, часто даже находит на меня мысль: за-

чем я поеду теперь в Иерусалим? Прежде я был, по крайней мере, в заблуждении насчет самого себя. Я думал, что я хоть немного лучше того, что я есть. Я думал, что я подвинулся ближе к тому делу, за которым ехал в Иерусалим, я думал, что молитвы мои что-нибудь будут значить у бога, если только помолются мои земляки, люди той же земли, чтобы значили что-нибудь мои молитвы. Теперь думаю: не будет ли оскорблением святости мой приезд и поклонение мое? Если бы богу было угодно мое путешествие, возгорелось бы в груди моей и желание сильнее, и всё бы меня тянуло туда, и не посмотрел бы я на трудности пути. Но в груди моей равнодушно и черство, и меня устрасяет мысль о затруднениях.

Вот такая мысль приходит мне часто на ум, а прежде она не приходила. Не показывай, пожалуйста, никому этой странички моего письма; покажи разве одной только старушке Над<ежде> Ник<олаевне> Шереметевой, если она будет обо мне спрашивать: она обо мне помолится в простоте сердца. Прочие

будут выводить из этого всякие заключения и умничать...

А. А. ИВАНОВУ
Декабрь 5 <н. ст. 1847>.
Неаполь

Давно уже я о вас не имею никаких, вестей, Александр Андреевич. Пожалуста, уведомляйте меня от времени до времени о себе, о том, что делается, как в вас, так и около вас. Не опасайтесь от меня жестких писем, я их теперь даже и не сумею написать, ибо вижу, [тем более, что видишь] что если и нужно кого попрекать, так это больше себя, а не другого. Я живу в Неаполе довольно уединенно и мирно, несмотря на то, что живу в трактире. Как-то лень искать квартир, и я день за днем остаюсь [живу] в Hôtel de Rome. С Софьей Петровной вижу довольно часто. Полагаю прожить здесь до половины февраля, а в половине февраля сажусь на корабль с тем, чтобы пуститься в Иерусалим, а оттуда в Россию. Если встретите кого-нибудь из моих знакомых, приехавших в Рим, которые бы пожелали со мной видеться, то скажите им, что от их воли — заглянуть в Неаполь. [Далее начато: Ес-

ли кто] Узнайте, не отправляется ли кто также в Иерусалим около этого времени; в таком случае дайте ему мой адрес. Мне очень будет приятно иметь попутчика-земляка. Передайте при сем прилагаемое письмо Моллеру и будьте бодры духом и здоровы.

Н. Г.

Адресуйте в Hôtel de Rome.

Не отправляется ли на Восток кто-нибудь из художников-архитекторов? Ему бы со мною было выгодно, притом и издержек меньше.

На обороте: Rome.

Al signore signore Alessandro Iwanoff (Russo).

Александрю Андреевичу Иванову.

Roma. Via Condotti. Caffè Greco. Vicina alla piazza di Spagna.

М. П. ПОГОДИНУ
Декабря 7 <н. ст. 1847>.
Неаполь

Что же ты, добрый мой, замолчал опять? Остановило ли тебя просто нехотенье [нежел<анье>] писать, неименье [и неименье] потребности высказывать настоящее состояние твоего духа или оскорбило тебя какое-нибудь выражение письма моего? Но мало ли чего бывает в словах наших? Мы ими беспрестанно оскорбляем друг друга, даже и не примечая того. Что нам глядеть на слова? Будем писать по-прежнему, как обещали, и станем прощать вперед всякое оскорбление. Мне очень многих случилось оскорбить на веку. Если мне не станут прощать близкие и великодушные, как же тогда простят далекие и малодушные? Чем далее, [Чем более] тем более вижу, как я много оскорбил тебя; могу сказать, что только теперь чувствую величину [всю величину] этого оскорбления, а прежде и в минуту, когда я нанес это публичное оскорбление тебе, я вовсе его не чувство-

вал, я даже думал, что я поступаю так, как следовало мне. Странное, однако ж, дело, я не чувствую, однако ж, ни стыда, ни раскаяния. Я только люблю тебя больше, именно от<то-го>, что чувствую себя неправым перед тобою, точно как бы мне теперь хочется любить только тех, кто великодушнее меня. Твердое ли убеждение в том, что нет вещи неисправимой, и гордая надежда на силы, которые подаст мне бог исправить промахи мои, — что бы то ни было, только я гляжу с каким-то бесстыдством в глаза всем тем, которых я оскорбил, а в том числе и тебе. Но довольно об этом. Пожалуста, напиши мне хоть несколько строчек о себе. [Далее начато: Пиши всё] Возьмись за перо, даже хоть и нет расположения, мне теперь очень нужны письма близких мне, вспомни, что я их долго [тем я их скоро] буду не получать, если выеду [не выеду] в дорогу. Пиши, не дожидаясь моих ответов, до самого февраля месяца. Пиши всякий раз, когда захочется тебе отвести душу или станет тяжело. Не стыдись и малодушия твоего, поведай и его, если оно найдет на тебя. Ты скажешь дело знающему человеку. Малодушнее меня,

я думаю, нет в мире человека, несмотря на то, что есть действительно [бывает иногда] способность быть великодушным. Но довольно. Жду с нетерпением о тебе известий. О себе скажу только то, что покамест здоровьем слава богу. Много, много произошло всякого рода вещей, явлений в моем внутреннем мире, и всё божьей милостью обратилось в душевное добро и в предмет созданий точно художественных, если только даст бог силы физические совершить то, что уже вызрело в душе и в уме. Я не сомневаюсь, что также и в тебе совершилось почти то же [то же, должно <быть>] или, по крайней мере, похоже<е>. Мне очень теперь хочется ехать в Россию, но замирает малодушный дух мой при одной мысли о том, какой длинный мне предстоит переезд, и всё почти морем, которого я не в силах выносить и от которого страдаю ужасно. Не ехать же в Иерусалим как-то стало даже совестно. Если нет внутреннего желанья, так сильного, как прежде, то все-таки следует хотя поблагодарить за всё случившееся, потому что случилось многое из того, что, я думал, без Иерусалима не случится: дух освежило, и

силы [силы на дело] обновились... Но прощай
до следующего письма.

Твой <Г>.

Адресуй в Неаполь, *poste restante*.

На обороте: *Moscou. Russie.*

Его высокородию Миха<и>лу Петровичу
Погодину.

В Москве. На Девичьем поле. В собствен-
ном доме.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

<Конец ноября—начало декабря н. ст. 1847>. Неаполь

Я виноват перед вами, добрый друг Надежда Николаевна. В оправданье вам ничего не могу другого сказать, кроме того, что «просто не писалось». Бывают такие времена, когда не пишется. О том, что далеко от души, говорить не хочется, о том же, что близко душе, говорить не можется, и пребываешь в молчании, сам не зная отчего. Я теперь в Неаполе; приехал сюда затем, чтобы быть отсюда ближе к отъезду в Иерусалим. Определил даже себе отъезд в феврале, и при всем том нахожусь в странном состоянии, как бы не знаю сам, еду ли я или нет. Я думал, что желанье мое ехать будет сильней и сильней с каждым днем, и я буду так полон этою мыслью, что не погляжу ни на какие трудности в пути. Вышло не так. Я малодушнее, чем я думал, меня всё страшит. Может быть, это происходит просто от нерв. Отправляться мне приходится совершенно одному; товарища и человека,

который бы поддержал меня в минуты скорби, со мною нет, и те, которые было располагали в этом году ехать, замолкли. Отправляться мне приходится во время, когда на море бывают непогоды, <a> я бываю сильно болен морскою болезнью даже и во время малейшего колебанья. Всё это часто смущает бедный дух мой и смущает, разумеется, оттого, что бессильно мое рвенье и слаба моя вера. Если бы вера моя была сильна и желанье моё жарко, я бы благодарил бога за то, что мне приходится ехать одному и что самые трудности и минуты опасные заставят меня сильнее прибегнуть к его помощи и вспомнить о нем лучше, чем как привык вспоминать о нем человек в обыкновенные и спокойные дни жизни. В последний год или, лучше, в последнюю половину года, произошло несколько перемен в душе моей. Я обсмотрелся больше на самого себя и увидел, что я еще ученик во всем, даже и в том, в чем, казалось, имел право считать себя уже выучившимся и знающим. Это меня много смирило, вооружило большей осторожностью и недоверчивостью к себе и с тем вместе как бы охладило меня и в том, в чем бы я

никогда не хотел охлаждаться. О, молитесь, мой добрый друг, чтобы росой божественной благодати оросилась моя холодная душа, чтобы твердая надежда в бога воздвигнула бы во мне всё, и я бы окреп, как мне нужно, затем, чтобы ничего не бояться, кроме бога. Молитесь, прошу вас, так крепко обо мне, как никогда не молились прежде. Я буду писать к вам еще, я хочу писать к вам теперь чаще, чем прежде. Бог да наградит вас за ваши молитвы обо мне и в сей и в будущей жизни.

Весь обязанный вам Н. Г.

М. И. ГОГОЛЬ

Неаполь. Декабрь

[фев<раль>] 12 <н. ст. 1847>

Очень давно я уже не получал от вас писем и не знаю, что с вами делается. Если вам некогда, почему же сестры не пишут? Уведомляю вас, что я остаюсь в Неаполе до февраля месяца. А в феврале думаю двинуться в путь, если бог благословит его. Дорога мне предстоит не малая, езда почти всё морем, на котором я обыкновенно страдаю сильно от морской болезни. Притом на Востоке не мало затруднений всяких, [затруднений всяких в дороге] словом — много всего того, что заставляет человека крепче помолиться. А потому прошу и вас молиться обо мне усерднее, чем когда-либо прежде, во всё то время, покуда я буду в дороге. И если я возвращусь к вам, то считайте не иначе, как великой милостью божией. Я так мало заслужил того, чтобы жизнь моя хранима была ангелами от всякого зла (по крайней мере, мне так временами кажется, в те минуты, когда гордость, всегда [всегда

почти] сопровождающая человека, отступает от него)... Как бы то ни было, но я прошу вас теперь всех молиться обо мне крепко, как только можете. На это письмо вы еще можете написать ответ. Если не будете откладывать и отправите его тот же час, то оно меня застанет еще в Неаполе. Затем бог да хранит вас всех! Обнимаю вас мысленно.

Н. Г.

На обороте: Russie. Poltava.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.

В Полтаве. Оттуда в д<еревню> Василевку.

А. В. ГОГОЛЬ

**<Около 12 декабря н. ст. 1847.
Неаполь.>**

От Шевырева ты получишь несколько книг, которые ты должна будешь прочесть вместе с племянником, потому что они собственно для него. Но я бы хотел, чтобы ты их прочитала тоже. Они могут и тебя несколько навести на то, что именно нужно знать тому, кто бы захотел бы истинно честно служить земле своей. Тебе это нужно, [не мешает это знать] чтобы уметь внушить своему племяннику желание любить Россию и желанье знать ее. Прочитай особенно книгу самого Шевырева «Чтения русской словесности». Они тебя введут глубже в этот предмет, чем племянника, потому что он еще дитя, и ты будешь [можешь] потом в силах истолковать ему многое, чего он сам не поймет. Старайся также внушить ему, что на всяком месте можно исполнять свято долг свой, и нет в мире места, которое бы можно назвать было презренным. Всякое место может быть обла-

горожено, если будет на него благородный человек. Между [Вместе с] книгами одна будет Гуфланда «О жизни человеческой», ты ее передай Ольге. Это ее книга, так же, как и прочие духовного содержания. Пожалуста, почаще экзаменуй племянника в тех науках, которые он учит в гимназии. Заставляй еще почаще изъяснять тебе, в чем именно состоит такая-то и такая наука и что в ней содержится. Проси его слушать повнимательнее преподавателей, чтобы пересказать потом тебе, уверь его, что ты многому и сама хочешь поучиться у него. Тебе это удастся, я знаю. Тогда тебе лучше откроется, что он такое и к чему именно есть у него способности. Старайся также доказать ему, что тот, кто желает учиться и быть полезным земле своей, тот сумеет научиться и у профессора не очень умного, а кто не имеет этого желанья, тот не научится ничему и у наиумнейшего учителя. Чтобы он не научился не радеть и о самой науке из-за того только, что учитель не совсем хорош. Но чтобы чувствовал, что тогда еще больше нужно работать самому, когда учитель не так хорош. Но довольно. Напиши обо всем, что тебе при-

дет в ум по поводу этого письма.

На обороте: Сестре Анне Васильевне Го-
голь.

**М. А.
КОНСТАНТИНОВСКОМУ
Неаполь. Декабря 12 <н. ст.
1847>**

При этом письмеце вы получите, почтеннейший и добрейший Матвей Александрович, 100 рублей серебром. Половину этих денег прошу вас убедительно раздать бедным, то есть беднейшим, какие вам встретятся, прося их, чтобы помолились они о здорovyи душевном и телесном того, который от искреннего желания помочь дал им эти деньги. Другую же половину, то есть остальные 50 рублей, разделить надвое: 25 рублей назначено на три молебна о моем путешествии и благополучном возвращении в Россию, которые умоляю вас отслужить в продолжение великого поста и после пасхи, как вам удобнее. 25 рублей остальные оставьте покуда у себя, издерживая из них только на те письма, которые вы писали или будете писать ко мне, равно как и те, которые получаете от меня и будете получать. Я вас ввел в издержки, потому

что уже такое постановление: с тех не берут за письма, которые находятся за границей, за всё платят вдвойне те, которые остаются в России. Оттого и упала на вас одного тягость. [тягость издержания] Еще раз прошу вас помолиться о благополучном путешествии моем и возвращении на родину, в Россию, в благодатном и угодном богу состояньи душевном.

От всей души признательный вам за молитвы и добрые советы

Николай Гоголь.

Если вам придет добрая мысль написать ко мне, то адресуйте в Неаполь, *poste restante*, Николаю Васильевичу Гоголю. Я еще до февраля остаюсь.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Неаполь. Декабря 12 <н. ст.
1847>

Я думал, что по приезде в Неаполь найду от тебя письмо. Но вот уже скоро два месяца минет, как я здесь, а от тебя ни строчки, ни словечка. Что с тобой? Пожалуста, не томи меня молчаньем и откликнись. Мне теперь так нужны письма близких, самых близких друзей! Если я не получу до времени моего отъезда от тебя письма и дружеского напутствия в дорогу, мне будет очень грустно: предстоящая дорога не легка. Я стражду сильно, когда бываю на море, а моря мне придется [придется дела<ть>] много. Я один; со мной нет никого, кто бы поддержал меня в пути в мои малодушные минуты, равно как и в минуты бессилья моего телесного. Если даже и письменного ободренья не пошлет мне близкая душа [не даст мне близкий друг мой] — это будет жестоко. Ради бога, не медли и напиши не один раз, но [а даже] два и три. Если, даст бог, мы увидимся [Далее начато: тогда

уже не нужны б<удут>] в наступающем 1848 году, [в нынешнем наступающем году] — поблагодарю за всё лично. До февраля я буду еще здесь. Адресуй в Неаполь, [просто в Неаполь] *poste restante*. А с тех же пор, то есть от половины февраля нового штиля, адресуй в Константинополь, на имя нашего посланника Титова. Денег посылать не нужно. Если не обойдусь с своими, то могу в Константинополе прибегнуть к займу. [Далее начато: Посылаю] Свидетельством о жизни, при сем прилагаемым, вытребуй следуемые мне деньги в сто (100) рублей серебром отправь в скорейшем, как можно, времени в город Ржев (Тверской губернии) тамошнему протоиерею Матвею Александровичу для передачи кому следует, присоединив при сем прилагаемое письмо, а остальные присовокупи к прежним. Будь здоров и, ради бога, напиши ответ.

Весь твой Г.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Ректору императорск<ого> СПб. универси-

тата, его превосходительству Петру Александровичу Плетневу.

В СПбурге. В университете, на Васильевском острове.

А. А. ИВАНОВУ

**Неаполь. Декабр<я> 14 <н. ст.
1847>**

Благодарю вас за письмецо, несмотря на то, что в нем и немного говорите о себе самом. Бодритесь, крепитесь! Вот всё, что должен говорить на этой страждущей земле человек человеку! А потому, вероятно, и я сказал бы вам эти же самые слова, если бы вы что-нибудь написали о вашем состояньи душевном. Итак, вы правы, что умолчали. Софья Петровна с братом своим графом Александром Петровичем хотят в конце февраля быть к вам в Рим и, без сомнения, вас утешат и успокоят, сколько смогут. Но помните, что ни на кого в мире нельзя возлагать надежды тому, у кого особенная дорога и путь, не похожий на путь других людей. Совершенно понять ваше положение никто не может, а потому и совершенно помочь вам никто не может в мире. Как вы до сих пор не можете понять хорошенько, что вам без бога — ни до порога, что и вставая, и ложась вы должны молиться, чтобы

день ваш и наступил и прошел благополучно, без [и без] помехи, чтобы бог дал вам сил, даже если и случится помешательство, не возмутиться оттого. Но довольно об этом. Поговорим о прочем в вашем письме. Герцена я не знаю, но слышал, что он благородный и умный человек, хотя, говорят, чересчур верит в благодатность нынешних европейских прогрессов и потому враг всякой русской старины и коренных обычаев. Напишите мне, каким он показался вам, что он делает в Риме, что говорит об искусствах и какого мнения о нынешнем политическом и гражданском состоянии Рима, о чивиках и о прочем. Я не знал, что вы не читали моего письма о вас. Я думал, что вы прочли всю мою книгу у Софьи Петровны в Неаполе. Если вы любопытны знать его, то посылаю его при сем, выдравши из книги. А книгу привезет вам Софья Петровна. Я не знаю, сделало ли мое письмо что-нибудь в вашу пользу, но, по крайней мере, в то время, когда я его писал, я был уверен, [точно уверен] что оно у вас нужно. Но прощайте! Уведомьте меня, сделали ли вы что-нибудь относительно тога почталиона, о котором я

вас просил в Риме перед выездом моим.

Н. Г.

На обороте: Roma. Italia.

Al signore signore Alessandro Iwanoff (Russo).

Александр<у> Андреев<ичу> Ивано<ву>.

Roma. Via Condotti. Caffè Greco. Vicina <al> la
piazza di Spagna.

А. В. ГОГОЛЬ

<Между 12 и 18 декабря н. ст.
1847. Неаполь.>

На письмо твое, сестра Анна Васильевна, я не отвечал, хотя был им доволен. Насчет племянника нашего скажу тебе, что мне показалось, будто в нем ни к чему нет особенной охоты. Я его совсем не спрашивал о том, в какую он хочет службу. Он — дитя и не может еще и знать даже, что такое служба, я думал [хотел] только, не вырвется ли как-нибудь в словах его любовь и охота к какому-нибудь [к чем<у-нибудь>] близкому делу, которое под рукой и о котором мальчик в его лета может иметь понятие. Но мысль [Но заговорить] о дипломатии ни к чему не показывает наклонности. [Далее начато: Это просто] Там большею частью праздные места и должности без занятий, куда назначаются только богатые и знатные люди, да и при том мало одного француз<ского> языка. [хотя при всем том с языком] Нужно их знать много. Стало быть об этом нечего и думать. А ты внуши

ему, по крайней мере, желанье читать побольше исторических книг и желанье узнать собственную землю, [в то же время Россию] географию России, историю России, путешествия по России. Пусть он спрашивает и узнает про всякое сословие в России, начиная с собственной губернии и уезда: что такое крестьяне, [крестьяне помещ<ичьи>] на каких они условиях, сколько работают в этом месте, сколько в другом, какими работами занимаются. Что такое купцы и чем торгуют, что производит такой-то уезд [что производит такой-то уезд и что другой] или губерния и чем промышляют в другом месте. Словом, нужно, чтобы в нем пробудилось желанье узнавать быт людей, населяющих Россию. С этими познаниями он может сделаться потом хорошим чиновником и нужным человеком государству. Ты можешь слегка приучать его к этому даже в деревне Васильевке. Например, в первую ярманку, какая случится у вас, вели ему высмотреть [всю высмотреть] хорошенько, каких товаров больше и каких меньше, и записать это на бумажке, скажи, что это для меня. [хоть, положим, для меня] Потом

пусть запишет, откуда и с каких мест больше привезли товаров и чьи люди больше торгуют и больше привозят. Это заставит его и переспросить, и поразговориться со многими торговцами. А потом может таким образом и в Полтаве замечать многое. Нужно, чтобы он не пропускал ничего без наблюдательности. Если в нем пробудится наблюдательность всего, что ни окружает, тогда из него выйдет человек, без этого же свойства он будет кругом ничто. [Далее начато: Замечу тебе еще] Вот всё, что почитаю нужным передать тебе по предмету племянника. Теперь о тебе самой лично. Мне кажется, что тебе как старшей сестре следовало бы кое-что заметить и смекнуть относительно, например, расходов, которые присылает мне Лиза. [из счетов, например, о приходах и расходах, которым счета присылает мне Лиза.] Я не буду давать тут своих советов. Но замечу однако ж, что есть люди, которые никак не в силах удержать у себя денег, хотя и не тратят их попустому; если у них в кассе завелась копейка, уже они беспокойны и думают, как бы пристроить [уже беспокойны, куды бы пристроить] по-

скорее эту копейку. Триста рублей у них будет, например, в этот месяц в приходе — все триста издержат до последней копейки. Тысяча рублей будет в приходе вся тысяча также издержится. Как иногда не подумать: [не взять, например, в соображен<ие>] ну да если бы не тысяча, а триста рублей только я получила в этом месяце, ведь я бы была без целых семисот рублей, стало быть эти семьсот могут быть и не издержаны, [ост<анутся>] хотя, конечно, я лишусь многих нужных вещей. Мне, например (я говорю о себе), если приходится уплочивать большую сумму в конце года, я употребляю уже все силы, чтобы во всяком месяце от расхода было в остатке хотя четверть прихода, и этих денег [и уж этих денег] ни за что не трачу, хоть будь наинужнейшая вещь. Но у вас тоже как только явятся деньги, сейчас давай думать, куда бы их тот же час пристроить. Никто никак не вытерпит, чтобы они просто полежали. Я, например, послал маминьке и сказал, чтобы тысячу из этих денег отложить на уплату податей. Маминька давай думать тот же час, куды бы деть эти деньги, и придумала их наместо уплаты пода-

тей на церковь. Новая экстренная и непредвиденная издержка! Давай сделать каменный пол в церкви. Эти вещи хорошо делать уже тогда, <когда> необходимейшее сделано. О церкви, конечно, прежде всего следует подумать, но о каменном ли помосте [поле] речь? Прихожане могут помолиться и на деревянном. Вопрос, как они молятся и умеют ли молиться, об этом прежде следует хлопотать. Помощь бедному — другое дело. Иоанн Златоуст велит для этого продавать даже и утвари церковные. Упоминаю об этом для того, чтобы показать тебе делом, как часто [много] случается вам издерживать на то, на что уже можно только потом издерживаться, когда уже самое необходимейшее сделано. Например, вас три хозяйки в доме и с маминькой четыре. И вы, уже не говоря о том, что не в силах управиться одни в имении, в котором не больше двухсот душ, вы не в силах управиться в собственном дворе и доме. Нужно [Нужно еще] было нанимать домоводку и платить ей триста пятьдесят рублей в год. Это не бездельная сумма. [Далее начато: [Я помню, что] Эта сумма] Подобная сумма в мое время платилась

только управителю, который целый <день> был в поле и таскался при работах с мужиками, да и от этой суммы охала васильевская экономия. Как же в самом деле этак жить? Поступая в таком смысле и духе, вечно будешь в нужде, хотя бы я вдвое получал больше денег. Пожалуста, не принимай это за упрек, но обдумай сама хорошенько иобрази. Не забывай, что маминька тебя любит, что ты можешь иметь на нее влияние и можешь остановить от иного. Скажи Ольге, что я к ней буду писать и пришлю ей несколько денег на раздачу бедным и на отслуженье нескольких молебней о моем благополучном путешествии и возвращении в Россию. Затем прощай, обнимаю тебя.

Твой брат.

На обороте: Сестре Анне Васильевне.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Декабря 18 <н. ст. 1847>.
Неаполь

Письмо мое от 2 декабря ты уже, без сомнен<ия>, получил. Хочется еще поговорить с тобой. Я прочел вторую книжку твоих лекций. Она еще значительней первой, это ты чувствуешь, вероятно, и сам. В ней ощутительней и ближе показывается читателю дело. Но и в ней проглядывает поспешность поделиться с читателем всем, даже и тем, что еще для самого себя видится несколько в отдаленной перспективе — общий порок всех, идущих вперед людей! Что для себя еще перспектива, пусть и останется в себе. Говорить нужно только о том, к чему уже пришел совершенно. Увы! я узнал это на опыте. Еще, мне кажется, не нужно читателю говорить [показывать] вперед о всей огромности того горизонта, который намерен захватить своею книгою. Лучше высказать ему словесно скромнейшее и более частное намерение, а книга пусть ему сама собой обнаружит этот

горизонт. [горизонт, больший того, который он ожидал] Мне кажется, можно было не говорить вперед: «Я хочу показать всего русского человека в литературе», разве прибавивши: «насколько он в ней выразился». А, вместо того, просто раскрыть своей книгой действительно всего русского человека, как ты, вероятно, и сделаешь, но что не всякий может покуда смекнуть даже из тех, кому нравится твоя книга. Ты не можешь себе представить, как сердит всякого человека, не дошедшего до нашей точки зрения, похвальба открыть то, что ему еще не открыто и чье существование, разумеется, он должен отвергать, как несбыточное. Его бесит это, как бесит ложь, [потому, как ложь] проповедываемая с видом истины, и бесит еще более, когда он видит, как увлекаются другие. Увы! весь неуспех доброго дела от нас, и всему виноваты мы сами. Как трудно умерить себя! Как трудно сделать так, чтобы в твореньи нашем дело выступало само и говорило собою, а не слова наши говорили о деле! Как трудно также уберечься от этих двух-трех выходов, которые проскользнут где-нибудь в книге, на

которые упершись, читатель уже подымает войну противу всей книги! А человек так всегда готов, выражаясь не совсем опрятной поговоркой: «рассердясь на вши, да всю шубу в печь!» Мне особенно понравилось, что ты развил в своей книге мысль о безличности наших первоначальных писателей, умевших всегда позабыть о себе. По прочтении твоей книги передо мною обнаружилось еще более мое собственное безрассудство в моей «Переписке с друз<ьями>». [Это было между прочим причиною того, что передо мною обнаружилось еще более мое собственное безрассудство, которое я так ярко обнаружил в моей книге.] Я уже давно питал мысль — выставить на вид свою личность. Я думал, что если не пощажу самого себя и выставлю на вид все человеческие свои слабости и пороки и процесс, каким образом я их побеждал в себе и избавлялся от них, [Я думал, что я <...>] то этим придам духу другому не пощадить также самого себя. Я совершенно упустил из виду то, что это имело бы успех только в таком случае, если бы я сам был похож на других людей, то есть на большинство других

людей. Но выставить себя в образец человеку, не похожому на других, оригинальному уже вследствие оригинальных даров и способностей, ему данных, это невозможно даже и тогда, если бы такой человек и действительно почувствовал возможность [возможность на всяком <поприще>] достигать [исполнять] того, как быть на всяком поприще тем, чем повелел быть человеку сам богочеловек. Я спутал и сбил всех. Поэтические движения, впрочем, сродные всем поэтам, все-таки прорвались и показались в виде чудовищной гордости, несовместимой никак с тем смиреньем, которое отыскивал читатель на другой странице, и ни один человек не стал на ту надлежащую точку, с которой следовало глядеть на эту загадочную книгу. Гляжу на всё, дивлюсь до сих пор и думаю только о том, каким бы образом я мог прийти в мое нынешнее состояние без этой публичной оплеухи, которою я попотчевал самого себя в виду всего русского царства. Только теперь чувствую силу того, что говоришь в книге твоей [Только теперь, вследствие всего этого события, я могу почувствовать во всей силе всю необходимость то-

го, что проповедует твоя книга, скрыть] о личности писателя. Прежде я бы не понял и долго бы из-за моих героев [Прежде я бы не понял этого, как следует, и долго бы в моих героях] показывал бы непережеванного себя, не замечая и сам того. Напиши мне, пожалуйста, как идет в продаже твоя книга и сколько экземпляров [экземпляров ее] было напечатано. Затем к тебе просьба вот такая. Пошли из моих денег, выручаемых за «Мер<твые> души», сто рублей ассигнациями, при следуемом здесь письмеце, сестре Ольге, если можно, не откладывая времени. А на другие сто рублей ассигнациями накупи книг такого рода, которые могли бы отрока, [юношу] вступающего в юношеский возраст, познакомить сколько-нибудь с Россией (отрока лет тринадцати), как-то: путешествия по России, история России и все такие книги, которые без скуки могут познакомить собственно со статистикой России и бытом в ней живущего народа, всех сословий. Я не знаю и не могу теперь припомнить, что у нас выходило хорошего по этой части. Но нельзя, чтобы не вышло чего-нибудь в последние года, где бы посуществен-

ней и поближе показывалось внутреннее состояние государства [Далее начато: [и которое бы при этом] Другое условие, чтобы книги] и что могло бы легко и с интересом читаться детьми. [юношеством и детьми] Начни тем, что купи у самого себя лекции русской литературы, вышедшие доселе выпуски, и записки твоего путешествия, если только они выйдут (я жду их [я жду их читать] с большим аппетитом: мне кажется, что эта книга будет больше для меня, чем для всякого другого). [другого русского] Купивши все такие книги, уложи их в ящик и отправь в Полтаву на имя сестры моей Анны. [Дальше было: которой также прилагаю при сем письмецо] Прости, что обременяю тебя такими скучными хлопотами и пользуюсь безгранично твоей добротой. У меня есть племянник, почти брошенный мальчик, которому получить воспитанья блестящего не удастся, но если в нем чтеньем этих книг возбудится желанье любить и знать Россию, то это всё, что я желаю; это, по моему, лучше, чем если бы он знал языки и всякие науки. Об участи его я тогда не буду заботиться: он, верно, и сам пойдет своей доро-

гой и будет добрым служакой где-нибудь в незаметном уголку государства. А этого и предовольно для русского гражданина. Всё прочее может поселить только заносчивость в бедном человеке. Присоедини [Присоедини еще] к этому русский перевод Гуфланда о сохранении жизни. Он существует. Поручи книгопродавцам его отыскать. У меня есть одна сестра, которая воспиталась сама собою в глуши. Языка иностранного не знает. Но бог наградил ее чудным даром лечить и тело, и душу человека. С семнадцатилетнего возраста она отдала себя всю богу и бедным и умерла для всего другого в жизни. Она лечит с необыкновенным успехом всякими травами, которых целебные свойства открыла сама, [она сама] и часто молит бога, чтобы заболеть, [заболеть самой] затем, чтобы испытать на себе самой новые придуманные ею средства. [свойства] Читать ей медицинских книг не следует; пусть ее ведет натура. Но ей нужна такая книга, которая бы дала ей ближайшее понятие вообще о природе человека, как в нем движется кровь, как переваривается пища, и прочее. Пожалуста, спроси какого-ни-

будь умного врача, нет ли у нас на русском такой книги, которая бы могла быть по этой части доступна простолюдину, а не какому-нибудь ученому и воспитанному человеку, в которой была бы полная и коротенькая, понятная самому дитяти анатомия человека. Если что найдется по этой части, то, пожалуйста, приложи к посылке, надписавши на книге: «Ольге Васильевне», чтобы она не замешалась с другими. Еще пошли ей же лучшее, какое у нас вышло, изъяснение литургии. Ты, верно, это знаешь. Не сердись на меня, мой добрый, за мои просьбы. Не забывай меня, пиши, пиши, как можно чаще. Ради бога, пиши.

Твой Г.

При сем следует также письмецо к Серг<ею> Т<имофеевичу> Аксакову. Хотя я уверен, что неудовольствие его на меня прошло, но тем не менее пусть он из этих строк увидит, что совсем не нужно давать серьезно-го, строгого толкования многим нашим словам, которые вырываются весьма часто без расчета и намерения.

Адрес мой просто: в Неаполь, poste restante.

Если хватит денег, то, пожалуйста, присокупи к книгам новую, недавно вышедшую книгу [новую какую-то книгу] Иннокентия, в которой, говорят, очень хорошие поучительные слова, и книгу «Новая скрижаль» [В подлиннике: скрыжаль] преосв<ященного> Вениамина. На всех таковых книгах надпиши: «Ольге Васил<ьевне> Гоголь». А весь ящик адресуй Анне Васильев<не>. Письмо же с деньгами на имя Ольги Вас<ильевны> прошу тебя отправить вперед и, если можно, не медля.

На обороте: Moscou. Russie.

Профессору императорск<ого> Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской. В Дегтярном переулке.

В собственн<ом> доме.

С. Т. АКСАКОВУ
<18 декабря н. ст. 1847.
Неаполь.>

Шевырев мне пишет, что в моем письме к вам было что-то для вас огорчительное, так что он даже не хотел его вам показывать, опасаясь им расстроить вас. Правда ли это, любезный друг мой? Ведь мы обещали писать друг другу все чувства и ощущения, как они есть, не скрывая ничего, хотя бы в них было и неприятное для нас. Если в письме моем нашлось кое-что занозистое и колкое, то это [это в сво<ем>] ничуть не дурно. Это новые горючие вещества, подкладываемые в костер дружбы, который [который бы] без того пламенел бы лениво и вяло, что всегда почти бывает, если друзья живут вдали друг от друга. Рассудите сами, что за соус, если не поддадут к нему лучку, уксусу и даже самого перцу, — выйдет [это выйдет] пресное молоко. В письме моем к вам я сказал [между прочим, я сказал] сущую правду: я вас любил, точно, гораздо меньше, чем вы меня любили. Я был в со-

стоянии всегда (сколько мне кажется) любить всех вообще, потому что я не был способен ни к кому питать ненависти. [к ненависти я не был способен] Но любить кого-либо особенно, предпочтительно я мог только из интереса. Если кто-нибудь доставил мне существенную пользу и чрез него обогатилась моя голова, если он натолкнул меня на новые наблюдения или над ним самим, над его собственной душой, или над другими людьми, словом, если чрез него как-нибудь раздвинулись мои познания, я уже того человека люблю, хоть будь он и меньше достоин любви, чем другой, хоть он и меньше меня любит. Что ж делать? вы видите, какое творенье человек, у него прежде всего свой собственный интерес. Почему знать? может быть, я и вас полюбил бы несравненно больше, если бы вы сделали что-нибудь собственно для головы моей, положим, хоть бы написаньем записок жизни вашей, которые бы мне напоминали, каких людей следует не пропустить в моем творении и каким чертам русского характера не дать умереть в народной памяти. Но вы в этом роде ничего не сделали для меня. Что ж делать,

если я не полюбил вас так, как следовало бы полюбить вас! Кто же из нас властен над собою? и кто умеет принудить себя к чему бы то ни было? [к чему-нибудь насильно] Мне кажется, что я теперь все-таки люблю вас больше, [побольше] нежели прежде, но это потому только, что любовь моя ко всем вообще увеличилась: она должна была увеличиться, потому что это любовь во Христе. Так я уверен. А на самом деле, может быть, и это ложь, и я ничуть не умею любить лучше, чем прежде. Поэты лгут иногда [часто] невинным образом, обманывая сами себя. Рожденные понимать многое, постигать мыслию красоту чувств и высокие явления в душе человеческой, они часто думают, [обманываются и думают] что уже вмещают в самих себе то, что могут только несколько оценить и с некоторой живостью выставить на глаза другим, и величаются чужим, как своим собственным добром. Напишите мне что-нибудь. Письмо ваше еще застанет меня в Неаполе. Пожалуста, не смотрите на то, если какая колкость слетит с пера. Что толку в пресном молоке!

Весь ваш Г.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

О. В. ГОГОЛЬ
<18 декабря н. ст. 1847.
Неаполь.>

Я от тебя тоже давно не имею писем, любезная сестра моя Ольга. Отчего ты не пишешь? Ты не должна глядеть на других и брать с них пример, ты должна всегда писать ко мне. Посылаю тебе 100 рублей ассигнациями; половина из них, то есть 50 рублей, на раздачу бедным, а другая половина на отправленье в разных местах (где получше молятся) молебней о моем благополучном возвращении в Россию в здравьи и в состояньи духа, угодном богу. Молись и ты обо мне покрепче. В Москве я поручил выслать несколько книг сестре Анне, между ними будет одна о сохранении жизни человека Гуфланда. [Далее начато: и еще две или три духовного со<держания>] Эта книга полезна [будет полезна] тебе тем, что познакомит тебя лучше с натурой человека, что тебе очень нужно знать в таких случаях, когда придется лечить человека. [Далее начато: Я послал] Затем об-

нимаю тебя и жду обстоятельного уведомления о получен<ии> всего этого.

Твой брат.

Я просил также Шевырева прислать тебе две-три книги духовного содержания. А пока да рекомендую также и тебе прочесть книгу самого Шевырева «Чтения русской словесности». Это очень важная и полезная книга, написанная человеком истинно верующим и любящим бога.

На обороте: Ее высокоблагородию Ольге Васильевне Гоголь.

В Полтаву. А оттуда в село Васильевку.

А. А. ИВАНОВУ

**Неаполь. Декабр<я> 28 <н. ст.
1847>**

Очень рад, что мое письмо о вас показалось вам удовлетворительным. Великодушью Софьи Петровны не удивляйтесь: я вырвал его из собственного экземпляра. Вы получите [его получите] целиком и всю книгу, которою можете даже и подтереться. Нападенья на книгу мою отчасти справедливы. Я ее выпустил весьма скоро после моего болезненного состояния, когда ни нервы, ни голова не пришли еще в надлежащий порядок. Я поторопился точно таким же образом, как любите торопиться вы, и впутался в дела [в постор<онние> дела] прежде, чем показал на это право свое. Нужно было не соваться прежде, чем не сделаешь свое собственное дело, и копаться около него, закрывши глаза на всё, по пословице: «Знай, сверчок, свой шесток»! Этой поспешностью я даже повредил многому тому, что хотелось защитить. Книгу вашу я отдал Колонне. Странная судьба бедного

почтальона. Жаль, что вы не пишете, пострадал ли он или нет, то есть выгнан на улицу или есть у него какой-нибудь угол. Я на всякий случай написал письменное изъяснение, при сем прилагаемое, которое прошу вас вручить начальству, если только с него требуют и взыскивают убытки, а он невинен. Если он, точно, беден и ему действительно нечем жить, то возьмите у Моллера из моих денег 100 франков. Из них дайте себе два наполеона, а остальные 60 дайте ему, но в виде скуд, римскою монетою. Напрасно вы дали ему [Охота же вам была давать] наполеонами. Серебром, может быть, он бы не потерял. Скажите Моллеру, чтобы остальные 600 он хранил у себя до моего свиданья с ним. Если ж так случится, что меня где-нибудь на моем странствии настигнет смерть, что всё от божьей воли, то эти деньги пусть остаются в запас на помочь такому из русских художников, которому придется слишком круто и решительно будет неоткуда взять денег. Скажите также Моллеру, что я пред ним виноват: порученности его не исполнил. Впрочем, я буду к нему на днях писать. Каковы нынешние

ваши обстоятельства — смущенья и заботы, я этого не знаю, но, вероятно, к смущенья и заботы [они у вас] в избытке, как у всякого очень чувствительного человека. Во всяком случае, скажу вам то, что говорю самому себе, что осталось в результате от всей моей опытности и мудрости, какие только пребывают [находятся] в моей бедной голове!

Работая свое дело, нужно твердо помнить, для кого его работаешь, имея беспрестанно в виду того, кто заказал нам работу. Работаете вы, например, для земли своей, для вознесенья искусства, необходимого для просвещения человека, но работаете потому только, что так приказал вам тот, кто дал вам все орудия для работы. Стало быть, заказыватель бог, а не кто другой. А потому его одного следует знать. Помешает ли кто-нибудь — это не моя вина, я этим не должен смущаться, если только действительно другой помешал, а не я сам себе помешал. Мне нет дела до того, кончу ли я свою картину или смерть меня застигнет на самом труде; я должен до последней минуты своей работать, не сделавши никакого упущения.

нья с своей собственной стороны. Если бы моя картина погибла или сгорела пред моими глазами, я должен быть так же покоен, как если бы она существовала, потому что я не зевал, я трудился. [Далее начато: Мое же] Хозяин, заказавший это, видел. Он допустил, что она сгорела. Это его воля. Он лучше меня знает, что [что кому] и для чего нужно. Только мысля таким образом, мне кажется, можно остаться покойным среди всего. Кто же не может таким образом мыслить, в том, значит, еще много есть тщеславия, самолюбия, желанья временной славы и земных суетных помышлений. И никакими средствами, покровительствами, защищениями не спасет он себя от беспокойства.

Вот весь итог посильных наблюдений, [моих наблюдений] опытности и мудрости, какие только я мог вывести [какие только во мне пребывают] из своей жизни. Передаю его вам в виде подарка на новый наступающий <год> и душевно желаю вам всякого добра.

Ваш Н. Г.

Поклонитесь от меня Бейне и расспросите его, как он ехал из Байрута в Яффу, а из Яффы в Иерусалим. Во сколько дней? С [и с] какими удобствами и неудобствами? Попросите его, чтобы он написал небольшую об этом записочку. Это будет лучше.

Всего лучше, если увидите почтальона, отправьте его прежде всего к Иордану, который умеет расспрашивать. Пусть он узнает все его обстоятельства. И если окажется, что почтальон просто дурак и сам виноват, то лучше дать деньги или матери, или тому, кто его кормит.

На обороте: Roma. Italia.

Al signore signore Alessandro Iwanoff (Russo).

Александрю Андреевичу Иванову.

Roma. Caffè Greco nella via Condotti. Vicina
<al>la piazza di Spagna.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ
<Конец декабря н. ст. 1847.
Неаполь.>

Благодарю вас, мой добрый друг, за письмо-вздо ваше. Слова ваши и утешения такого рода, что я должен повторять их в себе ежечасно и ежеминутно. Молитесь же богу о том, да совершается во мне святая воля его, да с терпением, кротостью и послушаньем выношу всё, что угодно ему ниспослать, в несокрушимой и твердой вере, что только одним таким путем могу достигнуть к той цели, к которой им же повелено мне стремиться. Молитесь богу, да воспламенится дух мой весь к нему любовью безграничной, всепоглощающей, всеумиряющей и побеждающей всё, что бывает трудно победить, и да пребудет бог милостив и внимателен вечно и к вам и к вашим молитвам.

Поздравляю вас с наступающим годом. Молюсь о вас, да награждены вы будете в нем высокими внутренними наслаждениями. По-

молитесь и обо мне, да награжден я буду в нем также высокими внутренними наслажде<ниями> во славу Божию и в спасение душ, как других, так и моей собственной.

Весь ваш Г.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

**Т. Ф. СЕРЕДИНСКОМУ
<Зима 1846–1847 или
1847–1848 гг. Неаполь.>**

Я не помню, сказал ли я вам, что молебен должен быть вместе с обедней. На всякий случай лучше вас побеспокою об этом сею запиской, прося убедительно, если для вас всё равно, начать обедню пораньше, именно в 10 часов с четвертью.

Весь ваш Н. Гоголь.

На обороте: Милостивому государю Тарасию Федоровичу Серединскому.

П. В. АННЕНКОВУ
Остенде. Августа 12 <н. ст.
1847>

Узнавши, что вы в Париже, пишу к вам. Я получил письмо от Белинского, которое меня огорчило не столько оскорбительными словами, устремленными лично на меня, сколько чувством ожесточенья вообще. Последнее сокрушительно для его здоровья. Вы теперь при нем: отводите от него всё возмущающее дух его. Убедите его прежде всего в той непреложной истине, что излишество теперь удел всех, кто только сколько-нибудь имеет сердце не бесчувственное к делам мира, какой-нибудь характер и какое-нибудь убеждение. Все переливают через край, потому что никто не спокоен. Я, более других спокойный и хладнокровный, впал в излишество более других: писавши мои письма, я был истинно убежден в той мысли, что все звания и должности могут быть освящены человеком и что чем выше место, тем оно должно быть святее; я хотел рассмотреть все места

и звания в их чистом источнике, а не в том виде, в каком они являются вследствие злоупотреблений человеческих; я начал с высших должностей; я хотел напомнить человеку о всей святости его обязанностей, а выразился так, что слова мои приняли за куренье человеку. Не увлекись я духом излишества, который раздувает теперь всех, я бы выразился, может быть, так, что со мною во многом бы согласились те, которые оспаривают теперь меня во всем, хотя чувствую, что и тогда видна была бы во мне односторонность: занявшись своим собственным внутренним воспитанием, проведя долгое время за Библией, за Моисеем, Гомером — законодателями веков минувших, читая историю событий, кончившихся и отживших, наконец, наблюдая и анатомируя собственную душу в желаньи узнать глубже душу человека вообще и встретясь на этом пути с тем, который более всех нас знал душу человека, я весьма естественно стал на время чужд всему современному. Зато теперь проснулось во мне любопытство ребенка знать всё то, чего я прежде не хотел знать. Точно как бы на то была уже

такая воля, [воля нами управляющего] чтобы я не прежде приступил к узнанию мирских дел, [дел мира] как узнавши получше самого себя. И мне кажется, что я теперь далее всякого другого могу уйти на пути разведыванья: ни раздраженья, ни фанатизма во мне нет, ничьей стороны держать не могу, потому что везде вижу частицу правды и много всяких преувеличиваний и лжи. Не знаю только, достанет ли на то сил физических: здоровье мое, которое началось было уже поправляться и восстанавливаться, потряслось от этой для меня сокрушительной истории по поводу моей книги. Многие удары так были чувствительны для всякого рода щекотливых струн, что дивлюсь сам, как я еще остался жив, и как всё это вынесло мое слабое тело. Но в сторону всё это. Недавно я прочел ваши письма о Париже. Много наблюдательности и точности, но точности дагеротипной. [дагеротипической] Не чувствуется кисть, их писавшая; сам автор — воск, не получивший формы, хотя воск первого свойства, прозрачный, чистый, именно такой, какой нужен для того, чтобы отлить из него фигуру. Словом, в письмах не

видно, зачем написаны письма. В то же время прочел я письма Боткина. Я их читал с любопытством. В них всё интересно, может быть, именно оттого, что автор мысленно занялся вопросом разрешить себе самому, что такое нынешний испанский человек, и приступил к этому смиренно, не составивши себе заблаговременно никаких убеждений из журналов, не влюбившись в первый выведенный им вывод, как делают это люди с горячим темпераментом, не рассматривающие того, что выведен вывод только из двух, из трех сторон дела, а не изо всех, как случается это с Белинским, со многими людьми на Москве, со мною грешным и вообще со всеми теми, [теми людьми] в которых много гордости и убеждения, что они [они одни] стоят на высшей точке воззрения на вещи. В ваших же письмах мне показалось, как будто вы не задавали самому себе сурьезного [какого-нибудь сурьезного] вопроса. Я подумал: что если бы на место того, чтобы дагеротипировать Париж, который русскому известен более всего прочего, начали вы писать записки о русских городах, начиная с Симбирска, и так же

любопытно стали бы осматривать всякого встречного человека, как осматриваете вы на мануфактурных и всяких выставках всякую вещицу? Если при этом описании зададите себе внутреннюю [В подлиннике: внутреннюю] задачу разрешить самому себе, что такое нынешний русский человек во всех условиях, на всех местах, начиная от высших до низших, и, держа внутри себя этот вопрос, будете глядеть на всякое событие и случай, как бы они ничтожны ни были, как на явление психологическое, ваши записки вышли бы непременно интересны. Тем более, что у вас, как мне кажется, нет пристрастия и сильной уверенности в истине своих выводов и заключений. Я очень помню одно ваше письмо, которое вы писали мне из Симбирска в ответ на кое-какие упреки с моей стороны. Оно меня тронуло этим отсутствием гордой самоуверенности в себе; я вам [ему] искренно позавидовал. Но заговорился [Но я с вами заговорился] ... Вы бы сделали хорошо, если бы заглянули в Остенде. Это так близко от Парижа. По железной дороге день езды. Мы бы вспомнили старину. Скажу вам, что мне теперь

сильней, чем когда-либо, хочется видеть всех, с кем я давно знаком. Люди, с которыми я повстречался в юности моей, становятся мне теперь с каждым годом как бы родственней и ближе — оттого ли, что способность воспоминания, которая была всегда во мне живая, при повороте дней моих к старости стала еще живей или оттого, что в самом деле любовь к человеку во мне увеличилась. Как бы то ни было, но я благодарю бога за это чувство. Оно так умиряет, так успокоивает душу даже и среди помышлений о судьбах человечества, общества и всего мира. Но прощайте. Если увидите Боткина, поклонитесь ему. На адресе письма сверх Остенде можете вставить: Rue de Capucins, 16. — Белинскому ответ я написал, адресуя в *poste restante*.

Ваш Н. Г.

На обороте: A monsieur

monsieur Annenkoff. Павлу Васильевичу Анненкову.

Paris. Poste restante.

Л. К. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ

**Остенде. 1847. Августа 14 <н.
ст.>**

Письмо Луизы Карловны было расцеловано за неимением налицо ее ручки. Я, точно, чуть было не уехал в Лондон с Хомяковым и жалею, что этого не сделал, потому что к вашему приезду в Остенде успел бы возвратиться всячески. Но я так боялся, что в отсутствие мое может быть от вас получено письмо, в котором вы как-нибудь перемените план свой, и, не будучи в возможности сообразиться с ним, я могу потерять с вами несколько дней свидания, что это навело беспокойство на дух мой, и я думаю, что я не в силах был бы спокойно рассматривать Лондон, как ни велико было мое желание осмотреть многое мне нужное. Я и теперь не могу себя приучить к той мысли, что вы так близко от меня и я вас не вижу. Уведомьте меня сей же час, если вы раздумаете ехать в Остенде: я его сей же час брошу и приеду к вам. Мне бы хотелось перед моим большим, предстоящим мне путеше-

ствием на вас наглядеться вдоволь. Квартира будет вам отыскана, как только вы напишете утвердительное письмо и означите в нем день вашего приезда. Здесь из ваших знакомых покуда Муханов и Глебов-Стрешнев, очень добрый человек, который отчасти вам и родственник. Есть еще несколько русских, но самое главное то, что в Остенде можно почти никого не видеть, если — захотите. Несмотря, на маленькое место, занимаемое городом, люди никак не встречаются и не сталкиваются, именно потому, что по причине морского ветра всяк отворачивает свое лицо в сторону и прижмуривает глаза. На это письмецо напишите хоть две строчки — или вы, или Анна Миха<й>ловна, или Миха<и>л Миха<й>лович, а я покуда обнимаю вас всех мысленно, как ближайших моему сердцу и душе. Христос с вами! Спешу отнести скорей это писанье на почту.

Ваш Н. Г.

На обороте: Son excellence madame la c-sse Wielhorsky.

Wiesbaden.

А. П. ТОЛСТОМУ
Остенд<е>. Август 14 <н. ст.
1847>

Уведомьте меня хотя двумя строчками, получили ли мое письмо от 2 августа, в котором я извещал вас о Вьельгорских и о том, что они едут в Остенде? Уведомьте меня также о том, в какой степени вы довольны дантистами, и владеете ли вы хорошо теми зубами, которые вставлены, и как много вы их себе вставили? Наконец, словечка два о вашем маршруте. На днях, я получил письмо от Матвея Александровича — ответ на мое (итак, вы можете копию, находящуюся у вас, изорвать). В письме этом многое пришлось [пришлось мне] очень кстати моему душевному состоянию. Я уверен, что если бы я умел изъяснить ему и прочее, что он покуда принял в другом смысле, он бы мне и там сказал много нужного. Письмо это имело отраднo-успокоительное на меня действие: душа ангельская слышна в его строках. Я верю, что он обо мне молится, как брат молится о брате, и не знаю,

как благодарить за это бога. За эти молитвы я обязан также вам, как и за многое другое. Но прощайте. Мысль, что проведу с вами ползими в Неаполе и наговоримся обо всем, очень радостна, а покуда на это письмо хоть две строчки! [Далее начато: Не откладывая]

Весь ваш Н. Гоголь.

На обороте: Son excellenece m. le c-te
Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, № 9. Hôtel Westminster.

А. П. ТОЛСТОМУ
<Около 14 августа н. ст. 1847.
Остенде.>

Я несколько замедлил отвечать вам, добрейший Александр Петрович. Вы спрашиваете о письме Матвея Александровича: оно скорее длинно, чем коротко. Видно, что сердце в нем разговорилось и что он, точно как купец, [добрый купец] рад от всей души продать товар свой. Тексты, приводимые из св. писания, показывают в нем полного хозяина, который знает, где, в каком месте нужно что брать. Говорит он о том, как все мы — церкви живого бога и должны слушаться духа, в нас живущего, а не земной телесности нашей; что никому из нас не прожить столько, как мы прожили, и потому, оставивши все хлопоты и вещи мира, следует нам поворотить во внутреннюю жизнь. Почти половина письма пришлась мне кстати, другая потому не пришлась, что он не в том смысле взял некоторые слова мои, но тем не менее и эта половина справедлива. Мне чувствуется, что следую-

Ще письмо, которое получу от него, может уже прийти целиком к душе моей. Скажу, что вследствие письма его я больше осмотрелся и хочу снова перечитать всё мною читанное для души, начиная с Ефрема [В подлиннике: Еврема <описка?>] Сирянина, Златоуста и Макария Египетского, как советует он, тем более, что я замечал, что после всякого такого чтения становится яснее взгляд на Евангелие, и многие места в нем становятся доступнее. Впрочем обо всем этом, равно как и прочем, [о всяком] поговорим при свидании. А покамест сделаете недурно и вы, если займетесь таким же чтеньем хоть по главе в день, разумеется, с обращеньем на себя и припоминаньем себе всей прежней жизни своей. Вам станет тоже потом доступнее Евангелие и яснее всякое слово Спасителя.

О делах римских и кардинале Вентур<е> не могу судить, потому что не знаю, в каком именно смысле понимает он сам сказанные слова. Демон излишества так теперь раздувает речи всех, так всяк почти против собственного желания переливает через верх, что мне

покамест звучит в ушах: «Не судите, да не осуждены будете». Если бы я всю речь прочел, тогда, может быть, что-нибудь [что-нибудь еще] сумел сказать.

О Вьельгорских не могу сказать, когда будут. Кажется, не раньше 1-го сентября. Стало быть, графиня Анна Егоровна [В подлиннике: Егорьевна] может их встретить еще, проезжая Франкфурт. О племяннике вашем я подумал [подумал при этом случае] потому, что в нем есть большая ревность к хозяйству и забота об устройении судьбы крестьян. Вот почему мне подумалось о том, что ему нужна была бы умная помощница в таком деле. Вообще же насчет женитьбы я думаю, [думаю то] что тем, которые ездят на воды, не следует вступать в брак, а лучше бы подумать о том, как служить богу, предоставляя браки тем, которые здоровы и еще годятся на расплод.

Я уже вам писал, что мне стало лучше еще до приниманья порошков, тем не менее я стал принимать порошки. Теперь начал принимать второй номер; что будет от этого, не

знаю. Немножко было вновь началось бурчание около сердца, но теперь прошло. Зато, мне кажется, стали больше охладевать оконечности, то есть руки и ноги.

Муханов мне сказывал, что вас смущает множество русских, наехавших в вашу гостиницу, в числе которых находится даже и литератор Белинский. Кстати о Белинском: я получил от него недавно письмо, которое, по словам его, само просилось вследствие моего приглашения всем говорить мне правду. Письмо, действительно, чистосердечное и с тем вместе изумительное уверенностью в непреложность своих убеждений. Он видит совершенно одну сторону дела и не может даже подумать равнодушно о том, что существует и может существовать другая сторона того же дела. Я написал ему в ответ только то, что мы все еще плохо понимаем те вещи, о которых говорим, что [и что] прежде всего следует нам излечить себя от самоуверенности в себе и торопливости выводить заключения. Если вы встретите Анненкова, того самого, который — помните? — был у меня в Па-

риже при вас, то, пожалуйста, спросите его, получил ли он мое письмо к нему, адресованное в poste restante вместе с письмом к Белинск<ому>, с которым он в дружеских отношениях. [с которым он зн<аком>]

Но прощайте. Тороплюсь отправить и царапаю так, что вы едва ли прочтете. Хомякова до сих пор еще нет из Лондона.

Графине душевный поклон.

Ваш Н. Г.

А. П. ТОЛСТОМУ
Остенде. Август 21 <н ст.
1847>

От вас давно нет вестей, наилюбезнейший мой Александр Петрович. Муханов тоже на это жалуется. Вчера приехал сюда ваш племянник Викт<ор> Владим<ирович> Апраксин. Он поправился здоровьем. Вам надобно его узнать. Он очень умный и очень желающий действовать полезно; только и думает, чтобы заняться деревней, хозяйством и благосостоянием крестьян. От Вьельгорских я получил на днях известие. Они едут к 1 сентября. Обнимаю вас от всей души. Напишите хоть словечка два или, еще лучше, приезжайте сами. Право, люди, которые ждут вас и любят вас, и хотят вас видеть — не безделица. Оставьте в сторону дрянные ваши зубы, которые не стоят гроша. Даже и тогда, если б были хороши. Душа лучше зубов и всего на свете.

Ваш Г.

Ha o6opote: Son excellence monsieur le c-te
Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, 9 (Hôtel Wagram).

А. М. ВЬЕЛЬГОРСКОЙ
<24 августа н. ст. 1847.
Остенде.>

Ваше милое письмецо получил. Конечно, жалко, что не поехал я с Хомяковым в Лондон, но так как это уже прошло, и как без Хомякова мне не хочется там быть, а Хомякову уже время возвратиться назад, то я попеченье об этом отложил, тем более, что Лондон как-то в глазах моих побледнел, — может быть, оттого, что Висбаден стал заманчив и выгнал его из головы. Мне было очень приятно увидеть из ваших строк, что Висбаден, кажется, действует на вас благотворно. От Апраксина который теперь здесь, я покуда расспросил о вас; хоть известий было и немного и он вас видел мало, но мне приятно было услышать [видеть] о вас и немногое. Море здесь по-прежнему лижет остендскую плотину, издает фосфорический свет и греет спины купающихся, ожидая с нетерпением ваших. Дни были хорошие до вчерашнего дня. Со вчерашнего же дня начались ненастные, то есть те са-

мые, которые посреди земли называются дурными, для тех же, которые живут при море и купаются, очень хороши. Жду вас нетерпеливо и всех обнимаю мысленно.

Ваш Г.

На обороте: Son excellence mademoiselle la c-sse A. Wielhorsky.

Анне Миха<й>ловне Вьельгорской.

Wiesbaden.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Остенде. Августа 24 <н. ст.
1847>

Твое милое письмецо (от 29 июля/10 авг<уста>) получил. Оставим на время всё. Поеду в Иерусалим, помолюсь, и тогда примемся за дело, рассмотрим рукописи и всё обделаем сами лично, а не заочно. А потому до того времени, отобравши все мои листки, отданные кому-либо на рассмотрение, положи их под спуд [под спудом] и держи до моего возвращения. Не хочу ничего ни делать, ни начинать, покуда не совершу моего путешествия и не помолюсь, как хочется мне помолиться, поблагодаря бога за всё, что ни случилось со мною. Теперь только, выслушавши всех, могу последовать совету [словам] Пушкина: «Живи один» и проч. А без того вряд ли бы мне пришелся этот совет, потому что все-таки для того, чтобы идти дорогой собственного ума, нужно прежде изрядно поумнеть. Сообразя все критики, замечания и нападения, как изустные, так и письменные, вижу,

что прежде всего нужно всех поблагодарить за них. Везде сказана часть какой-нибудь правды, несмотря на то, что главная и важная часть книги моей едва ли, кроме тебя да двух-трех человек, кем-нибудь понята. Редко кто мог понять, что мне нужно было также вовсе оставить поприще литературное, заняться душой и внутренней своей жизнью для того, чтобы потом возвратиться к литературе создавшимся [воспитавшимся] человеком и не вышли бы мои сочинения [сочинения литературные] блестящая побрякушка.

Ты прав совершенно, признавая важность литературы (разумея в высоком смысле ее влиянья на жизнь). [разумея в ее высоком смысле] Но как много нужно, чтобы дойти до того, какое полное знание жизни, сколько разума и беспристрастия старческого, чтобы создать такие живые образы и характеры, которые пошли бы навеки в урок людям, которых бы никто не назвал в то же время идеальными, но почувствовал, что они взяты из нашего же тела, из нашей же русской природы! Как много нужно сообразить, чтобы создать

таких людей, которые были бы истинно нужны нынешнему времени! Скажу тебе, что без этого внутреннего воспитания я бы не в силах был даже хорошенько рассмотреть [рассмотреть, что такое нынешнее время] всё то, что необходимо мне рассмотреть. Нужно очень много победить в себе всякого рода щекотливых струн, чтобы ничем не раздражиться, ни на что не рассердиться и уметь хладнокровно выслушивать всех и взвесить [хладнокровно рассмотреть и взвесить] всякую вещь. Теперь я хоть и узнал, что ничего не знаю, но знаю в то же время, что могу узнать столько, сколько другой не узнает. Но обо всем этом будем толковать, когда свидимся. Постараюсь по приезде в Россию лучше разглядеть Россию, всюду заглянуть, переговорить со всяким, не пренебрегая никем, как бы ни противоположен был его образ мыслей моему, и словом — всё пощупать самому. Напиши мне о своих предположениях на будущий год относительно тебя самого, равно как и о том, расстаешься ли ты с университетом. Признаюсь, мне жалко, если ты это сделаешь. Оставить профессорство — это я понимаю, но оставить ректор-

ство — это, мне кажется, невеликодушно. Как бы то ни было, но это место почтенное. Оно может много возвыситься от долговременного на нем пребывания благородного, честного и возвышенного чувствами человека. Мне так становится жалко, когда я слышу, [слышу теперь] что кто-нибудь из хороших людей сходит с служебного поприща, как бы происходила какая-нибудь утрата в моем собственном благосостоянии. По крайней мере, уже если оставлять это место, так разве с тем только, чтобы променять его на попечителя того же университета. Важнейшая государственная часть все-таки есть воспитанье юношества. А потому на значительных местах по министерству просвещения все-таки должны быть те, которые прежде сами были воспитатели и знают опытно то, что другие хотят постигнуть [знают опытно такие дела, которые хотят постигнуть] рассуждением и умствованиями. А впрочем ты, вероятно, уже всё это обсудил и взвесил и знаешь, как следует поступить тебе. Во всяком случае об этом мне напиши. Письмо адресуй в Неаполь по-прежнему. Я пробуду там до февраля. Обнимаю те-

бя крепко.

Твой Н. Г.

Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

<Середина августа ст. ст. 1847.

Остенде.>

В Неаполе я пробуду еще до февраля. В
...**В** феврале отправляюсь на Восток, а отту-
да в Россию, и если бог устроит всё благопо-
лучно, то, может быть, будущим летом уви-
димся в Петербурге. Прощай.

Твой Н. Г.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Его высокоблагородию Николаю Яковлеви-
чу Прокоповичу.

В Петербурге. На Васильевском острове, в
9 линии, между Большим и Средним про-
спек<тами>, в собственном доме.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Остенде. 28 августа <н. ст.
1847>

Я уже давно не получал от тебя писем. Здоров ли ты? От Хомякова узнал несколько отрывочных о тебе известий. Книг покуда еще никаких от тебя не получаю. Пробежал некоторые номера русских журналов, которые попались мне в руки и которых в силу можно было держать в руках по причине толщины. Взгляд на них мне был нужен. Все-таки в них выражается часть того общества, которое больше всех других читает книги. Это нужно принять к сведению всякому, кто ни заводит речь с обществом. Своя собственная речь сделается доступнее. Не снизойдя к другим, нельзя их возвести к себе, а теперь, право, всяк из нас требует снисхождения: как ему не заблудиться в это время брожения и смешенья всего!

Что касается до объяснений на мою книгу, то я решился дело это оставить. Покуда не

съезжу в Иерусалим, не предприму ничего, а до того и другие от многого очнутя.

Прилагаю тебе при сем письмо к Сергею Тимофеевичу Аксакову, которое ты можешь прочесть, во-первых, потому, что тут есть кое-что, относящееся до меня лично, а во-вторых, потому, что ты должен читать все мои письма, рад или не рад, потому что ты должен меня знать лучше других, имея все-таки больше противу других данных узнавать со всех сторон человека...

С. Т. АКСАКОВУ
Остенде. Август 28 <н. ст.
1847>

В любви вашей ко мне я никогда не сомневался, добрый друг мой Сергей Тимофеевич. Напротив, я удивлялся только излишеству ее, — тем более, что я на нее не имел никакого права: я никогда не был особенно откровенен с вами и почти ни о чем том, что было близко душе моей, не говорил с вами, так что вы скорее могли меня узнать только как писателя, а не как человека, и этому, может быть, отчасти способствовал милый сын ваш Конст<антин> Сергеевич. В противность составившейся в Москве обо мне сказке, которой вы так охотно верите, что я, т. е., люблю угождения и похвалы каких-то знатных Маниловых, скажу вам, что я скорее старался отталкивать от себя, чем привлекать всех тех, которые способны слишком сильно любить; я и с вами обращался несколько не так, как бы следовало. Обольстили меня не похвалы других, но я сам обольстил себя, как обольщаем

себя мы все, как обольщает себя всяк, кто сколько-нибудь имеет свой собственный образ мыслей и слышит в чем-нибудь свое превосходство, как обольщает себя, в великодушных мечтах своих, и любезный сын ваш Конст<антин> Сергеевич, как обольщаем мы себя все до единого, грешные люди; и чем кто больше получил даров и талантов, тем больше себя обольщает. А демон излишества, который теперь подталкивает всех, раздует так наше слово, что и смысл, в котором оно сказано, не поймется.

Не сердитесь на Смирнову; не называйте ее безрассудною женщиною. Женщина эта почтена была короткою дружбой Пушкина и Жуковского, которые любили ее именно за здравый рассудок и за добрую душу. Она меня знала еще прежде, чем вы меня знали, — знала как человека, а не как писателя, видела меня в те душевные состояния мои, в которые вы меня не видели. С ней мы были издавна, как брат и сестра, и без нее бог весть, был ли бы я в силах перенести многое трудное в моей жизни; а потому и не мудрено, что,

несмотря на пристрастие ее ко мне, многое в моей книге она почувствовала полней и не перетолковала в такую превратную сторону, как перетолковали вы.

Да, книга моя нанесла мне поражение, но на это была воля божия. Да будет же благословенно имя того, кто поразил меня! Без этого поражения я бы не очнулся и не увидел бы так ясно, чего мне недостает. Я получил много писем очень значительных, гораздо значительнее всех печатных критик. Несмотря на всё различие взглядов, в каждом из них, так же, как и в вашем, есть своя справедливая сторона. Но вывести вполне верного заключения о всей книге вообще никто не мог, и не мудрено: Осудить меня за нее справедливо может один тот, кто ведаёт помышления и мысли наши в их полноте. Из нас же, грешных людей, может справедливее других произнести ей окончательный суд только тот, кто имеет полный ум, способный обнимать все стороны дела и не влюбился еще сам ни в какую свою собственную мысль, потому что, как бы то ни было, несмотря на всё ребяче-

ство и незрелость этой книги, в ней видны следы взгляда, более полного, чем у тех, которые делают на нее замечания и критики, несмотря на то, что в авторе ее и нет тех знаний, какие могут быть по частям у всякого критика.

К чему вы также повторяете нелепости, которые вывели из моей книги недальнозоркие, что я отказываюсь в ней от звания писателя, переменяю призвание свое, направление и тому подобные пустяки? Книга моя есть законный и правильный ход моего образования внутреннего, нужного мне для того, чтобы стать писателем, не мелким и пустым, но почувствовавшим святость и своего звания, как и всех других званий, которые все должны быть святы. Выразилось всё это заносчиво, получило торжественный тон от мысли приближения к такой великой минуте, как-то смерть. А дьявол, который надмевает всякого из нас самоуверенностью, раздул до чудовищности кое-какие места. Невоздержание заставило меня издать мою книгу. Видя, что еще не скоро я совладаю с моими «Мертвыми

душами», и скорбя истинно о бесхарактерности направления и совершенной анархии в литературе, проводящей время в пустых спорах, я поспешил заговорить о тех вопросах, которые меня занимали и которые готовился развить или создать в живых образах и лицах. Опрометчивая, а по-вашему несчастная, книга вышла в свет. Она меня покрыла позором, по словам вашим. Она мне, точно, позор, но благодарю бога за этот позор, благодарю за то, что попустил он явиться ей в свет. Не увидел бы я без ней ни неряшества моего, ни самоослепления, ни многого того, чего не хочет видеть в себе человек; не изъяснилось бы без нее много того, что мне необходимо нужно знать для моих «Мертвых душ», и не узнал бы <я> ни в каком состоянии находится наше общество, ни какие образы, характеры, лица ему нужны, и что именно следует поэту-художнику избрать ныне в предмет творчества своего.

Друг мой! не будьте и вы также самоуверенны в непреложности своих заключений. Повторяю вам вновь: по частям разбирая мою

книгу, вы можете быть правы, но произнести так решительно окончательный суд моей книге, как вы произносите, это гордость в уме своем. Мне показалось даже, как бы в устах ваших раздалась не ваши, а какие-то юношеские речи, как бы в этом месте вашего письма сказал, несколько понадеясь на себя, Конст<антин> Сергеевич, а не вы. В них отзывается такой смысл: «Твоя голова не здрава, а моя здрава; я вижу ясно вещь и потому могу судить о тебе». Друг мой, теперь такое время, что вряд ли у кого из нас здрава, как следует, голова. Глядеть на меня, как на блудного сына, и ожидать моего возвращения на путь истинный может только тот, кто сам стоит уже на этом истинном пути. А это один только бог ведает, кто из нас на каком именно месте стоит. Лучше всем нам иметь больше смирения и меньше уверенности в непреложной истине и верности своего взгляда. Что касается до меня, я буду от всех моих сил, сколько их есть во мне, молиться богу на тех самых местах, которые зрели его в образе Христа, чтобы простил мне за всё, на что подтолкнула меня моя самоуверенность, гордость и самоослепление.

За ваше гостеприимно-дружеское приглашение остановиться у вас во время приезда моего в Москву благодарю от души, но не воспользуюсь им только потому, что в рассуждении помещения своего гляжу просто на материальные удобства. Во всяком случае, у кого бы то ни остановился, вы этого никак не считайте знаком какого-нибудь предпочтения или чего другого, тому подобного. Притом, если бог благословит возврат мой в Россию, я в Москве не думаю пробыть долго. Мне хочется заглянуть в губернии: есть много вещей, которые для меня совершенная покуда загадка, и никто не может мне дать таких сведений, как бы я желал. Я вижу только то, что и все другие так же, как и я, не знают России.

Что касается до зимнего моего пребывания, то я еще не уверен, останусь ли на зиму в России. После моей последней тяжелой болезни во мне осталась такая зябкость, что даже Рим стал для меня холоден, и я должен был переехать в Неаполь. Последняя зима, проведенная мною в Москве, мне была очень тяже-

ла и оставила грустное воспоминание. Натура моя сделалась несколько похожею на стариковскую, требующую юга: крови мало, и та движется медленно, а нервы в то же время так чувствительны, что малейшая северная мгла действует сильно, от морозного же дня у меня захватывает дух в груди. Вы говорите, что воздух родины подействует благотворно на мое здоровье, и сами надеетесь тоже себе возобновления сил. Друг мой, не позабудем того, что вы находитесь уже в тех летах, когда не возможен, совершенный возврат прежнего здоровья, а я, будучи слабым и болезненным от дня рождения моего и перешедши за лучшую половину жизни моей, не могу тоже быть тем, чем был прежде. Будем лучше просить бога о том, чтобы остальные дни наши помог нам провести в полном мире с совестью нашей, где бы ни случилось нам провести их, и чтобы хоть чем-нибудь дал нам возможность загладить часть прежнего, искупя хоть чем-нибудь бесполезность и праздность нашей жизни.

Мне кажется, что, если бы вы стали дикто-

вать кому-нибудь воспоминания прежней жизни вашей и встречи со всеми людьми, с которыми случилось вам встретиться, с верными описаниями характеров их, вы бы уладили много этим последние дни ваши, а между тем доставили бы детям своим много полезных в жизни уроков, а всем соотечественникам лучшее познание русского человека. Это не безделица и не маловажный подвиг в нынешнее время, когда так нужно нам узнать истинные начала нашей природы, которые покуда мы рассматриваем только в мужике, да и то плохо.

Но прощайте. Бог да хранит вас! Благодарю Ольгу Семеновну: мне кажется, что она обо мне молится. Это лучшая услуга, какую только на земле мы можем оказать своему брату.

Ваш Н. Г.

П. В. АННЕНКОВУ
Остенде. Августа <31 н. ст.
1847>

Очень был рад вашему доброму письму. Прежде всего замечу вам, что вы ошиблись, принявши голос изнеможения и некоторой скорби, которая должна была слышаться в письме моем, за нечто похожее на отчаяние. Слава богу, отчаянью я не предавался даже и в минуты, несравненно более тяжкие. Я слишком уверен в том, что тот, кто распоряжается делами мира, им созданного, несравненно умнее всех нас и знает, что делать, а потому ни в каком случае упасть духом не могу без его воли. Но я изнемог. Это понятно: я человек. И не знаю, кто бы на моем месте, как бы он крепок и силен ни был, избегнул скорби. Чтобы вам сделалось сколько-нибудь понятно мое положение, скажу вам, что в небольшое время [последнее время] прожитой мной жизни мне случилось сделать много тесных душевных [прекрасных] связей, основанных не на каких-нибудь расчетах жи-

тейских, но на познании души человеческой, связей, доставивших мне случай вкусить высшее наслаждение — любоваться красотой души, которая есть перл и жемчужина божьих творений, Я ловил все оттенки ее и движенья, разбросанные по частям во многих из тех людей, с которыми я встречался душевно. (Плод этого наблюдения вы, может быть, встретите в «Мертвых душах», если бог поможет как следует им написаться.) Не мудрено, что связи с людьми стали для меня очень чувствительны, и сердце мое, заключа более нежных оттенков в себе самом, стало чутко и способней любить людей вообще. А потому можете почувствовать сами, каково мне было получить вдруг множество писем, ударивших по многим таким струнам, которые и не существуют в другом человеке, увидеть вихорь недоразумений, обуявших всех и многих во все сбивши с толку, услышать упреки такие, которыми я бы не имел духу попрекнуть и наипрезреннейшего человека, и увидеть такое грубое незнанье души даже и у тех, которые имели сами нежную и добрую душу. Скорбь моя была велика, но вы, я думаю, не

можете почувствовать этой скорби. Самолюбие, честолюбие не в тех грубых [несколько грубых] видах, в каких принимают их в свете, [светские] но в тех тонких оттенках, в каких они пребывали во мне, были потрясены и поражены сильно; но вы, я думаю, этих слов не поймете. Что же касается до публики и до суда общественного, то скажу вам откровенно, что, несмотря на небольшую почувствованную вначале неприятность, это не могло меня сильно поразить. Авторскому честолюбию давно уже нанесены были изрядные щелчки, и я сам даже давал их себе не мало, как вы это можете видеть из самой книги моей, где все-таки есть часть моей собственной душевной истории. Скажу вам даже, что в каком бы ни было виде осталось [было] лицо мое в глазах публики, хотя бы имя мое в оклеветанном виде достигнуло [достигнуло бы] потомства и осталось таковым до конца мира, меня теперь это не смущает, так я уверен, что судить меня будет тот, кто повелел быть и миру, и нам, и ведает мысли наши в их полноте, не сбиваясь темнотой выражений наших и неумением нашим определительно изъяс-

няться. Скажу вам истинно и откровенно, что этот прием моей книге для меня в несколько раз лучше приема благосклонного, и если бы у меня спросили, не хочу ли я, чтобы всё это было сон, [и если бы мне сказали, что всё это было сон] и, поражение моей книги было во сне, я бы не согласился. В издании моей книги я никак не раскаиваюсь и благодарю бога, ее допустившего. Без этой книги не пощупать бы мне ни самого себя, ни людей и не пополнить бы никогда всех тех сведений даже в психологическом отношении, которые мне необходимы для «Мерт<вых> душ». И цель моего путешествия к святым местам теперь уже та, чтобы поблагодарить бога прежде всего за всё со мной случившееся. Вот вам чистая правда моего состоянья душевного. Напишите мне в отплату что-нибудь о себе; я бы очень хотел знать, что вас занимает в Париже в настоящую минуту и что именно вы приобрели в познании современных вещей. Нельзя, чтоб вы какой-нибудь стороны не изучили или не изглубили, [или (как выражаются) не изглубили] стало быть, нельзя, чтобы не было возможности [В подлиннике: в

возможности] чему-нибудь поучить меня. Скажите мне также, где вы намерены провести зиму. Сколько мне помнится, вы хотели [изъявляли желание] тоже проездиться по другим землям и заглянуть даже на Восток. Если это будет в наступающем году, то я этому очень рад и уведомляю вас, что я зиму, [всю зиму] то есть ее начало, проведу в Неаполе, а в феврале сажусь на корабль и странами восточными проберусь в Россию, то есть на Константинополь. Во всяком случае напишите мне несколько строк на это письмо, чтобы я знал, что оно вами получено.

Н. Г.

Я еще пробуду недели две в Остенде.

На обороте: Paris.

Monsieur

monsieur Paul Annenkoff.

Paris, Rue Caumartin, 41.

М. П. ПОГОДИНУ
Остенде. Август <31 н. ст.
1847>

Что-то странное делается между нами: тебе кажется по моим письмам, что я нахожусь в беспокойном состоянии духа; мне кажется по твоим письмам, что ты находишься в беспокойном состоянии. Тебе кажется, что я толкую криво все твои слова и вижу вещи не в том виде; мне кажется, что ты даешь превратный смысл всякому моему слову и видишь их не в том виде. Какой-то нечистый дух нас путает. Открестимся от него! И положим между собой: не оправдываться ни в чем друг перед другом. Судить ведь нас будет бог, а не люди и не мы сами себя, а потому — что нам в оправданиях перед собой! Уважим лучше несхожие друг на друга особенности наших характеров и вследствие этого не будем спешить выводить [не будем выводить] друг о друге заключения. От Хомякова я узнал очень приятную для меня новость: именно, что ты пишешь серьезно русскую историю.

Бог да благословит тебя в этом труде; это твой настоящий труд. Здесь ты соберешься весь в себя и будешь собой. Доне ты был весь разбросан, а потому и не в силах был быть собой. Оттого легко было и нападать на тебя и поражать тебя. Тут же в этом деле соберутся твои силы в плотную твердыню и на тебя трудно будет напасть кому бы то ни было. Труд твой доставит тебе много сладких минут и забвенье всего того, что способно смущать нас [ва<с>] и повергать в малодушие. Охота же тебе была пустые мелочи принимать к сердцу [глядеть на пустые мелочи, принимать их к сердцу] и выводить подозрительные заключения из всякого обыкновенного дела. Что тебе, например, из того, что я поручил некие [В подлиннике: некои] дела по моей книге «М<ертвые> д<уши>» Шевыреву? В этом деле я такой же хозяин, как и ты в деле издания книг своих. У меня это было сделано вовсе не из предпочтения к кому бы то ни было, но просто из расчета: Шевырев аккуратнее тебя в сведении счетов, меньше твоего занят, меньше твоего забывчив, меньше обременен изданием всякого рода других книг. Всё это я

принял в расчет и поручил ему, и в этом не раскаиваюсь, потому что это дело он обделал так аккуратно, как [что] тебе не сделать; мне известен стал всякий рубль и копейка — куда что пошло. Если глядеть на всякие подобные мелочи и выводить из них такие важные заключен<ия>, какие выводишь ты, тогда можно вовсе затеряться и вечно не узнавать людей. Ведь тебе же становится досадно, если станут тебя мерять подозрительным и близоруким аршином и принимают сурьезно и к сердцу всякое твое слово; ты говоришь сейчас, что это слово вырвалось у тебя так, простодушно, без размышления, в гневе, в шутку, не разглядев, и тому подобное, [Далее начато было: Зачем] что слов твоих вовсе не следует принимать в таком сурьезном смысле. Зачем же и относительно другого не поступаешь ты таким же точно образом, каким хочешь, чтобы и с тобой поступали? Зачем не допускаешь, что и другой может также сказать [поступать] или сделать что совсем в другом смысле и вовсе не с тем намереньем, в каком увидела твоя торопливость, горячность, недалезоркость или опрометчивость? Гля-

ди поменьше на все эти пустяки и мелочи, иди себе своей дорогой. Думай непрерывно о том главном деле, для которого дал тебе бог способности и силы, молись ему, и всё будет хорошо. Затем обнимаю тебя. Прощай!

Твой Н. Г.

Если будешь писать, адресуй в Неаполь.

На обороте: Moscou. Russie.

Его высокородию Михаилу Петровичу По-
годину.

В Москве. На Девичьем поле, в собствен-
ном доме.

Н. Н. ШЕРЕМЕТОВОЙ

<Август н. ст. 1847>. Остенде

Ваши письма, одно через Хомякова, другое по почте, получил одно за другим. По-прежнему изъявляю вам благодарность мою за них: они почти всегда приходятся кстати, всегда более или менее говорят моему состоянию душевному, сердце слышит освежение, и я только благодарю бога за то, что он внушил вам мысль полюбить меня и обо мне помолиться. Только сила любви и сила молитвы помогли вам сказать такие нужные душе [душе моей] слова и наставления. Они одни только могли направить речь вашу ответно на то, что во мне и пролить целенье в тех именно местах, где больше болит. Теперь я нахожусь в Остенде. Здесь буду купаться в море в продолжение месяца с лишком. Ответ на это письмо адресуйте во Франкфурт, лучше на имя посольства, потому что Жуковский еще не уверен, остается ли он во Франкфурте: жене его предписывают провести осень в Швейцарии. В половине сентября я выезжаю

в Италию. Думаю, пробуду по-прежнему в Неаполе до времени отправления в Иерусалим. Путешествие это хочу устроить так, чтобы недели за две до пасхи быть в Иерусалиме. Друг мой Надежда Николаевна, молитесь бога, чтоб он удостоил меня так поклониться святым местам, как следует человеку, истинно любящему бога, поклониться. О, если бы бог, со дня этого поклоненья моего, не оставлял меня никогда и утвердил бы меня во всем, в чем следует быть крепку, и вразумил бы меня, как ни на один шаг не отступаться от воли его! Мысли мои доныне были всегда устремлены на доброе, желанье добра меня всегда занимало прежде всех других желаний, и только во имя его предпринимал я действия свои. Но как на всяком шагу способны мы увлекаться! как всюду способна замешаться личность наша! как и в самоотвержении нашем еще много тщеславного и себялюбивого! как трудно, будучи писателем и стоя на том месте, на котором стою я, уметь сказать только такие слова, которые действительно удобны богу! как трудно быть благоразумным, и как мне в несколько раз трудней, чем всяко-

му другому, быть благоразумным! Без бога мне не поступить благоразумно ни в одном моем поступке, а не поступлю я благоразумно — грех мой несравненно больший противу всякого другого человека. Вот почему обо мне следует, может быть, больше молиться, чем о всяком другом человеке. Итак, благодарю вас много за всё, за ваши письма и молитвы, и вновь прошу вас так, как и прежде, не оставлять меня ими.

Бог да хранит вас и да исполнит всё по желанию вашему.

Весь ваш Гоголь.

П. В. АННЕНКОВУ
Остенде. Сентябрь 7- <н. ст.
1847>

Понятие мое о божестве не так узко, как вы думаете, но, по крайней мере, оно гораздо пространнее того смысла, который вы придали словам моим. Но это предмет долгих речей и толков, а потому отложим его. Покаместь дело в том, что мы все идем к тому же, но у всех нас разные дороги, а потому, покуда [покаместь] еще не пришли, мы не можем быть совершенно понятными друг другу. Все мы ищем того же: всякий [всякий, кто сколько-нибудь] из мыслящих ныне людей, если только он благороден душой и возвышен чувствами, уже ищет законной желанной середины, уничтоженья лжи и преувеличенностей во всем и снятья [желал бы снятья] грубой коры, грубых толкований, в которые способен человек облекать самые великие и с тем вместе простые истины. Но все мы стремимся к тому различными дорогами, смотря по разнообразию данных нам способностей и

свойств, в нас работающих. Один стремится к тому путем религии и самопознания внутреннего, другой — путем изысканий исторических и опыта (над другими), третий — путем наук естествознательных, четвертый — путем поэтического постигновенья и орлиного соображенья вещей, не обхватываемых взглядом простого человека, словом — разными путями, смотря по большему или меньшему в себе развитию преобладательно в нем заключенной [данной] способности. Анатомируя человека, видишь, что в мозгу и голове особенно устроены для этого орган<ы> возвышенья и шишки на голове. Органы даны — стало быть, они нужны затем, чтобы каждый стремился своей дорогой и производил в своей области открытия, никак невозможные для того, кто имеет другие органы. Он может наговорить много излишеств, может увлечься своим предметом, но не может лгать, — увлечься фантомом, потому что говорит он не от своего произволения: говорит в нем способность, в нем заключенная, и потому [и потому несмотря] у всякого лежит какая-нибудь правда. [Далее начато: Что в нем именно и

действительно есть правда] Правду эту усмотреть может только всесторонний и полный гений, который получил на свою долю полную организацию во всех отношениях. Прочие люди будут путаться, сбиваться, мешаться, привязываться к словам и попадать в бесконечные недоразумения. Вот почему всякому необыкновенному человеку следует до времени не обнаруживать своего внутреннего процесса, которые совершаются теперь повсеместно, и прежде всего в людях, стоящих впереди: всякое слово его будет принято в другом смысле, и что в нем состоянье переходное, то будет принято другими за нормальное. Вот почему всякому человеку, одаренному талантом необыкновенным, следует прежде состроиться сколько-нибудь самому.

Ваше желание следить всё, не останавливаясь особенно ни над чем, очень понятно, в нем слышится разумное стремление всего нынешнего века. Но непонятен для меня дух некоторого удовлетворенья [довольства] вашим нынешним состояньем, точно как бы вы уже нашли важную часть того, что ищете, и

как бы стали уже на верховную точку вашего разума и вашего воззрения на вещи. Вы уже поднимаете заздравный кубок и говорите: «Да здравствует простота положений и отношений, основанных на практической действительности, здравом смысле, положительном законе, принципе равенства и справедливости!» Смысл всего этого необъятно обширен. Целая бездна между этими словами и применением их к делу. Если вы станете действовать и проповедывать, то прежде всего заметят [Если выступите действовать в эту минуту, то <те>, которым вы захотите передать или истолковать что-нибудь, прежде всего ув<идят>] в ваших руках эти заздравные кубки, до которых такой охотник русский человек, и перепьются все, прежде чем узнают, из-за чего было пьянство. Нет, мне кажется, никому из нас не следует в нынешнее время торжествовать и праздновать настоящий миг [момент] своего взгляда и разума. Он завтра же может быть уже другим; завтра же можем мы стать умней нас сегодняшних. Несмотря на то, что взгляд мой на современность только что проснулся, и я еще

новичок в этом деле, но, сколько могу судить по тем результатам, которые отбираю теперь от всех людей, прилежно наблюдающих [от всех, как действующих в Европе, так и наблюдающих] лад действующими ныне силами в Европе, я, однако ж, заметил некоторую неполноту в ваших наблюдениях и упущенья, которые вы сделали на вашем пути. Это я приписываю тому, что вы сделали представителем всего для себя Париж и оставили совершенно в стороне Англию, где важная сторона современного дела. По моему разумению, вам [мне] почти необходимо туда [в Англию] съездить, и не то чтобы взглянуть только на Лондон, но именно прожить в Англии, затем избрать в предмет наблюдений не один какой-нибудь класс пролетариев, изученье которого стало теперь модным, но взглянуть на все классы, не выключая никого из них. Несмотря на чудовищное совмещение многих крайностей, до такой степени противоположных, что если бы кто из нас заговори о них обеих [о том и другом] вдруг, — могли бы подумать, что оратор хочет служить и богу, и чорту вместе; несмотря на это, местами явля-

ется такое разумное слитие того, что доставила человеку высшая гражданственность, с тем, что составляет первообразную патриархальность, что вы усумнитесь во многом, равно как и в том, действительно ли в вас отражается полно вся нынешняя современность. Мне кажется еще, что вы напрасно чуждаетесь специального труда. Какой-нибудь специальный труд должен быть непременно у каждого из нас. Сверх пребывания на боевой вершине [верхушке] современного движенья, нужно иметь свой собственный уголок, в который Можно было <бы> на время уходить от всего. Нельзя, чтобы каждый из нас не получил на долю свою какой-нибудь способности, ему принадлежащей; нельзя, чтобы не было ее и у вас. Иначе мы бы все походили друг на друга, как две капли воды, и весь мир был бы одна мануфактурная машина. Без этого специального труда не образуется характер индивидуала, из которых слагается общество, идущее вперед. Без этих своеобразно работающих единиц не быть общему прогрессу. Но... довольно и об этом.

В письме вашем вы упоминаете, что в Париже находится Герцен. Я слышал о нем очень много хорошего. О нем люди всех партий отзываются как о благороднейшем человеке. Это лучшая репутация в нынешнее время. [время смут и недоразумений] Когда буду в Москве, познакомлюсь с ним непременно, а куда известите меня, что он делает, что его более занимает и что предметом его наблюдений. [внимания] Уведомьте меня, женат ли Белинский или нет; мне кто-то сказывал, что он женился. Изобразите мне также портрет молодого Тургенева, чтобы я получил о нем понятие как о человеке; как писателя, я отчасти его знаю: сколько могу судить по тому, что прочел, талант в нем замечательный и обещает [обещает писателя] большую деятельность в будущем. На это письмо вы еще можете мне написать ответ. В Остенде я пробуду еще недели две. Здоровье мое несколько укрепилось от ванн, но наступившие холода действуют на меня крайне вредоносно. Кровь у меня стала стариковская, движется медленно и уж не только не кипит, но еле-еле может сама согреться, а потому требует непрерыв-

ной помощи юга. Прощайте, мой добрый Павел Васильевич, а по старому Жюль.

Н. Г.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Остенде. Сентября 8 <н. ст.
1847>

На прошедшей неделе отправил к тебе письмо (со вложением письма к С. Т. Аксакову). Теперь пишу вновь, именно по следующему случаю. Погодин [От Погодина] в удостоверение некоторого доброго влияния моей книги прислал мне письмо к нему Григорьева. Из этого письма, между прочим, видно, что Григорьев находится в большой нужде и занимает или, может быть, уже занял у Погодина деньги. Из этого непременно выйдет после какая-нибудь у них история, как случилось почти всегда со всеми, которые сталкивались с Погодиным денежно. Особенно теперь, когда Погодин сам не при деньгах. Устрой, пожалуйста, так, чтобы Григорьев заплатил Погодину теперь же деньги все сполна. Закажи ему статью для журнала, который хочет издавать с наступающим годом Чижов, и заплати за нее деньги ему вперед. К Чижову я пишу при сем письмо (которое ты вручи

ему лично), где рекомендую ему взять в со-
трудники Григорьева и Малиновского, как
людей очень способных и талантливых. По-
жалуста, ты замолвь за них доброе слово [ты
прибавь кое-что в их пользу и] с своей сторо-
ны. Еще прошу особенно тебя наблюдать за
теми из юношей, которые уже выступили на
литературное поприще. В их положение хо-
зяйственное стоит, право, взойти. [стоит вой-
ти] Они принуждены бывают весьма часто
из-за дневного пропитанья брать работы не
по силам и не по здоровью. Цена 5 рубл<ей>
серебром за печатный лист просто бесчело-
вечная. Сколько ночей он должен просидеть,
чтобы выработать себе нужные деньги, осо-
бенно если он при этом сколько-нибудь со-
вестлив и думает о своем добром имени! Не
позабудь также принять в соображение и то,
что нынешнее молодое поколение и без того
болезненно, расстроено нервами и всякими,
недугами. Придумай, [Пожалуста, придумай]
как бы прибавлять им от имени журналистов
плату, которые будто бы не хотя<т> сделать
этого гласно, словом — как ловче и лучше
придумается, это твое дело. Твоя добрая душа

найдет, как это сделать, отклоня всякую догадку и подозрение о нашем с тобою теплом личном участии в этих делах. Сейчас только что проводил Хомякова. Как мне приятно было с ним встретиться! Приезд его был точно божий подарок. Но он пробыл [пробыл со мной] так мало. Я не успел с ним наговориться и только по отъезде его почувствовал, что о многом не расспросил его. Напиши мне о себе; я соскучил, не имея так долго о тебе веста. Адресуй в Неаполь. Прощай! Бог да хранит тебя!

Твой Н. Г.

На обороте: Moscou. Russie.

Профессору импер<аторского> Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собст<венном> доме.

А. П. ТОЛСТОМУ
Остенде. 10 сентября <н. ст.
1847>

Уведомляю вас, бесценнейший Александр Петрович, что я остаюсь в Остенде до 20 сентября. 20-го или 21-го отсюда выезжаю. Гр<афини> Вьельгорские тоже и, вероятно, того же числа оставят Остенде. А потому хорошо бы вы сделали, если бы по уезде из Лондона племянника вашего Вик<тора> Влад<имир>овича>, которому при сем прошу передать мой поклон, немедля приехали к нам. Теперь здесь довольно уединенно, всё почти разъехалось. Мы с вами здесь бы наговорились, а может быть, и отправились отсюда в одно время в Италию. Во всяком случае мне бы очень хотелось с вами увидеться теперь. От всей души вас обнимаю и жду несколь<ко> строк в ответ на это письмо.

Весь ваш Н. Г.

На обороте: à Londres. a son excellence

monsieur

monsieur le c-te Alexandre Tolstoy.

London, J. Brown's private hotel, № 23, Dober
Street Piccadilly.

П. В. АННЕНКОВУ
Остенде. 20 сентября <н. ст.
1847>

За разными помехами отвечаю вам немного поздно. Оно, впрочем, и лучше: я имел чрез это возможность прочесть еще раз ваше письмо, а это весьма не мешает в нынешнее смутное время взаимных недоразумений. В письме вашем есть много умных замечок, но они — не ответ на то, что говорю я. Они остались сами по себе, и письмо мое осталось [осталось тоже] само по себе. Та середина, которую вы прозрели, по мнению вашему — безошибочно, в словах моих, ведет человека, точно, к посредственности. Но дело в том, что я под словом «середина» [В подлиннике: середины] разумел ту высокую гармонию в жизни, к которой стремится человечество, которая слышится несколько вперед только людьми, преобладательно одаренными [только теми, в которых преобладательно заключился] поэтическим элементом, но никак не может обратиться в систему какого-нибудь

стремленья каждого [всякого] человека. К середине этой идут не по скабливанью того и другого в той и другой партии: напротив, к ней идет каждый своею дорогою; всякое усилие гениального человека в своей области усиливает приближение всего человечества к этой середине. Вы назвали мое стремление выслушивать с равным вниманием все работающие ныне силы стремлением уравнивать эти силы. Это довольно грубая ошибка. Это стремление есть просто желанье знать дело обстоятельней другого. Вот и всё!

За обвинение в самонадеянности прошу простить. Упрек этот я сделал вам больше по недоразумению моему; к такому заключению привела меня некоторая резкость ваших слов. Например, и теперь, говоря об Англии, вы говорите, что там нет никакой замечательной борьбы и движения, могущих занять человека, наблюдающего успехи строящейся ныне общественности. Выразиться таким образом может только тот, кто знает вдоль и поперек нынешнюю Англию. А точно ли вы ее знаете? Когда вы могли узнать ее, когда са-

ми говорите тут же, что вам даже не хочется узнавать ее? Были у нас на Руси еще не так давно два государственных мужа, [мужи] которые произнесли два разные изречения. [которые обрисовали<сь> весьма верно двумя изречениями насчет] Аракчеев сказал: «Что я знаю, то знаю, а чего не знаю, того и знать не хочу». Канкрин же, Егор Францович, выразился один раз так: «Милостиво государ, я все знаю, я даже не знаю, чего я не знаю». У нас с вами, слава богу, [[вероятно] обоим, разумеется] нет качеств и свойств этих государственных мужей, равно как и образа мыслей, им принадлежавших. Но не забывайте, что понемножку может находиться во всяком человеке всякой всячины, [всего] а потому иногда не дурно взвесить [пощупать] тон собственных слов, которыми мы выражаем наши мнения, чтобы пощупать ощутительно, сколько у [в] нас есть свойства канкринского или аракчеевского. Иногда, даже вовсе не имея самоуверенности в познаниях наших, мы выражаемся так, как бы были совершенно уверены в том, что знаем окончательно вещь. В Соединенных Штатах действительно вырабатыва-

ется теперь видней общественное дело, а потому не мудрено, что глаза наблюдающего большинства обращены теперь туды. Но и земля, в которой заключилось в громадных глыбах то, что уже уничтожено в других землях, и то, что еще и не начиналось в Европе, земля, которая, несмотря на дикие [чудовищные] крайности, вырабатывает, однако ж, безостановочно Байронов и Диккенсов, не может дремать в такое время, когда раздаются вопросы, так важные для человечества. По крайней мере, нужно заглянуть в те мины, где готовятся близкие взрывы.

Всё, что вы говорите по поводу пролетариев, умно, справедливо, местами глубоко. Но я напал в письме моем не на всеобщее устремление всех к этому вопросу, но на умных людей, которые предались исключительно пристально-близкому созерцанию [но на исключительно пристальное, близкое созерцание его умными] этого предмета, которого нельзя как следует рассмотреть вблизи. Это явление не на воздухе. Хвост и узлы этого дела скрыты во многих, по-видимому, побоч-

ных предметах. Нужно попристальней взглянуть всё вокруг. Для умного человека мало войти в один тот круг, в который введены публика и пренье журнальное. Ему нужно что-нибудь знать из того, о чем публика еще не говорит сегодня, чтоб знать хотя за два дни вперед о тех вопросах, о которых пойдет речь потом. [Далее начато: Положим, выше своего века] Иначе останешься в хвосте, а вовсе не наравне с веком. Идти выше своего века, положим, только возможно какому-нибудь необъятно-громадному гению, но стремиться быть выше журнальной верхушки своего века есть непрременный долг [долж<ен>] всякого умного человека, если только он одарен какими-нибудь действующими способностями. Но довольно обо всем этом. Вы всё, однако же, прочитывайте внимательнее мои письма. Никак не позабывайте, что теперь, когда всякий из нас более или менее строится и вырабатывается, никто не может быть совершенно понятен другому и употребляет такие слова и термины, которые у одного значат [значат одно, а др<угое>] не совсем то, [то, в чем его при<знаки>] что у другого. Всё, что вы за-

хотите теперь написать, адресуйте отныне в Неаполь, poste restante. Известия о вас [о вас собственно самих] мне всегда будут приятны. Прощайте! Желаю вам от души всего доброго.

Н. Г.

На обороте: Paris.

A monsieur

monsieur Paul Annenkoff.

Paris. Rue Caumartin, 41.

**М. А.
КОНСТАНТИНОВСКОМУ
Остенде. 24 сентября <н. ст.
1847>**

Бог да наградит вас за ваши добрые строки! Многие в них пришлось очень кстати моей душе; со многим я уже согласился еще прежде, чем пришло ваше письмо. Например, насчет тоге, чтобы не оправдываться пред миром. В самом деле, ведь судить нас будет бог, а не мир. Не знаю, сброшу ли я имя литератора, потому что не знаю, есть ли на это воля божия, но, во всяком случае, рассудок мой говорит мне не выдавать ничего в свет в продолжение долгого времени, покуда не созрею лучше сам внутренне и душевно. А покуда съезжу в Иерусалим, помолюсь у гроба господня, как только в силах помолиться. Помолитесь обо мне, добрая душа, чтобы я в силах был тепло и сильно помолиться. [Далее начато: Хотелось бы мне со дни этого поклоненья моего унести с собой повсюду] Просите бога, чтобы на самом том месте, где проходили бо-

жественные стопы едиnorodного сына его, сказало бы мне сердце мое всё, что мне нужно. Хотелось бы мне, чтобы со дня этого поклоненья моего понес бы я повсюду образ Христа в сердце моем, имея ежеминутно его пред мысленными глазами своими. Признаюсь вам, я до сих пор уверен, что закон Христов можно внести с собой повсюду, даже в стены тюрьмы, и можно исполнять его требования во всяком званьи и сословии. Его можно исполнять также и в званьи писателя. Если писателю дан талант, то, верно, недаром и не на то, чтобы обратить его во злое. Если в живописце есть склонность к живописи, то, верно, бог, а не кто другой, виновник этой склонности. Вольно было живописцу, на место того, чтобы изображать кистью предметы высокие, образа угодников божиих и высших людей, писать соблазнительные сцены развратных увеселений и униженья человеческого! Разве не может и писатель в занимательной повести изобразить живые примеры людей лучших, чем каких изображают другие писатели, — представить их так живо, как живописец? Примеры сильнее рассужденья;

нужно только для этого писателю уметь прежде самому сделать<ся> добрым и угодить жизнью своей сколько-нибудь богу. Я бы не подумал о писательстве, если бы не было теперь такой повсеместной охоты к чтению всякого рода [самых дурных, соблазнительных] романов и повестей, большею частью соблазнительных и безнравственных, но которые читаются потому только, <что> написаны увлекательно и не без таланта. А я, имея талант, умея изображать живо людей и природу (по уверению тех, которые читали мои первоначальные повести), разве я не обязан изобразить с равною увлекательностью людей добрых, верующих и живущих в законе божием? Вот вам (скажу откровенно) причина [была причина] моего писательства, а не деньги и не слава. Но... теперь я отлагаю всё до времени и говорю вам, что долго ничего не издам в свет и всеми силами буду стараться узнать волю Божию, как мне быть в этом деле. Если бы я знал, что на каком-нибудь другом поприще могу действовать лучше во спасенье души моей и во исполнение всего того, что должно не исполнить, чем на этом, я бы

перешел на то поприще. Если бы я узнал, что я могу в монастыре уйти от мира, я бы пошел в монастырь. Но и в монастыре тот же мир окружает нас, те же искушенья вокруг нас, так же воевать и бороться нужно со врагом нашим. Словом, нет поприща и места в мире, на котором мы бы могли уйти от мира, а потому я положил себе докуда вот что: теперь, именно со дня получения вашего письма, я положил себе удвоить ежедневные молитвы, отдать больше времени на чтение книг духовного содержания; перечту снова Златоуста, Ефрема Сирянина и всё, что мне советуете, а там — что бог даст. Нельзя, чтобы сердце мое, после такого чтения и такого распределения времени, не настроилось лучше и не сказало мне яснее путь мой. А вас прошу, так как вы стали уже богомолец мой и ведаете уже отчасти мою душу (о, как бы мне хотелось открыть вам всю мою душу, быть у вас во Ржеве, исповедаться и сподобиться причащенья тела и крови Христовой, преподанных рукою вашею!), прошу вас молиться тем временем обо мне, особенно во всё время путешествия моего в Иерусалим. Я отправлюсь туда ко вре-

мени пасхи. До того же времени пробуду в Неаполе. Если получу от вас несколько напутственных строк, буду очень, очень рад. Гр<афа> Александра Петровича я видел на один день во время проезда его в Англию для совещанья с зубными докторами. Он лишился зубов и должен был на место их вставлять другие. Это вместе с другими недугами было причиной того, что он должен был отложить возврат свой в Россию до весны. Он будет также в Неаполе для свиданья с своей сестрой Апраксиной, проводящей там зиму. Стало быть, я с ним опять увижусь. Я рад, по крайней мере, тому, что он останется эту зиму не в Париже, но будет у родных. [Далее начато: Это его успокоит] Он очень тоскует. В Неаполе же основалась [теперь основалась] русская церковь и очень хороший священник. Всё это в соединении с климатом, я думаю, подействует на него хорошо. Тоска его в том, что в недугах своих и в самом лишении зубов он видит гнев божий и наказание себе, и неутешен он оттого, что не в силах, как бы хотел, молиться. Он негодует на черствость свою и недостаток слез. На вас его единственная на-

дежда. Он думает, что ваши молитвы о нем действительней его молитв. Он обрадовался необыкновенно, узнавши, что я получил от вас письмо, будучи уверен, что вы, писавши ко мне, вспомнили и о нем и лишней раз за него помолились. Напишите ему хотя две строчки, какие скажет вам сердце ваше, и вложите их в виде особенного письмаца в письмо ко мне. Я уверен, что эти строчки придадут ему большую бодрость. Но прощайте? Бог да хранит вас! Не забывают меня грешного.

Очень, очень вам признательный

Николай Гоголь.

В непродолжительном времени, может быть, вы получите из С.-Петербурга деньги, которые попрошу вас раздать тем из страждущих, которые больше других нуждаются. Мне бы хотелось, чтобы они пришли в руки тех, которые усерднее других молятся богу. Впрочем вы лучше моего знаете, кому следует давать. Как я жалею, что я не богат [не так бо-

гат] и не могу теперь послать более!

А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ
Ноября 20 <н. ст. 1847>.
Неаполь

Письмо твое от 4 октября я получил. Адрес мой я тебе выставил в Неаполь (в прежнем письме), но ты это позабыл, что с нами, грешными, случается. Подтверждаю тебе вновь, что я в Неаполе и остаюсь здесь, по крайней мере, до февраля. Потом в дорогу Средиземным морем, и если только бог благословит возврат мой на Русь, не подцепит меня на дороге чума, не поглотит море, не ограбят разбойники и не доконает морская болезнь, [морская болезнь, от которой доселе я страдал страшно] наконец, не задержат карантинны, то в июне или в июле увидимся. Писал я: «Побеседуем денька два вместе», потому что, сам знаешь, всяк из нас на этом свете — дорожный [В подлиннике: дорожный] человек, куда-нибудь да держащий путь, а потому [а потому баловство] оставаться на ночлеге слишком долго из-за того только, что уютно и тепло и попались хорошие тюфя-

ки, [Далее начато: попались на столе] есть уже баловство. У всякого есть дело, прикрепляющее его к какому-нибудь месту. Я же не зову тебя в Москву или в Петербур<г>, или в Неаполь, хотя <бы> мне и приятно было иметь тебя об руку. Я хотя и не имею никакой службы, собственно говоря о формальной службе, но тем не менее должен служить в несколько раз ревностнее [ревностнее на своем <месте>] всякого другого. Жизнь так коротка, а я еще почти ничего не сделал из того, что мне следует сделать. В продолженьи лета мне нужно будет непременно заглянуть в некоторые, хотя главные, углы России. Вижу необходимость существенную взглянуть на многое своими собственными глазами. А потому, как бы ни рад был прожить подоле в Киеве, но не думаю, чтобы удалось больше двух дней; столько полагаю пробыть и у ма-тушки. Осень — в Петербурге, зиму — в Москве, если позволит, разумеется, здоровье. Если же сделается хуже — отправлюсь зимо-вать на юг. Теперь я должен себя холить и ухаживать за собой, как за нянькой, выбирая место, где лучше и удобнее работается, а не

где веселей [лу<чше>] проводить время. Твое намерение перебраться в Одессу, вероятно, не без основания, иначе ты не стал бы так хлопотать о том. Но это дело такое, о котором, как мне кажется, следует потолковать лично. Писать же теперь в Петербург (к кому? и о чем?) это будет трата времени и ничего больше. Мне кажется, прежде следовало бы тебе списаться с кем-нибудь в Одессе, выгладеть себе место, узнать, хорошо ли оно [хорошо ли оно действительно] и не занято ли уже кем-нибудь, и потом уже хлопотать. Покамест советую тебе написать самому в Петербург к Плетневу, если только место по ученой части. Он лучше других может помочь здесь, тем более, что он и тебя самого знает, да и по дружбе ко мне о тебе особенно похлопочет, а я, пожалуй, прибавлю и от себя слово. Милую Ульяну Григорьевну благодарю много [благодарю от всего сердца] за приписочку и вести. Затем обнимаю мысленно вас обоих, и бог да хранит вас!

Ваш Н. Г.

Адресуй в Неаполь, poste restante.

На обороте: Russie. Kiew.

Его высокоблагородию Александру Семеновичу Данилевскому, инспектору 2-го Благородного пансиона при Первой киевской гимназии.

В Киеве.

А. О. РОССЕТУ
Неаполь. Ноябрь 20 <н. ст.
1847>

Вы меня совсем позабыли, добрейший мой Аркадий Осипович. Или за то, что я до сих пор еще не благодарил вас как следует за вашу дружбу и хлопоты обо мне? Но зачем вам моя благодарность? Вы должны сами знать, что слова — дрянь, а то, что чувствуется в душе, то не выражается. Я вам ужогу потом. Вы знаете, что я весь состою из будущего, в настоящем же есмь нуль. Вот отчего я так бываю нагл в своих требованиях от друзей, забираю у них всё, занимаю в долг и не плачù! Если только бог поможет, снабдя меня небольшим здоровьем еще на несколько лет, то всё будет выплачено. Всё смекнуто, соображено, замотано на ус и зарублено на стенке. Ни одно из суждений не пропущено и критики от здравых до не совсем здравых и самых нелепых были прочитаны недаром. Словом, вижу самыми хладнокровными глазами, что дело может пойти хорошо. А бы все-таки не остав-

ляйте меня. Всякая строчка, которая показывает мне какую-нибудь сторону нашего общества, сторону [или же сторону] русского или полурусского человека, — для меня сущая драгоценность. Не могу вам даже и объяснить, как всё это меня возбуждает, как светит и подымает на деятельность дух. Жизнь ведь перед вами все-таки движется, и люди проходят какие бы то ни было. Покуда не взглядишь в них пристально, они, кажется, не сто́ят наблюдения, а как взглядишь — станет открываться с каждым днем больше и больше вещей, поражающих наблюдателя души человеческой. Не позабывайте же меня. Уведомляйте меня хотя в нескольких строчках, в каких новых видах обнаруживается ныне гадость и достоинство человека на Руси. А остальные номера и книжки журналов все-таки пришлите мне в Неаполь. Я виделся с графиней Нессельрод, которая была очень добра ко мне в Остенде и, вероятно, не откажется пособить, если бы курьеры стали отказывать<ся> брать пакеты. Впрочем, [Впрочем, в следующем году] только в этом году на вас навьючена эта комиссия. Журналы на 1848

год (если бог даст) надеюсь читать [пр<очит-
тать>] в России. В том же году надеюсь обнять
и вас самих, а до того времени остаюсь

очень вас любящий

Н. Г.

До февраля я ни в каком случае не выез-
жаю из Неаполя.

На обороте: Аркадию Осиповичу Россети.

В С. П. Бурге. У Пантелеймона. В доме Быко-
ва.

А. О. СМИРНОВОЙ
Ноября 20 <н ст. 1847>.
Неаполь

Наконец от вас письмецо, добрая моя! Благодарю вас, милый друг, за ваши молитвы и всегдашнюю память. Я очень понимаю, что если я живу на свете и всё обращается мне в добро, то, верно, это делается силою молитв людей, любящих меня. Я теперь в Неаполе, затем, что здесь мне как-то покойнее и отсюда. Я ближе к выгрузке на корабль. [Далее начато: Раньше] Думаю пуститься в феврале. Но если слишком будет бурно, что (по словам моряков) случается особенно в феврале, то отложу до весны. Прежде у меня было в мысли говеть [и] быть во время пасхи в Иерусалиме, потом побывать [и побывать] во всех местах, ознаменованных святыми событиями. Теперь ничего другого не хочется, как только поклониться в тишине святому гробу, принеся на нем благодарность за всё, со мной случившееся, [Далее было: и помолиться о благополучном возврате в Россию] испросить сил и му-

жества на свое дело и потом возвратиться прямо в Россию. Прошу вас, добрый друг, попросить всех умеющих молиться — помолиться о моем благополучном возврате. О вас я постараюсь молиться, как сумею. Но, признаюсь вам, молитвы мои так черствы! Я прежде думал, что я лучше молюсь, что я почти умею молиться временами. Но теперь вижу, что если не захочет сам тот, которому молишься, никак нельзя помолиться. Но как бы то ни было, я произнесу мои слова, как бы ни были они бессильны, как бы ни было черство на душе и как бы ни был неповоротлив ленивый, грубый язык. Я попрошу, кого встречу из умеющих. А вы успокойтесь, моя страдальица. Сложите тихо руки крестом, как младенец, и предайтесь доверчиво воле того, кто посылает вам страданье. Страданья эти только затем, чтобы выработалась получше душа ваша, и когда это совершится, они потом удалятся. Так как вас всё еще занимает (судя по письму вашему) судьба моей книги, то я вам скажу еще раз: [скажу еще раз, что] не имейте ничего противу тех, которые против нее. Говорю вам искренно, что они мои благодетели.

Без них я бы никогда не осмотрелся пристально вокруг себя, не взвесил самого себя и не созрел бы для моего труда. Ничего не бывает без смысла у бога. И я очень благодарю бога за то, что допустил явиться моей книге в свет, а с тем вместе допустил вооружиться [и вооружил] против нее. Но довольно.

Напишите мне сколько-нибудь об образе жизни своей и об образе жизни тех, которые вас окружают теперь. Хоть маленький листочек из вашего дневника! В Остенде я виделся с графиней Вьельгорской и ее дочерью, умницей Анной Михайловной. Море им помогло обоим. Там же я видел графиню Нессельрод и Мухановых. Разумеется, была речь и о вас, они вас все любят. Затем бог да хранит вас. Прощайте и пишите, адресуя в *poste restante*.

Весь ваш Н. Г.

На обороте: Kalouga. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В Калуге.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Неаполь. Декабря 2 <н. ст.
1847>

Наконец от тебя письмо. Благодарю очень за вести. В них всё мне было любопытно. Весьма жалею, если моим письмом огорчил моего доброго Сергея Тимофеевича Аксакова. Но что делать? Ты видишь, что я именно уже как бы рожден на то, чтобы огорчать тех, которые меня наиболее любят. Уговор ведь у нас был — писать всё, что ни есть на душе. Я писал, что в ней было. В письмах С<ергея> Т<имофеевича> было тоже не мало того, от которого бы другой огорчился. Но зачем же один я только не вправе огорчаться ничем, а прочие вправе огорчаться? Слово размолвка напрасно ты употребил. Храни бог от размолвки даже с людьми, менее мне близкими, чем Аксаков! Что я меньше любил Аксаковых, чем они меня, это совершенная правда, и зачем мне это скрывать? Но дело в том, что я теперь больше люблю всё то, что достойно любви, чем когда-либо прежде; стало быть, неми-

нуемо должно быть, что и любовь моя к друзьям моим стала большею, чем когда-либо прежде. Это также правда, и ее ты передай Сергею Тимофеевичу, если только он действительно на меня в неудовольствии. Но довольно об этом.

Замечание твое, что мои нервы страдают именно от климата неаполитанского, я не думаю, чтоб было справедливо; по крайней мере, я здесь чувствую себя не только лучше, чем в Германии, но даже, чем в Риме. Впрочем, попробую прожить в России. Очень был бы рад и почел бы за особенную милость божию, если б климат наш пришелся мне теперь впору. Я очень соскучился по России и жажду с нетерпением услышать вокруг себя русскую речь. А тебя прошу заблаговременно отмечать для меня на особенной записочке всё то, что, по твоему мнению, мне нужно видеть и слышать, равно как и имена всех тех людей, с которыми мне следует познакомиться. Твой слепец, о котором ты упоминаешь, должен быть для меня очень потребный человек. Мне теперь особенно будут нужны бе-

седы с теми людьми, которые могут подать мне сведения верные и близкие обо всех со-словиях вообще, и особенно низших. Пожа-луйста, не забывай также отмечать и всякие книжки, выходящие по этой части. Снегирева я получил; дивлюсь, как этого человека раз-брасывает во все стороны! По дороге он никак не может идти, но, точно с похмелья, и впра-во, и влево, повторяя несколько раз одно и то же. Нужно иметь четыре головы, чтобы его читать. Даже эту малую толику, которую он собрал в своей книге, трудно увидеть из его же книги. Летописи также получил и благода-рю очень за всё это.

На замечанье твое, что «Мертвые души» разойдутся вдруг, если явится второй том, и что все его ждут, скажу то, что это совершен-ная правда; но дело в том, что написать вто-рой <том> совсем не безделица. Если ж иным кажется это дело довольно легким, то, пожа-луй, пусть соберутся да и напишут его сами, совокупясь вместе, а я посмотрю, что из этого выйдет. Мне нужно будет очень много по-смотреть в России самолично вещей, прежде

чем приступить ко второму тому. Теперь уже стыдно будет дать промах. Ты видишь (или, по крайней мере, должен видеть более прочих), что предмет не безделица и что беда, не будучи вполне готовым и состроившимся, приняться за это дело. Сделавши это дело хорошо, можно принести им большую пользу; сделавши же дурно, можно принести вред. Если и нынешняя моя книга, «Переписка» (по мнению даже неглупых людей и приятелей моих), способна распространить ложь и безнравственность и имеет свойство увлечь, то сам посуди, во сколько раз больше я могу увлечь и распространить ложь, если выступлю на сцену с моими живыми образами. Тут ведь я буду посильнее, чем в «Переписке». Там можно было разбить меня впух и Павлову, и барону Розену, а здесь вряд ли и Павловым, и всяким прочим литературным рыцарям и наездникам будет под силу со мной потягаться. Словом, на все эти ребяческие ожидания и требования 2 тома глядеть нечего. Ведь мне же никто не хотел помочь в этом самом деле, которого ждет! Я не могу ни от кого добиться записок его жизни. Записки совре-

менника, или, лучше, воспоминанья прежней жизни, с окруженьем всех лиц, с которыми была в соприкосновении его жизнь, для меня вещь бесценная. Если б мне удалось прочесть биографию хотя двух человек, начиная с 1812 года и до сих пор, т. е. до текущего года, мне бы объяснились многие пункты, меня затрудняющие. Но довольно обо всем этом. Бог милостив, и у него всё возможно. Может быть, мне будет дано здоровье, силы и возможность не полагаться ни на кого, высмотреть всё самому.

Я еще остаюсь в Неаполе до половины февраля, а в феврале думаю сесть на корабль, хотя, признаюсь, по малодушию моему сильно боюсь моря. Я страдаю ужасно от морской болезни, а пути почти одиннадцать дней, включая туда остановки по одному дню в Мальте, Александрии и Афинах. Со мной ни души: всё, что и собиралось прежде в Иерусалим, отложило поездку. Погодин даже не отвечал мне на мой запрос: едет ли он или нет в этом году? А потому я думаю, что он не едет. Признаюсь, часто даже находит на меня мысль: за-

чем я поеду теперь в Иерусалим? Прежде я был, по крайней мере, в заблуждении насчет самого себя. Я думал, что я хоть немного лучше того, что я есть. Я думал, что я подвинулся ближе к тому делу, за которым ехал в Иерусалим, я думал, что молитвы мои что-нибудь будут значить у бога, если только помолются мои земляки, люди той же земли, чтобы значили что-нибудь мои молитвы. Теперь думаю: не будет ли оскорблением святости мой приезд и поклонение мое? Если бы богу было угодно мое путешествие, возгорелось бы в груди моей и желание сильнее, и всё бы меня тянуло туда, и не посмотрел бы я на трудности пути. Но в груди моей равнодушно и черство, и меня устрасяет мысль о затруднениях.

Вот какая мысль приходит мне часто на ум, а прежде она не приходила. Не показывай, пожалуйста, никому этой странички моего письма; покажи разве одной только старушке Над<ежде> Ник<олаевне> Шереметевой, если она будет обо мне спрашивать: она обо мне помолится в простоте сердца. Прочие

будут выводить из этого всякие заключения и умничать...

А. А. ИВАНОВУ
Декабрь 5 <н. ст. 1847>.
Неаполь

Давно уже я о вас не имею никаких, вестей, Александр Андреевич. Пожалуста, уведомляйте меня от времени до времени о себе, о том, что делается, как в вас, так и около вас. Не опасайтесь от меня жестких писем, я их теперь даже и не сумею написать, ибо вижу, [тем более, что видишь] что если и нужно кого попрекать, так это больше себя, а не другого. Я живу в Неаполе довольно уединенно и мирно, несмотря на то, что живу в трактире. Как-то лень искать квартир, и я день за днем остаюсь [живу] в Hôtel de Rome. С Софьей Петровной вижу довольно часто. Полагаю прожить здесь до половины февраля, а в половине февраля сажусь на корабль с тем, чтобы пуститься в Иерусалим, а оттуда в Россию. Если встретите кого-нибудь из моих знакомых, приехавших в Рим, которые бы пожелали со мной видеться, то скажите им, что от их воли — заглянуть в Неаполь. [Далее начато: Ес-

ли кто] Узнайте, не отправляется ли кто также в Иерусалим около этого времени; в таком случае дайте ему мой адрес. Мне очень будет приятно иметь попутчика-земляка. Передайте при сем прилагаемое письмо Моллеру и будьте бодры духом и здоровы.

Н. Г.

Адресуйте в Hôtel de Rome.

Не отправляется ли на Восток кто-нибудь из художников-архитекторов? Ему бы со мною было выгодно, притом и издержек меньше.

На обороте: Rome.

Al signore signore Alessandro Iwanoff (Russo).

Александрю Андреевичу Иванову.

Roma. Via Condotti. Caffè Greco. Vicina alla piazza di Spagna.

М. П. ПОГОДИНУ
Декабря 7 <н. ст. 1847>.
Неаполь

Что же ты, добрый мой, замолчал опять? Остановило ли тебя просто нехотенье [нежел<анье>] писать, неименье [и неименье] потребности высказывать настоящее состояние твоего духа или оскорбило тебя какое-нибудь выражение письма моего? Но мало ли чего бывает в словах наших? Мы ими беспрестанно оскорбляем друг друга, даже и не примечая того. Что нам глядеть на слова? Будем писать по-прежнему, как обещали, и станем прощать вперед всякое оскорбление. Мне очень многих случилось оскорбить на веку. Если мне не станут прощать близкие и великодушные, как же тогда простят далекие и малодушные? Чем далее, [Чем более] тем более вижу, как я много оскорбил тебя; могу сказать, что только теперь чувствую величину [всю величину] этого оскорбления, а прежде и в минуту, когда я нанес это публичное оскорбление тебе, я вовсе его не чувство-

вал, я даже думал, что я поступаю так, как следовало мне. Странное, однако ж, дело, я не чувствую, однако ж, ни стыда, ни раскаяния. Я только люблю тебя больше, именно от<то-го>, что чувствую себя неправым перед тобою, точно как бы мне теперь хочется любить только тех, кто великодушнее меня. Твердое ли убеждение в том, что нет вещи неисправимой, и гордая надежда на силы, которые подаст мне бог исправить промахи мои, — что бы то ни было, только я гляжу с каким-то бесстыдством в глаза всем тем, которых я оскорбил, а в том числе и тебе. Но довольно об этом. Пожалуста, напиши мне хоть несколько строчек о себе. [Далее начато: Пиши всё] Возьмись за перо, даже хоть и нет расположения, мне теперь очень нужны письма близких мне, вспомни, что я их долго [тем я их скоро] буду не получать, если выеду [не выеду] в дорогу. Пиши, не дожидаясь моих ответов, до самого февраля месяца. Пиши всякий раз, когда захочется тебе отвести душу или станет тяжело. Не стыдись и малодушия твоего, поведай и его, если оно найдет на тебя. Ты скажешь дело знающему человеку. Малодушнее меня,

я думаю, нет в мире человека, несмотря на то, что есть действительно [бывает иногда] способность быть великодушным. Но довольно. Жду с нетерпением о тебе известий. О себе скажу только то, что покамест здоровьем слава богу. Много, много произошло всякого рода вещей, явлений в моем внутреннем мире, и всё божьей милостью обратилось в душевное добро и в предмет созданий точно художественных, если только даст бог силы физические совершить то, что уже вызрело в душе и в уме. Я не сомневаюсь, что также и в тебе совершилось почти то же [то же, должно <быть>] или, по крайней мере, похоже<е>. Мне очень теперь хочется ехать в Россию, но замирает малодушный дух мой при одной мысли о том, какой длинный мне предстоит переезд, и всё почти морем, которого я не в силах выносить и от которого страдаю ужасно. Не ехать же в Иерусалим как-то стало даже совестно. Если нет внутреннего желанья, так сильного, как прежде, то все-таки следует хотя поблагодарить за всё случившееся, потому что случилось многое из того, что, я думал, без Иерусалима не случится: дух освежило, и

силы [силы на дело] обновились... Но прощай
до следующего письма.

Твой <Г>.

Адресуй в Неаполь, *poste restante*.

На обороте: *Moscou. Russie.*

Его высокородию Миха<и>лу Петровичу
Погодину.

В Москве. На Девичьем поле. В собствен-
ном доме.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

<Конец ноября—начало декабря н. ст. 1847>. Неаполь

Я виноват перед вами, добрый друг Надежда Николаевна. В оправданье вам ничего не могу другого сказать, кроме того, что «просто не писалось». Бывают такие времена, когда не пишется. О том, что далеко от души, говорить не хочется, о том же, что близко душе, говорить не можется, и пребываешь в молчании, сам не зная отчего. Я теперь в Неаполе; приехал сюда затем, чтобы быть отсюда ближе к отъезду в Иерусалим. Определил даже себе отъезд в феврале, и при всем том нахожусь в странном состоянии, как бы не знаю сам, еду ли я или нет. Я думал, что желанье мое ехать будет сильней и сильней с каждым днем, и я буду так полон этою мыслью, что не погляжу ни на какие трудности в пути. Вышло не так. Я малодушнее, чем я думал, меня всё страшит. Может быть, это происходит просто от нерв. Отправляться мне приходится совершенно одному; товарища и человека,

который бы поддержал меня в минуты скорби, со мною нет, и те, которые было располагали в этом году ехать, замолкли. Отправляться мне приходится во время, когда на море бывают непогоды, <a> я бываю сильно болен морскою болезнью даже и во время малейшего колебанья. Всё это часто смущает бедный дух мой и смущает, разумеется, оттого, что бессильно мое рвенье и слаба моя вера. Если бы вера моя была сильна и желанье моё жарко, я бы благодарил бога за то, что мне приходится ехать одному и что самые трудности и минуты опасные заставят меня сильнее прибегнуть к его помощи и вспомнить о нем лучше, чем как привык вспоминать о нем человек в обыкновенные и спокойные дни жизни. В последний год или, лучше, в последнюю половину года, произошло несколько перемен в душе моей. Я обсмотрелся больше на самого себя и увидел, что я еще ученик во всем, даже и в том, в чем, казалось, имел право считать себя уже выучившимся и знающим. Это меня много смирило, вооружило большей осторожностью и недоверчивостью к себе и с тем вместе как бы охладило меня и в том, в чем бы я

никогда не хотел охлаждаться. О, молитесь, мой добрый друг, чтобы росой божественной благодати оросилась моя холодная душа, чтобы твердая надежда в бога воздвигнула бы во мне всё, и я бы окреп, как мне нужно, затем, чтобы ничего не бояться, кроме бога. Молитесь, прошу вас, так крепко обо мне, как никогда не молились прежде. Я буду писать к вам еще, я хочу писать к вам теперь чаще, чем прежде. Бог да наградит вас за ваши молитвы обо мне и в сей и в будущей жизни.

Весь обязанный вам Н. Г.

М. И. ГОГОЛЬ

Неаполь. Декабрь

[фев<раль>] 12 <н. ст. 1847>

Очень давно я уже не получал от вас писем и не знаю, что с вами делается. Если вам некогда, почему же сестры не пишут? Уведомляю вас, что я остаюсь в Неаполе до февраля месяца. А в феврале думаю двинуться в путь, если бог благословит его. Дорога мне предстоит не малая, езда почти всё морем, на котором я обыкновенно страдаю сильно от морской болезни. Притом на Востоке не мало затруднений всяких, [затруднений всяких в дороге] словом — много всего того, что заставляет человека крепче помолиться. А потому прошу и вас молиться обо мне усерднее, чем когда-либо прежде, во всё то время, покуда я буду в дороге. И если я возвращусь к вам, то считайте не иначе, как великой милостью божией. Я так мало заслужил того, чтобы жизнь моя хранима была ангелами от всякого зла (по крайней мере, мне так временами кажется, в те минуты, когда гордость, всегда [всегда

почти] сопровождающая человека, отступает от него)... Как бы то ни было, но я прошу вас теперь всех молиться обо мне крепко, как только можете. На это письмо вы еще можете написать ответ. Если не будете откладывать и отправите его тот же час, то оно меня застанет еще в Неаполе. Затем бог да хранит вас всех! Обнимаю вас мысленно.

Н. Г.

На обороте: Russie. Poltava.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.

В Полтаве. Оттуда в д<еревню> Василевку.

А. В. ГОГОЛЬ

**<Около 12 декабря н. ст. 1847.
Неаполь.>**

От Шевырева ты получишь несколько книг, которые ты должна будешь прочесть вместе с племянником, потому что они собственно для него. Но я бы хотел, чтобы ты их прочитала тоже. Они могут и тебя несколько навести на то, что именно нужно знать тому, кто бы захотел бы истинно честно служить земле своей. Тебе это нужно, [не мешает это знать] чтобы уметь внушить своему племяннику желание любить Россию и желанье знать ее. Прочитай особенно книгу самого Шевырева «Чтения русской словесности». Они тебя введут глубже в этот предмет, чем племянника, потому что он еще дитя, и ты будешь [можешь] потом в силах истолковать ему многое, чего он сам не поймет. Старайся также внушить ему, что на всяком месте можно исполнять свято долг свой, и нет в мире места, которое бы можно назвать было презренным. Всякое место может быть обла-

горожено, если будет на него благородный человек. Между [Вместе с] книгами одна будет Гуфланда «О жизни человеческой», ты ее передай Ольге. Это ее книга, так же, как и прочие духовного содержания. Пожалуста, почаще экзаменуй племянника в тех науках, которые он учит в гимназии. Заставляй еще почаще изъяснять тебе, в чем именно состоит такая-то и такая наука и что в ней содержится. Проси его слушать повнимательнее преподавателей, чтобы пересказать потом тебе, уверь его, что ты многому и сама хочешь поучиться у него. Тебе это удастся, я знаю. Тогда тебе лучше откроется, что он такое и к чему именно есть у него способности. Старайся также доказать ему, что тот, кто желает учиться и быть полезным земле своей, тот сумеет научиться и у профессора не очень умного, а кто не имеет этого желанья, тот не научится ничему и у наиумнейшего учителя. Чтобы он не научился не радеть и о самой науке из-за того только, что учитель не совсем хорош. Но чтобы чувствовал, что тогда еще больше нужно работать самому, когда учитель не так хорош. Но довольно. Напиши обо всем, что тебе при-

дет в ум по поводу этого письма.

На обороте: Сестре Анне Васильевне Го-
голь.

**М. А.
КОНСТАНТИНОВСКОМУ
Неаполь. Декабря 12 <н. ст.
1847>**

При этом письмеце вы получите, почтеннейший и добрейший Матвей Александрович, 100 рублей серебром. Половину этих денег прошу вас убедительно раздать бедным, то есть беднейшим, какие вам встретятся, прося их, чтобы помолились они о здорovyи душевном и телесном того, который от искреннего желания помочь дал им эти деньги. Другую же половину, то есть остальные 50 рублей, разделить надвое: 25 рублей назначено на три молебна о моем путешествии и благополучном возвращении в Россию, которые умоляю вас отслужить в продолжение великого поста и после пасхи, как вам удобнее. 25 рублей остальные оставьте покуда у себя, издерживая из них только на те письма, которые вы писали или будете писать ко мне, равно как и те, которые получаете от меня и будете получать. Я вас ввел в издержки, потому

что уже такое постановление: с тех не берут за письма, которые находятся за границей, за всё платят вдвойне те, которые остаются в России. Оттого и упала на вас одного тягость. [тягость издержания] Еще раз прошу вас помолиться о благополучном путешествии моем и возвращении на родину, в Россию, в благодатном и угодном богу состояньи душевном.

От всей души признательный вам за молитвы и добрые советы

Николай Гоголь.

Если вам придет добрая мысль написать ко мне, то адресуйте в Неаполь, *poste restante*, Николаю Васильевичу Гоголю. Я еще до февраля остаюсь.

П. А. ПЛЕТНЕВУ
Неаполь. Декабря 12 <н. ст.
1847>

Я думал, что по приезде в Неаполь найду от тебя письмо. Но вот уже скоро два месяца минет, как я здесь, а от тебя ни строчки, ни словечка. Что с тобой? Пожалуста, не томи меня молчаньем и откликнись. Мне теперь так нужны письма близких, самых близких друзей! Если я не получу до времени моего отъезда от тебя письма и дружеского напутствия в дорогу, мне будет очень грустно: предстоящая дорога не легка. Я стражду сильно, когда бываю на море, а моря мне придется [придется дела<ть>] много. Я один; со мной нет никого, кто бы поддержал меня в пути в мои малодушные минуты, равно как и в минуты бессилья моего телесного. Если даже и письменного ободренья не пошлет мне близкая душа [не даст мне близкий друг мой] — это будет жестоко. Ради бога, не медли и напиши не один раз, но [а даже] два и три. Если, даст бог, мы увидимся [Далее начато: тогда

уже не нужны б<удут>] в наступающем 1848 году, [в нынешнем наступающем году] — поблагодарю за всё лично. До февраля я буду еще здесь. Адресуй в Неаполь, [просто в Неаполь] *poste restante*. А с тех же пор, то есть от половины февраля нового штиля, адресуй в Константинополь, на имя нашего посланника Титова. Денег посылать не нужно. Если не обойдусь с своими, то могу в Константинополе прибегнуть к займу. [Далее начато: Посылаю] Свидетельством о жизни, при сем прилагаемым, вытребуй следуемые мне деньги в сто (100) рублей серебром отправь в скорейшем, как можно, времени в город Ржев (Тверской губернии) тамошнему протоиерею Матвею Александровичу для передачи кому следует, присоединив при сем прилагаемое письмо, а остальные присовокупи к прежним. Будь здоров и, ради бога, напиши ответ.

Весь твой Г.

На обороте: St. Pétersbourg. Russie.

Ректору императорск<ого> СПб. универси-

тата, его превосходительству Петру Александровичу Плетневу.

В СПбурге. В университете, на Васильевском острове.

А. А. ИВАНОВУ

**Неаполь. Декабр<я> 14 <н. ст.
1847>**

Благодарю вас за письмецо, несмотря на то, что в нем и немного говорите о себе самом. Бодритесь, крепитесь! Вот всё, что должен говорить на этой страждущей земле человек человеку! А потому, вероятно, и я сказал бы вам эти же самые слова, если бы вы что-нибудь написали о вашем состояньи душевном. Итак, вы правы, что умолчали. Софья Петровна с братом своим графом Александром Петровичем хотят в конце февраля быть к вам в Рим и, без сомнения, вас утешат и успокоят, сколько смогут. Но помните, что ни на кого в мире нельзя возлагать надежды тому, у кого особенная дорога и путь, не похожий на путь других людей. Совершенно понять ваше положение никто не может, а потому и совершенно помочь вам никто не может в мире. Как вы до сих пор не можете понять хорошенько, что вам без бога — ни до порога, что и вставая, и ложась вы должны молиться, чтобы

день ваш и наступил и прошел благополучно, без [и без] помехи, чтобы бог дал вам сил, даже если и случится помешательство, не возмутиться оттого. Но довольно об этом. Поговорим о прочем в вашем письме. Герцена я не знаю, но слышал, что он благородный и умный человек, хотя, говорят, чересчур верит в благодатность нынешних европейских прогрессов и потому враг всякой русской старины и коренных обычаев. Напишите мне, каким он показался вам, что он делает в Риме, что говорит об искусствах и какого мнения о нынешнем политическом и гражданском состоянии Рима, о чивиках и о прочем. Я не знал, что вы не читали моего письма о вас. Я думал, что вы прочли всю мою книгу у Софьи Петровны в Неаполе. Если вы любопытны знать его, то посылаю его при сем, выдравши из книги. А книгу привезет вам Софья Петровна. Я не знаю, сделало ли мое письмо что-нибудь в вашу пользу, но, по крайней мере, в то время, когда я его писал, я был уверен, [точно уверен] что оно у вас нужно. Но прощайте! Уведомьте меня, сделали ли вы что-нибудь относительно тога почталиона, о котором я

вас просил в Риме перед выездом моим.

Н. Г.

На обороте: Roma. Italia.

Al signore signore Alessandro Iwanoff (Russo).

Александр<у> Андреев<ичу> Ивано<ву>.

Roma. Via Condotti. Caffè Greco. Vicina <al> la
piazza di Spagna.

А. В. ГОГОЛЬ

<Между 12 и 18 декабря н. ст.
1847. Неаполь.>

На письмо твое, сестра Анна Васильевна, я не отвечал, хотя был им доволен. Насчет племянника нашего скажу тебе, что мне показалось, будто в нем ни к чему нет особенной охоты. Я его совсем не спрашивал о том, в какую он хочет службу. Он — дитя и не может еще и знать даже, что такое служба, я думал [хотел] только, не вырвется ли как-нибудь в словах его любовь и охота к какому-нибудь [к чем<у-нибудь>] близкому делу, которое под рукой и о котором мальчик в его лета может иметь понятие. Но мысль [Но заговорить] о дипломатии ни к чему не показывает наклонности. [Далее начато: Это просто] Там большею частью праздные места и должности без занятий, куда назначаются только богатые и знатные люди, да и при том мало одного француз<ского> языка. [хотя при всем том с языком] Нужно их знать много. Стало быть об этом нечего и думать. А ты внуши

ему, по крайней мере, желанье читать побольше исторических книг и желанье узнать собственную землю, [в то же время Россию] географию России, историю России, путешествия по России. Пусть он спрашивает и узнает про всякое сословие в России, начиная с собственной губернии и уезда: что такое крестьяне, [крестьяне помещичьи] на каких они условиях, сколько работают в этом месте, сколько в другом, какими работами занимаются. Что такое купцы и чем торгуют, что производит такой-то уезд [что производит такой-то уезд и что другой] или губерния и чем промышляют в другом месте. Словом, нужно, чтобы в нем пробудилось желанье узнавать быт людей, населяющих Россию. С этими познаниями он может сделаться потом хорошим чиновником и нужным человеком государству. Ты можешь слегка приучать его к этому даже в деревне Васильевке. Например, в первую ярманку, какая случится у вас, вели ему высмотреть [всю высмотреть] хорошенько, каких товаров больше и каких меньше, и записать это на бумажке, скажи, что это для меня. [хоть, положим, для меня] Потом

пусть запишет, откуда и с каких мест больше привезли товаров и чьи люди больше торгуют и больше привозят. Это заставит его и переспросить, и поразговориться со многими торговцами. А потом может таким образом и в Полтаве замечать многое. Нужно, чтобы он не пропускал ничего без наблюдательности. Если в нем пробудится наблюдательность всего, что ни окружает, тогда из него выйдет человек, без этого же свойства он будет кругом ничто. [Далее начато: Замечу тебе еще] Вот всё, что почитаю нужным передать тебе по предмету племянника. Теперь о тебе самой лично. Мне кажется, что тебе как старшей сестре следовало бы кое-что заметить и смекнуть относительно, например, расходов, которые присылает мне Лиза. [из счетов, например, о приходах и расходах, которым счета присылает мне Лиза.] Я не буду давать тут своих советов. Но замечу однако ж, что есть люди, которые никак не в силах удержать у себя денег, хотя и не тратят их попустому; если у них в кассе завелась копейка, уже они беспокойны и думают, как бы пристроить [уже беспокойны, куды бы пристроить] по-

скорее эту копейку. Триста рублей у них будет, например, в этот месяц в приходе — все триста издержат до последней копейки. Тысяча рублей будет в приходе вся тысяча также издержится. Как иногда не подумать: [не взять, например, в соображен<ие>] ну да если бы не тысяча, а триста рублей только я получила в этом месяце, ведь я бы была без целых семисот рублей, стало быть эти семьсот могут быть и не издержаны, [ост<анутся>] хотя, конечно, я лишусь многих нужных вещей. Мне, например (я говорю о себе), если приходится уплочивать большую сумму в конце года, я употребляю уже все силы, чтобы во всяком месяце от расхода было в остатке хотя четверть прихода, и этих денег [и уж этих денег] ни за что не трачу, хоть будь наинужнейшая вещь. Но у вас тоже как только явятся деньги, сейчас давай думать, куда бы их тот же час пристроить. Никто никак не вытерпит, чтобы они просто полежали. Я, например, послал маминьке и сказал, чтобы тысячу из этих денег отложить на уплату податей. Маминька давай думать тот же час, куды бы деть эти деньги, и придумала их наместо уплаты пода-

тей на церковь. Новая экстренная и непредвиденная издержка! Давай сделать каменный пол в церкви. Эти вещи хорошо делать уже тогда, <когда> необходимейшее сделано. О церкви, конечно, прежде всего следует подумать, но о каменном ли помосте [поле] речь? Прихожане могут помолиться и на деревянном. Вопрос, как они молятся и умеют ли молиться, об этом прежде следует хлопотать. Помощь бедному — другое дело. Иоанн Златоуст велит для этого продавать даже и утвари церковные. Упоминаю об этом для того, чтобы показать тебе делом, как часто [много] случается вам издерживать на то, на что уже можно только потом издерживаться, когда уже самое необходимейшее сделано. Например, вас три хозяйки в доме и с маминькой четыре. И вы, уже не говоря о том, что не в силах управиться одни в имении, в котором не больше двухсот душ, вы не в силах управиться в собственном дворе и доме. Нужно [Нужно еще] было нанимать домоводку и платить ей триста пятьдесят рублей в год. Это не бездельная сумма. [Далее начато: [Я помню, что] Эта сумма] Подобная сумма в мое время платилась

только управителю, который целый <день> был в поле и таскался при работах с мужиками, да и от этой суммы охала васильевская экономия. Как же в самом деле так жить? Поступая в таком смысле и духе, вечно будешь в нужде, хотя бы я вдвое получал больше денег. Пожалуста, не принимай это за упрек, но обдумай сама хорошенько иобрази. Не забывай, что маминька тебя любит, что ты можешь иметь на нее влияние и можешь остановить от иного. Скажи Ольге, что я к ней буду писать и пришлю ей несколько денег на раздачу бедным и на отслуженье нескольких молебней о моем благополучном путешествии и возвращении в Россию. Затем прощай, обнимаю тебя.

Твой брат.

На обороте: Сестре Анне Васильевне.

С. П. ШЕВЫРЕВУ
Декабря 18 <н. ст. 1847>.
Неаполь

Письмо мое от 2 декабря ты уже, без сомнен<ия>, получил. Хочется еще поговорить с тобой. Я прочел вторую книжку твоих лекций. Она еще значительней первой, это ты чувствуешь, вероятно, и сам. В ней ощутительней и ближе показывается читателю дело. Но и в ней проглядывает поспешность поделиться с читателем всем, даже и тем, что еще для самого себя видится несколько в отдаленной перспективе — общий порок всех, идущих вперед людей! Что для себя еще перспектива, пусть и останется в себе. Говорить нужно только о том, к чему уже пришел совершенно. Увы! я узнал это на опыте. Еще, мне кажется, не нужно читателю говорить [показывать] вперед о всей огромности того горизонта, который намерен захватить своєю книгою. Лучше высказать ему словесно скромнейшее и более частное намерение, а книга пусть ему сама собой обнаружит этот

горизонт. [горизонт, больший того, который он ожидал] Мне кажется, можно было не говорить вперед: «Я хочу показать всего русского человека в литературе», разве прибавивши: «насколько он в ней выразился». А, вместо того, просто раскрыть своей книгой действительно всего русского человека, как ты, вероятно, и сделаешь, но что не всякий может покуда смекнуть даже из тех, кому нравится твоя книга. Ты не можешь себе представить, как сердит всякого человека, не дошедшего до нашей точки зрения, похвальба открыть то, что ему еще не открыто и чье существование, разумеется, он должен отвергать, как несбыточное. Его бесит это, как бесит ложь, [потому, как ложь] проповедываемая с видом истины, и бесит еще более, когда он видит, как увлекаются другие. Увы! весь неуспех доброго дела от нас, и всему виноваты мы сами. Как трудно умерить себя! Как трудно сделать так, чтобы в твореньи нашем дело выступало само и говорило собою, а не слова наши говорили о деле! Как трудно также уберечься от этих двух-трех выходов, которые проскользнут где-нибудь в книге, на

которые упершись, читатель уже подымает войну противу всей книги! А человек так всегда готов, выражаясь не совсем опрятной поговоркой: «рассердясь на вши, да всю шубу в печь!» Мне особенно понравилось, что ты развил в своей книге мысль о безличности наших первоначальных писателей, умевших всегда позабыть о себе. По прочтении твоей книги передо мною обнаружилось еще более мое собственное безрассудство в моей «Переписке с друз<ьями>». [Это было между прочим причиною того, что передо мною обнаружилось еще более мое собственное безрассудство, которое я так ярко обнаружил в моей книге.] Я уже давно питал мысль — выставить на вид свою личность. Я думал, что если не пощажу самого себя и выставлю на вид все человеческие свои слабости и пороки и процесс, каким образом я их побеждал в себе и избавлялся от них, [Я думал, что я <...>] то этим придам духу другому не пощадить также самого себя. Я совершенно упустил из виду то, что это имело бы успех только в таком случае, если бы я сам был похож на других людей, то есть на большинство других

людей. Но выставить себя в образец человеку, не похожому на других, оригинальному уже вследствие оригинальных даров и способностей, ему данных, это невозможно даже и тогда, если бы такой человек и действительно почувствовал возможность [возможность на всяком <поприще>] достигать [исполнять] того, как быть на всяком поприще тем, чем повелел быть человеку сам богочеловек. Я спутал и сбил всех. Поэтические движения, впрочем, сродные всем поэтам, все-таки прорвались и показались в виде чудовищной гордости, несовместимой никак с тем смиреньем, которое отыскивал читатель на другой странице, и ни один человек не стал на ту надлежащую точку, с которой следовало глядеть на эту загадочную книгу. Гляжу на всё, дивлюсь до сих пор и думаю только о том, каким бы образом я мог прийти в мое нынешнее состояние без этой публичной оплеухи, которою я попотчевал самого себя в виду всего русского царства. Только теперь чувствую силу того, что говоришь в книге твоей [Только теперь, вследствие всего этого события, я могу почувствовать во всей силе всю необходимость то-

го, что проповедует твоя книга, скрыть] о личности писателя. Прежде я бы не понял и долго бы из-за моих героев [Прежде я бы не понял этого, как следует, и долго бы в моих героях] показывал бы непережеванного себя, не замечая и сам того. Напиши мне, пожалуйста, как идет в продаже твоя книга и сколько экземпляров [экземпляров ее] было напечатано. Затем к тебе просьба вот такая. Пошли из моих денег, выручаемых за «Мер<твые> души», сто рублей ассигнациями, при следуемом здесь письмеце, сестре Ольге, если можно, не откладывая времени. А на другие сто рублей ассигнациями накупи книг такого рода, которые могли бы отрока, [юношу] вступающего в юношеский возраст, познакомить сколько-нибудь с Россией (отрока лет тринадцати), как-то: путешествия по России, история России и все такие книги, которые без скуки могут познакомить собственно со статистикой России и бытом в ней живущего народа, всех сословий. Я не знаю и не могу теперь припомнить, что у нас выходило хорошего по этой части. Но нельзя, чтобы не вышло чего-нибудь в последние года, где бы посуществен-

ней и поближе показывалось внутреннее состояние государства [Далее начато: [и которое бы при этом] Другое условие, чтобы книги] и что могло бы легко и с интересом читаться детьми. [юношеством и детьми] Начни тем, что купи у самого себя лекции русской литературы, вышедшие доселе выпуски, и записки твоего путешествия, если только они выйдут (я жду их [я жду их читать] с большим аппетитом: мне кажется, что эта книга будет больше для меня, чем для всякого другого). [другого русского] Купивши все такие книги, уложи их в ящик и отправь в Полтаву на имя сестры моей Анны. [Дальше было: которой также прилагаю при сем письмецо] Прости, что обременяю тебя такими скучными хлопотами и пользуюсь безгранично твоей добротой. У меня есть племянник, почти брошенный мальчик, которому получить воспитанья блестящего не удастся, но если в нем чтеньем этих книг возбудится желанье любить и знать Россию, то это всё, что я желаю; это, по моему, лучше, чем если бы он знал языки и всякие науки. Об участи его я тогда не буду заботиться: он, верно, и сам пойдет своей доро-

гой и будет добрым служакой где-нибудь в незаметном уголку государства. А этого и предовольно для русского гражданина. Всё прочее может поселить только заносчивость в бедном человеке. Присоедини [Присоедини еще] к этому русский перевод Гуфланда о сохранении жизни. Он существует. Поручи книгопродавцам его отыскать. У меня есть одна сестра, которая воспиталась сама собою в глуши. Языка иностранного не знает. Но бог наградил ее чудным даром лечить и тело, и душу человека. С семнадцатилетнего возраста она отдала себя всю богу и бедным и умерла для всего другого в жизни. Она лечит с необыкновенным успехом всякими травами, которых целебные свойства открыла сама, [она сама] и часто молит бога, чтобы заболеть, [заболеть самой] затем, чтобы испытать на себе самой новые придуманные ею средства. [свойства] Читать ей медицинских книг не следует; пусть ее ведет натура. Но ей нужна такая книга, которая бы дала ей ближайшее понятие вообще о природе человека, как в нем движется кровь, как переваривается пища, и прочее. Пожалуста, спроси какого-ни-

будь умного врача, нет ли у нас на русском такой книги, которая бы могла быть по этой части доступна простолюдину, а не какому-нибудь ученому и воспитанному человеку, в которой была бы полная и коротенькая, понятная самому дитяти анатомия человека. Если что найдется по этой части, то, пожалуйста, приложи к посылке, надписавши на книге: «Ольге Васильевне», чтобы она не замешалась с другими. Еще пошли ей же лучшее, какое у нас вышло, изъяснение литургии. Ты, верно, это знаешь. Не сердись на меня, мой добрый, за мои просьбы. Не забывай меня, пиши, пиши, как можно чаще. Ради бога, пиши.

Твой Г.

При сем следует также письмецо к Серг<ею> Т<имофеевичу> Аксакову. Хотя я уверен, что неудовольствие его на меня прошло, но тем не менее пусть он из этих строк увидит, что совсем не нужно давать серьезно-го, строгого толкования многим нашим словам, которые вырываются весьма часто без расчета и намерения.

Адрес мой просто: в Неаполь, poste restante.

Если хватит денег, то, пожалуйста, присокупи к книгам новую, недавно вышедшую книгу [новую какую-то книгу] Иннокентия, в которой, говорят, очень хорошие поучительные слова, и книгу «Новая скрижаль» [В подлиннике: скрыжаль] преосв<ященного> Вениамина. На всех таковых книгах надпиши: «Ольге Васил<ьевне> Гоголь». А весь ящик адресуй Анне Васильев<не>. Письмо же с деньгами на имя Ольги Вас<ильевны> прошу тебя отправить вперед и, если можно, не медля.

На обороте: Moscou. Russie.

Профессору императорск<ого> Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

В Москве. Близ Тверской. В Дегтярном переулке.

В собственн<ом> доме.

С. Т. АКСАКОВУ
<18 декабря н. ст. 1847.
Неаполь.>

Шевырев мне пишет, что в моем письме к вам было что-то для вас огорчительное, так что он даже не хотел его вам показывать, опасаясь им расстроить вас. Правда ли это, любезный друг мой? Ведь мы обещали писать друг другу все чувства и ощущения, как они есть, не скрывая ничего, хотя бы в них было и неприятное для нас. Если в письме моем нашлось кое-что занозистое и колкое, то это [это в сво<ем>] ничуть не дурно. Это новые горячие вещества, подкладываемые в костер дружбы, который [который бы] без того пламенел бы лениво и вяло, что всегда почти бывает, если друзья живут вдали друг от друга. Рассудите сами, что за соус, если не поддадут к нему лучку, уксусу и даже самого перцу, — выйдет [это выйдет] пресное молоко. В письме моем к вам я сказал [между прочим, я сказал] сущую правду: я вас любил, точно, гораздо меньше, чем вы меня любили. Я был в со-

стоянии всегда (сколько мне кажется) любить всех вообще, потому что я не был способен ни к кому питать ненависти. [к ненависти я не был способен] Но любить кого-либо особенно, предпочтительно я мог только из интереса. Если кто-нибудь доставил мне существенную пользу и чрез него обогатилась моя голова, если он натолкнул меня на новые наблюдения или над ним самим, над его собственной душой, или над другими людьми, словом, если чрез него как-нибудь раздвинулись мои познания, я уже того человека люблю, хоть будь он и меньше достоин любви, чем другой, хоть он и меньше меня любит. Что ж делать? вы видите, какое творенье человек, у него прежде всего свой собственный интерес. Почему знать? может быть, я и вас полюбил бы несравненно больше, если бы вы сделали что-нибудь собственно для головы моей, положим, хоть бы написаньем записок жизни вашей, которые бы мне напоминали, каких людей следует не пропустить в моем творении и каким чертам русского характера не дать умереть в народной памяти. Но вы в этом роде ничего не сделали для меня. Что ж делать,

если я не полюбил вас так, как следовало бы полюбить вас! Кто же из нас властен над собою? и кто умеет принудить себя к чему бы то ни было? [к чему-нибудь насильно] Мне кажется, что я теперь все-таки люблю вас больше, [побольше] нежели прежде, но это потому только, что любовь моя ко всем вообще увеличилась: она должна была увеличиться, потому что это любовь во Христе. Так я уверен. А на самом деле, может быть, и это ложь, и я ничуть не умею любить лучше, чем прежде. Поэты лгут иногда [часто] невинным образом, обманывая сами себя. Рожденные понимать многое, постигать мыслию красоту чувств и высокие явления в душе человеческой, они часто думают, [обманываются и думают] что уже вмещают в самих себе то, что могут только несколько оценить и с некоторой живостью выставить на глаза другим, и величаются чужим, как своим собственным добром. Напишите мне что-нибудь. Письмо ваше еще застанет меня в Неаполе. Пожалуста, не смотрите на то, если какая колкость слетит с пера. Что толку в пресном молоке!

Весь ваш Г.

На обороте: Сергею Тимофеевичу Аксакову.

О. В. ГОГОЛЬ
<18 декабря н. ст. 1847.
Неаполь.>

Я от тебя тоже давно не имею писем, любезная сестра моя Ольга. Отчего ты не пишешь? Ты не должна глядеть на других и брать с них пример, ты должна всегда писать ко мне. Посылаю тебе 100 рублей ассигнациями; половина из них, то есть 50 рублей, на раздачу бедным, а другая половина на отправленье в разных местах (где получше молятся) молебней о моем благополучном возвращении в Россию в здравьи и в состояньи духа, угодном богу. Молись и ты обо мне покрепче. В Москве я поручил выслать несколько книг сестре Анне, между ними будет одна о сохранении жизни человека Гуфланда. [Далее начато: и еще две или три духовного со<держания>] Эта книга полезна [будет полезна] тебе тем, что познакомит тебя лучше с натурой человека, что тебе очень нужно знать в таких случаях, когда придется лечить человека. [Далее начато: Я послал] Затем об-

нимаю тебя и жду обстоятельного уведомления о получен<ии> всего этого.

Твой брат.

Я просил также Шевырева прислать тебе две-три книги духовного содержания. А пока да рекомендую также и тебе прочесть книгу самого Шевырева «Чтения русской словесности». Это очень важная и полезная книга, написанная человеком истинно верующим и любящим бога.

На обороте: Ее высокоблагородию Ольге Васильевне Гоголь.

В Полтаву. А оттуда в село Васильевку.

А. А. ИВАНОВУ

**Неаполь. Декабр<я> 28 <н. ст.
1847>**

Очень рад, что мое письмо о вас показалось вам удовлетворительным. Великодушью Софьи Петровны не удивляйтесь: я вырвал его из собственного экземпляра. Вы получите [его получите] целиком и всю книгу, которою можете даже и подтереться. Нападенья на книгу мою отчасти справедливы. Я ее выпустил весьма скоро после моего болезненного состояния, когда ни нервы, ни голова не пришли еще в надлежащий порядок. Я поторопился точно таким же образом, как любите торопиться вы, и впутался в дела [в постор<онние> дела] прежде, чем показал на это право свое. Нужно было не соваться прежде, чем не сделаешь свое собственное дело, и копаться около него, закрывши глаза на всё, по пословице: «Знай, сверчок, свой шесток»! Этой поспешностью я даже повредил многому тому, что хотелось защитить. Книгу вашу я отдал Колонне. Странная судьба бедного

почтальона. Жаль, что вы не пишете, пострадал ли он или нет, то есть выгнан на улицу или есть у него какой-нибудь угол. Я на всякий случай написал письменное изъяснение, при сем прилагаемое, которое прошу вас вручить начальству, если только с него требуют и взыскивают убытки, а он невинен. Если он, точно, беден и ему действительно нечем жить, то возьмите у Моллера из моих денег 100 франков. Из них дайте себе два наполеона, а остальные 60 дайте ему, но в виде скуд, римскою монетою. Напрасно вы дали ему [Охота же вам была давать] наполеонами. Серебром, может быть, он бы не потерял. Скажите Моллеру, чтобы остальные 600 он хранил у себя до моего свиданья с ним. Если ж так случится, что меня где-нибудь на моем странствии настигнет смерть, что всё от божьей воли, то эти деньги пусть остаются в запас на помочь такому из русских художников, которому придется слишком круто и решительно будет неоткуда взять денег. Скажите также Моллеру, что я пред ним виноват: порученности его не исполнил. Впрочем, я буду к нему на днях писать. Каковы нынешние

ваши обстоятельства — смущенья и заботы, я этого не знаю, но, вероятно, к смущенья и заботы [они у вас] в изобилии, как у всякого очень чувствительного человека. Во всяком случае, скажу вам то, что говорю самому себе, что осталось в результате от всей моей опытности и мудрости, какие только пребывают [находятся] в моей бедной голове!

Работая свое дело, нужно твердо помнить, для кого его работаешь, имея беспрестанно в виду того, кто заказал нам работу. Работаете вы, например, для земли своей, для вознесенья искусства, необходимого для просвещения человека, но работаете потому только, что так приказал вам тот, кто дал вам все орудия для работы. Стало быть, заказыватель бог, а не кто другой. А потому его одного следует знать. Помешает ли кто-нибудь — это не моя вина, я этим не должен смущаться, если только действительно другой помешал, а не я сам себе помешал. Мне нет дела до того, кончу ли я свою картину или смерть меня застигнет на самом труде; я должен до последней минуты своей работать, не сделавши никакого упущения.

нья с своей собственной стороны. Если бы моя картина погибла или сгорела пред моими глазами, я должен быть так же покоен, как если бы она существовала, потому что я не зевал, я трудился. [Далее начато: Мое же] Хозяин, заказавший это, видел. Он допустил, что она сгорела. Это его воля. Он лучше меня знает, что [что кому] и для чего нужно. Только мысля таким образом, мне кажется, можно остаться покойным среди всего. Кто же не может таким образом мыслить, в том, значит, еще много есть тщеславия, самолюбия, желанья временной славы и земных суетных помышлений. И никакими средствами, покровительствами, защищениями не спасет он себя от беспокойства.

Вот весь итог посильных наблюдений, [моих наблюдений] опытности и мудрости, какие только я мог вывести [какие только во мне пребывают] из своей жизни. Передаю его вам в виде подарка на новый наступающий <год> и душевно желаю вам всякого добра.

Ваш Н. Г.

Поклонитесь от меня Бейне и расспросите его, как он ехал из Байрута в Яффу, а из Яффы в Иерусалим. Во сколько дней? С [и с] какими удобствами и неудобствами? Попросите его, чтобы он написал небольшую об этом записочку. Это будет лучше.

Всего лучше, если увидите почтальона, отправьте его прежде всего к Иордану, который умеет расспрашивать. Пусть он узнает все его обстоятельства. И если окажется, что почтальон просто дурак и сам виноват, то лучше дать деньги или матери, или тому, кто его кормит.

На обороте: Roma. Italia.

Al signore signore Alessandro Iwanoff (Russo).

Александрю Андреевичу Иванову.

Roma. Caffè Greco nella via Condotti. Vicina
<al>la piazza di Spagna.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ
<Конец декабря н. ст. 1847.
Неаполь.>

Благодарю вас, мой добрый друг, за письмо-вздо ваше. Слова ваши и утешения такого рода, что я должен повторять их в себе ежечасно и ежеминутно. Молитесь же богу о том, да совершается во мне святая воля его, да с терпением, кротостью и послушаньем выношу всё, что угодно ему ниспослать, в несокрушимой и твердой вере, что только одним таким путем могу достигнуть к той цели, к которой им же повелено мне стремиться. Молитесь богу, да воспламенится дух мой весь к нему любовью безграничной, всепоглощающей, всеумиряющей и побеждающей всё, что бывает трудно победить, и да пребудет бог милостив и внимателен вечно и к вам и к вашим молитвам.

Поздравляю вас с наступающим годом. Молюсь о вас, да награждены вы будете в нем высокими внутренними наслаждениями. По-

молитесь и обо мне, да награжден я буду в нем также высокими внутренними наслажде<ниями> во славу Божию и в спасение душ, как других, так и моей собственной.

Весь ваш Г.

На обороте: Надежде Николаевне Шереметевой.

**Т. Ф. СЕРЕДИНСКОМУ
<Зима 1846–1847 или
1847–1848 гг. Неаполь.>**

Я не помню, сказал ли я вам, что молебен должен быть вместе с обедней. На всякий случай лучше вас побеспокою об этом сею запиской, прося убедительно, если для вас всё равно, начать обедню пораньше, именно в 10 часов с четвертью.

Весь ваш Н. Гоголь.

На обороте: Милостивому государю Тарасию Федоровичу Серединскому.